З. Н. ЛАКОБА

АБХАЗСКИЕ

АРХАИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ

о Сасрыкуа и Абрскиле

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ

АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ИМ. Д.И.ГУЛИА

З. Д. ДЖАПУА

АБХАЗСКИЕ АРХАИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ О САСРЫКУА И АБРЫСКИЛЕ

(Систематика и интерпретация текстов в сопоставлении с кавказским эпическим творчеством. Тексты, переводы, комментарии)

Издательство «Алашара»
СУХУМ 2003

ББК 82.3(5 Абх.)
Д 40

Ответственные редакторы:
д. филол.н., чл.-корр. РАН **В. М. Гацак**
д. филол. н., академик АНА **Ш. Х. Салакая**

Рецензент:
к. филол. н. **Р. А. Хашба**

82.3 (5 Абх.)

Джапуа З. Д.

Д 40 Абхазские архаические сказания о Сасрыкуа и Абрыскиле (Систематика и интерпретация текстов в сопоставлении с кавказским эпическим творчеством. Тексты, переводы, комментарии). – Сухум: Издательство «Алашара», 2003. – 375 с.

Книга посвящена памятникам, относящимся к самым древним пластам устной эпической традиции – абхазским сказаниям о Сасрыкуа и Абрыскиле.

В первой (исследовательской) части работы систематизируются эпические тексты, реконструируется семантика ряда сюжетов, мотивов и эпизодов на основе фольклорных и обрядово-мифологических данных кавказских и других культур. Во второй (текстовой) части даются сказания о Сасрыкуа и Абрыскиле на языке оригинала и в адекватном переводе на русский язык, которые отобраны и систематизированы в определенной научной последовательности. Тексты и переводы даются с научными комментариями и словарем.

Книга предназначена для фольклористов, исследователей эпической архаики абхазов и всех, интересующихся древней культурой народов Кавказа.

Книга издана при финансовой поддержке Сухумского отделения Фонда Сороса по программе «Наука».

© З. Д .Джапуа, 2003

Абхазским сказителям
с благодарностью посвящаю

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга посвящена изучению самого древнего пласта героико-архаической эпической традиции абхазов – сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле, которые, тая в себе немало пока еще не раскрытых мифологических констант, и поныне сохраняют живое бытование. Об особой популярности и величавости этих героев свидетельствует не только устная память, но и большое число художественных произведений, так или иначе связанных с монументальными фигурами богатырей, которые принадлежат разным устным эпическим памятникам.

Сасрыкуа – центральный персонаж абхазо-адыгского нартского эпоса, представляющий собой «весьма архаический тип эпического героя, генетически восходящий к культурному герою» [Мелетинский, 1963, с. 183]. Также и в других национальных версиях нартского эпоса образ Сасрыкуа занимает важное место, однако в роли центральных героев в них выдвигаются другие персонажи: Урызмаг и Батраз – в осетинских нартских сказаниях, Ёрюзмек – в балкаро-карачаевских сказаниях. Правда, одни ученые считают, что Сасрыкуа (Сосруко/ Сослан/ Созырыко/ Сосурук/ Соска Солса) – «самый значительный и самый популярный на всем Северном Кавказе» [Дюмезиль, 1990, с. 72], «один из основных персонажей аланской Нартиады» [Гуриев, 1999, с. 52], что «цикл Сослана-Созырыко ни по количеству сюжетов, ни по наличию в нем общенартовских параллелей не отличается существенным образом от цикла Батраза» [Гаглойти, 2000, с. 22].

Абрыскил складывает отдельный эпос, который относится к кругу кавказских преданий прометеевского цикла и среди них представляет «особый интерес» и имеет «весьма древние черты» [Мелетинский, 1963, с. 213, 215].

Исследование покажет, что аналитическое изучение и научная публикация эпических сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле в одной цельной монографии вполне соответствует типологической, тематической, возможно, и генетической взаимосвязи данных образов. Отсю-

да можно сказать, что замысел книги вытекает из самого характера и сути архаического эпического повествования абхазов.

Надо отметить, что на протяжении XX столетия записано и опубликовано значительное количество текстов абхазских эпических сказаний, также появилось немало исследований по их изучению (краткому обозрению этого вопроса посвящено введение к первой части данной книги). Однако существующие публикации и разработки в малой степени затрагивают проблемы текстологии, более достоверной систематики текстов, конкретной научной интерпретации каждого сюжета и сюжетной версии эпических циклов сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле, а специальные работы на данную тему в таком охвате и исследовательском осмыслении в абхазской фольклористике до сих пор не предпринимались. Этим и обусловлена необходимость аналитического изучения абхазских эпических сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле в систематическом и обрядово-мифологическом аспектах, являющихся исключительно важными и актуальными в современном эпосоведении и фольклористике в целом.

Настоящая книга состоит из двух частей. Первая (исследовательская) часть представляет собой текстологическое и системно-аналитическое изучение сюжетно-тематического состава и опыт реконструкции архаической семантики образов, сюжетов, мотивов и эпизодов эпических сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле. Выбрав такие аспекты объектом исследования, автор поставил перед собой следующие задачи: 1) провести текстологическую работу по выявлению и сбору аудио-видеозаписей, рукописных текстов и опубликованных материалов многочисленных вариантов абхазских эпических сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле; 2) составить хронологический Указатель записей сказаний, содержащий основной корпус аутентичных текстов, накопленных с конца XIX до начала XXI века, и показывающий частотность и последовательность фиксации новых сюжетов и вариантов; 3) выявить основной круг завершенных сюжетно-тематических единиц и их версий, из которых складываются циклы сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле; 4) описать каждую сюжетно-тематическую единицу (сюжет, сюжетную версию, мотив), выводя устойчивые константы из всей суммы имеющихся в наличии вариантов эпических сказаний; 5) сопоставить выделенные образы, сюжеты, мотивы и эпизоды с их кавказскими версиями, также проследить проявление этих данных в одних или других рассматриваемых сюжетах абхазской эпической традиции; 6) охватить по возможности всю совокупность сюжетных данных в их соотношениях

друг с другом с тем, чтобы в итоге она выявила единую систему мифоэпического мировоззрения, отразившуюся в исследуемых сказаниях; 7) при этом уделить особое внимание выявлению картины эпического мироздания, раскрытию архаической семантики мифоэпических образов, мотивов и эпизодов на основе архаических обрядово-мифологических данных. Так как «древние обычаи, давно вышедшие из употребления, вплетаясь в фольклорные сюжеты и мотивы, переживают тысячелетия» [Абаев, 1990, с. 178–179]. Однако «отношения этнографических реалий и фольклорных трактовок следует рассматривать не как отношения истоков и «отражений», но как равнозначные по функциям и синхронные по существу выражения одного содержания, единого понимания мира (различающиеся лишь по языку)» [Путилов, 1999, с. 21].

Материалом для исследования послужила основная часть текстов абхазских эпических сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле, собранных со второй половины XIX в. по настоящее время – 401 сказание, включая все варианты, большинство из которых впервые вводится в научный оборот. В их числе звуковые, рукописные и опубликованные материалы. Значительное количество текстов составляют звукозаписи (в том числе и повторные) автора исследования, осуществленные с 1980 по 2000 год (см. Указатель). В качестве сравнительного материала использованы наиболее совершенные и выверенные абазинские, адыгские, осетинские, балкаро-карачаевские, чечено-ингушские, лакские, мегрельские, сванские, грузинские и армянские эпические тексты, изданные в серии «Эпос народов СССР» (с 1992 г. – «Эпос народов Евразии») и опубликованные в других различных сборниках.

В систематике и научной интерпретации текстов абхазских эпических сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле автор учитывал результаты работ исследователей абхазской эпики (прежде всего, Ш. Д. Иналипы, Ш. Х. Салакая, А. А. Аншбы, С. Л. Зухбы, В. Г. Ардзинбы), опирался на труды эпосоведов-кавказоведов (Е.М. Мелетинского, В. И. Абаева, Ж. Дюмезиля, У. Б. Далгат, М. Я. Чиковани, Е. Б. Вирсаладзе, М. А. и З. Ю. Кумаховых, А. И. Алиевой и др.), на российские (и зарубежные) традиции в фольклористике, теоретические труды известных ученых – литературоведов, фольклористов и этнографов: А. Н. Веселовского, В. М. Жирмунского, В. Я. Проппа, Д. Д. Фрэзера, Л. Я. Штернберга, М. М. Бахтина, К. В. Чистова, Б. Н. Путилова, В. М. Гацака, Ю. И. Смирнова, С. Ю. Неклюдова и др.

Методика исследования автора (контекстуальное изучение, отбор, классификация опубликованных, рукописных, полевых материалов, включая аудио-и видеозаписи с их расшифровками; выявление сюжетной тематики, описание фабулы эпических сказаний, их сопоставление внутри абхазской и других эпических традиций; раскрытие глубинной семантики эпических текстов на основе этнографических данных и т.д.) сочетает в себе элементы историко-типологического и структурно-типологического анализа.

Исследование проводилось, можно сказать, в два этапа. Первый этап – поисково-собирательский и эдиционно-текстологический. В полевых работах автора в районах Абхазии (1980–2000) велся поиск эпических сказителей, и осуществлялась запись текстов, относящихся к различным жанрам абхазского фольклора. Удалось выявить ряд талантливых сказителей (Халит Калги, Платон Дбар, Гриша Айба, Миша Аргун, Лад Дзапщба, Люба Джапуа, Чичико Цвижба, Нур Шларба, Андруща Адлейба и др.) и записать от них значительное количество эпических сказаний (см. Указатель). Автором изданы на абхазском языке различные сборники фольклорных текстов с необходимыми научными комментариями, предисловиями, указателями и словарями: «Абхазский фольклор: Записи Артура Аншбы» [Джапуа, 1995а] (содержит в числе других текстов 22 нартских и 4 сказания об Абрыскиле); «Ранние записи абхазского фольклора (из рукописей А.Н. Генко)» [Джапуа, 2001а] (содержит в числе других текстов 13 нартских и 1 сказание об Абрыскиле); «Абхазские сказания» (для юных читателей) [Джапуа, 2000 г] (содержит в числе других текстов 22 нартских и 5 сказаний об Абрыскиле). Общий объем этих публикаций – 68 п. л.

Второй этап – обобщающий: написание свыше 20 статей, монографии (см. Литература), а также подготовка настоящей книги.

Новизна результатов исследования обусловлена: 1) прежде всего, самим выборам темы – эпические сказания о Сасрыкуа и Абрыскиле в одной цельной работе; 2) осуществлением совокупного текстологического, сюжетно-тематического исследования и поэтико-воззренческого изучения абхазских эпических текстов; 3) учетом обширного фактического материала, значительная часть которого записана самим автором, и привлечением большого числа сравнительных текстовых материалов из других национальных версий и вариантов анализируемых сказаний; 4) установлением на этой основе сходства и различия сюжетно-тематических структур между абхазскими эпическими сказаниями и аналогичными сказаниями других народов, с одной стороны, а с другой – между абхазскими сказаниями о Сасрыкуа и эпосом об Абрыскиле; 5) выявлением характера эпического мироздания и раскрытием архаической семантики ряда образов, сюжетов, мотивов и эпизодов на основе типологических параллелей и обрядово-мифологических данных из других древних культур.

Во второй (текстовой) части книги помещены фактические материалы, иллюстрирующие положения автора в исследовательской части, которые отобраны и систематизированы в определенной научной последовательности. Публикация текстов осуществляется автором по принципам академического издания – к текстам даются комментарии и словарь. Приводятся достоверные тексты абхазских эпических сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле на языке оригинала и в адекватном переводе на русский язык. Они записаны на протяжении столетия и, соответственно, отражают историческое развитие архаического пласта абхазской эпики, фиксации последних лет которой свидетельствуют о сохранности ее и поныне в памяти народа. Существенно отметить, что большинство из публикуемых сказаний впервые вводятся в научный оборот, также значительное число из них составляют расшифровки звукозаписей автора и других собирателей, осуществленных в разное время. Думается, что данный подбор материалов может существенно дополнить имеющийся пробел в научной публикации текстов абхазского героического эпоса, академическое издание которого все еще не реализовано.

Таким образом, эта книга, надеюсь, даст возможность точнее обозреть эпическую архаику абхазов, содержащую тайны мифоэпических воззрений столь древнего этноса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СИСТЕМАТИКА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТОВ

ВВЕДЕНИЕ

Из истории собирания и исследования сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле

Вопрос собирания и изучения абхазских эпических сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле освещался в работах ряда исследователей [Инал-ипа, 1977, с. 131–151; Бгажба, 1987, с. 272–285; Салакая, 1966, с. 3–33; Салакая, 1976а, с. 5–24; Салакая, 1985, с. 60–70; Аншба, 1970, с. 5–18; Гаглойти, 1977, с. 153–163; Зухба, 1981, с. 58–101] в связи с историографией всего абхазского эпического творчества или фольклора в целом. Потому, естественно, работы эти, при всей своей содержательности, все же не могут быть достаточно исчерпывающими конкретно по отношению к сказаниям о Сасрыкуа и Абрыскиле. Кроме того, после последней публикации в этой области прошло более 30-ти лет, в течение которых было произведено большое количество записей, а также вышло немало текстов и исследований. Следовательно, сейчас для уяснения более полной картины необходим небольшой экскурс в историю записей и изучения абхазских эпических сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле. Хотя, следует сказать, что выделить и обозреть из всей суммы нартских текстов сказания о Сасрыкуа и тем более определить степень их изученности не так уж просто. Поскольку Сасрыкуа – центральный герой абхазского нартского эпоса и с ним связано все основное эпическое повествование, историография его образа неотделима (или почти неотделима) от проблематики всего эпоса абхазов.

Историю собирания, публикации и исследования абхазских эпических сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле целесообразно рассмотреть с учетом основных этапов ее развития: 1) *с 1870-х до начала 1920-х годов*; 2) *с 1920-х до начала 1960-х годов*; 3) *с 1960-х годов до*

настоящего времени. Этапы эти совпадают с периодами историографии всего абхазского фольклора [Салакая, 1999, с. 129–130].

Одно из слабых мест абхазской фольклористики – вопросы текстологии (практической и теоретической): правильная фиксация, архивизация, расшифровка аудио- и видеозаписей и достоверная документированная публикация фольклорных текстов. Записи сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле здесь не исключение. При этом, к сожалению, вопрос сбора материалов традиционно принято освещать, преимущественно с момента публикации текста. А это приводит порой к неточным выводам. Так, например, как увидим ниже, начиная со второй половины XIX в. до начала 30-х годов XX в. было записано немало ценных материалов абхазского фольклора, в том числе и эпических сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле. Но, вероятно, из-за того, что почти до 60-х годов прошлого столетия материалы из архивов Н. Я. Марра [Зухба, 1967], С. Н. Джанашиа [Джанашиа, 1968], Г. Ф. Чурсина [Чурсин, 1957], А. Н. Генко, А. К. Хашбы и В. И. Кукбы [Джапуа, 2001а] не были опубликованы, оставались неизвестными широкому кругу ученых, некоторым исследователям (даже, быть может, тем, кто частично владел этими материалами) казалось будто «только в 30-х годах (XX в. – З. Д.) было положено начало более или менее планомерной записи и публикации устного поэтического творчества абхазского народа, в эти годы стали записываться и образцы нартского эпоса» [Бгажба, 1987, с. 277], что «лишь в 1940 году впервые увидели свет четыре нартских сказания в книге абхазских сказок на абхазском языке» [Инал-ипа, 1962, с. 12]. Однако, как свидетельствуют факты (см. ниже), объем уцелевших фольклорных материалов, записанных до 1930-х годов, насчитывает около 20-25 печатных листов. Только сказания о Сасрыкуа и Абрыскиле составляют 29 текстов.

Дело в том, что основная часть ранних записей абхазского фольклора увидела свет довольно поздно[1], и отнюдь не все опубликованные тексты безупречны в текстологическом смысле, соблюдают принципы достоверной передачи изустного текста. К тому же основная коллекция текстов абхазского нартского эпоса и сказаний об Абрыскиле остается пока еще не изданной[2]. В этом и заключается

---

[1] Кто знает, сколько здесь утеряно или ждет своего часа выявления?..

[2] В настоящее время в отделе фольклора Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. Г. Гулиа готовится многотомное издание

вся текстологическая сложность вопроса. Причем, полевые записи в большинстве своем были сосредоточены в фольклорном фонде архива АбИГИ, и их ждала трагическая участь – сгореть вместе с другими уникальными материалами[1]. Необходима текстологическая оценка и опубликованных эпических сказаний. В некоторых из них (изданных без соблюдения научных принципов текстологии) много неточностей из-за произвольных правок, которые затем переходили из одного издания в другое. Поэтому в помещенном в работе Указателе я попытался вычленить из всего комплекса опубликованных и неопубликованных (рукописных и звуковых) наличных материалов более надежные, научно достоверные записи сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле и выстроить их в хронологическом порядке[2]. Общее количество записей сказаний в Указателе – 401 (327 – о Сасрыкуа и 74 – об Абрыскиле). К сожалению, некоторые тексты (особенно записи, сделанные на русском языке), включенные в Указатель, недостаточно удовлетворяют требованиям современной текстологии, но они все же представляют определенный научный интерес. В Указатель не входят материалы из популярных изданий, недокументированные публикации и сводные тексты, даже столь значительный известный свод абхазского нартского эпоса, как «Приключения нарта Сасрыквы

абхазского фольклора, в котором тексты нартского эпоса и эпоса об Абрыскиле занимают два тома (составитель Ш. Х. Салакая).

[1] Архив Абхазского института горел дважды: в 1980 году – частично и во время грузино-абхазской войны (1992–1993) – полностью. Сейчас в лаборатории абхазского фольклора АбИГИ ведется текстологическая работа по упорядочению уцелевших у разных собирателей материалов и по сбору новых текстов. О сохранности абхазских эпических сказаний в памяти сказителей, их популярности в народе и в наши дни ярко свидетельствуют различные экспедиции (индивидуальные, коллективные и комплексные), проведенные сотрудниками Абхазского института с 1998 по 2002 год в нескольких районах Абхазии, в результате которых произведено немало аудио- и видеозаписей абхазских эпических сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле (см. помещенный в работе Указатель) вместе с другими фольклорными материалами.

[2] Рассмотрена большая часть сохранившихся записей текстов, произведенных с начала 70-х годов XIX в. до наших дней. К настоящему времени мне еще не удалось ознакомиться со всеми материалами, хранящимися в личных архивах фольклористов, отдельных собирателей, и накопленными в результате ежегодной фольклорной практики студентов-филологов Абхазского государственного университета.

и его девяноста девяти братьев» [Инал-ипа, Шакрыл, Шинкуба, 1962].

С 1870-х до начала 1920-х годов было записано 13 текстов сказаний (4 – о Сасрыкуа и 9 – об Абрыскиле). Первые записи сказаний и о Сасрыкуа, и об Абрыскиле принадлежат учителю Сухумской горской школы А. Иоакимову. В его статье «Предрассудки моих учеников (из жизни пансионеров Горской школы)», опубликованной в трех номерах газеты «Кавказ», встречаются три текста, записанные со слов учащихся.

По одному из текстов, *«жил когда-то богатырь Нардсысыргва[1]. У него был глупый брат, которому богатырь поручил пасти свое стадо. Однажды глупец прошел мимо озера и утопил в нем свое стадо. Узнав о безумном поступке своего брата, богатырь в ярости и отчаянии бросился в бездонное озеро и упал на луну, которая в это время была на другой стороне земли. Здесь нашел свое стадо и до сих пор пасет его. Мы видим теперь его со стадом, как черные пятна»*[2] [Указатель, №1].

Здесь сюжет широко распространенного предания об озере Рице контаминируется с этиологическим мотивом об отражении на луне очертаний героя со своим стадом. Как указывает А.А. Аншба, «возможно, что это предание нартовское, причем, весьма отдаленных времен, отголосок древнего близнечного мифа» [Аншба, 1970, с. 8]. Этиологический мотив об очертаниях Сасрыкуа на луне встречается в эпосе в двух формах: отдельно [Указатель, №168] и в составе других сюжетов (особенно в сказании об освобождении водного источника) [Джапуа, 1990в, с. 47–49], и скорее относится к финальной части нартского эпоса – к сказаниям о смерти (вернее – «бессмертии») Сасрыкуа.

Два других текста А. Иоакимова повествуют об Абрыскиле. Согласно одному из вариантов (в изложении Г. Ф. Чурсина [Чурсин, 1957, с. 241]), *Абрыскил (у А. Иоакимова Абулскир) был святой человек со светлыми волосами и голубыми глазами. Он любил род людской и сделал для него много благодеяний, сообщая ему тайны неба. Так как папоротник грозил заглушить посевы, Абрыскил вел борьбу с папоротниками, стараясь задержать их развитие. Считая для себя*

[1] Транскрипция А.Иоакимова, исходящая, вероятно, из нераздельного звучания в оригинале термина *нарт* и собственного имени *Сасыркуа.*

[2] Здесь и в последующих цитатах курсив мой.

унизительным наклоняться, он рубил виноградные ветви, висевшие над дорогой. Ангелы заковали его в цепи и заключили в пещеру. Черный пес грызет его цепи, и когда звено утончается до толщины нити, сидящая на страже девушка дает знать слепой старухе, и та ударом волшебного жезла скрепляет цепь [Указатель, № 328].

По другому варианту (тоже в изложении Г. Ф. Чурсина [Чурсин, 1957, с. 241–242), *Абрыскил был злой человек. Ангелы решили его поймать, но так как он очень быстро бегал и догнать его было невозможно, ангелы разостлали свежесодранные шкуры быков, засыпали их травой, чтобы не видно было, и предложили Абрыскилу играть с ними в лапту. Абрыскил поскользнулся на бычьей шкуре, упал и был схвачен и заключен в пещеру* [Указатель, № 329].

Оба варианта сохраняют ряд мотивов и эпизодов, свойственных основному повествованию об Абрыскиле. Характерно, что в первой записи Абрыскил представлен как благородный герой, а во второй – как злое существо. Интересны также эпизоды, связанные с внешним видом героя *(Абрыскил со светлыми волосами и голубыми глазами)* или с его поимкой (засыпание травой бычьих шкур, «игра» в лапту), которые не встречаются (или почти не встречаются) в последующих записях сказаний об Абрыскиле.

Замечательно то, что эти тексты А. Иоакимова кратко упомянуты в его следующей статье «Абхазцы», опубликованной в 1874 году [Иоакимов, 1874].

Вторая запись сказания об Абрыскиле произведена в 1881 году И. Лихачевым – инспектором школ Общества восстановления христианства на Кавказе. В его сообщении «Члоуская пещера и легенда об Абласкире-Прометее», опубликованном в 1887 году в Трудах V археологического съезда в Тифлисе, довольно подробно излагается сказание об Абрыскиле, которое он записал от местного владетеля, князя Хабуга Ачбы. Согласно варианту И. Лихачева, *Абрыскил был великим и, будучи идолопоклонником, не признавал Бога. Он приходился молочным братом князю Беслану Ачбе*. Далее следуют мотивы борьбы против рыжих людей с голубыми глазами, папоротником и виноградной лозой; сюжет поимки героя и заточения его в пещеру [Указатель, № 330].

В статье В.Ф. Миллера «Кавказские предания о великанах, прикованных к горам», опубликованной в 1883 году, встречается еще один вариант сказания об Абрыскиле. Однако здесь, как правильно подметил Г.Ф. Чурсин, «абхазская легенда перепутана с грузинским сказанием об Амирани» [Чурсин, 1957, с. 242]. Этот вариант сказания некий г. Демуриа сообщил Г. Н. Потанину, а Г. Н. Потанин – В. Ф. Миллеру. Имя сказителя не известно. Сейчас трудно установить истинную причину замены имени абхазского героя Абрыскила на Амирани в данном тексте. Однако не исключено, что именно Демуриа мог внести эту замену (он же сообщает Г.Н. Потанину и грузинское предание об Амирани). Текст кратко передает мотив прикования героя, и более подробно описывает мотив попытки освобождения героя [Указатель, №331].

В июне 1888 года, в селении Члоу, учитель Очамчирского училища В. Гарцкия записал еще один вариант сказания об Абрыскиле, опубликованный в 1892 году под названием «Абрскил – абхазский Прометей» [Указатель, № 332]. «По сравнению с ранними публикациями сказания об Абрскиле, запись В. Гарцкия представляет собой наиболее полный вариант, и дан он не в кратком изложении сюжета, как это делалось предшествующими авторами, а в естественной форме народного повествования» [Салакая, 1966, с.11–12]. Вариант В. Гарцкия содержит все основные мотивы эпоса об Абрыскиле (см. Указатель, № 332). Из них «чудесное рождение героя» является первой записью этого мотива.

По сообщению Б. В. Шинкубы, в 1893 году, в селении Тамщ, Д. И. Гулиа записал одно сказание об Абрыскиле [Шинкуба, 1990, с. 271], но, к сожалению, Б. В. Шинкуба не приводит самого текста.

В 1894 году в работе М.Г. Джанашвили «Абхазия и абхазцы (этнографический очерк)» впервые излагается содержание нартского предания о поминках по Сасрыкуа. Текст повествует о том, что *Сасрыкуа ушел на тот свет последним, справивши по всем нартам поминки, но сам остался без поминок, в нищете. Один абхаз, случайно узнав об этом, устроил по нему поминальную трапезу, и Сасрыкуа зажил на том свете так же богато, как все нарты* [Указатель, №2].

Содержание сказания об Абрыскиле, опубликованного Н.С. Джанашиа в 1898 году на грузинском языке [Указатель, № 333], почти полностью совпадает с вариантом, записанным В. Гарцкия [Указатель, № 332]. Поэтому допускаю, что данная публикация не новый вариант сказания, а новая редакция текста В. Гарцкия.

В 1903 году, в иллюстрированном приложении к газете «Кавказ», Э. Жаннерэ опубликовал несколько обработанный вариант сказания об Абрыскиле «Абхазский Прометей». Первая часть текста существенно отличается от абхазского оригинала (зачатие от демона и т. п.), но последующее повествование (хотя не вызывает сомнения некоторая стилизация, литературная обработка) сохраняет основные

мотивы и эпизоды традиционного сказания об Абрыскиле [Указатель, №334].

Также весьма своеобразно обработана фабула сказания об Абрыскиле в публикации В. Гатцука 1907 года. В данном тексте традиционные мотивы сказания получают несколько иную разработку (например, чудесное рождение героя – зачатие его от сожженного в пепел черепа), в нем появляются новые мотивы и эпизоды, не встречающиеся в предыдущих публикациях сказания (например, убийство змея, укрощение коня – добывание жеребенка от морской кобылы) [Указатель, № 335].

Запись (или литературная обработка) сказания об Абрыскиле, выполненная К. Горбуновым, сюжетно и композиционно очень обстоятельна и полна, ее содержание почти совпадает с вышеназванным вариантом В. Гарцкия [Указатель, № 336].

В 1913–1915 годах были произведены первые две записи абхазских нартских сказаний на языке оригинала. Их обнаружил С. Л. Зухба в 1963 году, в Санкт-Петербургском отделении Архива АН СССР, в фондах рукописей Н. Я. Марра, где хранилось около 300 рукописных страниц материалов абхазского фольклора, которые были изданы лишь в 1967 году [Зухба, 1967, с. 13–19, № 1, 2]. Одна из этих записей связана с образом Сасрыкуа и представляет контаминацию двух сюжетов [Указатель, № 3]. Ее записал ученик Сухумской горской школы Т. Чочуа в селении Адзюбжа (Очамчирского района) в 1915 году. Рукопись текста прочел и внес в нее поправки Д. И. Гулиа [Зухба, 1967, с. 153].

В работе Н.С. Джанашиа «Абхазский культ и быт», опубликованной в 1917 году, приводятся два нартских текста: «Поминки по Сасрыкуа» [Указатель, № 4] и «Кузнец нартов Айнар-жьи» [Джанашиа, 1917, с. 156, 174]. Второй текст является самым ранним упоминанием в печати о кузнеце нартов Айнар-жьи и содержит описания, сходные с описаниями его образа в сюжете о чудесном рождении Сасрыкуа: *«Ему* (Айнар-жьи. – З.Д.) *стальные его колени служили наковальнею, правый кулак – чугунным молотом, а левая рука – щипцами»* [Джанашиа, 1917, с. 174].

Своеобразными зачатками изучения абхазских эпических сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле до начала 1920-х годов можно считать и различные высказывания названных выше авторов, в частности, первое сообщение ботаника Н. М. Альбова о бытовании нартского эпоса у абхазов в его статье «Этнографические наблюдения в Абхазии», опубликованной в 1893 году, и примечание В. Гатцука к своей записи сказания об Абрыскиле:

«Любопытно, что главным героем является здесь (в абхазском нартском эпосе. – З.Д.), как и в осетинских и черкесских сказаниях, все тот же Сасрыко (по-абхазски Сесрыква, черкесски Саузерук), рожденный чудесным образом от обольстительной и хитрой женщины Сатанэ» [Альбов, 1893, с. 325–326].

«Предание об Абраскиле представляет собою своеобразное и, по-видимому, древнейшее изложение общеизвестного греческого (эллинского) мифа о Прометее. Сходство тем – очевидно. Эта же тема, как известно, развита и в сказаниях грузин о их национальном герое Амиране. Многие ученые полагают, что миф о Прометее создался на Кавказе и отсюда уже занесен в Грецию» [Гатцук, 1907, с. 253].

Также в статье Н. Я. Марра «Кавказоведение и абхазский язык», написанной в 1916 году, содержится весьма ценный взгляд о происхождении кавказских преданий о прикованных героях, согласно которому, «какому бы яфетическому племени ни принадлежала честь создания этого сказания (сказание о прикованном герое. – З. Д.), та редакция, в которой оно распространено в Грузии и Армении, несомненно, прошла через абхазскую среду… Сам сюжет сказания значительно видоизменен в Грузии под наносным влиянием героической повести персидского происхождения «Амиран-Дареджаниани», в Армении – осложнением его чертами из христианских легенд, тогда как это на самом деле есть одно из древнейших яфетических сказаний о боге солнца, превратившемся в героя. Само имя Амиран, собственно A-mъra или A-mъr, представляет абхазское название солнца á-mra или á-mъr…» [Марр, 1938, с. 144].

С 1920-х до начала 1960-х годов было записано 143 текста сказаний (114 – о Сасрыкуа и 29 – об Абрыскиле). Большинство записей принадлежат С. Н. Джанашиа, Г. Ф. Чурсину, К. В. Ковачу, А. Н. Генко, А. К. Хашбе, В. И. Кукбе, Д. И. Гулиа, Ш. Д. Инал-ипе, К. С. Шакрылу, Б. В. Шинкубе и Ц. Н. Бжания.

Летом 1921 года, в селении Адзюбжа Очамчирского района Абхазии, С. Н. Джанашиа собрал большое количество материалов абхазского фольклора, изданного лишь в 1968 году [Джанашиа, 1968, с. 172–252]. В материалах С. Н. Джанашиа встречаются два нартских текста из цикла сказаний о Сасрыкуа [Указатель, № 5, 6]. В более развернутом тексте [Указатель, № 5] соединяются различные

эпические (и сказочные) мотивы. Он представляет собой (хотя и в некоторой усеченной форме) первую запись мотивов чудесного рождения героя, добывания огня, мести за предков, перерезания ног, встречи с великаном-пахарем, умыкания Гунды Прекрасной.

В 1920-х годах[1] известный этнограф Г.Ф. Чурсин записал в Абхазии значительные образцы почти всех жанров абхазского фольклора наряду с богатым этнографическим материалом [Чурсин, 1957, с. 214–247]. В его фольклорную коллекцию входят абхазские нартские сказания о Сасрыкуа, Цвицве, Гунде Прекрасной, Ерчхьоу и Хважварпысе, а также сказание об Абрыскиле. Из пяти записей (кратких пересказов) сказаний нартского эпоса три повествуют о Сасрыкуа [Указатель, № 7, 8, 9], которые записаны со слов сказителя Э. Арчелия (сел. Псырцха Гудаутского р-на). Сказания о встречах Сасрыкуа с великаном-пахарем [Указатель, № 8] и богатырем-всадником [Указатель, № 9] являются первыми записями данных сюжетов. Текст сказания об Абрыскиле, записанный Г. Ф. Чурсиным со слов М. Адлейбы в селении Члоу, содержит различные мотивы героических деяний, поимки и заточения героя в пещеру [Указатель, № 337].

В 1920-х годах этномузыковедом К. В. Ковачом были произведены первые нотные записи мелодий нартских песен абхазов [Ковач, 1929, с. 31–32, 74], в том числе и песни о Сасрыкуа [Указатель, № 10].

В 1928 году в научную командировку в Абхазию приехал известный кавказовед – лингвист, фольклорист, этнограф, историк А.Н. Генко. С ним были его студенты (впоследствии первые абхазские филологи), природные абхазы А. К. Хашба и В. И. Кукба. Ими был собран весьма ценный материал по абхазскому фольклору в Абжуйской и Бзыбской Абхазии. Данная коллекция – уцелевшая часть записей, произведенных собирателями в течение нескольких лет. Впоследствии эти и другие материалы исследователей в большинстве своем были сожжены, изъяты, утеряны или попали в «чужие руки» вследствие репрессирования самих ученых – в 1937 А. К. Хашбы, 1940 В. И. Кукбы и 1941 А. Н. Генко. Записи 1928 года долгое время находились в забвении. Лишь в 2001 году удалось осуществить их научное издание[2] (составление, предисловие и комментарии – автора

[1] По сообщению Ш. Х. Салакая – летом 1925 г. [Салакая, 1976, с. 10], а по сведению Л. Х. Акабы – летом 1928 г. [Акаба, 1957, с. 4].

[2] Некоторые записи, в частности, сказания о Сасрыкуа и Абрыскиле, публиковались и раньше с определенной (иногда с очень серьезной) редакторской правкой составителя (об этом конкретно указано в комментариях научного издания этих материалов) [Хашба, Кукба, 1936, с. 25–31; Шакрыл, Бгажба, 1940, с. 23–34; Бгажба, 1964, с. 379–382;Хашба, 1972, с. 171–174, 174–176, 176–178, 185–186].

этих строк) по рукописям А. Н. Генко, которые были переданы Абхазскому институту вдовой ученого еще в 1960 году [Джапуа, 2001а]. Рукописи ученого хранились в личном архиве Х. С. Бгажбы.

В этом собрании представлены произведения всех жанров абхазского фольклора, в том числе 13 нартских сказаний и одно предание об Абрыскиле [Джапуа, 2001а, с. 39–60]. Из них 8 текстов относится к циклу сказаний о Сасрыкуа [Указатель, № 11–18, 338]. Особая их ценность заключается в том, что эта самые первые и фонетически более точные записи, сопровождающиеся паспортными данными (где и от кого зафиксирован текст). Здесь впервые в истории собирания абхазского нартского эпоса представлены сказания почти о всех основных эпических героях. Более того они принадлежат к числу самых полных и художественно совершенных; в этом смысле их можно считать классическими. Среди них есть зафиксированные впервые на языке оригинала нартские сюжеты и мотивы, в частности, из цикла сказаний о Сасрыкуа.

В 1930-х годах В. И. Кукба произвел первую запись (от одаренного народного певца Сейдыка Куарчиа) песенного текста сюжета о рождении Сасрыкуа [Указатель, №19], отличающегося высоким поэтическим совершенством. Эту запись обнаружил и опубликовал А. А. Аншба в 1973 году [Аншба, Чанба, 1973, с. 59–61]. Однако данная публикация песни несколько отличается от её оригинала, найденного мною в архиве А. А. Аншбы и публикуемого в данной книге (текст №1). Следует отметить, что с этой песней текстуально совпадают (или почти совпадают) некоторые публикации, представленные без научной документации или с другими паспортными данными. Так, по публикациям Б. В. Шинкубы, текст записан им от певца Абаса Куачахиа [Шинкуба, 1959а, с. 87–92, 317; Шинкуба, 1990, с. 20–25][1], а в публикации К.С.Шакрыла [Шакрыл, 1961, с. 140–145] и в сводном тексте абхазского нартского эпоса [Инал-ипа, Шакрыл, Шинкуба, 1962, с. 30–38] песня дается без паспортизации. Однако, судя по лексической близости всех публикаций, не исключено, что здесь мы

[1] Правда, во второй своей публикации Б. В. Шинкуба обнаружил, что в первой публикации текста случайно была включена 31 строка песни, записанной от Сейдыка Куарчиа [Шинкуба, 1990, с. 20].

имеем разные редакции одной и той же записи, которая подверглась текстологической путанице.

Лишь в 1996 году увидел свет текст о чудесном оживлении жены Сасрыкуа (текст № 29), записанный Д. И. Гулиа еще в 1933 году.

Начиная с конца 1930-х годов (особенно в 1940-х годах), большое количество записей абхазского фольклора произвели известные деятели абхазской науки и культуры Ш. Д. Инал-ипа, К. С. Шакрыл и Б. В. Шинкуба. Значительная часть фольклорных записей Ш. Д. Инал-ипы не сохранилась[1]. Остались только несколько опубликованных (в разных журналах и сборниках) и рукописных текстов, в их числе – 14 нартских сказаний о Сасрыкуа [Указатель, № 23–28, 31, 51, 59, 61, 68–69, 85, 90]. Основная коллекция фольклорных материалов К. С. Шакрыла и Б. В. Шинкубы опубликована в разных изданиях. В записях К.С. Шакрыла имеются 10 сказаний о Сасрыкуа [Указатель, № 38, 39, 52, 54, 73, 86, 87, 91, 95, 96] и 3 – об Абрыскиле [Указатель, № 339, 340, 369]. В фольклорных материалах Б. В. Шинкубы сказания о Сасрыкуа насчитывают 49 текстов [Указатель, № 29–37, 40–50, 53, 55, 57, 58, 60, 63–67, 70–72, 74–84, 88, 89, 92–94, 97], а сказания об Абрыскиле – 25 текстов [Указатель, № 341–365].

В 1950-х годах ряд записей нартских сказаний и исторических преданий произвел и этнограф Ц. Н. Бжания. Большинство этих материалов (14 текстов) составляют нартские сказания о Сасрыкуа [Указатель, № 101–114].

Итак, с 1920-х до начала 1960-х годов было записано немало новых сюжетов (или новых контаминаций мотивов и сюжетов) эпических сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле [Указатель, № 5, 7–13, 15–18, 21, 28, 32-36, 38, 43, 44, 49, 51, 52, 54, 55, 59, 65, 66, 72–74, 77, 78, 81, 84, 90, 91, 96, 98, 104, 105, 114].

Наблюдения Г. Ф. Чурсина за бытованием и содержанием абхазского нартского эпоса и эпоса об Абрыскиле, проведенные им в 1920-х годах, фактически положили начало научному подходу в изучении этих памятников [Чурсин, 1957, с. 214–223, 241–245]. Однако исследование этнографа вышло в свет лишь в 1957 году. В отдельной

[1] После грузино-абхазской войны (1992–1993) Ш. Д. Инал-ипа с горечью вспоминал, что за несколько дней до начала войны он завершил работу над подготовкой к изданию сборника собственных фольклорных записей (объемом более 30 п.л.), рукопись которого находилась в Абхазском институте и сгорела во время поджога здания института.

главе своей работы «Материалы по фольклору абхазов» ученый излагает основные сюжеты нартского эпоса абхазов (в частности – «чудесное рождение из камня», «добывание огня», «встреча с великаном-пахарем», «встреча с богатырем-всадником») и описывает их, сравнивая с мотивами и сюжетами других версий нартского эпоса. Наблюдения этнографа весьма точны, затрагивают суть вопроса и свидетельствуют о широком бытовании нартского эпоса у абхазов.

Отдельно рассматривая эпос об Абрыскиле [Чурсин, 1957, с. 241–245], Г. Ф. Чурсин сначала приводит содержание текстов, записанных А. Иоакимовым, И. Лихачевым, Г. П. Потаниным, В. Гарцкия, затем свою запись. Ученый впервые предпринимает попытку объяснить ряд архаических мотивов и эпизодов эпоса об Абрыскиле на основе исторического прошлого абхазов. Высказывания Г. Ф. Чурсина на этот счет впоследствии неоднократно приводились другими исследователями эпоса.

В 1949 году Ш. Д. Инал-ипа опубликовал первую обстоятельную работу по нартскому эпосу абхазов – статью «Об абхазских нартских сказаниях» [Инал-ипа, 1949, с. 81–120], в которой освещаются идейно-художественная сущность, содержание основных образов и сюжетов абхазского нартского эпоса. На основе анализа сказаний о Сатаней-Гуаще и Сасрыкуа, исследователь приходит к выводу, что «в цикле Сатанэй-Гуаши абхазские нартские сказания сквозь призму мифологического восприятия жизни донесли не просто пережитки, а наиболее яркую картину живого матриархального общества» [Инал-ипа, 1977, с.51], что «из всех сказаний абхазов о нартах цикл Сасрыквы является самым видным и наиболее распространенным. Иногда этот любимейший абхазский герой олицетворяет собой всех нартов» [Инал-ипа, 1977, с. 56–57]. Позже данная работа ученого в несколько иной редакции и с другими названиями публиковалась неоднократно [Инал-ипа, 1957, с. 91–109; Инал-ипа, 1958, с. 260–278].

В другой своей работе Ш. Д. Инал-ипа в обобщенном виде рассматривает абхазский нартский эпос и эпос об Абрыскиле [Инал-ипа, 1955, с. 12–27], обращая особое внимание на образы Сатаней-Гуащи, Сасрыкуа и Абрыскила и на связанные с ними основные мотивы. Подобное обобщенное суждение об абхазском нартском эпосе и сказаниях об Абрыскиле содержится и в капитальном труде Ш. Д. Инал-ипы «Абхазы» [Инал-ипа, 1965, с. 590–592, 595–605], первое издание которого вышло в 1960 году.

В 1950-х годах Б. В. Шинкуба свои 25 записей сказаний об Абрыскиле и их сводный текст предварил короткой статьей, содержащей заметки о географии и фиксации абхазского эпоса об Абрыскиле [Шинкуба, 1990, с. 271–172].

Одной из первых работ в области изучения героического эпоса абхазов является доклад Х. С. Бгажбы, прочитанный им в 1954 году на научной конференции в Москве, в ИМЛИ, посвященной проблемам собирания и изучения эпоса народов СССР [Бгажба, 1987, с. 261–272]. Доклад этот, опубликованный впоследствии в виде статьи, дает общую характеристику эпосу об Абрыскиле, нартским сказаниям и историко-героическим песням абхазов. Следует сказать, что в определении характерных черт, основных мотивов архаических жанров абхазского фольклора (нартов и Абрыскила) некоторые суждения автора весьма близко согласуются с вышеназванной работой Г. Ф. Чурсина [Чурсин, 1957, с. 214–223, 241–245][1].

Хозяйственному быту в нартском эпосе абхазов посвящена статья Ц. Н. Бжания, написанная в 1955 году, но опубликованная значительно позже [Бжания, 1973, с. 209–228]. В связи с поставленной перед собой целью выявления основных элементов хозяйственного уклада в абхазских нартских сказаниях, исследователь довольно интересно интерпретирует мотивы и образы эпоса, в частности, образы Сатаней-Гуащи, пастуха и Сасрыкуа в сюжете о рождении героя, находя в них отражение культа плодородия. Примечательно, что этнограф впервые обратил внимание на характерные особенности описания природы в нартском эпосе: «В нартском эпосе природа включается в самый ход повествования, она теснейшим образом связана с судьбой действующих лиц, оказывает на них действие… Так, герой Сасрыкуа находится в волшебной связи с природой – холодом, ветром, снегом и т.д.» [Бжания, 1973, с. 221–222]. Также в данной статье затрагиваются некоторые особенности образа Абрыскила [Бжания, 1973, с. 215, 221].

С 1960-х годов по настоящее время собрано 245 эпических текстов (209 – о Сасрыкуа и 36 – об Абрыскиле). Основное число дан-

[1] К сожалению, книга Г. Ф. Чурсина «Материалы по этнографии Абхазии», насыщенная богатым этнографическим и фольклорным материалом, увидела свет уже после смерти автора (в 1957 году) [Чурсин, 1957], хотя рукопись книги была представлена в Абхазский институт вдовой ученого еще в 1936 году [Акаба, 1957, с. 5].

ных записей произведено Ш. Х. Салакая [Указатель, № 120, 121, 123, 125, 127, 131–135, 138, 140, 145–147, 150, 152, 154, 155, 158–160, 162, 165, 167, 169, 171–177, 181–188, 190, 194–198, 202–205, 209, 212, 213, 366–368], А. А. Аншбой [Указатель, №126, 129, 137, 142, 144, 153, 161, 166, 178, 179, 192, 215, 220, 372, 373, 376] и мной [Указатель, №237–240, 244–260, 271–282, 285–291, 294–305, 307–314, 316–322, 324–327, 384–391, 395–400]. Материалы эти в основном пока еще не опубликованы, за исключением записей А. А. Аншбы, изданных в 1995 году [Джапуа, 1995а].

Среди данных записей много раннее незафиксированных мотивов и сюжетов или их новых сочетаний, которые обогатили сюжетно-тематический состав эпических сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле [Указатель, № 122, 124, 128, 130, 133, 135, 138–141, 143, 150–152, 164–168, 170,174, 183, 185, 191, 193, 195, 203, 206, 214, 216, 221, 224, 226, 235, 250, 251, 254, 261, 262, 265, 268, 270, 275, 278, 279, 283, 289, 290, 303, 304, 309, 310, 319, 320, 323, 325, 369, 371, 378].

Этот достаточно большой период времени характеризуется появлением с 1960-х годов первых абхазских профессиональных фольклористов – Ш. Х. Салакая, А. А. Аншбы, С. Л. Зухбы, Р. А.Хашбы. Соответственно в абхазской фольклористике возник ряд новых явлений и подходов. В частности, начиная с 1960-х годов были сделаны первые звукозаписи абхазского фольклора, в том числе, эпических сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле. Стали употребляться фольклористические методы (или близкие к ним формы) в собирании и публикации полевых материалов. Сравнительно более строго начали относиться к редакторскому вмешательству в текст и его художественной обработке.

Примечательно также, что с 1970-х годов началась частичная фиксация абхазского фольклора от зарубежных абхазов, в частности, было сделано несколько записей эпических сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле от турецких абхазов [Указатель, № 180, 210, 214, 221, 223, 225, 227, 261, 262, 370, 375].

Изучение архаической эпической традиции абхазов с начала 1960-х годов непосредственно связано с выходом в свет сводного текста абхазского нартского эпоса «Нарт Сасрыква и девяносто девять его братьев», составленного Ш. Д. Инал-ипой, К. С. Шакрылом, Б. В. Шинкубой и изданного в 1962 году на языке оригинала и в русском художественном переводе Г. Гулиа (проза) и С. Липкина (стихи) под названием «Приключения нарта Сасрыквы и его девяноста

девяти братьев». Литературно обработанный свод нартского эпоса, вышедший под редакцией большого мастера слова Б. В. Шинкубы, стал популярной, поистине народной книгой, которая оказала и оказывает влияние даже на самих сказителей. И поныне многие информаторы «ссылаются» на этот сборник в качестве подлинного фольклорного источника.

Вместе с тем, трудно переоценить и научное значение данной книги, показавшей впервые каков характер основного сюжетно-тематического состава абхазского нартского эпоса, ведущим циклом в котором служит цикл сказаний о Сасрыкуа. Как справедливо заметила А. А. Петросян, «публикация абхазского варианта эпоса явилась большим событием для советской фольклористики. Не случайно, что она послужила поводом созыва второго всесоюзного совещания по нартоведению в городе Сухуми (1963)», которое показало, «что интерес к проблемам нартоведения принял огромные масштабы» [Петросян, 1969, с. 10–11].

Так, начиная с 1960-х годов, заметно активизировалась работа по изучению абхазской эпической традиции, в частности, нартских сказаний и эпоса об Абрыскиле.

Несколько новых работ по историко-этнографическому, сравнительному и текстологическому изучению нартского эпоса написал Ш. Д. Инал-ипа: «Слово о нартах» (предисловие к сводному тексту абхазского нартского эпоса) [Инал-ипа, 1962, с. 5–12]; «О принципах составления сводного текста абхазского нартского эпоса» (доклад на Сухумской научной конференции по нартскому эпосу (1963)) [Инал-ипа, 1972, с. 43–57]; «Исторические корни древней культурной общности кавказских народов (опыт сравнительного изучения нартского эпоса)» [Инал-ипа, 1969, с. 30–68]; «Сто детей одной матери (по материалам абхазского нартского эпоса)» (доклад на VI Международном коллоквиуме Европейского общества кавказологов по проблемам нартского эпоса и кавказского языкознания (1992)) [Инал-ипа, 1994, с. 48–56]. Основные работы ученого по нартскому эпосу вошли в его книгу «Памятники абхазского фольклора: Нарты. Ацаны (Сборник статей и материалов)», изданную в 1977 году. Характерно, что все основные выводы данных работ ученого базируются на анализе архаического ядра абхазского нартского эпоса – цикла сказаний о Сатаней-Гуаще и Сасрыкуа.

Также некоторые вопросы содержания и истории изучения абхазских нартских сказаний освящает статья Х. С. Бгажбы «Абхазский нартский эпос и его изучение», в основе которой лежит доклад.

прочитанный им на Всесоюзной (Сухумской) научной конференции по проблемам нартского эпоса народов Кавказа [Бгажба, 1987, с. 272–285].

Вместе с тем, самым значительным событием в абхазской фольклористике стало появление с конца 1950-х – начала 1960-х годов профессиональных фольклористов, в деятельности которых особое место занимает изучение героического эпоса. В частности, основным объектом исследования Ш. Х. Салакая и А. А. Аншбы с самого начала стала абхазская эпическая традиция. До издания их монографических исследований они опубликовали целый ряд тезисов и статей по различным проблемам абхазских нартских сказаний и эпоса об Абрыскиле: об основных видах или этапах развития абхазского героического эпоса [Салакая, 1958, с.31–32; Салакая, 1963, с. 278–303; Салакая, 1976б, с. 79–91]; о происхождении первоначального ядра [Салакая, 1967, с. 28; Аншба, 1967а, с. 111–118; Аншба, 1971, с. 85–92; Салакая, 1974б, с. 100–132]; о мифологических истоках, содержании и основных образах [Аншба, 1964, с. 98–102; Салакая, 1969а, с. 396–408; Салакая, 1969б, с. 48–49; Салакая, 1971а, с. 121–122]; о поэтике, стиле и сказительском мастерстве [Аншба, 1966, с. 83–85; Аншба, 1967б, с. 29–30; Аншба, 1969а, с. 81–87; Аншба, 1969б, с. 409–425; Салакая, 1968, с. 87–92; Салакая, 1973, с. 116–132; Салакая, 1969в, с. 26; Салакая, 1971б, с. 18–19; Салакая, 1972, с. 25–26] абхазского нартского эпоса.

Первое монографическое исследование абхазского героического эпоса принадлежит Ш. Х. Салакая. В его книге «Абхазский народный героический эпос», вышедшей в 1966 году, рассмотрены все основные памятники героико-архаического и героико-исторического творчества абхазов: нартские сказания, эпос об Абрыскиле и историко-героическая словесность. В главе, посвященной нартскому эпосу, освещаются «вопросы идейно-тематической сущности и художественных особенностей нартского эпоса абхазов, обращая особое внимание на хозяйственный быт и общественные отношения, отраженные в эпосе, и на приемы создания художественных образов» [Салакая, 1966, с. 38–39]. Прослеживается эволюция эпических образов (в особенности, Сатаней-Гуащи, пастуха Нарджхьеу и Сасрыкуа) от архаического ядра эпоса (цикл сказаний о Сасрыкуа) до его завершения, обусловленная социальными переменами в обществе. «Сасрыква – герой матриархальной эпохи», образ первобытного мифа о «культурном герое» – один из основных тезисов ученого, хотя «в образе Сасрыквы нашли отражение и следующие стадии развития об-

щества» [Салакая, 1966, с. 50–51]. Ш. Х. Салакая считает, что первоначальное ядро нартского эпоса зародилось в середине III тысячелетия до н.э. в среде аборигенного населения Кавказа – предков современных абхазо-адыгских народов и отчасти – осетин [Салакая, 1966, с. 66–67]. В связи с генетическими проблемами ученый рассматривает и этимологию древнейших нартских терминов, прежде всего, общих для всех национальных версий эпоса (с незначительными вариациями), как *нарт, Сатаней, Сасрыкуа.*

В вопросах жанровых и художественных особенностей абхазского нартского эпоса ученый, соглашается с мнением В. И. Абаева о том, «что нартские сказания не дошли до фазы эпопеи, а остановились на фазе циклизации, сделав только лишь попытку к переходу в высшую фазу – в эпопею» [Салакая, 1966, с. 92]. Отмечает, что «в абхазском нартском эпосе основным и ведущим циклом стал цикл сказаний о Сасрыкве и Сатаней-Гуаше. Вокруг имен этих персонажей, особенно первого, концентрируются основные события, главные сюжетные линии эпоса. Эти персонажи принимают участие почти во всех событиях, описываемых в нем» [Салакая, 1966, с. 92]. Исследователь показывает роль гиперболы и других художественных средств в создании эпических образов.

В работе Ш. Х. Салакая специальному исследованию подвергается и абхазский эпос об Абрыскиле. Впервые конкретно, на основе анализа различных вариантов сказаний, раскрывается идейное содержание эпоса, приводятся его основные мотивы и сюжеты, самой яркой из которых является «сцена, посвященная погоне ангелов за Абрскилом, его поимке и заточению в пещеру» [Салакая, 1966, с. 111]. Определяя жанрово-типологическую суть эпоса, ученый заключает, что «сказание об Абрскиле выступает как бы связующим звеном между двумя разновидностями эпического творчества кавказских народов: с одной стороны, всем своим внутренним строем, идейным содержанием оно предстает перед нами как дальнейшее развитие нартского эпоса, с другой стороны, оно неразрывно связано с циклом кавказских преданий о великанах, прикованных к горам или заточенных в пещеры, к героям типа греческого Прометея» [Салакая, 1966, с. 114].

Следующая монография Ш. Х. Салакая «Абхазский нартский эпос» (Тб., 1976) конкретно посвящена абхазской версии кавказской Нартиады. Она собственно представляет собой расширение и углубление соображений и выводов по нартскому эпосу абхазов, содержащихся в его первой работе. Научная значимость книги еще больше усиливают прилагаемые к ней 25 текстов – образцы основных сюжетов абхазского нартского эпоса в максимально точном переводе на русский язык, 20 из которых относятся к циклу сказаний о Сатаней-Гуаще и Сасрыкуа.

Многолетние исследования по абхазскому эпосу Ш. Х. Салакая обобщает в своей докторской диссертации «Эпическое творчество абхазского народа», защищенной им в 1999 году в Москве, в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН [Салакая, 1998].

Другой абхазский нартовед А. А. Аншба вопросам поэтики абхазского нартского эпоса посвятил две монографии [Аншба, 1968; Аншба, 1970]. Это – первая попытка специального рассмотрения вопросов сюжетосложения, стиля, поэтического языка и традиции исполнения абхазских нартских сказаний. Изучая жанровую природу эпоса, роли в нем мифа, сказки и истории, а также характер циклизации сказаний вокруг отдельных героев, исследователь приходит к выводу, что «главными и основными героями эпоса являются мать нартов Сатаней-Гуша и нерожденный ею сын Сасрыква… Существует фактически один законченный, завершенный цикл (цикл Сасрыквы), герой которого проходит почти через все сказания… Образы Сатаней-Гуаши и Сасрыквы создавались в период наивысшего расцвета эпоса» [Аншба, 1970, с. 111].

В следующем монографическом исследовании А. А. Аншбы «Абхазский фольклор и действительность» (Тб., 1982) отдельная глава посвящена абхазскому нартскому эпосу, где широко освещаются вопросы происхождения, исторических и историко-этнографических основ конкретных эпических мотивов и сюжетов. В отличие от этнографов, которые описывают, фиксируют, извлекают этнографические, бытовые и хозяйственные черты эпоса, фольклорист пытается «связать их с конкретными сюжетами и образами, исходя из этнографии, понять их происхождение и развитие» [Аншба, 1982, с. 80]. Следует сказать, что наиболее важные положения ученого, касающиеся генезиса архаического ядра эпоса, которое, по мнению исследователя, «является результатом поэтического творчества кавказских народов» [Аншба, 1982, с. 82], основываются, прежде всего, на анализе цикла сказаний о Сатаней-Гуаще и Сасрыкуа.

Значительный интерес к изучению героического эпоса абхазов проявляет С. Л. Зухба. Отдельные главы его работ посвящены абхазским нартским сказаниям и эпосу об Абрыскиле [Зухба, 1970, с. 161–192; Зухба, 1981, с. 279–352; Зухба, 1995, с. 201–261]. В своей специ-

альной работе, посвященной взаимоотношениям волшебной сказки и нартского эпоса абхазов [Зухба, 1970, с. 161–192], фольклорист обнаруживает ряд сходных мотивов между этими жанрами: чудесное рождение героя, закалка и испытание героя, укрощение коня, посещение подземного царства. Они, по мнению ученого, «не представляются в целом заимствованными одним жанром из другого, а восходят к недифференцированному, идеологически синкретическому фольклору» [Зухба, 1970, с. 192].

В монографии С. Л. Зухбы «Типология абхазской несказочной прозы» (Майкоп, 1995) отдельно рассматриваются вопросы бытования, ономастики, основного содержания и типологии абхазского нартского эпоса [Зухба, 1995, с. 202–238]. Обстоятельно анализировано идейное и историко-этнографическое содержание основных мотивов и эпизодов эпоса об Абрыскиле [Зухба, 1995, с. 239–261]. Исследователь затрагивает и вопрос датировки памятника, который, вслед за Ш. Х. Салакая [Салакая, 1966, с. 114] и А. А. Аншбы [Аншба, 1970, с. 18], считает, что «героическое сказание об Абрскиле сравнительно позднего происхождения, чем нартский героический эпос» [Зухба, 1995, с. 240].

Образы Сасрыкуа и Абрыскила занимают весьма значительное место в исследованиях этнографа Л. Х. Акабы в области изучения религиозно-мифологических представлений абхазов [Акаба,1976]. Анализируя мифологические подосновы сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле, Л. Х. Акаба заключает, что в своей первооснове эти образы возникли одновременно, Абрыскил – двойник Сасрыкуа, первоначально он представлялся, подобно Сасрыкуа, детищем «великой матери» [Акаба, 1976, с. 68,73].

Несколько новый подход к исследованию нартского эпоса (в отличие от традиционного изучения идейного содержания и художественных особенностей памятника) применяется в работах В. Г.Ардзинбы [Ардзинба, 1985, с. 128–168; Ардзинба, 1987, с. 131–135; Ардзинба, 1988, с. 263–306], который на основе изучения эпоса и ритуальной практики реконструирует ряд образов, сюжетов и мотивов нартских сказаний. В своей объемной статье «Нартский сюжет о рождении героя из камня» [Ардзинба, 1985, с. 128–168] ученый описывает комплекс устойчивых образов, мотивов и элементов сюжета о рождении героя из камня, которые рассматриваются как компоненты единого целого, структуры сюжета; прослеживает их проявление в других сюжетах эпоса; сопоставляет с ними этнографические данные из традиции абхазо-адыгов, и, наконец, приводит интересные параллели из хурритской и хаттской традиций к мотивам и элементам сюжета о рождении героя из камня. Анализируя приметы нартских образов («пастуха», адауы-великана, агулщапа-дракона, старухи-ведьмы, полусухого-полусырого пахаря и всадника-богатыря Талумбака), представленных в разных эпических сюжетах (о рождении героя из камня, о добывании огня, об освобождении водного источника, о проглатывании братьев-нартов старухой-ведьмой, о встрече с великаном-пахарем и с богатырем-всадником), В. Г. Ардзинба считает, что все эти образы наделены чертами существа «иного», «потустороннего» мира. С этим согласуются и описания их места обитания и пути героя, устремляющегося к ним. А все эти сюжеты по своей структуре однотипны, представляют собой одну из возможных реализаций основной темы: «потери (или отсутствия чего-либо) – обретения».

Выводы ученого и применяемый им структурно-типологический метод в изучении нартского эпоса представляются весьма существенными и плодотворными. Они могут служить стимулом (как это увидим ниже) к дальнейшему раскрытию архаической семантики различных образов, мотивов и сюжетов абхазской эпической традиции.

Основным образам, отдельным сюжетам и мотивам, эпической контаминации, этиологическим ремаркам, поэтико-воззренческим аспектам, поэтико-стилевым особенностям (эпико-фантастическим и гиперболическим описаниям, эпитетике), систематике текстов, абхазо-адыгским нартским параллелям и вопросам текстологии абхазских нартских сказаний и эпоса об Абрыскиле посвятил ряд статей и монографию и автор этих строк[1].

Абхазские нартские сказания и эпос об Абрыскиле в качестве сравнительного материала использовали (к сожалению, не в полной мере, из-за отсутствия научных изданий текстов) в своих работах

[1] См.: Джапуа, 1983, с. 81–85; Джапуа, 1984, с. 99–104; Джапуа, 1987, с. 109–117; Джапуа, 1988а, с. 103–113; Джапуа, 1988б, с. 117–122; Джапуа, 1989, с. 112–120; Джапуа, 1990а, с. 112–121; Джапуа, 1990б, с. 34–36; Джапуа, 1990в, с. 47–49; Джапуа, 1994а, с. 218–237; Джапуа, 1994б, с. 149–155; Джапуа, 1995а, с. 479–485, 528–529; Джапуа, 1995б; Джапуа, 1999а, с. 251–255; Джапуа, 1999б, с. 39–40; Джапуа, 1999в, с. 50–55; Джапуа, 1999г, с. 33–34; Джапуа, 1999д, с. 126–128; Джапуа, 2000а, с. 13–14; Джапуа, 2000б, с. 115–126; Джапуа, 2000в, с. 101–130; Джапуа, 2001а, с. 121–126; Джапуа, 2001б, с. 380–389; Джапуа, 2003, с. 615–634.

многие исследователи: Е. М. Мелетинский [Мелетинский, 1957; Мелетинский, 1963, с.156–247], Е. И. Крупнов [Крупнов, 1969, с. 15–29], В. И. Абаев [Абаев, 1949, с. 309–322; Абаев, 1957, с. 22–36; Абаев, 1982], Ж. Дюмезиль [Дюмезиль, 1977; Дюмезиль, 1990], У. Б. Далгат [Далгат, 1972], М. Я. Чиковани [Чиковани, 1966; Чиковани, 1969, с. 226–244], Е. Б. Вирсаладзе [Вирсаладзе, 1969, с. 245–254; Вирсаладзе, 1976], М. А. и З. Ю. Кумаховы [Кумахов, Кумахова, 1985; Кумахов, Кумахова, 1998], А. И. Алиева [Алиева, 1969], Ю. С. Гаглойти [Гаглойти, 1977; Гаглойти, 2000, с. 5–37], А. М. Гадагатль [Гадагатль, 1967; Гадагатль, 1997], А. М. Гутов [Гутов, 1993], А. З. Холаев [Холаев, 1974], З. В. Абаева [Абаева, 1978], Г. В. Цулая [Цулая, 1963, с. 323–333; Цулая, 1966а, с. 87–89; Цулая, 1966б, с. 132–141], Ю. А. Дзиццойты [Дзиццойты, 1992], А. А. Туаллагов [Туаллагов, 2001] и др.

Исследования этих и целого ряда других ученых свидетельствуют о том, что разработка вопросов, связанных с кавказской Нартиадой и кавказскими преданиями о героях прометеевского типа – памятниками культуры и искусства мирового значения, с давних пор представляет большой научный интерес.

I. СИСТЕМАТИКА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТОВ ЦИКЛА СКАЗАНИЙ О САСРЫКУА

В абхазском нартском эпосе цикл основных песен и сказаний о Сасрыкуа складывается из следующих сюжетно-тематических единиц, которые обнаруживают не только варианты, но и своеобразные версии:

1. Чудесное рождение и богатырское детство: *1) «чудесное рождение из камня»; 2) «укрощение коня»; 3) «изготовление меча из необычного железа».*

2. Спасение братьев-нартов: *1) «добывание огня»; 2) «проглатывание братьев-нартов старухой-ведьмой».*

3. Посещение подземного мира: *1) «освобождение водного источника»; 2) «освещение пути свечением мизинца»; 3) «чудеса по пути к родителям жены»; 4) «оживление жены (суженой) с помощью травинки или листа».*

4. Поиск более сильного соперника: *1) «встреча с великаном-пахарем»; 2) «встреча с богатырем-всадником».*

5. Женитьба героя: *1) «героическое сватовство»; 2) «роковая смерть младенца».*

6. Гибель героя: *1) «гибель от камня»; 2) «уход в загробный мир»; 3) «выведывание местонахождения души героя и его коня»; 4) «перерезание ног»; 5) «поминки по герою»; 6) «уход на луну»; 7) «заклятия на собак и волков».*

1. Чудесное рождение и богатырское детство

1.1. *«Чудесное рождение из камня»* – самое распространенное и наиболее устойчивое сказание нартского эпоса абхазов. Первая его запись была произведена в 1921 году [Указатель, №5]. В Указателе оно составляет 109 вариантов сказания. Причем ему свойственна высокая степень контаминации с другими мотивами и сюжетами о Сасрыкуа и не только о нем. Из 109 вариантов только 29 предстают в

виде отдельных, самостоятельных сюжетных единиц[1], а 80 – в контаминации с другими сказаниями[2]. И в сюжетосложении он почти постоянно занимает первую позицию. Рассказ о Сасрыкуа сказители обычно начинают с его рождения. По логике развития эпических событий богатырь рождается, и далее следуют его закалка, чудесный рост, укрощение коня, ковка меча и другие героические подвиги[3].

Матерь нартов Сатаней-Гуаща ***утром*** *направилась к* ***берегу реки; в полдень****, купаясь в реке, она увидела на* ***противоположном берегу*** *пастуха нартов (вернее – его фаллос) и окликнула его*[4] (по некоторым вариантам сказания, пастух первым обращается к Сатаней-Гуаще)[5]. *Пастух,* ***пробудившись ото сна****, воспылал к ней страстью и, не сумев переплыть реку, отправил* ***с того берега*** *свое мужское семя; оно попало в* ***камень,*** *на котором появился человеческий образ. Кузнец нартов Айпар-жьи высекает из камня человеческий образ; Сатаней-Гуаща, завернув его (иногда весь камень) в вату (или в какой-либо другой теплый материал), кладет под мышку или прикладывает к животу, и по прошествии определенного времени «рождается» сын. Кузнец нартов* ***тайно от всех*** *закалил младенца в горниле кузницы, изготовил для него железную (или золотую) колыбель, железное седло и железную узду (*см. тексты: №1, 2, 3, 8, 9, 10, 11, 12, 18, 34).

Ср. в абазинской [Н. абаз., с. 186–187, 187, 188, 188–190, 259–260], адыгской [Н. адыгск., с. 189, 189–190, 190–192, 194–195], осетинской [Н. осет., с. 86-89, 108], балкаро-карачаевской [Н. балк.-карач., с. 364–367] и вайнахской [Далгат, 1972, с. 287] версиях нартского эпоса.

---

[1] См. Указатель, №7, 19, 23, 24, 29, 30, 63, 86, 101, 102, 137, 144, 145, 146, 147, 148, 207, 218, 222, 236, 244, 271, 287, 294, 295, 296, 313, 314, 327.

[2] См. Указатель, №5, 9, 11, 13, 16, 20, 25, 27, 31, 32, 33, 34, 35, 59, 64, 65, 66, 67, 103, 104, 117, 120, 122, 138, 149, 150, 151, 152, 153, 170, 176, 177, 178, 179, 180, 183, 190, 191, 192, 216, 217, 220, 225, 226, 237, 238, 239, 240, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 272, 273, 274, 275, 280, 281, 288, 289, 290, 292, 305, 306, 307, 315, 317, 319, 320.

[3] В теории эпоса, однако, известно предположение о том, что «рассказы о героическом детстве героя, о его чудесном рождении и первом подвиге носят следы более позднего происхождения», чем его основные подвиги [Жирмунский, 1962, с. 38].

[4] Так «богиня Иштар соблазняет плавающее в воде чудовище Хедамму» [Иванов, 1983, с. 121] в хурритско-хеттской эпической традиции.

[5] См. Указатель, №32, 64, 66, 86, 148, 217, 226.

Выделенные мотивы и эпизоды сюжета в разных вариантах и версиях эпоса могут варьировать в различной степени. Например, в осетинской версии и в вайнахских сказаниях часто отсутствует описание посылки семени пастуха через реку: *пастух (или молодой человек) падает или садится на камень (иногда* ***засыпает*** *на нем), на который проливается его семя.*

Если в абхазской версии более устойчив мотив высечения «человеческого образа» из камня нартским кузнецом, то в других версиях чаще оплодотворенный камень, который остается на месте (по осетинским, балкаро-карачаевским и вайнахским вариантам сказания) или приносится домой (по абазинским и адыгским сказаниям), по истечении определенного времени сам раскалывается и из него выходит младенец.

Согласно одному балкаро-карачаевскому варианту сказания:

Братья-нарты, увидев как раскалывается большой камень состар и из него выходит младенец, вызволяют его ***из острова*** *и приводят домой* [Н. балк.-карач., с. 364–367].

В вайнахских вариантах сказания рождение Соска Солсы описано весьма скудно (без изображения пространства и образов действия):

Некий молодец сел на камень, лежащий рядом с любимой девушкой, и в камне образовался зародыш [Далгат, 1972, с. 287].

В другом варианте *камень оплодотворяется от сношения молодца, заснувшего на раздвоенном камне, с любимой девушкой во сне (семя попало в трещину камня)* [Далгат, 1972, с. 287].

И в некоторых абхазских усеченных вариантах сказания рождение героя описывается несколько упрощенно и эпизодично. Это, например, – мазания себя семенем пастуха, которое попало в камень; переход пастуха через реку и сонтие с Сатаней-Гуащей [Указатель, №16, 306]; попадание семени в лоно Сатаней-Гуащи (а не в камень) [Указатель, №148]; «непорочное зачатие» (как в сказании об Абрыскиле) [Указатель, №122]; зачатие от пастуха, прошедшего мимо героини (как в сказке) [Указатель, №217].

Из сопоставления разных версий и вариантов сюжета явствует, что в абхазо-адыгской нартской традиции данное сказание получило

наиболее интенсивное художественное развитие и поэтическую насыщенность. Это выражается в изображении эпического пространства (реки и противоположных берегов), эпических образов и действий (Сатаней и «пастуха», хождение к реке, изготовление веретена и прясла, прядение шерсти и т.п.) и эпического эротизма (купание в реке, нагота и страстная внешность Сатаней и «пастуха», страстный диалог между ними, посылка семени через реку и т.п.). Мнение Ю. С. Гаглойти о том, что якобы «сравнительный анализ национальных версий о рождении героя из камня не выявляет какого-либо своеобразия адыгской и абхазской версий по сравнению с осетинской» [Гаглойти, 2000, с. 25], все же звучит неубедительно, уже потому, что даже в академическом издании осетинского нартского эпоса только в одном варианте сюжета (и то в усеченной форме) фигурирует описание посылки семени через реку [Н. осет., с. 87–89]. Более того, в осетинской версии нартского эпоса мотив чудесного рождения из камня подвержен частому перемещению и варьированию: он приписывается то Сослану, то Батразу, то Сырдону; есть вариант, где Сослан рождается не из камня, а является сыном Сасана и даже принимает участие в рождении своей матери; в некоторых же вариантах Сослан, Урызмаг и Хамыц – дети Дзерассы [Рклицкий, 1927, с. 6–7; Трубецкой, 1987, с. 347; Далгат, 1972, с. 23]. В абхазской же версии эпоса этот мотив неизменно связан только с именем Сасрыкуа, не приписывается ни одному другому нартскому персонажу, что, на мой взгляд, свидетельствует об исконности и атрибутивности столь древнего мотива чудесного рождения из камня в нартском эпосе абхазов.

Как видно, сюжет о чудесном рождении Сасрыкуа из камня во всех основных версиях нартского эпоса таит в себе весьма архаические мифоэпические представления.

По мнению исследователей, в нем следует видеть древнейший мифологический сюжет, «возможно, восходящий к неолиту», к расцвету матриархата [Мелетинский, 1963, с. 176; Инал-ипа, 1969, с. 58–59; Салакая, 1976а, с. 102–112; Аншба, 1982, с. 93; Зухба, 1970, с. 167]. Само имя Сасрыкуа, по предположению Ш. Х. Салакая, «содержит элемент, восходящий к эпохе неолита (или энеолита) и отразивший ее (саср, соср – «камень», «скала») » [Салакая, 1976а, с. 112].

Одни ученые (В. Ф. Миллер, Н. С. Трубецкой) находят корни данного нартского сюжета в древних мифах о Митре и Зевсе Псевдо-Плутарха, Павсания и Арнобия [Миллер, 1885, с. 90; Миллер, 1908, с. 89; Трубецкой, 1987, с. 346–349]. В этих древних мифах сообщается, что

«на фригийской границе был горный хребет Agdus. Там из камня произошла Кибела. Зевс долго тщетно домогался ее любви и, потерпев неудачу, пролил свое семя в скалу, которая родила ужасное двуполое существо Агдистис… Митра хотел иметь сына; но так как он ненавидел женский пол, то пустил свое семя на скалу, которая родила ему сына по имени Диорф… Митра сам рожден скалою, вследствие чего называется рожденный скалой» [Трубецкой, 1987, с. 347–348].

Ж. Дюмезиль и В. И. Абаев, которые относили цикл сказаний о Сасрыкуа к солнечным мифам, сходство между нартским героем и малоазийским богом Митрой объясняют тем, что «рождение из камня есть черта, охотно приписываемая солнечным богам» [Абаев, 1982, с. 37; Дюмезиль, 1977, с. 70–71]. По мнению же А. И. Алиевой, «сравнение Сосруко с Митрой и Диорфом – весьма характерно само по себе; оно еще раз подчеркивает древность образа героя вообще и сказания о чудесном рождении – в частности; однако оно вовсе не доказывает солнечной природы Сосруко» [Алиева, 1969, с. 32]. А по Л.П. Семенову, эти параллели свидетельствуют о наличии культа камня, как у фригийцев, так и у ингушей [Семенов, 1959, с. 216–217].

Как пишет В. Г. Ардзинба, «отсутствие какого-либо упоминания андрогинных персонажей в нартском эпосе не позволяет считать ни миф о Митре, ни миф о Зевсе непосредственным источником нартского сюжета[1]. Сюжеты, содержащиеся в сочинениях Псевдо-Плутарха, Павсания и Арнобия, связаны с областями, в которых были расселены хуррито-урарты или существовало их влияние. Данное обстоятельство, а также наличие некоторого сходства этих мифов с хурритским мифологическим эпосом «Песнь об Улликумми» допускают предположение, что они восходят к древнему хурритскому эпосу, возникшему, естественно, задолго до того, как он был переведен на хеттский язык (приблизительно в XIII в. до н.э.)» [Ардзинба, 1985, с. 157–158].

Действительно, в хурритско-хеттских текстах наблюдается ряд интересных параллелей к мотивам сюжета о рождении героя[2]. Ср., в частности, описание зачатия Улликумми:

---

[1] По мнению же осетинского историка А. А. Туаллагова, «отрицание влияния на эпос мифов о Зевсе и Митре на основании отсутствия в нем андрогинных персонажей не работает, поскольку влияние культов соответствующих божеств в эпосе осетин довольно отчетливо» [Туаллагов, 2001, с. 216].

[2] Подробно об этом см.: Ардзинба, 1985; Ардзинба, 1987; Ардзинба, 1988.

У Кумарби подпрыгнуло сердце.
Со скалой сочетался Кумарби,
И оставил он семя в скале.
[Иванов, 1977, с. 125–126]

«Хеттское нарицательное имя существительное **peruna** значит «скала». В хеттском переводе хурритского мифологического эпоса **peruna** предстает как женское существо[1], с которым сочетался бог Кумарби… От «брака» со скалой, лежавшей в Холодном озере, и родился каменный герой Улликумми… Параллели между нартским эпосом и хурритской «Песнью об Улликумми», а также хаттским мифом о борьбе бога грозы со Змеем, видимо, указывают на их общие истоки. Они могут быть объяснены предполагаемым генетическим родством хурритоурартского и хаттского с восточнокавказскими и западнокавказскими языками» [Ардзинба, 1985, с. 159, 161].

На сходные черты между Сасрыкуа и Улликумми впервые обратил внимание Е.М.Мелетинский, сопоставляя Сасрыкуа с персонажами других традиций. Он отмечал, что «в сказаниях о рождении Сосруко, Митры, Улликумми можно допустить общую основу» [Мелетинский, 1963, с. 176].

В абхазском эпосе в наиболее целостных вариантах сюжета о рождении Сасрыкуа уже с момента отправления Сатаней-Гуащи к реке все описания ее образа предвещают «встречу» с пастухом – страстная, зазывная внешность, клуб шерсти, веретено из целого дерева, прясла из целого валуна и т.п.:

Мрада дкаԥхоит, мзада дкаччоит
Сатани-Гәашьа!
Лышьхәа баапсы адых-дых аргоит,
Л<…>хә еадаԥсшәа имакәруеит.
Қәны чаԥшьк жә[жә]аны иаалымгьыцралцоит,
Шә-кьантазк ахьылбуа лшьапала илыцалыркәыеуеит,
Лнапала длаха-саханы иааилылхуеит,
Дардгәыс икацаны далахахоит.
Цакьажәк ахьылбуа лшьапала иаалыцларцоит,
Лнапала днагәаны иаакылылцәоит,
Дардхас икацаны лшьамхы иаакәылкуеит.

[1] Ср. ниже переднюю плиту дольмена с атрибутами женского образа.

Без солнца светит [как солнце], без луны сияет [как луна],
Сатани-Гуаща!
Ее тяжкая ступня издает грозный звук,
Ее зад, как у ослицы, зазывно играет.
Растрепав охапку льна, затыкает себе за пояс.
Увидит здоровый бук – придавит ногой,
Руками очистит [от сучьев]
И, сделав веретеном, прядет им.
Увидит огромный валун – ногой вывернет,
Рукой надавит и проделает в нем отверстие
И, сделав пряслом, кладет себе на колени.
(Текст №1)

«В прядении, изготовлении нити из шерсти, льна можно усмотреть отождествление нити и «пути», судьбы, связывающих Сатаней и пастуха»[1] [Ардзинба, 1985, с. 156]. Также образы *веретена*[2] *из целого дерева* и *прясла из целого валуна*, вероятно, сопоставимы с фаллом пастуха, кажущимся Сатаней-Гуаще то ли скалой, то ли деревом (*«Бахәызар – ирацәалшьеит,/ Шәацыцьацзар – икәнылшьеит»* – *«Для скалы – великоватым посчитала его, / Для дерева – маловатым посчитала его»* [текст №1]) и камнем, в который попадает семя пастуха[3] (*«Сатани-Гәашьа дацәшәан, / Хахә дук даадыххалт/*

[1] Ср. заклинание для предотвращения сглаза покойником, возможно, первоначально связанное с беременной женщиной: *«За порогом, как переступишь,/Семь клубков шерстяных валяются./ Покуда переступишь туда, переступишь сюда, /Распутывая, распутывая, покуда их не сосчитаю, / Пусть не беспокоят тебя злые духи…»* [Дбар, 2000, с. 20].

[2] Ср. «веретено – у хеттов символ женщины» [Иванов, 1977, с. 262]. В мифологии «веретено – атрибут богинь материнства и женщин вообще. В искусстве с веретеном изображалась одна из мойр – Клото, которая прядет нить судьбы» [Тресиддер, 1999, с. 38].

[3] Ср. в абхазской земледельческой культуре образ камней для молотьбы зерна, ручного жернова (*анапыла-лу*), с отверстием в центре и вставленной в нем деревянной стойкой. Работа на жерновах (ручной мельнице) изначально представлялась как исключительно женское ритуализованное занятие, связанное с женским божеством Саунау [Инал-ипа, 1965, с. 228–243], что, вероятно, символизирует участие женского начала в изготовлении кушанья [Ардзинба, 1985, с. 133–134]. В свете этих соображений интересно и

«Апстҳәа» уи ахахә ду иаахт» – «Сатани-Гуаща испугалась/ И подбежала к большому камню, [*чтобы спрятаться*]. / *«Облако» ударилось об этот большой камень»* [текст №1]).

Возможно, с этим символом связаны некоторые ритуальные черты дольменной архитектуры Кавказа (ср.ниже): дольменная втулка в форме фалла, круглое овальное отверстие в форме женского лона и округлые выпуклости выше него в форме женской груди [Марковин, 1978, с. 203–231]. Камень предстает как бы в двух ипостасях: как гиперболическое изображение фалла и как лоно, в которое попадает семя. В связи с каменной природой героя логична и этимология имени Сасрыкуа как «сын камня» [Салакая, 1976а, с. 97–112]. Все это совершенно определенно явствует об отражении архаического фаллического культа и почитания камней в данном сюжете. А поклонение камням, как установлено, очень часто является пережитком фаллического культа.

Связь камня с культом плодородия засвидетельствована в мифологиях многих народов. Так, по свидетельству ряда авторов, у древних народов широко распространено использование каменных фаллообразных объектов для лечения бесплодия [Тресиддер, 1999, с. 136]. Племя менкиера приносит жертвы скалам и камням. В Сапо у дверей дома вождя племени стоит большой камень. Если кто-нибудь никак не может жениться или имеет бездетную жену, то он приносит в жертву камню курицу, надеясь, что камень наградит его женой или ребенком. К камням одного рода, называемым vatobetroka, прибегают бездетные женщины. Они носят при себе немного жира или масла, которым смазывают камень, и при этом обещают ему, что если у них родится ребенок, то они снова придут и еще жирнее обмажут камень [Фрэзер, 1990, с. 277, 279]. У ряда народов Кавказа возле черных камней совершали обряды с целью исцеления от бесплодия, для испытания зрелости мальчиков, а также для вызывания дождя [Ардзинба, 1988, с. 272]. У вайнахов к каменному фаллическому памятнику у святилища Тушоли, в селении Ког, бесплодные женщины припадали грудью, испрашивая у богини детей; во время засухи верхняя часть памятника снималась, опрокидывалась и оставлялась на земле до тех пор, пока не шел дождь и не наполнялось водой отверстие в дне ее. Перед святилищем стоит каменный фалл, называемый Кобыл кэри и имеющий в высоту 1,65 м. [Далгат, 1972, с. 137].

нартское предание, связывающее появление семян кукурузы с образом Сатаней-Гуащи (см. текст №4).

До наших дней дошел распространенный среди адыгов обычай привязывать к веткам плодовых деревьев небольшие камни с отверстиями. Считается, что это предохраняет дерево от дурного глаза и способствует плодоношению [Гутов, 1993, с. 145]. (Ср. символ дерево с плодами – «как дети этого дерева» [Штернберг, 1936, с. 440]). В Чегемском ущелье есть большой длинный камень, который называют Нарт таш (Камень нартов). Жители ущелья приносили к этому камню новорожденных детей, резали жертвенных баранов и устраивали там угощение. Нарт таш обливали водой, а воду, стекавшую с камня, собирали и в ней купали ребенка [Хаджиева, 1994, с. 61].

О наличии фаллического культа у абхазов свидетельствуют, как нартские и другие фольклорные тексты, так и декоративно-прикладные, религиозно-игровые и археологические материалы. В этой связи интересно числовое гиперболическое описание образа Сасрыкуа, встречающееся в одной записи абхазского нартского эпоса:

«Сасрыкәа 300 аршьын дыкан, ыпҳәыс – 150 аршьын, иара 70 аршьын ыпҳашьара аура аман. Кәыдры ныркә ыпҳәыс диыргылауан, иара аарцә дгыланы акәын ыпҳәыс лыкны дыцшаиуаз. Кәыдры азы ыхырыюырны жәа-ршьынк ыпҳәыс лышка ыцауан, 60 иара ышка ыпхауан».

«Рост Сасрыкуа – 300 аршин, рост его жены – 150 аршин, а длина его фаллоса – 70 аршин. Он ставил свою жену на противоположном берегу реки Кудры, а сам становился на этой стороне, и таким образом «встречался» с ней. При этом через реку Кудры переваливали 10 аршин его фаллоса, а 60 аршин оставалось на его стороне» [Джапуа, 2001а, с. 58, текст №32].

Подобные гиперболические изображения фаллоса имеются в волшебных и сатирико-бытовых сюжетах абхазской сказки. Например, как пишут С. Л. Зухба и Е. М. Малия, в одной сказке встречаем описание мужской фигуры с огромным фаллосом: «Внешность его такова, что рост его самого – две пяди, а фалл – девять пядей. Он ненасытен и обладает необыкновенной физической силой» [Зухба, 1970, с. 99]; «привязанный за фалл к дубу, он вырывает последний с корнем и уходит в преисподнюю. В другой раз оглушает фаллом одного из героев сказки» [Малия, 1972, с. 143].

Фаллические фигурки присутствуют у абхазов в орнаментальных мотивах, в аппликации хлопчатобумажных ковров, с фаллическим культом связаны религиозные обряды, своеобразные сценические представления типа *«Чопы»* и *«Самакуа»* [Малия, 1972, с. 134–143]. В связи с фаллическим культом у абхазов следует указать и на иттифаличные скульптурные фигурки, обнаруженные на территории Абхазии: бронзовые статуэтки из Бамборского клада [Лукин, 1941, с. 64–65, 68–69, табл. XVIII, 2, XXII, 1, 2] и Эшерского погребального комплекса [Шамба, 1972, с. 105–109], фаллические фигурки, найденные в устье р. Кудры [Каталог, 1955], в Джантухском могильнике [Шамба, 1984, с. 78].

Отражение фаллического культа в нартском сюжете о рождении Сасрыкуа как бы подкрепляется, еще более усиливается наличием в нем описания образа быков. В фабуле сюжета изображение наготы нартского пастуха, пребывающего в состоянии сна на противоположном берегу реки, его огромного фалла почти постоянно связано с нартскими стадами (быками):

[Сатанеи-Гәашьа] данцшы, Кәбина ныркә,
Нартаа рырахә шьагьуа
Ашьашәыр ишыцаз лбит.
– Унан, сычкәынцәа рырахә! – лхәит.
Цкьа данцшы, арахә рыгәтаны
Ак[ы] шалагылаз лбит.
Бахәызар – ирацәалшьеит,
Шәацыцьацзар – икәнылшьеит.
Нартаа рыцәажәкәа, амц ианырклак,
Ртәыюакәа ахьыршьуеит.
Лгәы иазбит, нартаа рыжәхьча
Зартыжә иакәхап хәа,
Дыцәазтгьы, идынажә ауп избо хәа.

[Сатаней-Гуаща] смотрит и видит
На том берегу Кубины
*В тени [деревьев] – **стада нартов**.*
– Унан, стада моих сыновей! – воскликнула она.
Пристально посмотрев, увидела,
Что среди стада что-то возвышается.
Для скалы – великоватым посчитала его,
Для дерева – маловатым посчитала его.

***Быки нартов,** когда пристанут мухи,*
Рогами трутся об него.
Сердце ее решило, что это,
Наверно, пастух нартов Зартыж,
Что он, наверно, спит и она видит его <...>.

(Текст №1)

Во многих традиционных культурах древности культ священного быка, тесно связанный с плодородием, мужской плодовитостью, символизирует мифологическое и обрядовое отождествление мужчины (мужского начала) и быка (см.: Иванов, 1987а, с. 203; Фрэзер, 1983, с. 365–366, 427–430, 436–437, 534; Штернберг, 1936, с. 389, 417, 419–421). Например, в греческой мифологии «сексуальный символизм быка очень силен»[1] [Тресиддер, 1999, с.33]. Возможно, к сексуальной, фаллической символике относятся и *рога быков,* встречающиеся в данном описании сюжета. «На основании совпадения метафор в древнеиндийской, греческой и древнеирландской традициях восстанавливается образ героя-мужчины как ‘быка’ и женщины, девушки как ‘коровы’» [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 577]. Также в ряде мифологий бык является символом Бога[2] (главного божества или Бога грозы) [Иванов, 1987а, с. 203]. По предположению Ш. Д. Инал-ипы, в абхазском имени Бога *Анцәа* частица *–цә (цәа)* может обозначать бык (абх.*ацә)* [Инал-ипа, 1974, с. 163].

О глубоких корнях и широком развитии культа быка у абхазов свидетельствует целый ряд фольклорных, обрядовых и археологических материалов. Так, по одному мифологическому преданию абха-

[1] Ср. оргийные обряды с участием быков в честь Диониса, обрядовое приветствие эллейских женщин Дионису-быку: «Приди в свой храм с твоей бычьей ногой, о прекрасный бык!» [Штернберг, 1936, с. 420]. «Зевс предстал перед красавицей Европой в образе смирного белого быка, чтобы похитить ее… Египетские женщины обнажались перед изображением священного быка Аписа» [Тресиддер, 1999, с. 33].

[2] Ср. культ быкоподобных богов плодородия – Сина-быка, Зевса-быка, Диониса-быка, Посейдона-быка, Осириса-быка и т.п. Возможно, к быкоподобным образам примыкает и абхазский Бог плодородия Айтар, изображенный, по мнению исследователей, в скульптурных статуэтках всадника, обнаруженных в Бамборском и Эшерском кладах [Лукин, 1941, с. 68–72; Шамба, 1972, с. 107–109].

зов, земля, расположена на рогах рыжего быка,[1] который вызывает землетрясение в момент перенесения тяжести из одного рога на другой [Джапуа, 1995а, с. 41]; о быке гигантских размеров и о быке – покровителе мальчика повествуют абхазские волшебные сказки [Шакрыл, Бгажба, 1965, с. 232-233; Зухба, 1976, с. 118–123].

С особым почтением относились абхазы к ритуальным и поминальным жертвоприношениям быка (см. ниже) [Джанашиа 1960, с. 85–86; Гулиа, 1986, с. 288–289]. Весьма распространен обрядовый рассказ о священном быке, зачастую связанный со святилищем *Елыр-ныха* – храмом священного быка (*ацэ-цшьа ауахэама).* По свидетельству ряда авторов [Ламберти, 1913, с. 152–157; Серена, 1999, с. 81; Джанашиа, 1960, с. 38-43; Чурсин, 1957, с. 29–36; Инал-ипа, 1974, с. 166], накануне праздника святого Георгия из моря выходил бык с позолоченными рогами и таинственным образом проникал в святилище, двери которого заранее тщательно запирали. Дым, который окутывал храм, возвещал появление чудотворного животного. Если же небесный дым не появлялся, это означало, что святой отказал в покровительстве. Утром священник в сопровождении местной знати входил в церковь и приближался к быку. Если бык брыкался и упирался, это предвещало беду, если же, напротив, он был спокоен, можно было надеяться на счастливый год. Затем, совершая торжественное жертвоприношение, священного быка умерщвляли, однако его не съедали. Голову с рогами относили князю, а тушу разделывали. Участники ритуала вялили мясо и хранили как средство от болезней и другого несчастия, как реликвии и амулеты, предохраняющие от козней злого духа. Есть семейства, члены которого обладают правом убивать этого быка. Они хранят у себя дома как святыню топор, которым обыкновенно убивали жертвенное животное.

Аналогичное жертвоприношение, напоминающее греческий сакральный ритуал буфоний, встречается у абхазов применительно и к божеству *Ах-ду* (букв. «голова-большая») или *Ахына*[2][Патейпа, 1978, с. 32]. «Этому сильному и гневному божеству приносился в жертву исключительно бугай и то в лесу. Женскому полу запрещалось по-

[1] Ср. ниже (в эпосе об Абрыскиле) рыжий цвет как олицетворение золотого духа зерна в приметах быкоподобных божеств плодородия.

[2] Ср. адыгск. *Ахын* (покровитель крупного рогатого скота и одновременно одно из божеств абадзехских племен), которому посвящалось обрядовое жертвоприношение священного быка и коровы [Азаматова, 1997, с. 60–62; Кумахов, Кумахова, 1998, с. 71–74, 108–109].

сещать это моление. Данная семья выбирала красивого бычка в своем стаде или же в чужом, откармливала его в течение пяти, шести лет и потом приносила в жертву. Холостить его запрещалось; при жертвоприношении к рогам его прикрепляли по одной свече» [Джанашиа, 1960, с. 70]. Родовые святыни некоторых абхазских фамилий (в частности, Адлейба и Ачба) были связаны с быком. Они приносили в жертву священного быка, не холощеного, но не дозревшего до племенной поры. Отсюда и название святыни «*Цэмааза-цэмырхэала»* (букв. «быком не дозревшим-быком не холощеным») [Адлейба, 1996, с. 11–17].

Почитание быка у абхазов подкрепляется и археологическими данными, в частности, такими, как изображение головы быка на колхидских монетах, бронзовые и керамические скульптурные фигурки быка и глиняные рогатые столбики [Трапш, 1971, с. 205–206; Цвинария, 1978, с. 32–38]. Тем более интересно, что последние культовые предметы, по интерпретации исследователей, символизируют культ божества жизни и плодородия, изображают образ быка в сочетании с женской фигурой.

Пространственными зонами в описании «встречи» Сатаней-Гуащи и «пастуха» служат река (вода)[1] и противоположные берега. На одной стороне реки находится Сатаней-Гуаща, а на другой – «пастух». Река предстает как рубеж между сторонами, как пограничная зона эпического пространства[2].

Подробное рассмотрение характерных примет образа «пастуха» (поза во время сна – скрючившись, гигантские брови и т.п.), в сопоставлении с другими сходными образами нартского эпоса (с проглотившей братьев-нартов старухой-ведьмой, адауы-великаном – хра-

[1] Ср. в мифоэпической традиции вода – «аналог материнского лона и чрева, а также оплодотворяемого яйца мирового» [Аверинцев, 1987, с. 240]. В этом контексте интересно также обрядовое хождение к воде у абхазов, связанное с родами: «…старушка-молельщица ведет родильницу к роднику или речке для принесения жертвы водяной деве-дзызлан. Родильница несет с собою вареную курицу и за пазухой яйцо. Придя к воде, старуха три раза обводит яйцом вокруг головы родильницы и бросает яйцо в воду. Курицу же старуха окунает в воду…» [Чурсин, 1957, с. 185].

[2] Река, разделяющая любовников, присутствует и в сведениях о кавказских амазонках древнегреческого писателя Псевдо-Каллисфена [Латышев, 1947, с. 248]. По мнению М. Я. Чиковани, которое разделял и А. А. Аншба [Аншба, 1982, с. 88], «в нартском эпосе отразилась именно та традиция, о которой сообщает Псевдо-Каллисфен» [Чиковани, 1969, с. 236].

нителем огня, великаном-пахарем и великаном-всадником) и иных традиций, проведенное В.Г. Ардзинбой[1], «позволяет интерпретировать образ «пастуха» как существа «иного», «потустороннего» мира» [Ардзинба, 1987, с. 134].

С приходом Сатаней-Гуащи к реке все освещается:

«Лара [Сатанеи-Гәашьа лцәа анхылт], адыунеи, илашет (!), ицшз[ах]ет (!), азы тылашааит (!), акәара лашет (!), арыи лцәа хтны ианаба, ажәоан лашет (!)».

«Когда [Сатаней-Гуаща обнажилась], стало столько света и красоты, что река засияла, засиял берег; само небо, увидев ее наготу, засияло» (текст №8).

Сияние Сатаней-Гуащи ослепило, ошеломило «пастуха»:

«Шьыбжьон Нашбатакәа, дыцәаны данаацш, мрашәа акы икәччоит, арахь упшыр, амра цхазом. Дыпшызар, Кәбина нырцә нартаа рәа Сатанеи-Гәашьа, мрада дкацхо, мзада дкаччо, дшаваз ибеит».

«Когда в полдень Нашбатакуа очнулся ото сна, как солнце, что-то осветило его. Это в то время, когда ***солнце не светило.*** *Оглянувшись, увидел, что на том берегу Кубины, сияя, как солнце, светя, как луна, стоит матерь нартов Сатаней-Гуаща»* [Указатель, №86].

Данная «формула свечения» устойчиво встречается как атрибут описания образа Сатаней-Гуащи в сказании о рождении Сасрыкуа. Рассматривая подобные описания в сказке (весьма распространенные в фольклоре многих народов[2]), В. Я. Пропп (привлекая и абхазский материал) говорил об их связи с иным царством, с пространственным перемещением героев из одного царства в другое [Пропп, 1986, с. 285]. Можно предположить, что и приведенное описание первоначально не являлось признаком красоты, а означало появление Сатаней-Гуащи в ином царстве, как бы освещение потустороннего мира (ср. ниже мотив освещения пути героя свечением мизинца). Возможно, к атрибутам потустороннего мира относится и мотив *«пастуха со*

[1] См.: Ардзинба , 1985; Ардзинба , 1987.

[2] Об этом см.: Хусаинова, 2000, с. 24–36.

стадами (быками)», который может отражать представления «...о потустороннем мире как 'пастбище', 'луге', на котором пасутся души (скота и людей)...» [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 824].

Сцена «встречи» Сатаней-Гуащи и «пастуха», находящихся на противоположных берегах, исключительно четко воспроизводится в эпитете-обращении: *«мой сын, рожденный* ***двумя берегами [реки]»*** *(****нырцә-аарцәала*** *иаз сычкәын)* [Джапуа , 1995б, с. 84]. О возможном отражении в сюжете потустороннего и посюстороннего миров, видимо, свидетельствует еще и то, что в абхазском языке пространственная антитеза **нарцвы́-аарцвы́** (***нарцәы-аарцәы***) означает как тот и этот (потусторонний и посюсторонний) миры, так и тот и этот (противоположные) берега – *ныркв-аарцв* (***ныркә-аарцә***) [Генко, 1998, с. 16, 185, 190].

Своеобразным «посредником», «мостом» в горизонтальной проекции между двумя противоположными берегами (мирами) реки служит фалл пастуха или его семя, посылка которого описывается как громовой удар, как удар метеорита (или более метафорично – как стрельба из лука), и сравнивается с облаком, олицетворяющим мужское плодородие (ср. ниже сюжет об изготовлении меча для Сасрыкуа из «громовой пули»):

Ипҭакәаны, ипстхәаны иаауеит.
Сатани-Гәашьа дацәшәан,
Хахә дук даадыххалт.
«Апстхәа» уи ахахә ду иаахт,
Уа ауаопс[ы] исахьа аадначапалт.

Огромной черной тучей, облаком идет оно.
Сатани-Гуаща испугалась
И подбежала к большому камню [чтобы спрятаться].
«Облако» ударилось об этот большой камень
И отпечатало на нем человеческий образ.
(Текст №1)

В некоторых вариантах сюжета Сатаней-Гуаща не видит пастуха, а только слышит его голос: *«Гуаща, приготовься, стреляю!»*. И она услышала звук грома (*дыдыбжьык лахаит*)[1] [Указатель, № 306].

[1] Ср. ниже огненную природу и богатырского коня героя.

На основе текстовых данных абхазских и адыгских вариантов сюжета о рождении Сасрыкуа (как горячего, пылающего жаром младенца) можно представить, что в этих «сказаниях зачатие, появление на свет и закалка описываются так, словно речь идет об изготовлении человека из небесного железа» [Ардзинба, 1988, с. 271].

В этой связи представляет интерес одно балкаро-карачаевское нартское сказание, повествующее о рождении героя Ёрюзмека непосредственно из хвостатой звезды (метеорита):

«Эта звезда, пролетев [по небу], упала очень далеко, между двух огромных гор. От ее падения содрогнулся весь мир, зазвенели горы. Дебет, несмотря на ночь, отправился туда. Через три ночи и три дня он дошел [до того места] и [увидел, что] между этими двумя горами все сгорело и стало черным-черно. Огляделся [Дебет] и увидел огромную яму, а в середине ее – расколовшийся надвое большой синий камень. Внутри его [лежал] младенец-богатырь» [Н.балк.-карач., с. 308–309].

Обозначенные выше соображения о семантике сюжета о чудесном рождении героя подводят нас к следующему весьма интересному объяснению генезиса данного нартского сюжета. Приметы образа «пастуха» характеризуют героя как демоническое существо потустороннего мира (змея – хранителя воды), а приметы образа Сатаней-Гуащи – как сексуальную избранницу этого хтонического покровителя плодородия. Отсюда вытекает, что, возможно, здесь мы имеем тот же мотив змееборства [AT 300] в его первоначальной форме и своеобразном выражении, характеризующийся отсутствием самого змееборца, в чем и заключается специфика проявления этой традиционной темы в нартском сюжете. По определению В.Я. Проппа, змееборство возникло как видоизменение другого, бывшего до него, мотива, ему предшествовало иное архаическое состояние змея. Тогда же змей (или другое чудовище) мыслился не как змей-насильник, а как хтоническое божество плодородия, как благое существо, которое одаривает героя магическими способностями (поглощая и выхаркивая его), подает воду (управляет водой во благо людям). Его избранницы (или избранники) сами приходят (их не приводят) к нему за различными магическими благами (как, например, Сатаней идет к реке с желанием «встретиться» с «пастухом»). На этой «предзмееборческой» стадии один из характерных (или, быть может, наиболее характерных) атрибутов змея – сексуальная, фаллическая символика, связь с рождением (см. Пропп, 1986, с. 216–280).

На мой взгляд, именно такое первоначальное состояние мотива змея (благого змея-подателя, чудесного оплодотворителя) засвидетельствовано в нартском сюжете о чудесном рождении. Трансформация же мотива змея-подателя в мотив змееборства наблюдается и в других нартских сюжетах (см. ниже). «Благой змей, змей-податель есть первая ступень змея, обращающаяся потом в свою противоположность» [Пропп, 1986, с. 229].

Картина «любовной» связи «пастуха» и Сатаней в сущности пока еще не соответствует обряду предоставления непорочных девушек водяным чудовищам (в форме «жертвоприношения») с целью повлиять на плодородие, она скорее является первоначальной ступенью подобного ритуала. С этим, видимо, согласуется и мотив непорочности, девственности Сатаней, наличествующий в ряде вариантов нартских сказаний. Так, в некоторых абхазских, абазинских и адыгских сказаниях говорится, что лик Сатаней подобен лику молодой прекрасной девы, что ей не суждено иметь мужа – сколько не просили ее, не выходила замуж; бездетна, хочет иметь детей, или что она зачавшая дитя внебрачной связью, мать не рожденных ею сыновей [Ардзинба, 1985, с. 155]. В этой связи примечательно, что Сатаней не приводят к «пастуху» в качестве жертвы, а сама приходит к нему с сексуальными вожделениями (ср. ее обнаженное тело, столь яростно возбуждающее «пастуха»). В сюжете и «пастух», и Сатаней как бы взаимовлияют, предстают как создатели или символы плодородия. Иными словами, инициатива в сексуальном избрании исходит не только (порой даже не столько) от «пастуха», но и от Сатаней. В этом смысле образ Сатаней сопоставим с лесной женщиной (персонаж охотничьих и иных мифологических рассказов народов Кавказа и не только Кавказа), которая, встречая охотника (или другого мужчину) в лесу, предлагает ему свою любовь (см. Вирсаладзе, 1976, с. 113–133). Ср. вечно юные дочери Ажвейпцаа, которые часто находятся в любовных связях с охотником, являются ему в виде подвластных им животных и заманивают его к себе, или абхазскую владычицу воды, прекрасную деву Дзыслан, соблазняющую красивых мужчин на половое общение [Джанашиа, 1960, с. 54–55, 62–63].

Интересно, что некоторые характерные приметы внешнего облика Дзыслан также близко напоминают образ Сатаней в нартском сюжете о чудесном рождении героя из камня. Например, водяную деву Дзыслан абхазы «представляют в образе прекрасной обнаженной женщины» [Чурсин, 1957, с. 44]; «она скрещивала свои груди и закидывала за

плечи»[1] [Джапуа, 1995а, с. 80, №250]. Ср. описание обнаженной Сатаней-Гуащи перед «встречей» с «пастухом»: «…груди ее были столь велики, что она закинула их за плечи…»[Указатель, №217]. Как известно, в мифологии «богини с преувеличенно пышной грудью или с множеством грудей являлись олицетворением плодородия» [Тресиддер, 1999, с. 68].

В эпической и сказочной традиции абхазов (как впрочем, и многих других народов) змей каким-то образом знает о существовании героя (хотя он никогда не видел его), от руки которого может погибнуть. Из этого обстоятельства выводится формула: герой, «рожденный от змея, убивает змея» [Пропп, 1986, с. 275]. В эту формулу легко вписываются и атрибуты образа Сасрыкуа. В нартских сказаниях (в частности, о «добывании огня» и об «освобождении водного источника») именно Сасрыкуа уничтожает чудовища (адауы-великана или дракона), которые знают о существовании героя, но, не узнав его, у него же спрашивают о нем. При этом неузнанный герой часто притворяется до победной развязки (см. ниже). Возможно, подобной тайной связью между чудовищем и героем мотивируются и волшебно-колдовские свойства Сасрыкуа (вызывание ненастья, замораживание водоема и т.п.), восходящие к образу мифологического благого змея – подателя магических способностей. Отсюда вытекает следующая формула – герой, рожденный от змея, обладает магическими способностями.

В связи с отождествлением образа «пастуха» Нарджхьоу с образом змея весьма примечательно, что Нарджхьоу в другом нартском сюжете выступает как похититель Гунды Прекрасной[2] [Джапуа, 1994а, с. 223] и что, особенно существенно, в одном варианте сказания об умыкании Гунды Прекрасной он предстает как семиглавое существо:

«У Иарчхьоу было семь голов» («Иарчхьоу быжь-хык ихагылан») [Джапуа, 2001а, с. 51, № 27].

[1] Ср.: в некоторых мифологических преданиях вайнахов лесные женщины-великанши рисуются с «закинутыми за плечи грудями» [Далгат, 1972, с. 87].

[2] С этим, видимо, связано и то, что в некоторых вариантах сказания о чудесном рождении из камня вместо Сатаней фигурирует Гунда Прекрасная (см., например, текст №2).

Отсюда, как кажется, наблюдается прямой переход от змея-подателя к змею-похитителю, генетическая связь мотива змееборства с мотивом героического сватовства.

О связи змея с рождением свидетельствуют многочисленные мифологические и ритуально-воззренческие материалы (см. Пропп, 1986, с. 274–276). В этом отношении, думается, весьма показателен абхазский мифологический рассказ, объясняющий, почему некоторые фамилии (Инал-ипа, Адлейба, Садзба и т.п.) не убивают змею. Сюжет сводится к следующему:

*Две свояченицы **в полдень в тени дерева уснули;** одна, **проснувшись, увидела,** как в рот другой **вползла змея,** но, испугавшись, ничего не сказала; по прошествии некоторого времени женщина, в которую вошла змея, **забеременела** и при наступлении родов ее свояченица рассказала свекрови о случившемся; уложили роженицу в тени, в ногах положили подушку и от нее протянули целый сверток белой бязи; родился мальчик со **змей, обвитой вокруг его шеи**; змея, отпустив младенца, спокойно уползла; однако через некоторое время змея вернулась к младенцу и ухаживала за ним, качая его люльку* [Джапуа, 1995а, с. 50–51, №210, 211; Инал-ипа, 1956, с. 110].

Как кажется, несмотря на бытовую окраску фабулы, в данном сюжете мы имеем отголосок фаллического культа змея, в завуалированной метафорической форме воспроизводится чудесное оплодотворение женщины, что, вероятно, восходит к древней мифоэпической (нартской) картине «встречи» змея-подателя с его избранницей (ср. выше мотивы *полудня* и *сна*).

Кроме того, примечательно наличие в абхазских родильных обрядах различных поверий, примет и пословиц, связанных со змеёй. Ср., например: «приглашают к роженице человека, который освободил лягушку из пасти змеи и три раза прошел между ними» [Чурсин, 1957, с. 181]; «мужу в период беременности жены запрещалось убивать змею»; «эффективным средством считалась сброшенная змеей шкура. Ее клали на горящие угли, а затем подносили к роженице, окуривали ее этим дымом»; «если беременной снились белый голубь, черкеска, пистолет, пуля, змея, то родится мальчик»; «беременную женщину даже змея не укусит» [Дбар, 2000, с. 20, 23, 27, 32].

В контексте сюжета о рождении Сасрыкуа рассматриваются и сказания об укрощении (нахождении) коня и изготовлении меча.

1.2. ***«Укрощение коня»*** – мотив, предстающий как составная часть сюжета о чудесном рождении из камня. Встречается в структу-

ре ряда нартских сказаний и, особенно в начале повествования о добывании огня. Поэтому данный мотив в контаминированных сказаниях очень часто вписывается в сюжеты[1] о рождении героя и добывании огня. Первая запись мотива была произведена в 1925 году [Указатель, №9].

Содержание большинства вариантов сводится к следующему:

Одновременно с Сасрыкуа появляется на свет, предназначенный для него араш (крылатый конь), по кличке Бзоу. Никто из нартов не может подойти к аращу (пар, вырывающийся из ноздрей коня, сжигает их)[2]. Сасрыкуа не выдерживают другие нартские кони – в землю погружаются. Матерь нартов подсказывает Сасрыкуа местонахождение Бзоу. Взнуздав коня, он сел на него. Когда араш взлетел, чтобы ударить его о ***небо***[3]*, он спрятался под брюхом коня, когда ударился о* ***землю****, он взбирается на круп коня, а когда араш боком ударился о* ***гору****, он перешел на другой бок коня, когда же ударился о* ***берег****, он перешел на второй бок. И конь покорился, стал его верным помощником* (см. текст №2)[Указатель, № 11, 20, 24, 30, 145, 170, 220, 250, 251, 272].

По некоторым вариантам мотива нахождения коня, Сатаней-Гуаша (или некий человек во сне) советует Сасрыкуа выбрать из табуна невзрачного, паршивого на вид коня («коня-горбунка») [Указатель, №9, 16, 176]. По другим вариантам, Сасрыкуа выводит своего коня из глубины *пещеры*[4] [Указатель, №245] или, по совету матери, находит его на *противоположном берегу реки*, у табунщика нартов (т.е. как бы у «своего отца»): табунщик выбрал ему жеребенка, он окунул его в *реку* и привел [Указатель № 315]. Согласно другому сказанию, по совету пророчицы, Сасрыкуа добывает жеребенка в *море* от морской кобылы[5] (текст №5).

[1] Указатель, №9,11, 16, 20, 170, 176, 220, 245, 250, 272, 315.

[2] Ср. выше огненную природу и самого героя.

[3] Ср. с утверждением В. Я. Проппа: «Полет на коне есть более древнее, доземледельческое явление, он развился из полета в образе птицы или на птице» [Пропп, 1986, с. 173].

[4] Ср. ниже замогильную природу коня.

[5] Ср. в балкаро-карачаевской версии нартского эпоса: [Н. балк.-карач., с. 399, 408, 429, 437, 438, 456]. Аналогичный мотив засвидетельствован и в вайнахских сказках: конь Черного Хожы «рожден от кобылицы, что живет далеко на Востоке, у берега моря среди пустынных песков. Кобылица может кормиться только мясом и жиром. Но в пустыне ничего нет. Один раз в год она рожает жеребенка, которого съедает. Трехногий конь оказывается ее

Содержание сказания о приручении дикого коня несколько иное:

После гибели своего богатырского коня Бзоу, Сасрыкуа оставался без коня. По пути на нартский сход, не сумев перейти реку, он поймал дикого коня, пасущегося невдалеке. Сел на него и приручил, погнав его вверх по течению реки (см. тексты: №6, 20)[Указатель, № 36, 37, 68, 155, 309].

Мотив укрощения богатырского коня в абхазском нартском эпосе находит типологические параллели во многих эпических традициях, и в нем вскрываются довольно характерные представления. Так, гиперболическое изображение мотива укрощения коня, вероятно, отражает грандиозность и контрастность вселенной в вертикальной *(небо, земля)* и горизонтальной *(гора, берег)* проекциях. Глубокая *пещера*[1], *река* и *противоположный берег* или *море*, из которого выходит кобыла, вероятно, символизируют иной, потусторонний (подводный) мир, мир того же самого «пастуха» с того же самого противоположного берега реки. Происхождение коня как бы «генетически» связано с рождением самого Сасрыкуа[2].

спасенным жеребенком, которому мать успела отъесть только одну ногу» [Далгат, 1972, с. 73]. «Коня с золотой двусторонней гривой, выходящего из моря, наблюдают и аргонавты» [Пропп, 1986, с. 181]. Водяная природа коня, возможно, сохраняется и в его имени: *Бзоу* – от лексемы *бзы*, означающей в абхазо-адыгских языках «вода», «река» [Шагиров, 1977, с. 16–17], хотя Ж.Дюмезиль замечает, что «имя коня Бзоу, видимо, взято из черкесского названия птицы – bzъw» [Дюмезиль, 1990, с. 194].

[1] Ср. в адыгской версии нартского эпоса мотив роста Сосруко «в подземелье, вдали от людей. Вместе с ним растет и верный конь Тхожей» [Алиева, 1969, с. 34]. Ср. также в балкаро-карачаевской версии эпоса: [Н. балк.-карач., с. 431, 451].

[2] В связи с этим интересно отметить, что в богатырских сказках тюркских и монгольских народов конь «связан с богатырем симпатической связью, родился с ним в один день, иногда от того же волшебного яблока, которое было подарено отцу героя его волшебным покровителем; кожура или сердцевина этого яблока достается кобыле, от которой родится богатырский конь» [Жирмунский, 1962, с. 24]. Ср. аналогичное описание в сибирской сказке, приводимое В. Я. Проппом: «Пол-яблока съедает жена, а другую половину – кобыла. Через несколько времени жена его принесла сына, а кобыла – жеребца» [Пропп, 1976, с. 209].

Сюжет же о приручении дикого коня[1], отражающий, по мнению А. А. Аншбы, «отголосок времени приручения диких животных» [Аншба, 1970, с. 39], на мой взгляд, заметно отличается от вариантов сказания об укрощении богатырского коня, отодвигается от них по эпичности, эпической иерархии, однако складывается под их «воздействием» (в форме этиологического предания). Примечательно, что здесь и река, через которую переходит Сасрыкуа, предстает как обычная, а не как рубеж между разными мирами (ср. выше).

1.3. *«Изготовление меча из необычного железа»* – сюжет, представленный в абхазском эпосе как самостоятельное сказание. (Первая запись была сделана в 1968 году.) Его содержание сводится к следующему:

Герой находит чудесное железо – «громовой заряд» (абх. ***афырхы****), и нартский кузнец Айнар-жьи кует из него меч для Сасрыкуа* (см. текст №7) [Указатель № 139, 241, 252, 282, 321, 322].

Ср. в абазинской [Н. абаз., с. 314–317], адыгской [Н.адыгск., с.192–194], осетинской [Н. осет., с. 456–458] и балкаро-карачаевской [Н. балк.-карач., с. 308–309] версиях эпоса.

В абазинском и адыгском сказаниях меч Сосруко выковывается из необычной железной косы особой прочности. В балкаро-карачаевском эпосе данное сказание связано с именем Ёрюзмека, где из метеоритного железа выковывается не только меч, но и сам герой рождается из хвостатой звезды – метеорита (ср. выше). Также и в осетинской версии эпоса в этом сказании фигурирует другой персонаж – по имени Ахсар.

В. Г. Ардзинба, при рассмотрении данного сказания, видит в нем «следы понимания космического происхождения метеоритного железа», и схожие представления находит в хеттских текстах [Ардзинба, 1988, с. 270 и сл.].

2. Спасение братьев-нартов

2.1. *«Добывание огня»* предстает как продолжение сюжета о чудесном рождении из камня. Очень часто эти сказания сливаются во-

[1] Как замечено, «языковые данные также согласуются с тем, что одомашнивание лошади протоабхазо-адыгами уходит своими корнями в глубокую древность» [Кумахов, Кумахова, 1998, с. 97].

едино. Это, пожалуй, самая естественная и традиционно устойчивая контаминация сюжетов в тематике нартского эпоса абхазов. В составленном Указателе число таких контаминированных текстов доходит до 60. Во всех вариантах «творческой» контаминации последовательность соединяемых основных стержневых сюжетов («чудесное рождение из камня» + «добывание огня») постоянно сохраняется. Причем в одних вариантах оба сюжета обладают равной художественной целостностью, равным поэтическим совершенством. В других же случаях чаще первый сюжет оказывается менее целостным, самостоятельным, он становится как бы началом, прологом следующего эпического события.

Исходя из имеющихся в наличии вариантов сказания и его нынешнего бытования, можно утверждать, что с давних пор из всей сюжетной тематики нартского эпоса абхазов «добывание огня» является одним из самых изначальных, излюбленных и популярных. Указывая на это, еще в 1945 году во время своей экспедиции в Абхазию, В.И. Абаев писал о том, что у абхазов «из сюжетов цикла Сасрыквы особенно популярен, как и в адыгейских и осетинских вариантах, рассказ о том, как Сасрыква хитростью побеждает великана, заставляя его вмерзнуть в лед реки (озера)» [Абаев, 1949, с. 320]. И ныне среди абхазских сказителей, владеющих нартским репертуаром, трудно найти незнающего этого главного подвига Сасрыкуа – добывания огня. Его варианты записаны как в Абхазии, так и в других странах, где проживают абхазы. Первая запись сюжета была произведена в 1921 году [Указатель, №5]. В Указателе из 102 вариантов сказания 28 предстают как отдельные сюжетные единицы[1], а 74 – в контаминации с другими сказаниями[2].

Братья-нарты отправляются в поход без Сасрыкуа (иногда до его рождения), посчитав его («незаконнорожденного») недостойным участвовать в их походах за славой. Сасрыкуа отправляется за братьями-нартами, но, увидев их пренебрежительное отношение к себе, возвращается обратно; заставляет мать раскрыть тайну

[1] См.: Указатель, №38,39, 40, 41, 42, 69, 70, 71, 87, 88, 99, 115, 121, 123, 154, 171, 181, 182, 208, 209, 210, 219, 253, 276, 297, 298, 307, 323.

[2] См.: Указатель, №5, 8, 11, 13, 20, 25, 31, 32, 33, 34, 43, 64, 72, 103, 117, 118, 120, 124, 140, 141, 149, 150, 151, 170, 176, 177, 178, 179, 180, 190, 191, 192, 193, 216, 217, 220, 225, 235, 237, 238, 239, 240, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 263, 264, 265, 266, 268, 270, 272, 273, 274, 275, 280, 281, 283, 284, 288, 289, 292, 305, 306, 315, 316, 317, 318, 319, 320.

своего рождения и вновь следует за своими братьями. Сатаней-Гуаща в гневе насылает на них ненастье: сбывается заклятие Сатаней-Гуащи: Сасрыкуа нагоняет окоченевших от холода братьев-нартов ***на вершине неприступных гор*** *(или в* ***глубине страшного ущелья****), где* ***никогда они не бывали.*** *(Иногда он их застает в конском (бычьем, человеческом) черепе (или в подколенной впадине великана-трупа), кажущегося им пещерой, которую некий пастух концом своего посоха сбрасывает в пропасть)*[1]*. Чтобы согреть братьев-нартов, Сасрыкуа сбивает с неба звезду (иной раз рукой срывает ее, или же ударом своей плети разжигает костер); заметив далеко дым, поднимающийся до небес, отправляется туда за огнем и в* ***ущелье*** *(или* ***в пещере, у подножья горы, в глубине дремучего леса)*** *находит огромный костер, вокруг которого,* ***свернувшись кольцом, спал*** *адауы-великан: его ноги лежали под головой (или во рту), огромное,* ***мохнатое ухо*** *стелилось по земле. По* ***заклятию Сасрыкуа*** *или Сатаней-Гуащи герой и его конь становятся легкими, и, посоветовавшись с конем, Сасрыкуа залезает в одно ухо адауы-великана, выходит из другого, взяв из костра одну головешку (подчас герой перепрыгивает адауы), на обратном пути искра от горящей головешки попадает в* ***мохнатое ухо*** *(или в лицо) адауы-великана. Он* ***просыпается*** *и ловит Сасрыкуа вместе с конем (иногда* ***проглатывает*** *их или* ***подкладывает под голову*** *и продолжает спать); не узнав его, адауы-великан* ***спрашивает героя о Сасрыкуа*** *(о его подвигах и «играх»); герой прикидывается стремянным (или пастухом, соседом, слугой, другом) Сасрыкуа. Он стал рассказывать о мнимых «играх» Сасрыкуа, а адауы-великан – выполнять их: а) разбивание головой (лбом)* ***огромного валуна*** *(иногда несколько больших камней), скатываемого с* ***высокой горы;*** *б) выдувание до дна полного огромного котла расплавленного металла (иногда мяса диких животных); в) вмерзание в* ***глубокий водоем.*** *Адауы-великан легко справляется с двумя первыми «играми», но последнее испытание он не выдерживает.* ***По заклятию Сасрыкуа*** *или Сатаней-Гуащи, ударил лютый мороз, и за девять ночей и девять дней адауы-великан так вмерзает в лед, что просит* ***Сасрыкуа, которого уже узнал****, отсечь ему голову его мечем, и советует ему опоясать Сатаней-Гуащу и самого себя шейной жилой (или кожей), которая выскочит из шеи после отсечения головы. Сасрыкуа отрубил голову адауы-великану, вынул жилу из*

[1] Мотив «конского черепа» более характерен для сказания о «встрече с великаном-пахарем» (см. ниже).

шеи. Когда он опоясал ею огромный бук, та мигом перерезала его, герой выбросил ее (иногда берет ее и впоследствии пользуется ею в своих деяниях или изготавливает из нее плеть) и вернулся с огнем к братьям-нартам (см. тексты: №8, 9, 10, 11, 12, 13, 34).

Ср. в абазинской [Н. абаз., с. 195–198, 201–204, 205–206, 207–211], адыгской [Н. адыгск., с. 200–205, 205–206, 206–210, 354, 356–357], осетинской [Н. осет., с.108–111, 112, 125–128, 129–131, 131–135] и балкаро-карачаевской [Н. балк.-карач., с. 367–369,. 369–371, 372–373, 373–374, 374, 375, 377–378] версиях эпоса.

Выделенные описания почти тождественны (варьируют только в деталях) в более целостных вариантах сюжета во всех версиях эпоса, кроме как в осетинском сказании, где первая часть сюжета получает другую интерпретацию: Сослан во время лютой зимы скот нартов гонит в теплую страну великана Мукары (добывание огня заменяется захватом пастбища)[1]. «В менее архаичной осетинской версии, в том виде как она дошла до нас, великан – не хранитель огня, но хозяин теплой страны, куда Сослан гонит нартский скот, страдающий от холода и бескормицы» [Мелетинский, 1957, с. 49].

В одной аварской сказке («На горе нартов») мы также находим своеобразную аналогию с настоящим нартским сказанием, в которой встречаются некоторые эпизоды сюжета (состязательные «игры», сковывание льдом, отсечение головы противника его же саблей, кишка противника и т.д.). Однако здесь в роли адауы-великана выступает великан-нарт, а в роли Сасрыкуа – некий молодец [Далгат, 1972, с. 75–76].

Мотивы отправления братьев-нартов в поход без Сасрыкуа (из-за пренебрежительного отношения к нему), раскрытия тайны своего рождения (отчасти присутствующие и в абазинской и в адыгской версиях эпоса) более разработаны и постоянны в абхазской версии эпоса. Также в некоторых северокавказских вариантах сюжета «обычное» путешествие братьев-нартов представляется как поход за возвращение похищенных у них иныжами-великанами огня и скота [Н. абаз., с. 207–211; Н. адыгск., с. 206–210; Н. балк.-карач., с. 367–369]. Этим (отсутствием источника тепла) и мотивируется наступление холода, хотя в абхазских и адыгских сказаниях чаще фигурирует именно мотив вызывания ненастья магией Сатаней или Сасрыкуа. И

[1] Этот мотив пастбища, по-видимому, восходит к индоевропейским и индо-иранским представлениям о потустороннем мире как о пастбище, где пасется скот (см. выше).

из этой сказительской мотивировки складывается предположение о том, что в данном сюжете «Сосруко не дарует огонь нартам, они имели его и прежде, а лишь возвращает его; он выступает здесь как богатырь-защитник нартов, но не как первый добытчик огня» [Алиева, 1969, с. 44]; что рассматриваемое сказание «существенно отличается от первобытных мифов и преданий о перводобывателе огня» [Бязыров, 1974, с. 113–114].

Однако известна и другая интерпретация сюжета [Мелетинский, 1957, с. 45–57; Мелетинский, 1958, с. 114–132; Салакая, 1976а, с. 42–43; Аншба, 1970, с. 36–38], согласно которой добывание огня сближает Сасрыкуа «с культурными героями древнейших, первобытных мифов, с героями типа Прометея… Классический культурный подвиг – похищение огня – проходит несколько стадий в своем развитии. Первой и древнейшей из них следует считать похищение огня у его земного хозяина, или покровителя, как это имеет место в первобытном мифе. В таком же виде этот мотив вошел в нартский эпос абхазо-адыгов» [Салакая, 1976а, с. 42]. В этом смысле очень характерно, что в нартском сюжете предстает образ именно обычного огня, окольцованного чудовищем адауы-великаном, а не его метафора – олицетворение в виде какого-то божества, женщины-хозяйки или небесной красавицы. Как установлено, «в примитивных мифах о происхождении огня сам огонь не олицетворяется: он изображается как простой, чисто вещественный, бытовой огонь (пламя, искры, тлеющая головешка), а олицетворенными выступают окружающие его персонажи (владелец, похититель, даритель огня)» [Токарев, 1988, с. 239].

В структуре сюжета ясно очерчиваются пространственные обозначения места действия, как приметы очень далекого, потустороннего мира – место обитания адауы-великана. Путь героя связан с *вершиной неприступных скал, где никогда не бывали нарты, с глубиной страшного ущелья, дремучим лесом, с пещерой* (ср. ниже в сюжете о спасении братьев-нартов от проглотившей их старухи-ведьмы). Еще В. Я. Пропп отмечал, что лес часто выступает в фольклоре как зона перехода в потусторонний мир [Пропп, 1986, с. 57–58]. Вершина неприступных скал, где Сасрыкуа настигает братьев-нартов, откуда сбивает или рукой срывает звезду, перейдя которую можно попасть в мир чудовища – адауы-великана (ср. ниже дерево в центре поля), сходна с адыгской Харам-горой. Оттуда герой начинает свой основной подвиг – похищение огня, с вершины, с которой виден не только весь нартский мир, но и иной мир, где на расстоянии

пути в семь ночей и в семь дней обитает враг – хранитель огня [Кумахов-Кумахова, 1998, с. 79]. Как и в абхазском эпосе, в абазинской, адыгской и балкаро-карачаевской версиях Сосруко /Сосурук встречается с иныжем/ эмегеном – хранителем огня в *ущелье, пещере* или в *пропасти*. Приметы облика адауы-великана – манера сна *(свернувшись кольцом), мохнатое ухо* и т.п. – характеризуют его как существо иного мира. «Игры» Сасрыкуа, которые могут варьировать в разных версиях и вариантах, в большинстве случаев состоят из преодоления трех нарастающих препятствий. Первое и третье предстают самыми устойчивыми из них: скатывание *огромного валуна с высокой горы* (ср. ниже в сюжете о гибели от камня) и вмерзание в *глубокий водоем* (ср. ниже в сюжете об освобождении водного источника).

Во всех основных версиях нартского эпоса в фабуле данного сюжета (в мотивах вызывания ненастья, похищения огня, замораживания водоема) весьма характерна роль магии слова, хитрости и смекалки[1]. И эти магические способности Сасрыкуа объясняются глубокой архаичностью образа героя. «Это отражает древнюю стадию героического эпоса, когда герой выступал в роли волшебника» [Генко, 1940, с. 19]. По весьма точному замечанию В. И. Абаева, «важнейшие подвиги Сослана, совершаются по одной схеме: он начинает как герой-воин, но кончает как герой-колдун» [Абаев, 1982, с. 44].

В. И. Абаев, вслед за Ж. Дюмезилем, осетинский вариант сюжета добывания огня связывает с мифами о «похищении солнца» [Абаев, 1982, с. 37]. По Ж. Дюмезилю, «великан-кольцо, который держит огонь во время морозов, дополняет «солнечную» сивмолику приключения» [Дюмезиль, 1977, с. 73]. Между тем, по другим приметам, «противник может отождествляться с образом получеловека-полузмеи» [Ардзинба, 1985, с. 146]. В этой связи характерен пример выражения образа великана-кольца специфическим словом – *«иеыркьакьаны»* [Указатель, №191], означающим «свиваться кольцом (о змеях)» [Генко, 1998, с. 338]. Также это близко напоминает образ агулщапа-дракона, запрудившего водоем, кольцом свернувшись вокруг него, в сюжете об освобождении водного источника. И мотив подхода героя к костру, окольцованному адауы-великаном, возможно, символизирует проникновение внутрь змея-поглотителя. Известно, что в архаической мифологии первохранителем огня чаще

[1] «Хитрость же в понимании древних – то же колдовство» [Абаев, 1982, с. 44].

выступает именно змей-поглотитель (хтоническое чудовище), из которого «добываются все первые вещи, в том числе и огонь» [Пропп, 1986, с. 235].

Таким образом, мотив змееборства в данном сюжете имеет свои особенности, характерные собственно для нартской мифоэпической (а не сказочной) традиции. Ср. проглатывание героя чудовищем, диалог между ними, «игры» Сасрыкуа и т.п., вероятно, восходящие к начальным формам собственно сказочного змееборства, когда «проглоченный уже не выхаркивается, а вырезает себя», и когда «вместо себя герой бросает в пасть горячие камни или волшебные средства, которые губят поглотителя изнутри, а сам герой убивает его извне» [Пропп, 1986, с. 235, 243].

В сюжете проглядываются следы ритуального убиения хтонического владетеля огня («в атмосфере праздника огня, то есть сгорания и возрождения» [Бахтин, 1990, с. 274]). Правда, во всех национальных версиях и вариантах сказания, данные об этом весьма отрывочны, и стерты. К ним относятся, в частности: способы уничтожения адауы-великана в форме состязательных и забавных «игр» Сасрыкуа (игры как элементы ритуального убиения хтонического божества огня); проглатывание Сасрыкуа адауы-великаном (как смерть и возрождение героя); смех адауы-великана (как ритуальный смех перед умерщвлением и возрождением); отсечение головы адауы-великану, вырезка его шейной жилы или кишки, вскрытие живота, отрезание уха и т.д. (как ритуальное убиение, расщепив тело на части). Эти эпизоды напоминают атрибуты обычая ритуального убиения и одновременного возрождения божества (предводителя, героя), известного многим древним народам мира.

К теме спасения братьев-нартов примыкает и описание черепа-«пещеры», встречающееся и в других сказаниях как общее, типическое место, в частности, в сюжете о встрече с великаном-пахарем (ср. ниже), или мотив безглазого великана-трупа:

В походе все братья-нарты возле неприступной скалы проходят сквозь «большую пещеру»; Сасрыкуа останавливается, заметив, что это – подколенная впадина великана-трупа; по просьбе Сасрыкуа бог оживляет адауы-великана без глаз, который, рассказывая о своем образе жизни, из огромного камня выжимает ореховый сок; наполнив свой бурдюк этим соком, Сасрыкуа «превращает» адауы-великана в прежнее состояние, а сам, напоив ореховым соком, спасает братьев-нартов, которые за это время попали в беду (умирали от холода и голода) [Указатель, №32].

Данный мотив трупа адауы-великана (в виде тазовой кости, плечевой впадины или камня с отверстием и т.п.) наличествует во всех версиях нартского эпоса [Н. абаз., с. 199–201; Алиева, 1969, с. 62–63; Н. осет., с. 451–454, 454–455, 455; Н.балк.-карач., с. 382; Далгат, 1972, с. 273–274, 274–275]. По замечанию В. И. Абаева, в мотиве «отразились, во-первых, распространенные представления о том, что нынешним людям предшествовало племя гигантов, во-вторых, тут слышится отзвук легенд о золотом веке, когда люди не сеяли и не жали, а могли жить просто «соком земли» [Абаев, 1945, с. 84]. В описаниях мотива, возможно, в завуалированной форме воспроизводится картина встречи героя и противника в сюжете о добывании огня. Ср. труп великана и его оживление с пребыванием во сне хранителя огня и его просыпанием; метание оживленным гигантом камней и деревьев в героя (в абазинской, осетинской и вайнахской версиях). Ср. также место действия – неприступная скала, «пещера».

2.2. *«Проглатывание братьев-нартов старухой-ведьмой»* – сюжет, строящийся посредством воздействия мотивов и элементов волшебно-героических сказок о людоедах (ср. AT 332H*, 333A, 2028B). Его появление в тематике нартского эпоса мотивируется течением эпических событий – как очередное героическое деяние Сасрыкуа, после которого героя ждет наказание, как и после добывания огня. Поэтому логична и контаминация сказания с сюжетами об освобождении водного источника и о гибели героя (перерезание ног), предстающими как следствие погони за героем [Указатель, №3, 277, 310].

Первая запись сказания была произведена в 1915 году (текст №14). Из известных нам 4-х вариантов сюжета 1 встречается как самостоятельное сказание [Указатель, №74], а 3 – в контаминации [Указатель, №3, 277, 310].

Братья-нарты отправляются в поход без Сасрыкуа (что совпадет с первым описанием сюжета о добывании огня), решив дойти до того места, куда ***никогда не ступала нога человека;*** *через месяц останавливаются на каком-то* ***красивом поле, в центре, которого возвышается огромное дерево, высотой до неба.*** *Появившийся щупленький старик советует им вернуться обратно, не идти туда,* ***откуда еще ни один человек не возвращался,*** *если не сумеют выстрелами в это дерево сорвать с него хотя бы один листочек; выстрелили в дерево все 99 братьев, но не смогли сбить ни единого листочка. Не послушав старика, нарты двинулись в путь и оказа-*

лись в ***глубине дремучего леса,*** *в котором и* ***днем темно как ночью.*** *При солнечной погоде лучи солнца не проникали в лес, а при ярком сиянии луны и звезд в лесу было также* ***темно;*** *ветер, как бы ни бушевал, не мог шелохнуть ни единым листочком этих деревьев; на северной стороне леса высилась* ***огромная скала,*** *на которой* ***деревья были высохшие, будто огнем опалены.*** *Братья-нарты* ***слышат страшный рев*** *безобразной великанши,* ***огромной старухи-ведьмы, которая вышла*** *из* ***пещеры:*** *ее* ***лохматые длинные брови свисали до земли,*** *пятки ног были повернуты вперед, а носки – назад,*[1] ***рот огромен,*** *размером в локоть и пядь*[2]*. Заставив братьям-нартам привязать своих собак волосами,* ***вырванными из ее бровей,*** *старуха-ведьма проглотила их всех. Сасрыкуа, отправившись за братьями-нартами, за сутки доехал до огромного дерева, с которого стрелою срывает самую большую ветку, и освобождает братьев из чудовищного плена, уничтожив старуху-великаншу* (см. тексты: №11, 14).

Как видно из выделенных обозначений, в описаниях сказания отчетливо воспроизводятся приметы места действия и образа противника, имеющиеся в сюжете о добывании огня. Также сопоставимы: лохматые длинные брови старухи-великанши с гигантскими бровями «пастуха» (в сюжете о чудесном рождении из камня); привязывание собак волосами, вырванными из бровей старухи-великанши с расставлением силков, сплетенных из волос адауы-великанши (в сюжете о встрече с великаном-пахарем). *Огромное дерево*, возвышающееся в центре красивого поля, вершина которого касается неба (ср. ниже с вариантами мирового древа в сюжетах о посещении подземного мира), по-видимому, символизирует рубеж, переправу из одного мира в другой – потусторонний. Образ дерева представляется как своеобразное «мерило» богатырской мощи, как способ испытания героя перед входом в мир хтонических существ.

Описание проглатывания и выхаркивания братьев-нартов старухой-ведьмой осмысляется как отзвук мотива благородного змея-поглотителя. Однако здесь герой заставляет поглотителя выдать своих 99 братьев и убивает его, в чем, по мнению В. Я. Проппа, и «кроется начало змееборства» [Пропп, 1986, с. 232].

---

[1] Ср. в абхазской мифологии образ «владычицы воды» Дзызлан (Зызлан) [Джанашиа, 1960, с. 62–63].

[2] Ср. в балкаро-карачаевской версии эпоса описание эмегенши: «рот ее был в одну сажень…» [Н.балк.-карач., с. 402].

Эпизод смеха в сюжете (перед отправлением в поход и при их спасении братья-нарты подшучивают, насмехаются над Сасрыкуа), возможно, имеет связь с обрядовым смехом, который «сопровождает переход из смерти в жизнь» [Пропп, 1976, с. 188], если данному мотиву проглатывания и выхаркивания братьев-нартов старухой-ведьмой понять в ритуально-мифологическом контексте.

3. Посещение подземного мира

3.1. *«Освобождение водного источника»* – сказание, предстающее как неудавшаяся попытка погубить героя. Основу сюжета составляет традиционный и необычайно широко распространенный в мировом фольклоре (в мифе, эпосе, сказке, легенде, духовном стихе) мотив змееборства [АТ 300]. Его кавказский вариант входит в тематику как волшебно-героических сказок[1], так и Нартиады – в абхазской и балкаро-карачаевской версиях эпоса.

В нартском эпосе абхазов данное сказание – собственно эпическое, исконное произведение, а не трансформированный мифологический или сказочный сюжет. Эпос воспринимает его, не нарушая (не трансформируя) эпические нормы, а развивая их, продолжая ход событий, повествовательную линию сказаний о Сасрыкуа. Это воплощение одного из лейтмотивов событийной цели нартского эпоса – «конфликта» между Сасрыкуа и братьями-нартами. Почти постоянной причиной сошествия Сасрыкуа в подземный мир служит мотив преследования его братьями-нартами. Этому предшествует спасение братьев-нартов от холода или от старухи-ведьмы. И поэтому данный сюжет об освобождении водного источника очень часто контаминируется с сюжетами о добывании огня, спасении братьев-нартов от проглотившей их старухи-ведьмы и гибели героя [Указатель №3, 66, 140, 193, 226, 250, 277, 303, 320]. Стало быть, это – не позднее заимствование из сказки, просто привязанное к эпическому имени, как предполагает С. Л. Зухба [Зухба, 1970, с. 183], и не искусственное привнесение сказочного сюжета в нартский эпос, а прямая логическая последовательность эпических событий, результат естественного первоначального взаимопроникновения разных форм фольклора. Здесь налицо законы эпической циклизации и эпическая манера повествования. С этой стороны нам близка исходная мысль У. Б.

---

[1] Подробно об этом см. Алиева, 1986, с. 14–15.

Далгат, что «те или иные формы народного словесного искусства, проникавшие в эпос (в период его становления и бытования), проявлялись в нем в новом качестве – эстетических ингредиентов, подчинявшихся последовательной логической связи эпического целого» [Далгат, 1977, с. 36]. Таким образом, исходя из самих текстов, можно сказать, что в такой форме взаимопроникновения жанров данное нартское сказание выглядит вполне «эпично». Как установлено, «и сказка и эпос имеют своим первоначальным «предкам» миф» [Путилов, 1999, с. 18]. Своими корнями этот всемирно известный сюжет и восходит к мифу.

Первая запись сюжета была произведена в 1915 году [Указатель, №3]. Общее число известных нам записей сказания составляет 26 вариантов. Из них 15 предстают как отдельные сюжетные единицы[1], а 11 – в контаминации с другими мотивами и сюжетами[2].

Братья-нарты (или похитители Гунды Прекрасной) во время одного из очередных походов останавливаются у ***потусторонней пропасти*** *(или сами роют глубокую яму); Сасрыкуа ложится на траву и* ***засыпает****, а братья-нарты накрывают эту пропасть* ***буркой*** *(плетеным щитом) или перекрывают* ***мостом*** *(балкой) и подрубают его; Сасрыкуа просыпается и братья-нарты с помощью хитрой уловки сталкивают героя в пропасть с целью погубить его. Герой оказывается в* ***подземном мире****, у одинокой старушки, которая сообщает ему о* ***чудовище*** *(агулцапе-драконе или адауы-великане),* ***запрудившем*** *единственный их источник воды и требующем* ***красавицу-девушку*** *за то, что позволяет людям в определенное время набрать воды. Сасрыкуа освобождает источник, уничтожив чудовище в жарком поединке. (Или чудовище само убегает, услышав о приходе героя, ибо знает, что ему суждено погибнуть только* ***от руки Сасрыкуа****). После поединка Сасрыкуа забирается на большое дерево и* ***засыпает****, но его будит шум огромной змеи, заползающей на дерево, чтобы съесть птенцов орла, сидящих в гнезде на макушке дерева, и Сасрыкуа убивает змею. (Или засыпает под деревом, и прилетевший орел сообщает ему, что он сохранил его род, так как уничтоженное им чудовище ежегодно поедало его птенцов.) Освобожденные от чудовища люди и орел в знак благодарности предлагают Сасрыкуа свои услуги; герой отказывается от всего и сообщает им единственное свое желание – выбраться на землю (в Абхазию); по совету орла, люди заготовили мясо ста быков и сто бурдюков (кувшинов) воды. Со всем этим Сасрыкуа садится на орла, подавая ему в полете по куску мяса и бурдюку воды; таким образом орел выносит Сасрыкуа из подземного царства на поверхность земли* (см. тексты: №8, 13, 14, 34).

[1] См.: Указатель, №73, 89, 125, 142, 156, 157, 158, 172, 173, 184, 188, 196, 197, 299, 308.

[2] См.: Указатель, 3, 65, 140, 141, 193, 226, 250, 251, 277, 303, 320.

В некоторых вариантах рассматриваемого сюжета мотивы уничтожения чудовища и полета на орле выпадают из композиции (вернее – заменяются «полетом на коне»): *под Сасрыкуа подламывается* ***мост*** *и он на араще (богатырском коне) падает в реку; по совету* ***голубя****, подлетевшего к нему, Сасрыкуа пришпоривает араща и бьет кнутом так, чтобы от него отодралась кожа размером в одну подошву обуви, и аращ выносит его из подводного царства* [Указатель, №65, 226].

В балкаро-карачаевской версии эпоса данное сказание предстает в контаминации со сказочным сюжетом, в котором братья отправляются за золотой рыбкой для исцеления отца [АТ 551]: *Сосурук через пропасть попадает в один подземный мир, а оттуда* ***черный баран*** *сталкивает его в другое, еще более глубокое, подземелье*[1]*; после расправы с девятиголовым эмегеном, овладевшим источником воды, по совету людей, Сосурук убивает дракона, ежегодно поедающего орлят, и орлица в знак благодарности выносит его из подземного мира* [Н. балк.-карач., с. 383–387].

В сюжете мотивы пропасти, бурки или моста, вероятно, обозначаются как «потусторонние», т.е. ведущие в потусторонний мир. Не исключено, что под *пропастью* подразумевается пасть змея, через которую герой попадает в иной мир (в чрево водяного змея), «чтобы убить поглотителя, герой входит в него» [Пропп, 1986, с. 237]. Косвенным подкреплением такого соображения может явиться и мотив *сна* (традиционный элемент змееборства): герой засыпает перед входом в пропасть (в пасть змея). Правда, Сасрыкуа засыпает и после поединка с чудовищем, уже в подземном мире. Следовательно, в нартском сказании сон, одолевающий героя перед боем с чудовищем, как бы удваивается. Отсюда с некоторой долей вероятности можно предположить, что в абхазском нартском сюжете об освобождении водного источника своеобразно сочетаются две стадиально-

[1] Сходно с абхазской сказкой о посещении подземного мира [Шакрыл, Бгажба, 1965, с. 34–35].

Следует сказать, что у абхазов имеются ритуально-мифологические тексты, весьма показательные для раскрытия обрядовой семантики нартского сюжета об освобождении водного источника[1]. В частности, в этом смысле особого внимания заслуживает мифологический рассказ о хтоническом божестве моря, связанный с фамилией Ампар. Согласно обряду, род Ампаровых раз в год, осенью, приносил своему морскому божеству *Ет-ных Аг-ных* дань в виде козленка и огромного четырехугольного просяного чурека[2] [Инал-ипа, 1965, с. 552]. Обряд связывается с мифологическим преданием, объясняющим причину этого жертвоприношения, содержание которого сводится к следующему:

Ежегодно одна из лучших девушек рода Ампар молча собиралась, сама приходила на ***берег моря,*** *и ее уносило грозное* ***морское существо****. Впоследствии отец (или брат) очередной жертвы-девушки освобождает ее от этой роковой участи. Он отправляется с дочерью (сестрой) в назначенный день к берегу моря, захватив с собой навьюченного свечами и смертоносными стрелами* ***осла*** *и верный лук. После* ***долгого пути*** *он* ***засыпает*** *на берегу моря, положив голову на колени девушки. Проснувшись от падавших на его лицо слез девушки-избранницы, видит несущееся над морем некое страшное существо в виде темного облака и вступает в единоборство с ним. После долгого сражения (сначала «облако» порозовело, а затем покраснело) чудовище остановилось (или погибло), и было вынуждено согласиться с тем, чтобы впредь ему приносили в жертву не девушку, а животное. От такого происшествия (иногда по предсказанию морского чудовища) засверкала молния, загремел гром, земля провалилась вместе со всеми ампаровцами, а нынешний их род сохранился благодаря одной случайно оставшейся в живых* ***беременной женщины*** [Дьячков-Тарасов, 1905, с. 57–58; Чукбар, 1975, с. 63–66; Чурсин, 1957, с. 26; Малия, 1970, с. 82].

---

[1] Ср., например, обряд вызывания дождя у абхазов – «Дзиуау», имитирующий священный брак между небесным божеством – управителем небесных вод и земной непорочной девушкой [Аншба, 1982, с. 42–49]. Небесный змей представлен, по-видимому, и в образах, встречающихся в космогонических воззрениях абхазов, – *радуги* (*ацәакәа)*, поглощающей воды, и чудовища, пожирающего луну и солнце (*атыҩ)* [Джанашиа, 1960, с. 30, 56–57; Чурсин, 1957, с. 154].

[2] Интересно, что отражение данного обряда, локализующегося в с.Калдахуара, Е.М. Малия видит в орнаментике льняного настенного ковра, найденного в том же селении [Малия, 1970, с. 81–82, табл. III, 1].

Несмотря на свою «историческую» окраску и форму предания (связь с реальной фамилией, отец или брат девушки вместо эпического или сказочного героя, диалог между человеком и чудовищем и т.п.), остов мифа (весьма сходный со сказкой [см. Шакрыл, 1968, с. 127–129]) все тот же мотив змееборства. В нем наличествуют почти все основные повествовательные константы архаической темы змееборства: дальний и сложный путь, сон перед боем, долгий поединок, освобождение девушки. Мотив свечей, видимо, связан с освещением потустороннего мира[1]. Также, думается, что, и образ беременной женщины из рода Ампар восходит к чудесному оплодотворению от мифологического змея-подателя (см. выше). Кроме того, возможно, данный миф отражает атрибуты еще более древнего пласта змееборства. Так, если в абхазской сказке и нартском сказании чудовище, запрудившее воду, названо либо драконом, либо великаном, то здесь оно обозначено метафорически – грозным существом, являвшимся в виде темного облака. И по всем его приметам (определительным сочетаниям), по его морской природе (выходит из моря, несется над морем), легко определить, что под этим грозным существом высвечивается именно образ мифологического змея, который в тексте вполне ясно представлен как морское божество. Отсюда можно допустить, что название чудовища подпало под действие табу из-за его почитания как божества моря, покровителя рода (тотема). В связи с этим интересно указать на синонимные обозначения змеи (*а́мат*): ***аҳәаза́*** (ползун), ***ахьзымҳәа́*** (неназываемое) у абхазов [Касландзия, 1981, с. 115], что, вероятно, вызваны табуированием ее собственного названия. Думается, что эти архаические представления основываются на воспоминаниях о благой сущности мифологического змея. С этим, видимо, связано и описание в сюжете мифа реакции природы на поражение морского чудовища (гром, молния, потоп), наталкивающей на мысль, что нельзя вступать в бой со своим покровителем и убивать его, что нарушение запрета приносит несчастие. По абхазским поверьям, вползающую в дом змею не убивают, считается, что в образе змеи дом посещает какой-либо святой, будто такая змея приносит счастье[2] [Чурсин, 1957, с. 140–141].

---

[1] Ср. ниже (в эпосе об Абрыскиле) свечи, освещающие пещеру-темницу.

[2] О почитании змеи у абхазов см. выше и следующие работы: Чурсин, 1957, с. 140–146; Аншба, 1982, с. 146–151; Ардзинба, 1988, с. 275–276.

3.2. *«Освещение пути свечением мизинца»* предстает как одна из версии сошествия Сасрыкуа в преисподнюю (в подводный мир). Содержание сюжета сводится к следующему:

При возвращении героя из похода темной ночью жена всегда освещала ему путь; однажды, из-за ссоры между героем и братьями-нартами или мужем и женой, в полночь при перегоне табуна через полотняный мост, жена не осветила ему путь и герой вместе с табуном, сорвавшись с моста, падает в бушующий поток (см. текст №22) [Указатель, №78, 79, 94, 167].

Из имеющихся четырех вариантов сказания первая запись была произведена в 1948 году. Ср. в абазинской [Н. абаз., с.247–249, 260–267], адыгской [Н. адыгск., с. 337–339], осетинской [Н.осет., с.184–185] и балкаро-карачаевской [Н. балк.-карач., с. 388–390] версиях эпоса. Варианты сказания в абхазо-адыгском эпосе связываются не только с Сасрыкуа / Сосруко, но и с другими эпическими персонажами – с Хныщем, Асетом, Псабыдой и безымянным героем.

Антитеза *мрак – свет,* постоянно присутствующая в сюжете, вероятно, означает подводное (как мрак) и земное (как свет) пространства. Ср. освещение (мизинцем – в абхазской версии, алмазным перстнем – в абазинской версии, обнаженными руками – в адыгской и балкаро-карачаевской версиях или грудью – в осетинской версии) места перегона табуна (входа в подводное царство) с освещением речного пространства (или всей вселенной) обнаженным телом Сатаней-Гуащи в сюжете о чудесном рождении героя из камня.

3.3. *«Чудеса по пути к родителям жены»* – сюжет, встречающийся и в нартском эпосе и в сказке (ср. AT471**). Его присутствие в сюжетной тематике абхазской версии нартского эпоса достаточно стабильно. Первая запись сказания была произведена в 1946 году. Общее число известных мне записей составляет 12 текстов: 7 – как отдельные сюжетные единицы[1], и 5 – в контаминации с другими сказаниями[2].

По пути к родителям жены Сасрыкуа наблюдает чудесные явления: бой двух ***бараньих (или бычьих) голов*** *посередине* ***большой реки*** *(или медведя в реке, в пасть которого вливается весь поток);* ***большое дерево посередине поля,*** *по стволу которого поднимается новая обувь, а спускается старая; черные вороны в* ***глубоком ущелье*** *во мраке; яблоневый сад, в котором яблоки снаружи хорошие, а внутри гнилые; заросли кустарниковых растений, в которых герой не смог выбрать себе ветвь для ручки плети;* ***мрак, отсутствие света*** *во дворе родителей жены, который при его приезде всегда освещался; лай щенят из утробы щенной суки родителей жены (к тому времени уже околевшей) и окрик на щенят младенца из утробы умершей служанки тестя; большую черную змею под изголовьем тестя; нечистоты под подушкой тещи; жену – без головы. Жена истолковывает их как предзнаменования его скорой гибели, как признаки загробного мира. На обратном пути богатырь встречается с противниками и погибает в схватке с ними* (см. тексты: №20,23).

Ср. в абазинской [Н. абаз., с. 317–323], адыгской [Н. адыгск., с. 220–222, 224–227] и осетинской [Н. осет., с. 149–162] версиях эпоса.

Во всех версиях и вариантах сюжета чудеса по пути героя символизируют приметы потустороннего мира, предстающего здесь в горизонтальной проекции. Ср. *река* – как рубеж между потусторонним и посюсторонним мирами, как вход в подземное царство, как переправа (функционально сходная с рекой, встречающейся в сюжетах о рождении героя, добывании огня, освобождении водного источника, освещении пути героя); *бараньи* и *бычьи* головы – как проводники героя (души героя) в иной мир (см. выше в сюжете об освобождении водного источника черный баран в роли переправляющего героя в подземное царство в балкаро-карачаевском сказании и абхазской сказке); *дерево посередине поля* – как вариант мирового дерева (аналогичное дереву, которое фигурирует в сюжетах о проглатывании братьев-нартов старухой-ведьмой и освобождении водного источника); *пасть медведя* – как пасть змея, через которую герой попадает в иной мир; *черные вороны в глубоком ущелье, мрак* и т.п. как атрибуты загробного мира (ср. выше).

3.4. *«Оживление жены (суженой) с помощью травинки или листа»* предстает как своеобразная версия сюжета о посещении загробного мира и мотива змееборства (см. выше) [AT 612]. Оно встречается и в фольклоре многих северокавказских народов (см.: Алиева, 1986, с. 32,47; Далгат, 1957, с. 165). Примечательно, что и в адыгском нартском эпосе данный сюжет связан с именем Сосруко [Талпа, 1936, с. 14–15]. Его содержание сводится к следующему:

Возвратившись из очень долгого путешествия, Сасрыкуа ***вскрыл могилу жены*** *(или суженой – дочери Айргов), которая умерла за время его отсутствия, и лег рядом с ней; убил одну* ***змею,***

[1] См. Указатель, №55, 83, 112, 131, 136, 186, 260.

[2] См. Указатель, №51, 96, 166, 278, 309.

вползшую в могилу укусить жену, затем – другую, с листом во рту, желавшую оживить первую; этим листом он оживляет жену (или, по другой записи, увидев во сне, как один голубь оживляет другого голубя с помощью травинки, Сасрыкуа той же травинкой, оставленной голубями, оживляет суженую, ***выкопав ее из могилы)*** (см. текст №29) [Указатель, №21, 26].

Сказание в усеченной форме передает некоторые описания сюжетов о посещении потустороннего мира: ср. временное пребывание в загробном мире, беседа с женой, Азанлист – в осетинском сказании «Сослан в стране мертвых». (Согласно одному из вариантов осетинского сказания о посещении страны мертвых, Сослан женится в том мире: «…взял красивую Сайнаг-девицу и приехал домой» [Н. осет., с. 162]).

Аналогичные описания мотива оживления героя широко распространены в мировом фольклоре (см. об этом: Чиковани, 1966, с. 103–104). Ср., например, в греческой мифологии: Главк, «ребенком, гоняясь за мышью, упал в бочку с медом и был найден мертвым. Некий Полиид с помощью целебной травы, бывшей в употреблении у змей, возвратил его к жизни» [Мифы, 1987, с. 306].

4. Поиск более сильного соперника

4.1. «*Встреча с великаном-пахарем*» – сюжет, встречающийся и в эпосе и в сказке [АТ 650В]. Первая его запись была произведена в 1925 году [Указатель, №5]. Мне известно 27 вариантов сказания: 20 – самостоятельных[1] и 7 – контаминированных[2].

Сатаней-Гуаще надоели «забавные игры» Сасрыкуа (перебрасывание своего коня или нартской скамьи через дом), его слова о том, что нет человека, который превзошел бы его в силе, и она снаряжает сына в путь, чтобы проучить его. Герой встречает ***полусухого-полусырого*** *великана-пахаря (без одной руки, парализованного на один бок), пашущего на запряженных* ***быках*** *(буйволах, ослах или великанах); в ответ на приветствия Сасрыкуа, пахарь* ***засовывает его вместе с конем под ком земли,*** *вывороченной плугом (или* ***сажает в мешок*** *с семенами кукурузы), и продолжает пахать. В* ***полдень*** *жена пахаря великанша приносит мужу* ***еду****: на ее голове стоит огромное деревянное корыто (плетеная корзина), а в нем –* ***целый зажаренный бык и полный кувшин вина;*** *она пряла* ***шерсть с целым буком в руках в качестве веретена с насаженным на нем пряслицем-жерновом. Наевшись****, пахарь отдает своей жене Сасрыкуа и его коня, она* ***сажает их в корыто и несет домой как забавные игрушки для детей****; по дороге Сасрыкуа попытался сбежать, но великанша расставила силки, сплетенные из* ***волос, вырванных из своего лона;*** *затем* ***помочилась и «река» подхватила героя, и он попался в силок****. Великан-пахарь, узнав Сасрыкуа, рассказывает ему о своих приключениях, вследствие которых он стал «полусухим»: Их было сто братьев. Шли они в поход, и когда в пути их застигла непогода, укрылись в конском черепе, который показался им* ***пещерой.*** *Некая пастушеская собака притащила этот череп пастуху. Пастух* ***сбросил*** *череп в* ***отвесную скалу****, где и погибли все его братья, а он остался калекой – полувысохшим-полусырым*[1] (см. текст №15).

Ср. в абазинской [Н. абаз., с. 234–236, 273–275], осетинской [Н. осет., с. 93–96] и вайнахской [Далгат, 1972, с. 278–280, 280–281] версиях эпоса. В некоторых из них вместо Сасрыкуа фигурирует другой персонаж (Баданоко – в абазинской версии, великан Говда или некий безымянный силач – в вайнахской версии) и образ пахаря заменяется образом великана-рыбака. Варианты данного сказания очень широко представлены в фольклорных традициях народов Кавказа. В частности, к абхазскому варианту весьма близка фабула кумыкской богатырской сказки, в которой наличествуют образы великана-пахаря, его жены и бессильного перед ними героя [Далгат, 1972, с. 96].

Структура сказания содержит мотивы, сходные с мотивами и эпизодами, встречающимися в других основных сюжетах о Сасрыкуа, в частности, о чудесном рождении из камня и о добывании огня. Так, описания, связанные с адауы-великаншей, очень близко напоминают образ Сатаней-Гуащи, ее «встречу» с «пастухом» (ср. выше символику мотива *полудня* и мотива *прядения шерсти с целым буком в руках, в качестве веретена с насаженным на него пряслицем-валуном)*. Однако примечательно, что в данном сюжете события описываются в аспекте смеха. При встрече с великаном-пахарем бо-

---

[1] См.: Указатель, №12, 46, 47, 48, 75, 108, 109, 116, 127, 152, 159, 160, 227, 255, 256, 257, 269, 285, 290, 300.

[2] См.: Указатель, №5, 8, 90, 183, 214, 221, 251.

[1] Этот последний мотив сходен с описанием «конского черепа» в сказании о спасении братьев-нартов (см. выше), но более устойчиво встречается именно в данном сюжете.

гатырская мощь героя подвергается предельной минимализации[1]. Думается, что это объясняется самим гротескным характером сюжета, в котором можно усмотреть следы обряда, связанного с культом земли, плодородием, производительной силой. Заметен карнавальный стиль данного сказания, фабула которого предстает как смеховое действо. Сасрыкуа похож на посмешище, шута: пахарь, не обратив на Сасрыкуа никакого внимания, засовывает его вместе с конем под ком земли, вывороченной плугом (или сажает в мешок с семенами кукурузы), и продолжает пахать; жена пахаря несет Сасрыкуа и его коня домой (посадив их в корыто) как забавные игрушки для детей и т.п. Описания эти можно расшифровать как снижение-умерщвление, «веселые похороны» Сасрыкуа. Эпизоды попадания в поток мочи великанши, а оттуда – и в силки из ее волос весьма интересны для подобной интерпретации сюжета. Они могут быть связаны одновременно со снижением-умерщвлением и возрождением-обновлением (см. Бахтин, 1990, с. 163–169). В основе этих эпизодов, вероятно, «лежит буквальное топографическое снижение, то есть приобщение к телесному низу, к зоне производительных органов» [Бахтин, 1990, с. 164]. Также эпизоды еды и питья можно интерпретировать как атрибуты праздника, смехового действа, гротеска. «Еда и питье – одно из важнейших проявлений жизни гротескного тела» [Бахтин, 1990, с. 310].

В одной записи сюжета от турецких абхазов подчеркивается, что великан-пахарь, обедая, наблюдает за своей женой-великаншей и как бы приходит в возбуждение:

*«Иергьы дналам-аамласуа дыччон, дгәыз-хызха. Дрыцшуан уаҩ иимбац апхәыс, лызлак граза, лызлак тикәацәаа» («И он **заигрывал с ней, смеялся и пошучивал**. Перед ним была необычная женщина – **один глаз голубой, другой – черный**»)* [Указатель, №221].

Разноцветные глаза, сочетание голубого и черного, заигрывание и смех можно рассматривать как символы сексуального прельщения, соблазна. Это, вероятно, восходит к тем же мифологическим

[1] Ср. описание встречи человека с исполином (один из весьма распространенных мотивов в фольклоре многих народов [Веселовский, 1940, с. 588; Гацак, 1967, с. 58–61]). В передаче А. Н. Веселовского: «Дочь великанши приносит матери в фартуке мужика с плугом и волами, приняв их за зверьков или карликов» [Веселовский, 1940, с. 588].

представлениям земледельческих народов, согласно которым совершение полового акта на поле в момент посева необходимо было для плодородия земли, роста посевов [Фрэзер, 1983, с. 135–145].

Отсюда представляется, что данный сюжет метафорически, в гротескном стиле воспроизводит некоторые элементы мотива «встречи» Сатаней-Гуащи и «пастуха» в контексте эротической символики обряда пахоты и сева. В этом смысле весьма показательны варианты сюжета, в которых атрибуты двух персонажей (пастуха и пахаря) как бы сливаются в один образ: встреча Сасрыкуа с великаном-пахарем трактуется как встреча со своим «отцом» – великаном-пастухом. Сасрыкуа едет по следам коня «отца», переправляется через *реку*, находит его, и тот смотрит на него, *«приподняв свои брови»* [Указатель, №109, 152, 251]. В связи с функциональной тождественностью «пахоты» и «союза» Сатаней и «пастуха», так же осуществляющегося в полдень» [Ардзинба, 1985, с. 144–145], интересно указать и на мотив *зажаренного быка,* принесенного на обед великану-пахарю его женой-великаншей, из которого, возможно, просматриваются отголоски известного обряда умерщвления быка на поле как символа хлебного духа, как божественного искупителя [Фрэзер, 1983, с. 427–430]. В контексте гротескной традиции этот ритуал носит «подчеркнуто торжественный и праздничный характер» [Бахтин, 1990, с. 227]. Как пишет Ш. Д. Инал-ипа, «с быком у абхазов были связаны, прежде всего, представления о плодородии и размножении. Об этом свидетельствуют, в частности, данные абхазской лексики. Древнейший тип деревянного пахотного орудия бзыбские абхазы называют словом, которое в приблизительном переводе означает «бычий отросток» (ацәшьхәа); абхазское название радуги, по-видимому, также связано с быком и выражает собой «бычий отпрыск» (ацәаԥәа, бз. ацәаԥә), покрытие (оплодотворение) самцом самки (коровы, буйволицы) называется «приобщением с быком» (ацәтәра); предводитель охотников и пастухов выступает под именем «счастливый бык» (ацәымш; ацә – бык, амш – день, счастливый)» [Инал-ипа, 1974, с. 165].

Существует мнение о том, что в названиях, связанных с пахатой, таких, как *а́цәматәа* (соха, плуг, букв. *«воловий инструмент»*), *а́цәшьхәа* (полоз, подошва, букв. *«воловья подошва»*), *а́цәмаԥа* (рукоятка плуга, букв. *«рукоятка вола»), а́цәсиха* (сошник, лемех, букв. *«воловье железо»)* и т.п., первый композит *ацә* (бык, вол) восходит не к названию быка, а к названию простейшей бороздовой палки,

абхазской сохи, ввиде загнутого крюком сука – *аԥәáхә* или к слову *аԥәá* (кожа, верхний слой древесной коры, и дерн) – *áԥәаԥәара, áԥәыԥҵԥара, áԥәыԥԥра* (чертить, бороздить, царапать, разрывать) [Генко, 1930, с. 130–131; Бжания, 1973, с. 164–178]. Однако наряду с этим нельзя считать случайным ряд лексических ассоциаций, соответствующих логике мифологических воззрений о взаимосвязи полового акта с посевом, об эротической символике земли, в которой «посев отождествляется с оплодотворением, плуг – с фаллосом, и т.п.»[1] [Рабинович, 1987, с. 467]. Ср., например, в абхазском языке слова: *áԥҵа/áԥҵаз* (самец, производитель, семя), *аԥәáԥҵ* (семя, косточка), *аԥәáԥҵ зыԥрóу* (храбрый, букв. *«обладающий семенем»*), *акәтáԥҵ* (яйцо), *аԥрá* (внутренность, брюшная полость, букв. *«место фаллоса, семени»*) со словами: *áԥҵара* (паханое поле, место, где засеяны и всходят злаковые семена, букв. *«место семени»*) и *áԥәаԥәара* (пахать, букв., возможно, *«место фаллоса, семени быка»*). Также слово *аԥжәарá*, означает как «взрывать целину, непаханое поле», так и *«разрывать девственную плеву»*.

В сюжете и рассказ великана-пахаря о своих приключениях (гротескное снижение образа ста братьев, пещера, сбрасывание братьев в отвесную скалу и т. п.) напоминает обряд ритуального убиения стариков (см. ниже).

4.2. *«Встреча с богатырем-всадником»* – сюжет, во многом совпадающий с предыдущим сказанием. Первая его запись была произведена в 1925 году. Число известных мне записей сказания – 11 вариантов: 7 – самостоятельных[2] и 4 – контаминированных[3].

Сатаней-Гуаща указывает путь Сасрыкуа; он встречает богатыря-всадника – Талумбака, сына Алтара (Татраща), который не удостаивает его вниманием: в ответ на приветствия Сасрыкуа, всадник берет Сасрыкуа и ***сажает в свой карман***, а *коня подвязывает к седлу (или наскакивает конем на коня, начинается поединок, который длится с* ***утра до полудня,*** *в ходе борьбы они* ***землю пропахали****); Сасрыкуа терпит поражение и возвращается, попросив соперника перенести поединок на другой день. По наущению матери*

[1] «Фаллический плуг проникает в Мать-Землю» [Тресиддер, 1999, с. 282].

[2] См.: Указатель, №44, 45, 106, 107, 126, 194, 202.

[3] См.: Указатель, №9, 27, 43, 150.

в назначенный день герой убивает обидчика: Сатаней-Гуаща подготовила ***попону из разноцветных кусочков материи и увешала ее колокольчиками,*** *изготовленными кузнецом нартов Айнар-жьи; от неожиданного появления Сасрыкуа в таком виде конь Талумбака шарахается, герой не удерживается в седле, падает, и Сасрыкуа отрубает ему голову* (см. текст №17).

Ср. в абазинской [Н. абаз., с. 226–228, 240–243], адыгской [Н. адыгск., с. 196–200, 210–215, 215–219, 358–359, 362–364, 365–367, 369–371, 374–376] и осетинской [Н. осет., с. 385–388, 388–389, 389–393, 393–396, 396–403] версиях эпоса.

Сюжет сохраняет устойчивую структуру во всех названных версиях и вариантах. Могут быть лишь незначительные вариации и различные трактовки некоторых мотивов и элементов. По мнению одних исследователей, представленное сказание – сравнительно позднего происхождения [Мелетинский, 1957, с. 56; Шортанов, 1974, с. 20–21; Аншба, 1982, с. 116–117; Ханаева, 1993, с. 240–241], а, по мнению других, – сюжет сохраняет архаическую основу [Алиева, 1969, с. 45–53; Ардзинба, 1985, с. 144, 146–147; Абаева, 1969, с. 77–78], сам «образ Тотреша, седьмого или девятого брата, погибающего от руки Сосруко, может рассматриваться как переосмысление образа семиголового великана, которого убивает Сосруко (Сасрыква) в сказании, повествующем о добывании огня» [Ардзинба, 1985, с. 146]. Последнее соответствует самим описаниям сюжета, в которых воспроизводятся приметы древнейших образов – противников героя. С этим связаны и мотивы *полудня, пахоты, преуменьшения облика героя, его магические свойства* – хитрость, смекалка и т.п. «Мотив колдовства в этом сказании уводит нас в далекую глубь веков» [Абаева, 1969, с. 78].

В структуре сюжета, как и в предыдущем сказании, можно усмотреть следы древнего обряда смерти и возрождения с целью восстановления плодородия природы. Этот смысл выражается в гротескных описаниях сюжета: богатырь-всадник сажает Сасрыкуа в свой карман, а коня подвязывает к седлу. Также попона из разноцветных кусочков материи и колокольчики напоминают шутовские колокольчики и бубенчики, которые «появляются уже в древнейших свидетельствах о действах карнавального типа как их необходимый аксессуар» [Бахтин, 1990, с. 237].

5. Женитьба героя

5.1. *«Героическое сватовство»* в цикле сказаний о Сасрыкуа реализуется в виде умыкания небесной красавицы, в форме поездки за далекой невестой.

Тема героического сватовства и женитьбы, очень популярная в богатырских сказках и эпосах многих народов мира, в абхазском нартском эпосе присутствует и в нескольких других сказаниях, связанных с разными богатырями: умыкание красавицы, излучающей свет (во многом сходно с рассматриваемым сказанием о сватовстве, связанным с Сасрыкуа, но выглядит как типичный сюжет богатырской сказки о брачных состязаниях) [Джапуа, 1995б, с. 102, № 4.2, 111–112, № 9], умыкание Гунды Прекрасной [Джапуа, 1995б, с. 104–105, № 5], встреча с ацаном-карликом и женитьба на его сестре [Джапуа, 1995б, с. 107, № 7], бой с войском и женитьба на красавице [Джапуа, 1995б, с. 103, № 4.3]. Однако по сравнению с этими версиями темы героического сватовства и женитьбы героя, умыкание небесной красавицы Сасрыкуа выглядит более архаичным и «собственно эпическим». Хотя, по мнению А. А. Аншбы, «мотив героического сватовства в абхазском (нартском. – З.Д.) эпосе относится не к самим архаическим мотивам, а к последней стадии развития эпоса» [Аншба, 1982, с. 94]. Нельзя не отметить, что и в цикле сказаний о Сасрыкуа сюжет о героическом сватовстве отнюдь и не самое основное и не самое частое явление. Пока Сатаней-Гуаща и Гунда Прекрасная покровительствуют Сасрыкуа, роль жены героя ослаблена.

Первая запись сюжета была сделана в 1949 году. Общее число записей составляет 10 текстов: 5 – самостоятельных[1] и еще 5 – контаминированных[2].

Сасрыкуа сватается к дочери Богов (или Айргов) и отправляется в дальний путь. ***Не стареющая и не молодеющая*** *красавица живет на* ***последнем, седьмом этаже дворца из птичьих костей*** *или* ***хрустали****, воздвигнутого на неприступной* ***вершине самой высокой горы****, над крутыми скалами и отвесными обрывами. Лишь* ***ветер, солнечные лучи, и небесные тучи*** *доставали до дворца, который в ненастные облачные дни казался* ***облаком****, а в безоблачный день голубел как* ***небо****. У подножия* ***высокой скалы*** *(или по пути к нему) Сасрыкуа встречает героя Нарджхьоу, тоже ехавшего за красавицей, но не сумевшего преодолеть неприступную скалу, на которую если и поднимешься, то обратно не возвратишься:* ***все следы копыт ведут только вверх****. Сасрыкуа на своем богатырском коне двинулся по* ***отвесному склону скалы и, преодолев неимоверные трудности, п****однялся на вершину – на красивое поле; там он встречает некоего* ***старика, сообщающего ему о том, что отсюда люди не возвращаются****, поэтому поле так застлано человечьими костьми: братья девы-красавицы уничтожают всех героев, не выдержавших брачные состязания, что его единственный сын, прошедший через все «брачные испытания», сидит у лестницы дворца и будет сидеть до тех пор, пока не увидит героя, понравившегося ей. По совету старика, Сасрыкуа проходит* ***через поле,*** *входит в ворота и поднимается* ***по лестнице на вершину дворца.*** *Легким прикосновением к ее косе будит спящую красавицу, которая* ***видит его во сне.*** *На обратном пути с похищенной девой-красавицей Сасрыкуа очень долго не может преодолеть поле, Бзоу мчится* ***по одному и тому же кругу равнины,*** *пока кони погнавшихся за ними братьев красавицы и сына старика не выдохлись от усталости. И только после достойной выдержки этих преследований дева-красавица показывает Сасрыкуа единственный путь, по которому можно спуститься с вершины горы –* ***по следам его коня оттуда, откуда он приехал*** (см. тексты: №19, 20).

Сон, обязательно наличествующий в структуре сюжета, вероятно, восходит к жанру пророческих сновидений и воспринимается как своеобразный момент раскрытия «эпической души»: дева-красавица во сне мечтает встретиться с Сасрыкуа, да и у самого героя нет сомнения в том, что завоюет ее сердце. Интересно, что роль сна еще более усилена в героико-исторической интерпретации данного древнего сюжета: Абатаа Беслан, увидев красавицу Ханифу во сне, возжелал ее [Салакая, 1975, с. 284]. Сон как бы свидетельствует о тайной символической связи Сасрыкуа и девы-красавицы, что они предназначены друг для друга.

В некоторых текстах сказания тема героического сватовства удваивается: сюжет об умыкании дочери богов как бы продлевает сюжет о похищении сестры нартов Гунды Прекрасной. И эта контаминация обусловливается тем, что персонаж второго сюжета (Нарджхьоу), фигурирующий и в первом сюжете в качестве соперника Сасрыкуа, увидел Гунду Прекрасную на торжестве нартов по случаю женитьбы героя [Указатель, №135, 254]. Между сюжетами со-

[1] См.: Указатель, №91, 92, 162, 198, 301.
[2] См.: Указатель, №135, 143, 254, 278, 309.

храняется некая тематическая связь, но сказители никогда не смешивают данные сказания, а тем более – персонажей.

Картина, описанная в сюжете, очевидно, соответствует образу неба. Сама дева-красавица *дочь Богов*, она *не стареет и не молодеет. Гора, на вершине* которой воздвигнут дворец, может быть, связана с представлениями о мировой горе – гора как небо или небо на горе. «Мировая гора или держит на своей вершине небо, или вершина ее есть небо как место обитания богов» [Брагинская,1988, с. 207]. Образ *семиэтажного дворца из птичьих костей* или *хрустали* (ср. в других мифологиях уподобление неба дворцу из небесного вещества, из хрустали и т.п.), которого достигают только *ветер, солнечные лучи и небесные тучи*, возможно, отражает мифологические представления о семи мирах и этажах мира. (Ср. дворец как небо, который то кажется *облаком*, то голубеет как *небо.)*

Путь героя к небесному миру, небесной деве-красавице пролегает по вертикали и горизонтали – по *скале, полю и лестнице*. Он предстает как символ восхождения к небесам, как преграда или граница, соединяющая разные миры; через него проходит движение героя вверх и вниз. Но до Сасрыкуа путь оставался как бы односторонним: *все следы вели только вверх, оттуда не возвращались.* А с победой в брачных состязаниях герой прокладывает обратный путь и осваивает само небесное пространство. Образ поля, обладающего чудесным свойством (ср. «круговое движение» героя по полю), вероятно, можно представить и как модель неба – небо-поле. (Ср. «в финикийской мифологии небо – как голубой ковер с блестками» [Брагинская, 1988, с. 207].) Его можно пройти только по проложенной тропе - по своим же следам (ср. выше мотив пахоты, тропы).

5.2. *«Роковая смерть младенца»* – сюжет, предстающий как часть, как продолжение сказания о героическом сватовстве. Его воплощение в нартской тематике мотивируется следующей сказительской ремаркой: детям героя было суждено погибать от его же рук. Еще более конкретно эта деталь выражается в контаминации сюжетов о героическом сватовстве и смерти младенца. В первой части сказания («героическое сватовство») герой (сын старика), за которого не вышла красавица, накладывает на нее заклятие не иметь детей, и этот сюжетообразующий эпизод как бы определяет дальнейшее развитие второго сюжета («смерть младенца») [Указатель, №143]. Иногда это сказание связывается и с образом другого эпического персонажа – Хныща [Джапуа, 1994а, с. 227], Нарта Жакьа Хуца

[Джапуа, 2001а, с. 54–55, №29] или Татраща [Шакрыл, 1968, с. 13, №1]. Известные мне варианты сказания составляют 9 текстов: 4 самостоятельных[1] и 5 контаминированных[2].

Содержание сюжета сводится к следующему:

Сасрыкуа в честь гостей устраивает ***пир;*** *перед началом* ***пиршества*** *он выходит во двор; неожиданно* ***большой орел*** *поднимает* ***на небо Сасрыкуа*** *и, пролетев над* ***лесами, реками, морем,*** *опускает его на* ***большой камень посередине моря;*** *герой находит проход сквозь камень и по* ***лестнице*** *спускается в какой-то дом, в котором в его честь устроили пир; Сасрыкуа, заметив* ***веселого*** *младенца, на кончике своего ножа подает ему кусок мяса; младенец, споткнувшись, прокалывается на острие ножа и испускает дух. Так Сасрыкуа нечаянно убивает младенца (своего сына), которого мать тайно от него отдала на воспитание в чужие руки; затем тот же орел доставляет его обратно* (см. тексты: №19, 20, 21).

Ср. в осетинской версии эпоса [Н. осет., с. 49–56, 56–59, 59–64, 65–69, 69–73].

Как видим, структура сюжета строится на пространственном перемещении героя. Большой орел, переносящий Сасрыкуа с земли на небо, а с неба в подводное царство, типологически сходен с известной мифологической птицей в мировом фольклоре (ср. выше образ орла в сюжете об освобождении водного источника). Камень в середине моря (ср. выше) с лестницей внутри, по которой спускается герой, вероятно, соотносится с подводным царством, и напоминает небесный дворец с лестницей, по которой поднимается герой в сюжете о героическом сватовстве.

Ученые проводят параллели между нартским сюжетом и персидским сказанием о бое Рустема со своим сыном Сохрабом, циклом Ильи Муромца [Миллер, 1892, с. 59–63; Абаев, 1990, с. 147, 171; Дюмезиль, 1977, с. 81, 84; Иштванович, 1978, с. 67–79], мифами о Кроносе, Зевсе, сагами о Кухулине и о Гильдебрандте [Абаев, 1990, с. 163, 171], видят в этом сюжете матриархальный мотив, когда сын не знает отца, а отец – сына [Мелетинский, 1963, с. 188–189; Абаев, 1990, с. 171].

---

[1] См.: Указатель, №77, 93, 163, 302.

[2] См.: Указатель, №143, 174, 185, 278, 309.

По мнению Е.М. Мелетинского, «это сказание не следует рассматривать как результат влияния иранских сказаний о Рустеме и Сохрабе; наоборот. в нем содержатся более архаические элементы, чем в типичном героико-эпическом сюжете о бое отца с сыном» [Мелетинский, 1963, с. 189]. Вслед за Е. М. Мелетинским, осетинские исследователи Ю. С. Гаглойти и Ю. А. Дзиццойты отмечают, что «точка зрения М. Иштвановича о книжном происхождении нартовского сказания о безымянном сыне Урызмага и его проникновения в осетинский через грузинское посредство представляется неубедительной» [Гаглойти, 2000, с. 9]; что «ни о каком персидском влиянии на осетинский эпос в данном случае говорить нельзя. Мотив борьбы отца и сына сильно отличается от мотива убийства отцом своего сына» [Дзиццойты, 1999, с. 320–321].

Ю. А. Дзиццойты (посвятивший специальную статью рассматриваемому нартскому сказанию) связывает архаическую семантику данного сюжета с обрядом «ритуального убийства состарившегося правителя, последующее возрождение которого должно привести к обновлению всего мира» [Дзиццойты, 1999, с. 326]. Этот обряд, прослеживающийся во многих древних культурах, связан с мировоззрением прошлого, представлениями о предводителе как о магическом средоточии производящих сил природы. Считалось, что ослабевший от старости правитель не в силах обеспечить благополучия людей. Поэтому «не следует допускать, чтобы вождь старился и болел: ведь вместе с его одряхлением начнет болеть и перестанет давать потомство скот, на полях сгниет урожай, и все больше людей будет умирать от болезней» [Фрэзер, 1983, с. 255]. В таких случаях необходимо было ритуальное убиение предводителя или правителя. Считалось, что он причастен к божественному началу. Архаическим традициям известна и другая разновидность этого обряда, когда вместо правителя в жертву приносили его сыновей-младенцев. Часто этот обряд совершал сам отец-правитель [Фрэзер, 1983, с. 275–278].

Обе эти разновидности древнего обряда (и убиение правителя, и убиение его сына) засвидетельствованы в мифоэпических традициях народов Кавказа, в частности – в нартских сказаниях[1]. Примером второй разновидности обряда (убиение сына правителя) и является

[1] Об этом говорит и наличие в адыгском нартском эпосе терминов, связанных с ритуалом убиения стариков: «Гора старости», «Место убиения стариков», «Совет убиения стариков», «Совет смерти», «Обычай убиения стариков» и др. [Кумахов, Кумахова, 1998, с. 152].

архаическая семантика рассматриваемого нартского сюжета. Воспоминание же о первой разновидности обряда (убиение самого правителя) хранит другой нартский сюжет, представленный почти во всех основных версиях кавказской Нартиады.

В одной версии сказаний (абхазские, абазинские и адыгские варианты) сюжет вкратце сводится к следующему:

У нартов был обычай – убивать самого старого. Они его живым бросали в пропасть. Настало время и нарта Бадына. Сын сплел из хвороста корзину, посадил в нее отца, поднял его на вершину Горы старости и сбросил в глубокий овраг. Но корзина остановилась, зацепившись за пень. И старец ***засмеялся****, сказав сыну, что когда-то и его, состарившегося, сын сбросит с этой горы, и тогда, может быть, корзина зацепится именно за этот пень. Услышав это, сын подумал, вытащил отца из корзины, сбросил корзину в пропасть, а отца отнес в горную пещеру*[1]*, и еженедельно приносил ему еду. После этого нартов постигло три бедствия: потеряли семена проса, пал весь скот в их стадах, погибли все их плодовые деревья*[2]*. Только по мудрому совету отца, жившего в пещере, им удалось возродить потерянное. С тех пор нарты перестали убивать стариков* [Книга, №151, 152; Н. абаз., с. 275–279; Кумахов, Кумахова, 1998, с. 149–150].

Подобный сюжет представлен и в сказочном репертуаре народов Кавказа. Так, как отмечает С. Л. Зухба, «различные варианты сказки на этот сюжет распространены по всей Абхазии» [Зухба, 1970, с. 142]. Ученый обратил внимание на связь этих сказок с обычаем умерщвления стариков.

В другой версии нартских сказаний (адыгские, осетинские и балкаро-карачаевские варианты) сюжет предстает несколько иначе:

У нартов был обычай убивать стариков. Когда состарился нарт Озырмедж (Урызмаг, Ёрюзмек), нарты устроили ***веселый пир****, пригласили его на этот* ***предсмертный пир****, и подали ему чашу со смертоносным напитком*[3]*. Но по совету мудрой Сатаней (Сатаны, Сатанай) он не торопится выпить предсмертную чашу. Тем временем появляется герой (Сосруко/Сосурук, Бадиноко или Батраз). Он*

[1] Ср. ниже пребывание Абрыскила в пещере.

[2] Ср. ниже описания плодородия природы, земли и скота при жизни Абрыскила и после его заточения в пещеру.

[3] Ср.: По обычаю племени буньоро в Центральной Африке, «умирал вождь, осушив чашу с ядом» [Фрэзер, 1983, с. 258].

раскидывает нартов, дает старику уйти и возвращается к матери. После этого случая нарты не стали убивать стариков [Н. адыгск., с. 195–196, 234–240; Н. осет., с. 234–237, 237–239, 239–241; Н. балк.-карач., с. 330–332].

По некоторым осетинским вариантам сказания, когда старый Урызмаг превратился в посмешище, сам предлагает нартам посадить его в большой сундук (или зашить в бурдюк, сделанный из шкуры своего коня) и бросить в море [Дюмезиль, 1990, с. 199–201].

Как можно видеть, «распространенный у разных народов ритуал умерщвления правителей по причине их одряхления, описанный в знаменитой «Золотой ветви» Дж. Дж. Фрэзера, бесспорно, типологически сходен с традицией нартов» [Кумахов, Кумахова, 1998, с. 147], хотя следует подчеркнуть, что основным лейтмотивом рассматриваемых сказаний все же является именно упразднение обычая убиения стариков.

В связи с эпическим отражением древней традиции весьма интересны сохранившиеся в адыгском фольклоре колыбельные песни укачивания одряхлевших стариков (см. Налоев, 1985, с. 114–119). По мифологическим представлениям адыгов, «в древности люди жили так долго, что их, вновь впавших в детство, приходилось невесткам снова укладывать в колыбели и укачивать с помощью специальных песен» [Налоев, 1985, с. 114]. Согласно одному адыгскому нартскому сказанию, «у нартов был обычай: очень старых вновь, как младенцев, укладывали в колыбель и пели им колыбельную песню, чтобы они спали. Невестка и старик (или старуха) пели друг другу песню» [Кумахов, Кумахова, 1998, с. 151]. З. М. Налоев, изучив основные особенности подобных колыбельных песен (диалогическая форма, изображение укачиваемых жалкими людьми, беспомощными, смешными, гротескный, смеховой характер), связывает их с обрядом убиения стариков (с обрядовой подготовкой к смерти). По его мнению, песни укачивания одряхлевших стариков относились к атрибутам обряда убиения стариков, «предназначались для обрядового осмеяния приготовляемых к смерти» [Налоев, 1985, с. 116].

По-видимому, в контексте подобных соображений рассматриваются различные описания и эпизоды в абхазской устной традиции, согласно которым одряхлевших стариков приходилось укладывать в колыбели [Зухба, 1987, с. 13].

Анализируемые нартские сюжеты (и о роковой смерти младенца, и об убиении стариков) содержат и более конкретную атрибутику обряда ритуального убиения предводителя – *веселый пир* и *смех* у

порога смерти. Ср. в структуре сюжетов: *пир* – перед выходом Сасрыкуа во двор, и *пир* – перед смертью младенца, а также *пир* – перед убиением стариков; *смех* – старика у пропасти. Считается, что «пир – обязательный момент во всяком народно-праздничном веселье. Без него не обходится и не одно существенное смеховое действо… Смех снижает… Снижая, и хоронят и сеют одновременно, умерщвляют, чтобы родить сызнова лучше и больше» [Бахтин, 1990, с. 308, 27, 28]. «Смех при убивании превращает смерть в новое рождение, уничтожает убийство» [Пропп, 1976, с. 188]. И в нартском сказании, очевидно, «смех старца у порога смерти сохраняет следы семантики архаичного обряда, типологически обнаруживающего аналогии в традициях различных народов» [Кумахов, Кумахова, 1998, с. 150].

6. Гибель героя

6.1. *«Гибель от камня»* – самое традиционное, собственно эпическое и завершенное сказание из всех сюжетных версий и мотивов, связанных с темой эпической судьбы Сасрыкуа в абхазском нартском эпосе. Первая его запись была произведена в 1928 году [Указатель, №13]. Общее количество известных мне записей – 30. Из них 13 предстают как самостоятельные сюжетные единицы[1], а 17 – в контаминации с другими сказаниями[2]. Записи 80-х и 90-х годов XX века (6 текстов) свидетельствуют о том, что данное сказание о гибели героя является одним из самых распространенных и в настоящее время.

Братья-нарты (иногда адауы-великаны), желавшие гибели Сасрыкуа с самого его рождения, с помощью ***старухи-ведьмы*** *(обычно ездящей на* ***петухе Бога-кузнеца Щашвы со змеёй в руках в качестве плети****), выведывают «уязвимое место» («ахиллесову пяту» – правую ногу, оставшуюся незакаленной) и способ поражения богатыря (от* ***камня****).* ***Призывают*** *его как бы* ***на «боевое состязание».*** *Сасрыкуа становится* ***внизу – у подножия высокой скалы****; братья-нарты сбрасывают на него с* ***вершины скалы*** *большой камень (величиной с дом), Сасрыкуа разбивает его вдребезги левой ногой (или закатывает обратно на вершину скалы). Заставив его повторно*

[1] См.: Указатель, №28, 80, 97,175, 233, 242, 258, 259, 286, 291, 293, 311, 324.

[2] См.: Указатель, №13, 59, 64, 114, 122, 124, 130, 135, 167, 170, 195, 250, 279, 303, 304, 319, 325.

ударить камень правой ногой, братья губят героя. К погибающему Сасрыкуа стекаются разные звери и птицы, которые впоследствии приобретают свои свойства и особенности от проклятия или благословения героя («этиологические мотивы») (см. тексты: №18, 24, 25, 26, 27, 34).

Данный сюжет о гибели Сасрыкуа, естественно, с некоторым своеобразием, встречается и во всех остальных основных версиях нартского эпоса: в абазинской [Н. абаз., с. 251–252], адыгской [Н. адыгск., с. 222–223, 224–227], осетинской [Н. осет., с. 162–165, 165–170, 170–173, 174–176] и балкаро-карачаевской [Н. балк.-карач., с. 387–388]. Один вариант сказания засвидетельствован и в сванском фольклоре [Дзидзигури, 1986, с. 84–85]; а в вайнахских нартских сказаниях отсутствует мотив гибели героя от камня или колеса, наличествует лишь этиологические элементы о заклятии птиц и зверей [Далгат, 1972, с. 334–337]. В абхазском, абазинском, адыгском, балкаро-карачаевском и сванском сказаниях в большинстве вариантов причиной гибели героя является зависть братьев-нартов, а в осетинской версии – гнев дочери Солнца (ср. выше гнев женщины в сюжете об освещении пути героя свечением мизинца).

В абхазском эпосе уязвимое место героя сообщает *старуха-ведьма*, восседающая на петухе абхазского Бога-кузнеца Щашвы, у которой *плетью служит змея*:

«Аԥьныш ҭакәажә даарԥылеит, Шьашә-рарбаҵъ дақәтәаны,/ Ажыц шькылс илымоуп, амат-апшь ҟамчыс илкыуп» («Навстречу им – старуха-ведьма, сидя на петухе Щашвы,/ Колючки – её стремена, плетью служит красная змея») [Указатель, №80].

Ср.в адыгской волшебной сказке описание противника героя: «сам с вершок, борода в семь вершков, сидит на петухе, змей его поводья, плетью служит ящерица» [Алиева, 1986, с. 142].

Интересно, что подобное «змеиное» снаряжение коня-петуха старухи-ведьмы или другого противника героя обнаруживает весьма красочные параллели в одной песне восточнороманского героического эпоса (правда, с той существенной разницей, что здесь описание характеризует богатыря и его коня):

«Сёдлышко –/Череп змеиный,/Подпруга –/Сплетенные змеи, /Свитые хвостами, /Подбитые рядом с конем, /Уздечка – /Змеёныша

два, /Сцепились зубами, /Связаны хвостами, /Наброшены на седельную луку» [Гацак, 1967, с. 42].

По предположению В. М. Гацака, эти « строки, воспринимаемые ныне как чисто образные выражения, имели когда-то прямой, а не метафорический смысл. Певцы изображали витязя действительно сидящим в седле из змеиного черепа и держащим в руках поводок из змеёнышей. Это должно было обозначать, что Йоргован в представлении создателей песни – не просто богатырь и не просто охотник. Его особое призвание – истребление змей и прочей нечисти» [Гацак, 1967, с. 42].

Мотивы змеи и петуха Бога-кузни, встречающиеся в данном нартском сюжете о гибели героя, думается, каким-то образом связаны с тайным характером закалки Сасрыкуа в сюжете о чудесном рождении героя из камня. Именно при закалке и появляется на теле героя «уязвимое место», о котором старуха-ведьма сообщает братьям-нартам. Связь между культами змеи и кузни подтверждается рядом этнографических и фольклорных данных из абхазо-адыгской традиции (см.: Ардзинба, 1985, с. 150–151; Ардзинба, 1988, с. 274–276). Так, например: по сведениям Г.Ф. Чурсина, у абхазов «человек, имеющий кузню, не убивает змей»; если на наковальню заползала змея, то кузнец осторожно сталкивал ее рукой, и она уползала: в семье кузнеца эта змея считалась священной, связанной с «силой» кузни [Чурсин, 1957, с. 72, 140–141]; адыгский Бог-кузнец Тлепш изготавливает свои клещи по подобию змеи, голова и хвост которой были скрещены [Н. адыгск., с. 350].

О связи же петуха с кузней свидетельствует одно сказание, согласно которому, нартский кузнец кует первый серп наподобие петушиного хвоста. Такой вариант сказания встречается в абхазской, абазинской и адыгской версиях эпоса [Джапуа, 1995б, с. 122, № 23; Н. абаз., с. 253–254; Гадагатль, 1967, с. 334–336]. По-видимому, одним из атрибутов абхазского Бога-кузнеца Щашвы считался петух, подобно тому, как «в Древней Греции петух являлся атрибутом или спутником многих богов» [Тресиддер,1999, с. 276–277]. По поверьям абхазов, петух являлся прорицателем и обладателем тайных знаний и, видимо, поэтому связывали его с ведьмами и колдунами. В мифологии «с петухом связывается и символика воскресения из мертвых, вечного возрождения жизни» [Топоров, 1988а, с. 310].

В других версиях эпоса разгадка «уязвимого места» героя старухой-ведьмой заменяется мотивом «выведывания местонахождения

души героя и его коня» с помощью магического превращения в различные предметы (см. ниже).

В этом основном сюжете о гибели героя в абхазской версии эпоса постоянно присутствует образ *камня* (обычно в роли «игрового снаряда»). И в убыхских текстах нартского эпоса герой погибает от камня с острыми краями (см. Алиева, 1969, с. 60) или от джан-чарха (режущего колеса, колеса гибели) [Фогт, 1963, с. 233]. В абазинской, адыгской и балкаро-карачаевской версиях нартского эпоса вместо камня выступает жан-шерх – «острое железное колесо» [Н. абаз., с. 251–252; Н. адыгск., с. 222–223, 224–227; Н. балк.-карач., с. 387–388], а в осетинской – колесо Балсага или колесо Ойнона, которое действует как живое существо [Н. осет., с. 162-165, 165–170, 170–173, 174–176]. Длительная и интенсивная борьба между Сосланом и колесом Балсага очень близко напоминает «богоборческие мотивы», мотив поимки абхазского Абрыскила посланниками Бога – ангелами-небожителями (см. ниже). В сванском же варианте сказания, что интересно, встречается не камень, не жан-шерх и не колесо, а жернов [Дзидзигури, 1986, с. 84–85].

По мнению ряда исследователей, «колесо Балсага по виду и по назначению – солнечное колесо» [Дюмезиль, 1990, с. 78], «фигурирует как несомненный символ солнца»[1] [Абаев, 1982, с. 38]. Вопреки такому солярному толкованию мотива, Б.А. Алборов утверждает, что исторически «легендарное колесо нартских сказаний и его названия – древнеперсидского происхождения и относятся к серпоносным боевым колесницам. Они появились в Передней и Малой Азии еще за несколько веков до нашей эры… Впоследствии, когда предки адыгов и других утеряли ясное представление о сущности этого колеса или колесницы, то вместо металлического колеса с остриями в сказаниях стало фигурировать обычное мельничное каменное колесо, жернов, или же просто глыбы тяжелого метеоритного камня «абра-камень», чаще же всего просто каменная глыба» [Алборов, 1979, с. 257, 292]. Другой же исследователь эпоса, В.Г. Ардзинба, видит возможное преобразование «камень>колесо», вместе с тем допускает, что «и иранский мотив колеса, видимо, мог оказать влияние на исконно кавказский мотив камня в нартском эпосе» [Ардзинба, 1985, с. 141].

[1] «Для ряда древних индоевропейских традиций характерна ритуальная и мифологическая роль колеса и обожествление его, прежде всего как символа солнца, которому поклонялись» [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 720].

Мотив гибели героя от камня, который и родился из камня, представляет не только образное логическое завершение эпического цикла сказаний: родился из камня – погиб от камня. Об этом напоминает и балкаро-карачаевское сказание о превращении Сосурука в каменное изваяние [Н. балк.-карач., с. 390–391] и вывод о том, что по «представлению балкарцев и карачаевцев, их нартские герои (причем герои, связанные только с архаическим слоем эпики) «возвращаются туда, откуда пришли»: Дебет, Сатаней и Ёрюзмек – в небо, Сосурук – в камень, а Карашауай – на Эльбрус» [Хаджиева, 1994, с. 33]. Сюда же примыкает мотив превращения Нарджхьоу и Гунды Прекрасной в камень в абхазском нартском сюжете об умыкании Гунды Прекрасной [Джапуа, 1994а, с. 223].

Аналогичные мотивы и эпизоды встречаются и в других традициях. Например: Диорф (персонаж фригийского мифа), рождающийся из скалы, «в цвете молодости был убит Марсом, которого он вызвал на состязание, после чего был по определению Богов превращен в гору[1], носящую его имя (у реки Аракса)» [Трубецкой, 1987, с. 347; Дюмезиль, 1990, с. 76]; восточнороманский Йоргован обращается в камень [Гацак, 1967, с. 46].

Отсюда, мотив гибели героя от камня может быть сопоставлен с представлениями многих народов в первобытной и древней мифологии об ассоциированной связи преисподней с чревом «матери-земли», о возвращении умершего в материнское лоно[2] [Петрухин, 1987, с. 455]. Видимо, аналогичное представление отражается и в почитании камня (ср. выше *прясло из целого валуна, фалл пастуха, кажущийся Сатаней-Гуаще скалой, камень, в который попадает семя пастуха),* в частности, в дольменной культуре (ср. выше круглое отверстие передней плиты дольмена как символ материнской утробы, рождения и возрождения). Как пишет М.М. Бахтин, «в мифе о Хроносе существенную роль играет и женское лоно (лоно Реки,

[1] Ср. идентичность культа гор с культом камней, «широко известного в горных районах Центральной и Восточной Азии» [Топоров, 1987, с. 314].

[2] Вероятно, к таким мифологическим представлениям восходят и бранные фразеологические обороты в абхазском языке типа – «Загоню тебя в лоно твоей матери!» («Уан л<…>хә утасцалоит!»), в смысле – «уничтожу», «похороню». Ср.: «Женщина «галльской традиции», как панзуйская сивилла у Рабле, задирает юбки и показывает место, куда все уходит (преисподняя, могила) и откуда все происходит (рождающее лоно)» [Бахтин, 1990, с. 265].

жены Хроноса, «матери богов»), которое не только рождает Зевса, но и прячет его уже рожденного от преследований Хроноса и этим обеспечивает смену и обновление мира» [Бахтин, 1990, с. 268]. Так, в сюжете о гибели Сасрыкуа от камня видны следы известного обряда ритуального убиения предводителя.

В картине «игры» с камнем[1] эпическое пространство представлено в вертикальной проекции: *высокая скала* (как символ верха, входа в небо), откуда братья-нарты сбрасывают камень, и *подножие скалы* или *глубокое ущелье* (как символ низа, входа в нижний мир), куда становится Сасрыкуа.

В сюжете разные звери и птицы (в особенности волк, ворон и голубь), приходящие к раненому Сасрыкуа, очевидно, связаны с воззрениями о проводе души в потусторонний мир. В ряде мифологий голубь выступает как символ небесной силы, бессмертия и души умершего [Иванов, Топоров, 1988, с. 348]. А образ волка здесь, вероятно, перекликается с образом верного пса Сасрыкуа, ибо «для всех мифов о волке характерно сближение его с мифологическим псом»[2] [Иванов, 1987б, с. 242]. Эта мысль подкрепляется еще и тем, что, по определению В.И.Абаева, основа абхазского названия волка – *ақəыцьма* в осетинском языке обозначает «собака» [Абаев, 1949, с. 312]. Известно, что в мифологических представлениях и волк и собака относятся к тем животным, которые сопровождают умершего в потусторонний мир [Петрухин, 1987, с. 453; Свешникова, 1990, с. 128].

6.2. *«Уход в загробный мир»* – сюжет, разрабатывающийся на основе мотивов легендарных сказок – «покаяние пустынника», «мертвец в гостях у живого и живой в гостях у мертвеца», «волшебный конь» (ср. AT 470, 530, 756 C). Данное сказание в тематике нартского повествования представлено устойчиво в одной эпической ситуации и продолжает тему гибели Сасрыкуа от камня. Поэтому и контаминируется оно только с данным сюжетом. Первая запись сюжета была произведена в 1928 году [Указатель, №13]. Количество известных мне записей 8: 3 отдельных [Указатель, №81, 111, 232] и 5 контаминированных [Указатель, №13, 64, 122, 130, 153] текстов.

[1] Ср. выше – «игра» с камнем в сюжете о добывании огня и ниже – в образе абхазского Абрыскила.

[2] Ср. в латышском языке эвфемизмы типа <собака Бога> или <собака леса> вместо волка [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 494].

После перелома ноги, Сасрыкуа не желает отправляться в потусторонний мир, не увидев человека, совершившего больше него подвигов, чем он. К герою приходит человек с необычным прошлым: он смог восстать из могилы, сесть на своего коня[1] и убить человека, погубившего в свое время его самого. Когда Сасрыкуа услышал этот рассказ, он встал и последовал за этим необычным героем в загробный мир (см. тексты: №18, 28).

Ср. в осетинской версии эпоса [Н. осет., с. 168–170, 186–187], где описание сошествия Сослана в загробный мир служит постоянным финальным мотивом сюжета о смерти героя. И этот мотив здесь как бы удваивается, необычный подвиг сопроводителя героя в потусторонний мир повторяет и он сам, применительно к Сырдону: из могилы всадил в него свою стрелу[2].

В осетинских и адыгских сказаниях Сослан/Сосруко продолжает жить и под землей, в подземном царстве (см.: Дюмезиль, 1990, с. 82–94; Абаев, 1982, с. 39; Алиева, 1969, с. 64–65). Мотив бессмертия героя, напоминающий представления о «живых мертвецах», с различными вариациями частично проявляется и в других версиях эпоса. Однако в двух первых он довольно устойчив. А у абхазов этот мотив бессмертия более характерен для образа Абрыскила – героя другого, возможно, стадиально-последующего за нартами, эпического повествования (см. ниже).

6.3. *«Выведывание местонахождения души героя и его коня»* – сюжет, строящийся из сказочных мотивов (ср. AT 302). В сказке обычно герой выведывает местонахождение души антагониста, чудовища – адауы-великана. В нартском эпосе это связывается с образами Сасрыкуа и его коня. Первая запись сказания была произведена в 1946 году [Указатель, №54]. Известны 3 его варианта: 2 – как отдельные сюжеты [Указатель, №82, 110], а 1 – в контаминации с «этиологическими мотивами» в сюжете о гибели героя от камня [Указатель, №54].

Братья-нарты (дьявол или черт) с помощью волшебства, превращаясь в различные предметы (в шелковый платок, кошелек, кремень и т.п.), выведывают местонахождение души героя (внутри

[1] Ср. ниже замогильную природу коня.

[2] Ср. в осетинском же эпосе описание притворства Сослана мертвым и убийство приблизившегося к нему его врага в сюжете об осаде крепости [Н. осет., с. 113–125].

колена) и его коня (под копытом). Найдя местонахождение души, они губят коня и самого богатыря. (Конь и после смерти служит герою: по совету самого же коня, Сасрыкуа наполнил его нутро сухим сеном, или снял с него шкуру) (см. текст №30).

В абазинской [Н. абаз., с. 251–252], адыгской [Н. адыгск., с. 220–222, 222–223, 224–227, 227], осетинской [Н. осет., с. 162–165, 165–170, 170–173, 174–176, 176–187] и балкаро-карачаевской [Н. балк.-карач., с. 387–388] версиях эпоса первый мотив сказания является единственным способом выведывания «уязвимого места» героя (незакаленные колени), который постоянно вписывается в сюжет о гибели от колеса. А в абхазской версии сюжета такая контаминация сказочного и собственно эпического мотивов почти не встречается.

Мотив наполнения сеном нутра богатырского коня или снятия с него шкуры находит типологическое сходство в широком контексте традиционных культур и, по всей вероятности, объясняется замогильной природой коня: «В религии конь некогда представлял собой заупокойное животное» [Пропп, 1986, с. 172]. Мифологические представления многих древних народов о переправе умершего в иной мир в шкуре животного, на птице или на коне подтверждаются и свидетельствами погребальных обрядов. Так, по сообщению Д.Д. Фрэзера, «команчи, известное племя индейцев-наездников в Техасе, убивали и закапывали лошадей умершего, дабы он мог на них уехать в «землю счастливой охоты» [Фрэзер, 1990, с. 448]. Если у умершего была любимая лошадь, «родственники убивали эту лошадь на могиле, думая, что она донесет его в страну духов, или же срезали несколько конских волос и клали их в могилу» [Пропп, 1986, с. 170–171]. По Геродоту (IV, 72), скифы умерщвляли коней, извлекали из трупов внутренности, чрево очищали и наполняли отрубями, а затем зашивали и расставляли вокруг могилы умершего[1] (см. Дюмезиль, 1990, с. 193–194). В погребальных и поминальных обрядах абхазов и многих кавказских народов роль коня весьма велика[2]. «Первоначально лошадь, вероятно, убивали и зарывали в могилу» [Чурсин, 1957, с. 190]. По свидетельству А. Ламберти, еще в XVII в. абхазы лошадь покойного посылали ему вслед, «так как и в том мире, она понадобится ему так же, как и здесь она ему нужна была. Для этого лошадь покрывают шелковою тканью, и на том поле, где подвешен труп, гоняют ее до тех пор, пока она не околеет от усталости. Если лошадь скоро околеет, говорят, что она была очень любима своим хозяином, и поэтому он скоро взял ее к себе, а если долго не околевает, то утверждают, что хозяин мало любил ее и замедлил взять» [Ламберти, 1913, с. 189–190]. Этот ритуал доходит до нас в несколько видоизмененной форме – в обряде выставления у гроба покойника его коня (см.: Чурсин, 1957, с. 190–191; Маан, 1999, с. 19–20).

[1] Ср. с ритуалом буфоний, в котором «в основе обряда набивки чучела лежало, очевидно, стремление воскресить животное или хотя бы дать обманчивое подобие его воскресения» [Толстой, 1966, с. 87].

[2] Об этом см.: Инал-ипа, 1965, с. 540–547; Калоев, 1999, с. 181–217; Дюмезиль, 1990, с. 188–198.

6.4. *«Перерезание ног»* – мотив сказки «Слепой и безногий» [АТ 519], вписывающийся в тематику нартских сказаний об эпической судьбе героя (как одна из форм выражения мотива бессмертия). Содержание мотива сводится к следующему:

Братья-нарты подкладывают меч под ноги спящего Сасрыкуа; при резком вставании меч перерезает ему ноги и его спасает адауы-великанша или волк[1] [Указатель, №5, 35, 310].

Из известных мне трех вариантов мотива первая запись была произведена в 1921 году. Данный мотив не формирует самостоятельного сказания, а встречается только в контаминации. Иногда он может развиваться по своей обычной, собственно сказочной, манере и вылиться в сказку с эпической оболочкой [Джапуа, 1991, с. 180–183]. Думается, что возможные различные сказочные интерпретации и контаминации в финале всех версий сказаний о гибели Сасрыкуа вызваны желанием сказителей «оживить» героя. В мифоэпической традиции «смерть культурного героя часто мыслится как неокончательная, остается надежда на возвращение из царства мертвых, оживление в будущем» [Левинтон, 1987, с. 544].

6.5. *«Поминки по герою»* (ср. АТ 470 – «живой в гостях у мертвеца») – сюжет, по своей сути заметно отличающийся от других собственно эпических сказаний о Сасрыкуа. По отношению к ним он стоит как бы особняком. Фабула сказания выходит за рамки «собственно эпического времени». Если рассматривать изнутри природу сказания, то создается впечатление, что мы имеем дело с «постэпическим», «посленартским» созданием. В нем действуют уже обыкновенные, смертные люди, а все нарты предстают во сне – как приведения. Налицо повествовательная речь мифологического, «религиоз-

[1] О семантике волка см. выше.

ного предания» вместо возвышенного «эпического звучания». Однако данный сюжет в тематике абхазских нартских сказаний весьма традиционное («изначальное») и частое явление. Первая запись сюжета, произведенная в 1894 году, является одной из ранних записей сказаний абхазского нартского эпоса в целом. Общее количество известных мне вариантов – 20 текстов: 17 – в виде отдельных сказаний[1] и 3 – в контаминации с другими эпическими сюжетами и мотивами[2].

Сасрыкуа устроил поминальную трапезу по всем нартам. Последним погиб (скончался) сам герой. Некий путник, заночевавший на могиле Сасрыкуа, ***во сне оказывается в загробном мире*** *и видит, что у всех нартов много еды, а у Сасрыкуа стол пустует и он питается только подаяниями других нартов. Узнав от Сасрыкуа причину этого (что он остался без поминок), путник, вернувшись домой, устраивает на пустыре нартов поминки в честь Сасрыкуа. После поминок путник этот вновь заночевал на могиле Сасрыку и видит во сне, что теперь у него полный достаток, и он даже в состоянии принимать гостей. С тех пор абхазы начали устраивать поминки по умершим* (см. текст №27).

Ср. в абазинской [Н. абаз., с. 252–253] и адыгской (текст по книге: Дюмезиль, 1990, с. 86–87) версиях эпоса.

Описание загробной жизни Сасрыкуа (ср. выше мотив «бессмертия героя») и мотив связывания с его именем начала исправления поминок свидетельствуют о популярности Сасрыкуа в эпической традиции, о сохранности его образа в народной памяти.

6.6. *«Уход на луну»* – сюжет, встречающийся отдельно как короткое «нартское предание» [Указатель, №1, 168] или вписывающийся в виде этиологической ремарки в сказание об освобождении водного источника.

Брат Сасрыкуа утопил его стадо в озере (Сасрыкуа надоели преследования братьев-нартов / после освобождения водного источника от чудовища, жители подземного мира в знак признательности ***изъявляют желание,*** *чтобы его образ вместе с конем, собакой и со стадом отразился на луне); Сасрыкуа в ярости бросается в бездонное* ***озеро*** *и падает на луну (Сасрыкуа одел* ***бурку,*** *взял в руки*

[1] См.: Указатель, №2,4, 6, 14, 22, 56, 57, 58, 62, 119, 132, 169, 187, 215, 243, 312, 326.

[2] См.: Указатель, №151, 251, 279.

посох, *погнал перед собой* ***стадо*** *и очутился на луне / исполнилось желание жителей подземного мира – на луне отразились очертания Сасрыкуа, коня, собаки и его стада)* (см. текст №31).

Иногда вместо луны говорится о мире Богов: Сасрыкуа отправляется в место обитания Богов (букв. место Богов – ***Анцәартыц)*** [Указатель, №65].

Уход героя на небо и его вознесение в знак избранничества – известный мифоэпический мотив. «На небо уходят культурные герои по завершении своей деятельности, герои, которые превращаются в созвездия, мифические предки, Дике и Астрея, воплощающие справедливость и оскорбленные преступлениями людей» [Брагинская, 1988, с. 208]. Этот мотив в абхазском нартском эпосе получает своеобразную разработку. Все основные эпизоды сюжета атрибуируют небесный мир, обозначаемый в текстах символично – *луной* или образно – *местом обитания Богов*. В одних вариантах сказания Сасрыкуа попадает на небо через *озеро* (ср. выше река, пропасть как переправа), в других – чудесным, магическим образом (пожелание людей сбывается), в третьих – с «помощью» бурки[1] (ср. выше), посоха[2] и стада. Как отмечалось исследователями, абхазский посох *(алабашьа)* по своим приметам осмысляется «как медиатор, посредник между обществом людей и космическими силами… Входит в круг архетипа Мирового дерева, соединяющего уровни вселенной» [Габниа, Смыр, Чеснов, 1986, с. 123].

6.7. *«Заклятия на собак и волков»* – представляют «нартское предание», встречающееся отдельно [Указатель, №84, 85, 113] и в форме этиологических эпизодов-преданий в составе эпических сказаний [Указатель, №34]: *герой перед смертью накладывает заклятия на собак и волков* (см. тексты: №26, 32, 33).

«Этиологические мотивы» о заклятии на собак и волков (ср. выше «этиологические мотивы» в сюжете о гибели героя от камня), о следах коня Сасрыкуа Бзоу на камне, скале и т.п.[3] (ср. ниже описа-

[1] Возможно, здесь образ бурки символизирует облачение героя в птичьи крылья.

[2] Ср. ниже мотив частого перепрыгивания героя с горы на берег, с берега на гору с помощью посоха в абхазском эпосе об Абрыскиле.

[3] Ср. следы Йоргована и его коня в восточнороманском героическом эпосе: «Там, где он переходил через реку, до сих пор заметны следы» [Гацак, 1967, с. 46].

ние следов коня Абрыскила) фигурируют и в сказаниях об исчезновении нартов [Джапуа, 1995б, с. 121–122]. Здесь как бы смешиваются в одно целое эпизоды и мотивы двух сюжетов. Таким образом, и тема исчезновения нартов, которая не выстраивает развернутого и цельного сказания, а всегда встречается в виде короткого рассказа или вписывается в финал других сказаний, связывается с образом Сасрыкуа. И это объясняется, вероятно, тем, что в представлении народа с момента гибели главного героя эпоса «прерывается» основная цепь собственно эпических событий, «завершается» собственно эпическое время. Гибель (исчезновение) Сасрыкуа «символизирует гибель нартского общества» [Аншба, 1970, с. 55], исчезновение всех нартов, «заключительную часть», финал всего нартского эпоса.

В абхазском нартском эпосе, кроме этих интерпретированных выше сказаний, с образом Сасрыкуа связан еще целый ряд других сюжетов и мотивов: различные «хвалебные песни и рассказы о герое» [Указатель, №10, 18, 203, 204, 224, 228, 229, 230, 231, 234, 262]; «спор нартов – Сасрыкуа в гневе разбивает винный кувшин нартов» (мотив появления вина и виноградной лозы в Абхазии) [Указатель, №52, 53, 61, 104, 124, 268, 270, 327]; «спасение братьев-нартов от агулщапов-драконов» [Указатель, №226, 261]; «истребление адауы-великанов» [Указатель, №124, 133, 199, 200, 201, 221, 223]; «приезд к ацанам-карликам» [Указатель, №17, 60]; «как Сасрыкуа сбил шесть звезд» [Указатель, №164]; «заклинание болезни малярии» (сюжет, встречающийся и в сказке) [Указатель, №128, 129]; «борьба с иноземцами» (сюжет, строящийся по структуре героико-исторических сказаний о внезапных набегах) [Указатель, №165, 189, 213, 214, 311].

Также Сасрыкуа попарно с другими персонажами «соучаствует» в некоторых других нартских сказаниях. Например, с Царуаном в сюжете о мести за предков и героических путешествиях [Указатель, №15; Джапуа, 1995б, с. 111–112, № 9].

В одних сказаниях Сасрыкуа «заменяет» других персонажей. Сказания, обычно связанные с другими героями, в некоторых вариантах прикрепляются к имени Сасрыкуа. Так, в ряде вариантов сказаний вместо обычного главного героя фигурирует Сасрыкуа. Это сюжеты – о встрече с ацаном-карликом и женитьбе на его сестре [Джапуа, 1995б, с. 107, № 7] (обычно связанный с Куном) [Указатель, №49, 50, 51, 76, 95, 161], о завладении крепостью [Джапуа, 1995б, с. 107-111, № 8] (обычно связанный с Цвицвом) [Указатель, №

98, 100, 134, 191, 205, 211, 212], о мести за предков – поединок на мосту или умыкание красавицы [Джапуа, 1995б, с. 111–112, №9](обычно связанный с Царуаном) [Указатель, № 5, 206], об умыкании Гунды Прекрасной – поединок с похитителем [Джапуа, 1995б, с. 104–105, № 5] (обычно связанный с Нарджхьоу и Хважварпысом) [Указатель, №67, 72, 270]. И замена эта мотивируется ходом повествования, вводя иной круг мотивов, соответственно характеру нового персонажа. Происходит естественная замена одного персонажа другим или как бы слияние двух персонажей в один собирательный образ. Заменяется не просто имя эпического персонажа, а все приметы его «характера». Например, Сасрыкуа, вписываясь в сказание о завладении крепостью, не приобретает черты Цвицва (функционально соответствующего Батразу в нартском эпосе северокавказских народов), а остается самим собой. Он тот же герой, известный в своем цикле сказаний. Сказитель, не смешивая образ Сасрыкуа с образом Цвицва, в одном случае рассказывает об одном герое, а в другом – об ином, фабула же повествования остается одной и той же. Знаменательно, что образ Цвицва иногда заменяется образом Сасрыкуа, но наоборот никогда. Художественная фактура сказаний об архаическом герое (Сасрыкуа) проникает в художественную фактуру сказаний о сравнительно более позднем герое (Цвицве).

Следует сказать, что и в осетинской версии нартского эпоса в образах Батраза и Сослана «намечается единый принцип построения героической биографии» [Абаева, 1969, с. 75]. Еще В.Ф.Миллер отмечал, что «в осетинских сказаниях смешиваются Батраз с Сосланом» [Миллер, 1998, с. 344]. Однако здесь влияние носит обратный характер: «второй главный герой (Созырко) в осетинском эпосе является в значительной мере дубликатом Батрадза… Расширение диапазона ролей Сослана, особенно в северокавказском эпосе, произошло, возможно, под влиянием эпоса адыгейского, где Сосруко – центральная и древнейшая фигура; в осетинском же эпосе центральная фигура – Батрадз» [Клейн, 1975, с. 25]. Хотя Ю. С. Гаглойти, вопреки известному мнению В. И. Абаева [Абаев, 1957, с. 34], Е. М. Мелетинского [Мелетинский, 1957, с. 71] и ряда других ученых о том, что в осетинской версии эпоса «Сосрыко оттеснен другими героями – Урызмагом и Батрадзом» [Мелетинский, 1957, с. 71], пытается показать обратную картину. Он пишет, что «даже при всей популярности Батраза, цикл сказаний об этом герое и сам этот образ отнюдь нельзя считать центральным в осетинском эпосе» [Гаглойти, 2000, с. 22].

Как бы там ни было, очевидно, что центральная фигура всего абхазо-адыгского нартского эпоса – Сасрыкуа/Сосруко. Сказания об этом герое составляют самую значительную часть эпоса и относятся к самому раннему пласту эпической архаики. По наблюдению Е. М. Мелетинского, «абхазо-адыгский эпос в основных циклах обнаруживает бóльшую архаичность, его ядро – сказание о Сосруко» [Мелетинский, 1963, с. 204].

II. СИСТЕМАТИКА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТОВ ЭПОСА ОБ АБРЫСКИЛЕ

Абхазский эпос об Абрыскиле состоит из следующих мотивов и цельных сюжетно-тематических единиц:

1. **Чудесное рождение героя.**

2. **Героические деяния (или образ жизни) героя:** 1) *«укрощение коня»;* 2) *«изверженье грома и молнии»;* 3) *«убийство адауы-великана»;* 4) *«рассечение большого камня»;* 5) *«борьба против рыжих людей с голубыми глазами и представителей некоторых родов, а также против сорняков – папоротников, колючек и виноградных лоз»;* 6) *«защита своего народа от иноземных врагов».*

3. **Погоня ангелов[1] за героем, его поимка, заточение в пещеру и попытка освобождения героя из подземелья:** 1) *«погоня ангелов за героем, его поимка и заточение в пещеру;* 2) *«попытка освобождения героя из подземелья».*

1. Чудесное рождение героя

В абхазском эпосе об Абрыскиле этот мотив не обладает особой устойчивостью. В виде короткого рассказа предваряет основное повествование о герое (погоня ангелов за героем, его поимка и заточение в пещеру), и в контаминации постоянно занимает первую позицию. Также примечательно, что он разрабатывается в нескольких вариантах или даже версиях. Однако древний мотив чудесного рождения героя способствует раскрытию образа Абрыскила в эпической иерархии, в частности, в контексте нартского эпоса, в связи с образом Сасрыкуа – в эпическом смысле типологически сходного с ним или, возможно, стадиально-предшествующего ему героя.

По большинству вариантов, Абрыскил рождается от *незамужней, непорочной девы:*

В древнейшие времена в Абхазии жила одна прекрасная девица. С самого детства она дала обет Богу оставаться на всю жизнь де-

---

[1] Ниже, при конкретном анализе сюжетов и мотивов эпоса, станет ясно, что здесь термины «ангелы» или «архангелы» явно вторичны, относятся к известным новообразованиям в фольклоре, «которые, как правило, режут глаз исследователя, но значительно меньше беспокоили исполнителей» [Чистов, 1983, с. 151].

вою. Но, по прошествии некоторого времени, эта красавица вдруг сделалась беременною. Родился мальчик. Он рос не по дням, а по часам, в десять лет он уже выглядел двадцатилетним юношей и вскоре сделался прекраснейшим из молодых людей (см. тексты: №35, 37) [Указатель, №332, 333, 336, 378, 393].

Подобный вариант чудесного рождения не характерен для других кавказских сказаний о прикованных героях. Лишь по одной единственной записи грузинского сказания об Амирани, герой «зачат непорочно девушкой, живущей в скалах в лесу» [Вирсаладзе, 1976, с. 96]. Но по большинству вариантов сказания, Амирани рождается от любовной связи богини охоты и охотника [Чиковани, 1966, с. 73]. Мотив непорочного зачатия Абрыскила считается «одним из древнейших, относящихся к периоду матриархата» [Чиковани, 1966, с.74]. Как утверждал В.Я.Пропп, «непорочное зачатие… тесно связано с матриархатом» [Пропп, 1976, с. 206].

Две записи эпоса об Абрыскиле, сделанные в переводе на русский язык и подвергнутые литературной обработке, мотив чудесного рождения героя передают несколько своеобразно. По одной из них, рожденце Абрыскила стало следствием *«встречи» красавицы с демоном:*

Когда девушка заснула, демон овеял ее зноем горячего сновидения. Пламенное дыхание его, коснувшись ее уст, проникло в ее душу, в ее кровь. Когда дыхание новой весны принесло пробуждение жизни на земле, у нее родился сын. Она назвала его Абрскилом [Указатель, №334].

Сказание, включающее этот мотив, состоит из двух частей. Первая посвящена злому духу, демону, который похищает у Бога семена, предназначенные для людей, и в знак наказания Бог заключает его в пещеру до тех пор, пока раскаяние не очистит его сердце. Однако по истечении времени Бог, сжалившись над ним, отпускает его на одну ночь, и демон, спустившись к источнику, «встречается» с красавицей, после чего и рождается герой. А во второй части сказания, как бы «повторяя» предыдущие мотивы, передаются основные события жизни Абрыскила. Тем самым, данный сюжет, как кажется, согласуется с предположением В.Ф. Миллера о «змеином происхождении» героя кавказских преданий прометеевского типа (см. ниже) [Миллер, 1998, с. 464–467].

В другой записи сказания рождение героя связано с девицей, зачавшей от *сожженного в пепел черепа:*

Девица, наклонившись к воде, зачерпнула рукою бежавшую струйку и выпила. А в той струйке – был пепел вещего черепа. От того пепла у нее родился сын. Было дано ему имя – Абраскил [Указатель, №335].

Этот вариант мотива чудесного рождения Абрыскила интересен тем, что он, по-видимому, связан с обрядом «съедения тотемного предка с целью его возвращения к жизни… Некогда верили, что рождение есть возвращение к жизни умершего, обычно – предка» [Пропп, 1976, с. 227, 214].

Исходя из этого, С. Л. Зухба допускает мысль о том, что Абрыскил может иметь «какие-то черты умирающего и воскресающего божества» [Зухба, 1995, с. 252]. Отсюда можно предположить, что Абрыскил рождается («возрождается») как символ миропорядка, расцвета природы и людей. Ср. мотив его быстрого роста («быстро растут именно те дети, которые пришли из могилы, т.е. вернулись с того света» [Пропп, 1976, с. 239]). Конкретное сопоставление мотива «рождения-возрождения», умирающего и воскресающего Бога с образом Абрыскила, с его природной, земледельческой семантикой может выявить еще более интересную картину, в частности, функциональную и типологическую близость абхазского Абрыскила и египетского Бога зерна Осириса (см. ниже).

По одному абазинскому тексту, записанному Ш.Х.Салакая, «герой рождается *от женщины Марджанат, проведшей ночь у подножья каменных статуй, представлявших собой эпических героев Арчхоу и Чархан, превращенных богом в камень»* [Салакая, 1966, с. 112].

«Мотив рождения героя, в котором существенную роль сыграл камень, сближает его с героем нартского эпоса» [Салакая, 1966, с. 112]. Он, похоже, представляет собой своеобразное воспроизведение нартского сюжета о чудесном рождении Сасрыкуа из камня. Ср., в частности, мотив камня и имя Уарчхьоу[1] (имя пастуха-оплодотворителя Сатаней-Гуащи и героя похитителя сестры нартов Гунды Прекрасной), характерные для нартского эпоса. В этой связи интересно отметить, что в некоторых усеченных абхазских нартских сказаниях мотив рождения Сасрыкуа передается в форме непорочного зачатия Абрыскила[2] (см. выше), где видится влияние последнего

[1] О происхождении этого имени, о его связи с древним кавказско-греко-арийским миром см. Ардзинба, 1985, с. 147–148.

[2] На наличие столь характерного для матери Абрыскила мотива девственности и в образе Сатаней обращает внимание В. Г. Ардзинба, на примере

героя на первого. Отсюда видно, что персонажи разных эпических памятников, разные мотивы и эпизоды о них как бы взаимовлияют[1]. Абрыскила роднит с Сасрыкуа и мотив его закалки, который описывается весьма сходно с нартским мотивом закалки Сасрыкуа:

«Абрыскьыл дкалеит, апырпыл еицш дкацшьны, аихеицш дышны, дукыр амуа, душьтыр амуа» («Абрыскил стал красным, как перец, горячим, как [раскаленное] железо, невозможно было дотронуться до него») [Указатель, №379].

Характерно, что и в осетинском Даредзановском эпосе мотив закалки Амрана, по мнению З.Г. Тменовой, привнесен из нартского эпоса, «для которого он является исконным, постоянным» [Тменова, 1993, с.213]. Исследовательница не соглашается с мнением М.Я.Чиковани о заимствовании мотива выманивания из воды осетинскими сказителями у сванских сказителей. Она считает, что весь комплекс мотивов, связанных с чудесным рождением и воспитанием осетинского Амрана, «более типичен для нартского эпоса… В осетинских вариантах он более архаичен, нежели в грузинских вариантах о чудесном рождении Амирани» [Тменова, 1993, с. 214, 215].

2. Героические деяния (или образ жизни) героя

Героические деяния (или образ жизни) героя – состоят из ряда мотивов или эпизодов: 1) *укрощение коня;* 2) *извержение грома и молнии;* 3) *убийство адауы-великана;* 4) *рассечение большого камня*; 5) *борьба против рыжих людей с голубыми глазами и представителей некоторых родов, а также против сорняков – папоротников, колючек и виноградных лоз*; 6) *защита своего народа от иноземных врагов.*

адыгских и абазинских нартских сказаний (ср. выше) [Ардзинба, 1985, с. 155].

[1] Ср.: «В некоторых адыгских нартских сказаниях Сосруко выступает порою в той же роли, что и истязаемый Старец, он также оказывается закованным в подземелье» [Шортанов, 1982, с. 139–140].

Мотив *«укрощения коня»* встречается в двух версиях. Первая версия, засвидетельствованная в двух записях, сводится к следующему:

Одновременно с Абрыскилом появился на свет и его арац – крылатый конь. Мул, от которого родился арац, оплодотворился без участия жеребца. Арац Абрыскила, как и сам герой, рос не по дням, а по часам. Когда герой возмужал, укротил своего араца. Абрыскил и арац испытали друг друга, но, наконец, ему удалось сесть на круп коня. Конь, словно стрела, взлетел на небо, чтобы убить его, ударив о небо, но Абрыскил спрятался под брюхом коня. Затем конь устремился вниз, чтобы ударить его о землю, но тогда он взобрался на круп коня. Так он покорил своего араца [Указатель, №378, 393].

Согласно другой версии мотива Абрыскил добывает жеребенка от *морской кобылы:*

Сторожит он морскую кобылицу – как выплывает она с белым жеребенком из неведомых бездн морских. Кидается он сверху на жеребенка, вынырнувшего следом за матерью. Крепко сжал его тело коленями могучий Абрыскил, железной рукою сдавил он шею коня, и конь покорился: тихо поплыл к берегу, повинуясь воле героя [Указатель, №335].

Обе версии мотива разрабатываются слабо и эпизодично, встречаются в единичных записях и, что характерно, почти «буквально» сходятся с описаниями мотива укрощения коня Сасрыкуа столь популярного в нартском эпосе абхазов (ср. выше). Так же, как и в нартском эпосе, в сказании об Абрыскиле герой и его конь тесно взаимосвязаны (ср. их одновременное и чудесное рождение, богатырский рост). Кроме того, укрощение коня, подобно его описанию в нартском эпосе, встречается именно в составе сказания о рождении и других деяниях героя. Такое близкое сходство выражений данного мотива в двух памятниках дает основание говорить о его возникновении в «Абрыскиле» под влиянием нартского эпоса, в частности, цикла сказаний о Сасрыкуа.

Мотив *«извержения грома и молнии»* в фабульном плане не разрабатывается, фигурирует лишь в виде сообщения, вне сюжетного развития эпических событий:

Когда начинался гром, Абрыскил, чтобы произвести такой же гром, сшивал из коровьих шкур большой бурдюк, бросал туда огромные камни, привязывал к арацу и мигом взлетал в поднебесье. И вправду, камни от удара друг о друга начинали издавать звук, весьма

похожий на гром. Когда сверкала молния, он, носясь по небу, извлекал ударом кресала о кремень искры, и вправду казалось, что он извергает молнии[1] [Указатель, №339, 341, 357, 361, 365, 369, 393].

Данное описание довольно устойчиво и традиционно в образе Абрыскила. Оно, вероятно, свидетельствует «о глубокой древности эпоса об Абрскиле и его мифологической подоснове» [Салакая, 1966, с.113], о хтонической сути, божественной[2] или полубожественной природе героя. И не исключено, что мотив грома и молнии восходит к возможному «змеиному началу» героя или его «земледельческой» семантике. По предположению Л.Х.Акабы, Абрыскил «представляет собой олицетворение молнии», он «связан по своему происхождению с молнией» [Акаба, 1976, с. 69, 62].

Извержение Абрыскилом грома и молнии близко напоминает магические свойства Сасрыкуа в нартском эпосе (вызывание ненастья, замораживание водоема и т.п.). Только если в нартском эпосе изменение погоды связано с явлением глубокой архаики – с магией слова (см. выше), то в эпосе об Абрыскиле оно приобретает сравнительно более «реальный» характер, воплощается в вещественные формы.

Мотив *«убийства адауы-великана»* контаминируется с другими рассказами об Абрыскиле, но обладает своей сюжетной линией:

Некий адауы-великан сидел на вершине высокого холма и, рукой дотянувшись, из моря вынимал рыбу, подносил ее к солнцу, зажаривал и поедал. Когда на вопрос Абрыскила «что ты еще умеешь? , адауы-великан ответил, что «если он с разбега прыгнет в море, то оно выйдет из берегов и затопит всех», и приготовился было к прыжку. Но Абрыскил тотчас пустил в него свою стрелу. Стрела попала в щиколотку адауы-великана, и он упал замертво (см. текст №37) [Указатель, №359, 361].

Сюжет, как видно, строится по традиции кавказских богатырских сказаний о великанах. Примечательной особенностью образа

[1] Ср. в греческой мифологии: «Возгордившись, Салмоней стал уподоблять себя самому Зевсу… Влача за колесницей высушенные шкуры вместе с медными кувшинами, он заявлял, что производит гром, а бросая в небо зажженные факелы, имитировал молнии» [Мифы, 1988, с. 397].

[2] В этой связи интересно следующее примечание сказителя: *«Анцәа хазшази нарен [Абрыскьыли] ажьрацәара рыман» («Наш Бог-создатель и он [Абрыскил] имели родственные связи»)* [Указатель, №357].

адауы-великана является то, что он по вертикали достигает все части космоса, как бы проходит сквозь космическое пространство: сидя на холме (земной мир), рукой дотягивался до моря (нижний мир) и неба (верхний мир).

В абхазском фольклоре известная тема встречи адауы-великана с героем реализуется преимущественно в богатырской сказке и нартском эпосе. И, по-видимому, образ более древнего типа великана[1] – великана-чудовища сохраняется в нартском эпосе – в сказании о добывании огня (см. выше). Здесь же Абрыскил встречается, вероятно, с адауы-великаном циклопического типа, наделенного некоторыми свойствами великана-чудовища и великана-богатыря. В нартском сказании Сасрыкуа побеждает хранителя огня с помощью хитрости и смекалки, заморозив его в водоеме (ср. в этом мотиве море, в которое хотел прыгнуть адауы-великан). А Абрыскил убивает адауы-великана выстрелом из лука, что может свидетельствовать о возможной стадиальной последовательности эпических образов – Сасрыкуа и Абрыскила. Однако и последний герой сохраняет черты культурного героя, для которого «защита человеческого мира от демонов и чудовищ – важнейшая забота» [Мелетинский, 1988, с. 27].

Мотив *«рассечения большого камня»* может образовать самостоятельное сказание, также может сочетаться и с другими эпизодами повествования об Абрыскиле:

Однажды Абрыскил присел передохнуть на холме, расположенном в Андроу. Вдруг преследователи героя устремились к холму. Абрыскил схватил заблаговременно поднятый им на холм огромный камень и швырнул его из всех сил на небо; поставил на голову свой острый меч клинком вверх и встал под стремительно падающим камнем. Угодил камень на острие меча, и рассекло его на две части. С той поры и назвали этот холм «Рассеченным камнем» (см. текст №38) [Указатель, №340, 360, 363, 364].

Очевиден локальный, «местный» характер сюжета, его связь с конкретной местностью. Это придает сказанию форму топонимического предания. Не случайно все четыре варианта сказания записаны в селении Члоу, в котором и находится холм под названием «Рассеченный камень». Сказители связывают свой рассказ с известной им территорией, соответственно и их герои действуют в близкой им

[1] О разных типах великанов в архаических сказаниях народов Кавказа см. Далгат, 1972, с.70–104.

среде. Однако думается, что топонимическая окраска сказания – сравнительно позднее явление. Структура же сюжета близко напоминает картину «игр» с камнями в нартских сказаниях о добывании огня и, особенно о гибели Сасрыкуа (см. выше). Хотя здесь нет самого мотива гибели, ибо в «Абрыскиле» эпическая судьба героя получает несколько иную мотивировку.

К нартским параллелям относится один адыгский сюжет, связанный с Сосруко, который обнаруживает прямую аналогию с данным абхазским сказанием об Абрыскиле:

«На возвышении у реки Инджидж стоит какой-то высокий надмогильный камень; верхушка его раздвоена – будто её распилили.

В этих местах [обычно] разъезжал Сосруко. Однажды Сосруко проезжал здесь ночью верхом на своем Тхожее. Тхожей [чего-то] испугался. Недовольный тем, что конь испугался, [Сосруко] пришпорил его и подъехал к чему-то темному, стоявшему [перед ним]. Вынул он свой меч и ударил, не зная, что это такое. Так Сосруко рассек [камень]. Вот как это получилось.

Этот надмогильный камень и сейчас стоит» [Н. адыгск., с.378].

Характерно и то, что в рассматриваемом абхазском сказании сам образ рассеченного камня, как кажется, предстает своеобразным символом эпического времени и пространства: настоящего, прошлого, будущего времен и земного, нижнего, верхнего миров:

«[Ахаҳə] азбжак агəы ларханы икаҳаит, егъи – агəы ҩарханы. Згəы ларханы ишьҭаз [ахаҳə] инапы наҟəикын, ус иҳəеит Абрыскьыл: «Ари, иацы, жəацы зҳəаз еицш, аханатə исхызгахьоу иатəуп»! Згəы ҩарханы икажьыз ахь днахьаҳəын, [ус иҳəеит]: «Ари, уацəы, уацəашьҭахь зҳəаз еицш, сацхьака испеипшхаша иатəуп»!»

«Одна половина [камня] упала срезом книзу, другая – срезом кверху. Указав рукой на ту половину [камня], что лежала срезом книзу, Абрыскил сказал: «Это – то, что было со мной в прошлом». Указал на вторую [половину], что лежала срезом кверху, [и сказал]: «Это – то, что ожидает меня в будущем» [Шинкуба, 1990, с.301].

Мотивы *«борьбы против рыжих людей с голубыми глазами и представителей некоторых родов, а также против сорняков – папоротников, колючек и виноградных лоз»* постоянно (или почти по-

стоянно) сопутствуют основному сказанию об Абрыскиле, хотя они не развиваются в сюжетное повествование:

Абрыскил не проходил мимо рыжих людей с голубыми глазами, убивал их, считая, что от их дурного глаза страдают люди. Ненавидел людей из рода Акацба и Аэшба, считая, что они приносят несчастье, могут сглазить людей и животных. Зная, что папоротник и колючки истощают почву, спускался к берегу и в глубине моря под корень срезал и ; уничтожал виноградную лозу, перекинутую гирляндой через дорогу, если она мешала верховому проезжать под нею, не нагнув головы; говорил, что если проедет, не повредив лозу, тогда ему придется наклонять голову, а это похоже на поклонение Богу [Указатель, №328, 330, 332, 333, 335, 336, 337, 339, 341, 342, 343, 345, 346, 347, 348, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 361, 365, 369, 378, 393].

Эти мотивы-характеристики одинаково устойчивы и в ранних и в поздних записях сказаний. По-видимому, «они были древними, исконными, а не наносными, поздними и, возможно, некогда – сюжетными, событийными» [Салакая, 1966, с. 112]. Композиционно данные описания встречаются в инициальной части эпоса и, что весьма показательно с точки зрения их традиционности, повторяются в его финальной части (см. ниже вопросы прикованного Абрыскила о злых людях и сорняках и т.п.)[1].

В мотиве преследования рыжих людей с голубыми глазами некоторые исследователи видели «отзвук преданий о нашествии на Кавказ угро-финских племен» [Гулиа, 1986, с. 95]; «отдаленное воспоминание об упорной борьбе абхазского народа с каким-то чуждым народом – голубоглазыми блондинами» [Чурсин, 1957, с. 244]; или даже «борьбу аборигенов… с киммерийцами-скифами», ибо, по Гиппократу, «все скифское племя рыжее вследствие холодного климата, так как солнце не действует с достаточной силой, и белый цвет как бы выжигается от холода и переходит в рыжий» [Цулая, 1963, с.327, 326]. С.Л. Зухба связывает этот мотив с древними верованиями абхазов, «согласно которым рыжеволосые и голубоглазые считаются сеятелями болезней» [Зухба, 1995, с.260].

---

[1] Подобные вопросы весьма характерны и для адыгского сказания о прикованном Старце: *«– Растет ли еще на земле камыш? Водятся ли еще на земле ягнята?»* [Талпа, 1936, с. 92].

В следующем же мотиве борьбы с представителями некоторых родов, по определению Г.Ф. Чурсина, «следует видеть отголосок родовых распрей, некогда царивших в Абхазии и мешавших политическому и культурному развитию народа» [Чурсин, 1957, с.244], с чем соглашаются Х.С. Бгажба и С.Л. Зухба [Бгажба, 1987, с. 263; Зухба, 1995, с. 258–259].

Также первая попытка интерпретации мотивов истребления папоротников, колючек и вырубки виноградных лоз принадлежит Г.Ф. Чурсину. По мнению этнографа, они «отражают явления из области культурно-хозяйственной жизни абхазов», характеризуются «как борьба за насаждение и развитие земледельческой культуры», представляют «одну из мер, направленных к улучшению путей сообщения» [Чурсин, 1957, с. 244]. Это замечание почти буквально повторено Х. С. Бгажбой [Бгажба, 1987, с.263]. «Здесь под мифической оболочкой предание сохранило до нас момент борьбы с растительным миром, которым обильно была покрыта Абхазия в ту отдаленную эпоху» – утверждает Ц.Н. Бжания [Бжания, 1973, с. 157]. Связь данных мотивов с земледельческой культурой несколько более развито в работах Г.В. Цулая и С.Л. Зухбы, которые в качестве параллелей к этим мотивам приводят эпизоды рубки леса в шумеро-аккадском эпосе о Гильгамеше [Цулая, 1963, с. 323–326; Зухба, 1995, с. 254–258]. По представлению же Л.Х. Акабы, «мотив истребления папоротников и лиан отражает борьбу с природой на ранних ступенях истории, задолго до начала земледелия» [Акаба, 1976, с. 65].

Не умоляя значения вышеизложенных объяснений данных мотивов, всё же логичнее связать их с ритуальной, обрядово-мифологической практикой, чем с сугубо историческими реалиями.

В частности, мотив *борьбы против рыжих людей с голубыми глазами* типологически можно связать с земледельческим ритуалом древних египтян – принесения в жертву *рыжеволосых людей* для возрождения плодородия почвы [Фрэзер, 1983, с. 354–358]. «Если эти жертвоприношения… имели своей целью способствовать восходу посевов (в пользу этой гипотезы говорит развеивание их пепла), то и *рыжеволосых людей, возможно, выбирали потому, что они как нельзя лучше олицетворяли золотистый дух зерна*» [Фрэзер, 1983, с. 356]. Первоначально ежегодно разыгрывалась драма смерти и воскресения именно Осириса – самого бога зерна [Фрэзер, 1983, с. 340–358; Гринцер, 1988, с.547–548].

В этом смысле интересно одно описание внешности Абрыскила, встречающееся в первой и в одной из последних записей сказания о герое:

*«Абрскил был<…> **со светлыми волосами и голубыми глазами»*** [Указатель, №328]; *«[Абрыскьыл] уаф-апшь лагәыцран» («[Абрыскил] был **рыжий с голубыми глазами»)*** [Указатель, №401].

Отсюда следует, что, возможно, сначала рыжий цвет и голубые глаза были атрибутами самого Абрыскила, который ежегодно умирал и возрождался вновь. Иными словами, вероятно, рыжеволосых людей с голубыми глазами убивали по причине сходства с Абрыскилом с целью заставить золотиться спелые хлеба. С этим согласуется распространенный у многих древних народов мира обряд ритуального убиения предводителя с целью восстановления плодородия природы, в котором впоследствии правитель вместо себя приносил в жертву своих сыновей (см. выше).

Обращает на себя внимание, что слово *рыжий (апшь)* в абхазском фольклоре самый употребляемый эпитет, который выражает не только реальные внешние качества определяемого, но одновременно может иметь и выразительно-оценочное значение (см. Амичба, 1988, с. 122–124; Джапуа, 1995б, с. 82–83). В частности, в магической поэзии абхазов встречаются песни, тексты которых почти целиком составляются из эпитета *рыжий (апшь)*:

Аофапшь сапшь дақәтәоуп,
Аофапшь хтырпапшь ихауп,
Аофапшь кәымжәапшь ишәуп,
Аофапшь еимаапшь ишьоуп,
Аофапшь еиқәапшь ишьоуп,
Аофапшь кәадырапшь дақәтәоуп,
Аофапшь камчапшь икыуп…
Абахәапшь аматапшь аҽахшьит.

***Рыжий** человек сидит на **рыжей** лошади,*
***Рыжий** человек в **рыжем** башлыке,*
***Рыжий** человек в **рыжей** черкеске,*
***Рыжий** человек в **рыжих** чувяках,*
***Рыжий** человек в **рыжих** шароварах,*
***Рыжий** человек сидит на **рыжем** седле,*

Рыжий *человек держит в руках* ***рыжую*** *плеть…*
На ***рыжей*** *скале убили* ***рыжую*** *змею.*
[Гулиа, 1986, с.158]

По мнению Б.В. Шинкубы, «рыжий цвет в древних представлениях абхазов означал сильный, тяжелый или же обладал некой тайной магической силой» [Шинкуба, 1959б, с. 20]. В традиционном фольклоре абхазов эпитет *рыжий* очень часто связан со словами *змея* и *великан*: *«амаҭацшь» («рыжая змея»), «адауацшь» («рыжий великан»).* Отсюда не исключено, что эпитет *рыжий* относится к весьма древним мифологическим представлениям, в которых он мог выражать цвет хтонического божества – *змея, дракона* или *адауы-великана*. Тем более считается, что рыжий цвет символизирует силу, мощь (одновременно и добрую и злую) [Джонуа, 1985, с.136]. К таким же образам может восходить и *рыжий* Абрыскил (*«с голубыми глазами»)* как умирающее и воскресающее божество растительности и плодородия, хотя данные об этом не столь прозрачны в тексте эпоса.

О «земледельческой природе» Абрыскила свидетельствуют и другие описания его образа:

«Сделав дзиуау (чучело) и выкупав его у входа в пещеру Ачкытызго (пещера Абрыскила. – З.Д.), *получали дождь»* [Гарцкия, 1892, с. 39];

«Уи ианигәацхалакь, уацшьынк аԥны ақәа аируан» («Когда ему хотелось, в определенной местности вызывал дождь»[1] [Указатель, №369][2];

«Аарҩара цәгьа аныԥалаоз, [Абрыскьыл иҳацы] ауаа ҭалалон, ахаеаҳәа ақәаҵы ауан» (*«Когда бывала сильная засуха, люди заходили [в пещеру Абрыскила], и начинался обильный дождь»*) [Указатель, №365].

[1] Ср. метафорическое описание внешности грузинского Амирани: «он похож на черную тучу, готовую разразиться ливнем» [Чиковани, 1966, с. 77].

[2] Сходно: Указатель, №339.

Ср. также описание времени Абрыскила:

«Любо было взглянуть на обильные жатвы хлеба, на прекрасные сборы плодов, на тучные стада овец» [Указатель, №336][1]; *«вся природа оплакивала потерю героя, кроме папоротника и других вредных растений»* [Указатель, №333].

В связи с типологически сходными элементами между Осирисом и Абрыскилом примечательно и то, что частью связанного с Осирисом ритуала было его оплакивание: *«Люди, чтобы показать глубину своей скорби по случаю смерти бога, рыдали и били себя в грудь»* [Фрэзер, 1983, с. 350]. «Плачем и причитанием воскресили Исида и Нефтида Осириса; их плач был живителен и для усопшего и иногда писался на заупокойных папирусах» [Викеньтев, 1917, с. 81]. Также и в абхазском эпосе по случаю заточения Абрыскила в пещеру *«плакали все, раздирали, расцарапывали себе лица»* [Указатель, №333][2]. Ср. в древнегреческом сказании о Прометее: «Полными слез глазами смотрят на Прометея океаниды» [Нейхардт, 1988, с. 97]. В. Я. Пропп замечал: «Плач есть такое же магическое средство помощи, и даже воскрешения умершего, как и смех» [Пропп, 1976, с.193].

Итак, есть основание полагать, что данная серия мотивов характеризует Абрыскила как культурного героя, который наделяется атрибутами умирающих и воскресающих богов типа египетского Осириса. Е. М. Мелетинский считает, что подобные мотивы (как «очищение Абрскилом земли от сорных растений, в результате чего поля покрывались травой, съедобной для скота, борьба Абрскила против «сероглазых» и их «дурного глаза») свидетельствуют о том, что сказания о культурном герое были в числе основных источников эпоса об Амирани»[3] [Мелетинский, 1963, с. 224–225]. Это еще больше подкрепляет мысль о типологических параллелях между абхазским Аб-

[1] Сходно: Указатель, №365.

[2] Сходно: Указатель, №336, 365.

[3] Почему об Амирани, если речь идет об Абрыскиле?.. Такая форма иллюстрации архаики грузинского эпоса мотивами и эпизодами абхазского эпоса идет от М.Я.Чиковани, который пытается доказать заимствование не только абхазского «Абрыскила», но и всех кавказских преданий прометеевского типа от грузин [Чиковани, 1966, с. 16, 35].Ср., например, выражения: «в Абхазии Амирани зовут Абрскилом», «по абхазскому варианту предания, Амирани был непорочно зачат» [Чиковани, 1966, с.17, 73].

рыскилом и египетским Осирисом, поскольку и у Осириса обнаруживаются архаические черты культурного героя [Мелетенский, 1988, с.26].

Возможные отголоски образа Осириса ученые находят и в образах Созыреша (адыгского божества земледелия и скотоводства) и Сосруко (главного героя абхазо-адыгского нартского эпоса) [Шортанов, 1982, с.116–129; Люлье, 1927, с. 27; Лавров, 1959, с. 215; Кармоков, 1975, с. 49–56]. По сообщению Л.Я Люлье, в честь Саузерука (Сасрыкуа/Сосруко) «в один из зимних месяцев, приготовляются яства, коих часть откладывается и ставится в отдельном доме для заезжего. В конюшне-же для его лошади припасены сено и овес и постлана в стойле солома. Саузерук не является, но приезжает гость заезжий, который его заменяет. Появление гостя почитается добрым предзнаменованием и придает празднеству более веселости» [Люлье, 1927, с. 27]. Близость Сасрыкуа (Сосруко) с Созырешем еще более полно показана в работе В.Г. Ардзинбы [Ардзинба, 1985, с. 128–168], где поверья и обряды об адыгском Созыреше и абхазском Айтаре сопоставляются с представлениями и сюжетными данными абхазо-адыгского Сасрыкуа (Сосруко). В частности, проводится параллель между парой, представленной в ритуале Созыреша (молодая женщина и хромой старик с фетишем Созыреша), в чем, «возможно, воспроизводился «брак» женщины и божества», и парой Сатаней – пастух в сюжете о рождении Сасрыкуа. «В этом случае пастух и Созыреш как, в частности, «скотий бог», могли бы рассматриваться как проявления одного и того же образа» [Ардзинба, 1985, с. 155].

Также, можно сказать, что земледельческая атрибутика Абрыскила сближает его с Созырешем как с божеством земледелия. По описанию исследователей, Созыреш – *«большой любитель путешествий, и ему подчиняются ветры и воды»; «поскольку этот Созыреш... был еще и горд, то бог наказал его тем, что лишил его ноги»* [Шортанов, 1982, с. 117–118], что напоминает черты образа Сасрыкуа[1] и Абрыскила (см. ниже).

[1] Ж.Дюмезиль отмечает, что Созыреш, лишенный ноги, – тот же что Сасрыкуа (в нартском эпосе), у которого колесо (или камень) отрезало одну ногу или обе [Дюмезиль, 1990, с. 86].

Наконец, последний мотив героических деяний богатыря – *«защита своего народа от иноземных врагов»* – достаточно устойчив в эпосе об Абрыскиле, и носит форму сообщения:

Во времена Абрскила мечи врагов Абхазии ржавели в ножнах, никто не осмеливался обратить их против абхазов; когда соседние племена совершали набеги на священную землю Абхазии, богатырь мужественно защищал родину [Указатель, №332, 333, 336, 351, 352, 355, 361, 365].

Особенность этого мотива – его сугубо эпическая направленность, которая, несомненно, связана с поздним переосмыслением мифологической традиции повествования об Абрыскиле. Такое описание, свойственное эпосу классического типа, возникающего в условиях формирования народностей, образования ранних государств и борьбы против иноземных нашествий, придает героическим деяниям Абрыскила характер патриотических, «исторических» подвигов. В этом случае образ героя «наполняется новым идейным содержанием, он превращается в символ борьбы за социальное и национальное освобождение» [Салакая, 1966, с.114]. Как установлено в теории эпоса, «архаические сюжеты постепенно развиваются в сюжеты, где героика утрачивает свою мифологическую направленность и приобретает черты, характерные для классического эпоса... Первоначальный мифологический подвиг героя превращается в подвиг «государственный», события из некоего мифического мира переносятся в мир, типичный для классического эпоса» [Путилов, 1999, с. 17, 18].

Следует отметить, что рассмотренные мотивы выделенной темы *(«героические деяния или образ жизни героя»)* не обнаруживают прямых аналогий (ни генетических, ни типологических) в других кавказских сказаниях о прикованных героях, кроме мотива вредных растений (папоротник, колючки, камыш и т.п.), который очень часто встречается и в сказании об адыгском Старце. Как видим, одни мотивы (например, *укрощение коня, рассечение большого камня*) больше примыкают к нартскому эпосу абхазо-адыгов, а другие (в частности, мотив *преследования рыжих людей с голубыми глазами)* находят типологическую близость с архаическим ритуалом, связанным с земледельческой магией.

3. Погоня ангелов за героем, его поимка, заточение в пещеру и попытка освобождения героя из подземелья

«Погоня ангелов за героем, его поимка и заточение в пещеру» – самая устойчивая, традиционная сюжетная линия во всей тематике эпоса об Абрыскиле, сохраняющаяся и по сей день в живом бытовании. Она является ведущей частью, остовом всего эпоса, а все остальные мотивы и эпизоды, можно сказать, выступают как бы в роли ремарок, объяснений к этому основному повествованию:

Абрыскил возомнил себя равным Богу и во всем стал ему перечить. Много усилий приложил Бог, чтобы заставить Абрыскила склонить перед ним голову, но все было тщетно. Тогда творец, разгневавшись на непокорного героя, приказал своим ангелам схватить его, бросить связанного по рукам и ногам в ***преисподнюю*** *и жестоко пытать до тех пор, пока он не образумится и не смирится перед Богом. Ангелы отправились выполнять божий приказ. Абрыскил выбрал два безопасных убежища: одно –* ***на вершине горы Ерцаху****, а другое –* ***на берегу моря****. То в одном, то в другом убежище герой отдыхал со своим конем, пока не появлялись ищущие его ангелы. В последний момент он вскакивал на своего верного коня, который одним махом* ***переносил его в другое убежище****. Тут Абрыскил снова отдыхал до приближения ангелов: когда же ангелы подходили, он опять оказывался в первом убежище.*

Глубоко удрученные тем, что им не удается выполнить волю господа Бога, ангелы обратились за помощью к одной ***старой колдунье****, которая посоветовала разостлать в одном из убежищ Абрыскила* ***бычьи шкуры****, смазанные жиром. Выполнив этот совет, ангелы разделились на две группы: одна укрылась в лесу близ того места, где были разостланы бычьи шкуры, а вторая устремилась за Абрыскилом. Вспугнутый Абрыскил заставил своего коня сделать прыжок; конь поскользнулся на смазанных жиром* ***бычьих шкурах*** *и упал, увлекая за собой всадника. Ангелы немедля подбежали и связали Абрскила.*

По совету той же колдуньи ангелы заключили коня Абрыскила в ***глубокую пещеру****. В этой пещере вбили они в землю громадный железный столб. К нему и приковали Абрыскила. Рядом с ним ле-*

жит большой молот. Как только удается герою настолько расшатать железный столб, что одного рывка достаточно, чтобы освободиться, на столб садится маленькая птичка-трясогузка; утомленный герой, раздраженный появлением птички, изо всей силы замахивается молотом на нее, чтобы убить. Но птичка легко упорхает, удар обрушивается на железный столб и снова глубоко вгоняет его в землю. Старуха сторожит пленника. ***Собака и кошка усердно лижут цепь****, но когда цепь становится тонкой, как волос, старуха говорит: «Будь так крепка, как прежде», и цепь снова становится толстой. Время проходит, кто же считает годы? В пещере* ***и днем темно, как ночью****.* ***Волосы*** *Абрыскила выросли настолько, что* ***доходят до земли,*** *а* ***борода в землю вросла*** (см. текст №35, 36, 37) [Указатель, №330, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 345, 351, 356, 357, 361, 365, 383, 393].

По второй версии сюжета, конь (аращ) героя заменяется посохом (алабащей): *Абрыскил имел посох, который служил ему средством передвижения, и, опираясь на который он перепрыгивал* ***с берега на гору, с горы на берег.*** *Ангелы уговорили дятла продолбить посох Абрыскила*[1]*. Когда герой прыгнул, опершись на посох, посох под ним сломался, он упал и был схвачен ангелами* (см. тексты №35, 36, 37) [Указатель, №339, 343, 344, 346, 353, 354, 358, 359, 261, 369, 374].

По другому же варианту, *Бог окружает Абрыскила пламенем, исходящим от грома и молнии, и ангелы захватывают его* [Указатель, №342, 362].

Также в некоторых усеченных текстах сцена погони и поимки героя упрощается, опускаются основные эпизоды, и сюжет предстает в форме пересказа, короткого сообщения [Указатель, №329, 330, 349, 355]. Или же Абрыскил сам заходит в пещеру, чтобы скрыться от своих преследователей [Указатель, №347, 352].

С данным основным повествованием об Абрыскиле почти неизменно связан и мотив «*попытки освобождения героя из подземелья*»:

Почитатели Абрыскила отправились освободить его. Они взяли двенадцать ослов, нагруженных свечами, чтобы ***освещать дорогу в пещере****. Они настолько близко подошли к месту, где томился Аб-*

[1] Отсюда́ – появление этиологического эпизода о проклятии Абрыскилом дятла, чтобы он всю свою жизнь труху (*абажә)* долбил [Указатель, №346], функционально сходного с этиологическими мотивами, встречающимися в нартском эпосе – в финале сказания о гибели Сасрыкуа (см. выше).

рыскил, что уже ***слышали его голос****. В это время у них кончились свечи. Абрыскил окликнул абхазов, сообщив, что до него добраться невозможно, ибо по велению господа он* ***настолько же отдаляется от абхазов, насколько они приближаются к нему.*** *Поэтому герой посоветовал им вернуться домой, повернуть ослов и следовать за ними. Болея душой о родной Абхазии, герой спросил: – Неужели опять размножились* ***рыжие люди с голубыми глазами?*** *Неужели разросся* ***папоротник и другие вредные растения. Доятся ли по-старому коровы два-три раза, а козы – четыре-пять раз в день? Беспокоят ли Абхазию внешние враги, как это было до моего рождения?***

Когда абхазы поведали Абрыскилу о безотрадной действительности Абхазии, он с горечью воскликнул: – Не говорите больше о моей любимой родине, не могу больше слушать и терпеть! (см. тексты №35, 36, 37) [Указатель, №332, 333, 335, 336, 339, 341, 342, 343, 346, 350, 351, 353, 355, 356, 357, 358, 359, 361, 365, 369, 370, 374, 375, 377, 393].

«Истории о прикованных героях широко распространены у различных народов земного шара» [Чиковани, 1966, с.107]. Так, тема приковывания засвидетельствована во всех кавказских версиях эпоса об Абрыскиле. Собственно, она и служит основным лейтмотивом типологической общности кавказских сказаний о прикованных героях. Однако само описание данной темы в разных версиях и вариантах приобретает свои особенности, некоторые мотивы и эпизоды сюжета передаются по-разному.

Если сопоставить мотивы и эпизоды абхазского сюжета с мотивами и эпизодами других аналогичных кавказских сказаний, то получим следующую картину.

Первый мотив сюжета – *погоня ангелов за героем* – почти не разрабатывается (или, возможно, не сохранился) в других кавказских сказаниях о прикованных героях. Да и сам мотив *поимки героя* не получает сюжетного развития, кроме как в грузинском эпосе об Амирани. Однако и здесь лишь в одной сванской записи встречается описание, несколько напоминающее картину поимки абхазского Абрыскила:

«*Однажды Амирани* ***спал*** *в поле;* ***его окружили каджи, чтобы заковать в цепи,*** *но* ***заржал могучий конь,*** *и Амирани* ***проснулся;*** *оглядевшись, он никого не увидел и снова* ***заснул. Конь вновь разбудил его.*** *Оглядевшись снова и никого не увидя, Амирани сказал коню: «Больше не буди меня, иначе отрублю голову».* ***Каджи снова обступили*** *Амирани. Конь не утерпел и* ***опять разбудил его.***

Амирани огляделся и, так как никого не увидел, взмахнул мечом, отрубил коню голову и опять заснул. Каджи скрутили его и привязали к посоху, который Христос воткнул в землю» [Чиковани, 1966, с. 236].

Для грузинского сказания более характерна *состязательная борьба упоенного своей непобедимостью Амирани со своим крестным отцом*[1]:

«Бог и Амирани стали бороться, и, когда Амирани начал уже его одолевать, Бог вырвался из его рук и сказал:

– Можешь ли ты вытащить этот посох из земли?

С этими словами он всадил в землю свой посох. Амирани подошел, но, сколько ни тянул, посох все глубже уходил в землю. Тогда Бог осенил Амирани крестным знамением, приковал его к посоху, а сверху перекрыл огромной горой» [Чиковани, 1966, с. 248–249].

Если в абхазском эпосе об Абрыскиле место заточения героя конкретно локализовано пещерой Абрыскила, существующей в действительности в высокогорном селении Уатап Очамчирского района Абхазии, то в других кавказских сказаниях местом прикования героя называется то одна, то другая гора или гора-пещера, которые не всегда конкретно локализованы. Ср.: в грузинской версии – в большинстве вариантов место прикования героя конкретно *не названо* [Чиковани, 1966, с. 225, 236, 243, 249, 270, 271], в одних вариантах фигурирует *гора Казбек* [Чиковани, 1966, с. 217] или *Эльбрус* [Чиковани, 1966, с. 267], а в других – *Кавказский хребет* [Чиковани, 1966, с. 275] или *гора Амирани* [Чиковани, 1966, с. 270]; в адыгской версии – *гора Эльбрус* (или *Ошха-махо*) [Шортанов, 1982, с. 132; Талпа, 1936, с. 90–94; Лапинский, 1995, с.99; Тресков, 1963, с. 128], *Диц* [Торнау, 1994, с. 138], *«к подножию одной из кавказских скал»* [Шортанов, 1982, с. 134], *«о, кого приковали к горе»* [Н. адыгск., с. 273]; в осетинской версии – *пещера* [Миллер, 1881, с. 69]; в ингушской версии – *скала Бешлам-Корта* [Тресков, 1963, с. 139–140]; в лакской версии

[1] В грузинском эпосе мотив крещения героя Христом или самим Богом почти постоянен [Чиковани, 1966, с. 86].

– *не названо* [Тресков, 1963, с.123]; в армянской версии – *гора Сев* или *пещера* [Ганаланян, 1979, с. 241, 251–252, 261].

Мотивы и эпизоды абхазского сказания, следующие за заточением героя (мотивы *железного столба, железной цепи, птички, собаки, старухи, волос, голоса, вопросов и ответов* и т.п.), более близки к адыгским сказаниям о прикованном Старце [Шортанов, 1982, с. 132; Талпа, 1936, с. 90–92; Лапинский, 1995, с. 99–100; Н. адыгск., с.273–274; Тресков, 1963, с. 128; Гадагатль, 1967, с. 151–152, 152].

Ср.:

«Его две борзые ***собаки*** *грызут* ***цепи*** *и вот-вот, бывает, почти перегрызут их, как прилетает какая-то* ***птичка*** *и садится на* ***столб,*** *к которому цепями привязан, как тотчас же цепи принимают прежнюю толщину... [Старец] рывками* ***столб расшатывает.*** *Вот, бывает, наполовину уже выдернет, но огромный камень он мечет разгневанно в эту птичку, но камень падает не на птичку (она слетает), а на столб, к которому он привязан, и* ***еще крепче сам же вбивает*** *(в землю)»* [Гадагатль, 1967, с.152]. ***«Белоснежные волосы покрывают его голову, его борода почти достигает ног, все его тело густо заросло белыми волосами»***[1] [Лапинский, 1995, с. 99].

«Есть очень высокая гора, возможно, Эльбрус, на вершине, которой имеется ***ужасающий провал,*** *откуда иногда* ***слышится звон цепей и стоны.*** *Абадзехи рассказывают, что один человек из их народности утверждал, что он спускался туда и обнаружил там гиганта, прикованного к скалам, который сказал ему: «О, ты, житель земли, пришедший меня навестить, что там делается наверху?* ***Зеленеет ли по-прежнему трава? Царит ли мир в семьях? Преданы ли жены своим мужьям? Подчиняются ли дочери матерям? Сыновья – отцам?» Черкес отвечал, что да, и тогда гигант сказал: «Хорошо, мне еще долго остается пробыть здесь»*** [Шортанов, 1982, с. 132].

Ср. также ингушское сказание о прикованном Курюко, который «похищает у божества Селы для передачи людям овец, воду и тростник для строительства жилищ» [Мифы, 1988, с. 30]:

[1] Ср. в грузинской версии описание, встречающееся в одной записи сказания: «Борода и волосы у него на головке так отросли, что служат узнику постелью» [Чиковани, 1966, с. 218].

«Многие пытались проникнуть за волнистую черту Бешлам Корта, охраняемую богиней вьюг. Но пугались петушиного крика ***старухи,*** *возвращались ни с чем... Прикованный страдалец в первое время часто спрашивал:*

– Есть ли у людей бараны и тростник?

И убеждаясь, что есть и то и другое, ***надолго умолкал.*** *Он оброс* ***волосами и бородой,*** *и сделались они белыми, как те снежные поляны, которые его окружали»* [Тресков, 1963, с.140].

В абхазском «Абрыскиле» мотив собаки весьма устойчив; устойчив он и в образе грузинского Амирани [Чиковани, 1966, с. 217, 225, 236, 243, 249, 267–268, 270, 271, 275, 292] и армянских Артавазда и Шидара [Ганаланян, 1979, с. 241, 261]. Однако, в отличие от абхазского Абрыскила, здесь судьба узника зависит от ударов кузнецов по наковальне. Ср., например, в грузинской версии:

«У Амирани есть там и собачки. Они непрестанно лижут цепь, которою он прикован. Цепь от этого становится все тоньше... Но в день Великого четверга ***кузнецы молча ударяют молотами по наковальне,*** *и цепь становится по-прежнему крепкой»* [Чиковани, 1966, с. 270].

Подобное описание прикованного героя характерно и для других более отдаленных традиций, в частности, германской, боварской или албанской [Миллер, 1998, с. 465–466]. Также оно имеет место в двух записях адыгского сказания о прикованном Старце [Н. адыгск., с. 273–274; Гадагатль, 1967, с. 151].

Следует отметить, что в некоторых грузинских сказаниях об Амирани, и особенно в имеретинских и аджарских преданиях о прикованных Рокапи и Ромпапи [Чиковани, 1966, с. 225, 236, 292, 63–64], наблюдается изложение данного описания аналогично абхазскому:

«Ромпапи пытался освободиться и хватался за кол, чтобы вырвать его из земли. Когда кол готов был уже выдернуться, прилетала трясогузка и, садясь на него, начинала трясти хвостом. Ромпапи, думая, что птичка хочет загнать кол в землю, хватал лежащий поблизости от него молот. Трясогузка успевала улетать, а молот об-

рушивался на кол и глубоко погружал его в землю» [Чиковани, 1966, с. 64].

Грузинские и осетинские сказания разнятся с абхазскими и в описаниях встречи с прикованным героем (см.: Чиковани, 1966, с. 217–218, 249, 270, 281, 286, 289, 303; Миллер, 1881, с. 69–71). Если в абхазском сюжете люди заходят в пещеру Абрыскила с целью освобождения героя, то в грузинском и осетинском сказаниях некий путник случайно попадает к прикованному герою. И далее рассказывается о мече и надочажной цепи (или сыромятных ремнях, лямках из бычьей кожи), нисколько не характерных для абхазо-адыгских сказаний:

«Однажды, когда гора была отверста, мимо прошел крестьянин. Амирани увидел его, подозвал к себе и попросил подать лежащий недалеко меч. Крестьянин пытался выполнить эту просьбу, но не смог даже сдвинуть его с места... Тогда Амирани попросил крестьянина отправиться домой и принести сыромятные ремни, но так, чтобы по пути не оглядываться назад. Крестьянин пошел к себе домой, взял ремни и направился к Амирани. Увидела это его жена и пристала к нему с расспросами, куда и почему он несет ремни. Она так неотвязно приставала к мужу, что вынудила его оглянуться. Когда крестьянин с ремнями добрался до горы Амирани, она оказалась вновь закрытой» [Чиковани, 1966, с. 270].

Приведенный сравнительный материал показывает, что многие мотивы и эпизоды основного сюжета кавказских сказаний о прикованных героях, с одной стороны, обнаруживают весьма сходные черты, но с другой стороны, они содержат немало повествовательных расхождений. Заметно более близкое сходство абхазских и адыгских версий (ср. выше), которое, по всей вероятности, объясняется генетической общностью их создателей и исполнителей. Более значительные повествовательные расхождения видны между абхазскими и другими кавказскими сказаниями (в частности, грузинскими, армянскими, осетинскими). Ср., например, описания *состязательной борьбы Амирани с Христом* (в грузинской версии), *кузнецов, укрепляющих цепь ударами по наковальне* (в грузинской и армянской версиях), *рассказов о путнике* (в грузинской и осетинской версиях) и т.п.

В результате такого сопоставительного анализа раскрывается несостоятельность взгляда М.Я.Чиковани, считающего абхазский эпос об Абрыскиле прямым вариантом эпоса об Амирани. Некоторая близость описаний грузинских сказаний об Амирани (или Рокапи и Ромпапи) с описаниями абхазских сказаний об Абрыскиле (ср. выше: *поимка Амирани, борода* и *волосы*, *птичка-трясогузка*) говорят в пользу существования кавказского фольклорного субстрата. Нельзя исключить и усвоение определенных мотивов и образов «через абхазскую среду» [Марр, 1938, с. 144] в результате творческих контактов. Очень характерный пример тому – одно мегрельское сказание об Арам-Хуту, записанное С.Н. Джанашиа [Чиковани, 1966, с.309]. Мотивы и эпизоды сказания (виноградной лозы, кустарника, папоротника, пещеры, расшатывания железного кола, птички-трясогузки) описаны весьма сходно с абхазским сказанием об Абрыскиле. Это потому, что мегрельский сказитель «слышал это предание от абхазов» [Чиковани, 1966, с. 321]. Примечательно, что самого героя Арам-Хуту мегрельцы «считают то аланом, то черкесом или кабардинцем, то абхазом» [Инал-ипа, 1965, с. 329].

Следствием межэтнических контактов могут быть и некоторые контаминации (и деформации) мотивов и эпизодов абхазских и грузинских сказаний о прикованных героях. Ср., например, эпизод из одной сванской записи:

«В это время с неба спустились ангелы, связали Амирани, взяли его с собой на небо и там приковали цепью. Эта цепь прикована к огромному железному колу, врытому в землю. Амирани держит в руках молот, которым он пытается разбить цепь. Когда цепь уже вот-вот готова порваться, прилетает птичка и дает знать кузнецам, что Амирани собирается порвать цепь; тогда кузнецы вновь укрепляют ее» [Чиковани, 1966, с. 243].

Вместе с тем, сопоставление разных версий сюжета о заточении героя выявило ряд сюжетных мотивов и эпизодов, которые более устойчивы и постоянны в образе абхазского Абрыскила и свидетельствуют о его самобытности. Таковыми являются: мотивы *погони ангелов за героем, берега и гор, посоха (алабащи), старухи-ведьмы, шкур, пещеры, араща-коня,* и т.п.

Мотив *погони ангелов за Абрыскилом* по своей структуре близок к первой части нартского сказания об освобождении водного источника – о погоне за Сасрыкуа и заманивании его в пропасть (см. вы-

ше). В связи с нартским сюжетом весьма интересен вариант сказания об Абрыскиле, где ангелы пользуются хитрой уловкой:

«Ангелы… предложили Абрскилу играть с ними в лапту. Абрскил поскользнулся на бычьей шкуре, упал и был схвачен и заключен в пещеру» [Указатель, №329][1].

Именно хитростью братья-нарты сталкивают Сасрыкуа в подземный мир[2] или губят его от камня (см. выше). Характерно, что формулы сна (традиционный элемент змееборства), встречающегося в нартском сказании об освобождении водного источника (Сасрыкуа засыпает перед входом в пропасть) и в сюжете о погоне и поимке Абрыскила (Абрыскил засыпает перед входом в пещеру) семантически и текстуально почти дословно совпадают:

«Сасрыкәа <…>дыцәар – жәаха-жәымш даапшзомызт, даапшыр – жәаха-жәымш дыцәазомызт» (*«Сасрыкуа <…>если засыпал – девять ночей и девять дней не просыпался, а если просыпался – девять ночей и девять дней не засыпал»)* [Джапуа, 1995б, с.65]; *«Аблыскьыр даныцәалакь – жәаха-жәымш даапшуамызт» («Аблыскир если засыпал – девять ночей и девять дней не просыпался»)* [Указатель, №339][3].

В этой связи напомню, что сон, предшествующий нисхождению героя в подземный мир (в обитель мертвых, в пещеру), обычно воспринимается мифологическим мышлением как субституция смерти, как «временная смерть» [Раевский, 1985, с. 41].

Как в нартском эпосе братья-нарты постоянно преследуют Сасрыкуа за его превосходство над ними, так и в «Абрыскиле» по воле Бога ангелы-небожители преследуют героя за неповиновение Богу. Сходство описания погони за Абрыскилом с погонями за нартскими

[1] Сходно: Указатель, №357.

[2] Мотив падения Сасрыкуа, облачившись в бурку, которой была перекрыта пропасть, семантически, возможно, соответствует мотиву бычьей шкуры, на которой изловили Абрыскила (см. выше).

[3] Сходно: Указатель, №336, 343, 345, 353, 354, 357, 359, 361, 365, 369, 374.

героями еще более поразительно в осетинских нартских сказаниях, где тема богоборчества весьма развита и «является основополагающей» [Тменова, 1993, с. 218]. «С наибольшей силой она выражена в цикле Батраза, в его последней схватке с небожителями. Борьба Сослана с Балсаговым колесом есть также, по существу, борьба с небесными силами. Корни этих богоборческих мотивов могут восходить к древнему Прометеевско-Амирановскому комплексу… Борьба и смерть Батраза, борьба и смерть Сослана, наконец, гибель Нартов – это, быть может, поэтическое отображение борьбы старого примитивного языческого натурализма с новым христианским культом» [Абаев, 1982, с. 70]. Также в вайнахских сказаниях о нарт-орстхойцах богоборчество «выражено особенно явственно. Во многих сказаниях говорится о том, что они вместе с Соска Солсой вели против бога войну» [Далгат, 1972, с. 118]. В богоборческих мотивах осетинского нартского эпоса (в его более поздних слоях) вполне вероятно влияние осетинских сказаний о прикованном Амране. Но из этого отнюдь не следует, что «образ прикованного героя оформился значительно раньше, чем был создан нартский эпос» [Чиковани, 1966, с.102]. Как свидетельствуют, например, абхазские сказания о Сасрыкуа, архаические слои нартского эпоса отражают все же более древние представления, чем мотив богоборчества в его даже самой первозданной основе.

Морской берег и горы предстают в эпосе как пространственные координаты (см. ниже), которые характеризуют эпический мир Абрыскила. Их можно рассматривать и как границы эпической земли (Абхазии), в пределах которых проистекает деятельность героя, как защитника родины.

Посох (алабаца) – второй помощник Абрыскила, средство его передвижения, который наряду с его аращем-конем постоянно сопровождает героя. В фольклорной традиции посох «является эмблемой личной власти или дает своему владельцу власть над земным миром» [Тресиддер, 1999, с. 289]. Из типологических параллелей интересно указать на посох Куафу в древнекитайской мифологии, который превращается в Рощу Плодородия. Ваджра – дубинка, полица индийского Бога-громовика Индры, интерпретируется как символ мужского плодородия. Шест водружался в обрядах плодородия в сжегодное празднество Индры. В австралийских обрядах плодородия воздвигались столбы, олицетворяющие предков. В этих же обрядах фигурировала «палка» для ходьбы – священный предмет, шест (мавулан). Согласно мифу, предок втыкал ее в землю, и из нее начинал

бить источник [Яншина, 1984, с. 96–97]. В хеттских обрядах калмус (посох), по мнению исследователей, «играл роль фаллического атрибута. Посредством калмуса царь, вероятно, совершал акт стимуляции плодородия; этот же символ он, возможно, использовал для того, чтобы «вызвать» дождь» [Ардзинба, 1982, с.102].

Эти аналогии позволяют предполагать возможность почитания Абрыскила как предка, связанного с плодородием, а сам атрибут (алабаща-посох) как одну из форм его почитания в древнюю эпоху.

В традиционной поведенческой культуре абхазов роль алабащи весьма велика (см. об этом: Габниа, Смыр, Чеснов, 1982, с. 119–127). По словам Ш.Д.Инал-ипы, «до сих пор можно встретить стариков, которые иногда даже верхом на коне не расстаются со своим старинным другом (алабащей. – З.Д.), отличавшимся в своё время редким многообразием функций» [Инал-ипа, 1965, с. 329].

Следует отметить, что мотив посоха имеет место и в грузинском эпосе об Амирани, но он представлен здесь совсем иначе: посохом обладает не Амирани, а Христос, который, воткнув в землю свой посох (или кол), приковывает к нему героя [Чиковани, 1966, с. 217, 236, 249]. По М.Я.Чиковани, слово *алабаща* заимствовано из мегрельского языка, и это свидетельство проникновения эпоса об Амирани в Абхазию через Мегрелию [Чиковани, 1966, с.15]. Но в действительности ни слово *алабаща* и ни эпос об Абрыскиле не заимствованы из грузинской или мегрельской традиции. Скорее всего, и слово *алабаща* в мегрельском языке и сказание об Арам-Хуту в мегрельском фольклоре (см. выше) могут иметь абхазское происхождение. «Термин «алабаща» – собственно абхазское слово, представляющее собой композит: «алаба» – палка и «шьа» («ашьа») – нога; буквально, «палка-нога»» [Салакая, 1966, с.122]. По другой расшифровке, *алабаща* означает: «палка крови» или «палка братства» [Габниа, Смыр, Чеснов, 1982, с.122]. «В мегрельском, кроме «алабашьа», который, кстати, мало кому понятен из мегрелов в настоящее время, нет ни одного слова с этим корнем, тогда как в абхазском языке корень «алаба» встречается как в чистом виде, так и в многочисленных производных словах» [Салакая, 1966, с. 123]. Кроме того, примечательно, что посох встречается в мегрельском фольклоре именно в образе легендарного героя Арам-Хуту. По сообщению И.Кипшидзе, у этого великана «среди доспехов, передают, была огромных размеров деревянная палка с железным наконечником (лабаша), которая и сейчас будто бы находится в церкви св. Георгия» (цитируется по книге: Инал-ипа, 1965, с. 329). Поскольку вышеназванное сказание об этом герое в

мегрельском фольклоре, по всей вероятности, производно из абхазской эпической традиции (см. выше), соответственно и мотив посоха в образе Арам-Хуту можно отнести к абхазским заимствованиям в мегрельском. Это обусловлено еще тем, что «мегрелы, представители западной ветви картвелоязычного мира, в течение многих веков существуют в условиях тесных и многосторонних культурно-экономических и политических связей с абхазами, народом, говорящим на языке абхазо-адыгской ветви северокавказской языковой семьи» [Чирикба, 1998, с.128].

Старуха-ведьма, подсказывающая ангелам-небожителям способ поимки Абрыскила, место его заточения и сторожащая пленника в пещере, типологически и семантически сходна со старухой-ведьмой, с помощью которой братья-нарты выведывают «уязвимое место» Сасрыкуа (см. выше). И это можно считать следом взаимодействия цикла сказаний о Сасрыкуа и эпоса об Абрыскиле.

Из выделенных собственно абрыскиловских мотивов особый интерес представляет мотив *поимки героя на свежесодранных бычьих шкурах*. Реконструкция этого мотива может раскрыть архаическую семантику не только отдельно взятого сюжета, но и самого образа Абрыскила.

В связи с использованием бычьих шкур в заключительной части, в финале судьбы героя в абхазском эпосе об Абрыскиле примечательно, что в грузинском эпосе об Амирани бычья шкура наличествует в инициальной части эпической биографии – в мотиве рождения героя. Согласно завещанию матери, новорожденного Амирани заворачивают в шкуру быка (тельца) или помещают в его желудок [Чиковани, 1966, с. 220, 227, 237, 372]. М.Я.Чиковани интерпретирует этот мотив как «непорочное зачатие» или «второе рождение» героя [Чиковани, 1966, с. 95].

Мотив одевания героя в шкуру животного имеет место и в нартских сказаниях. По абхазской версии, *«нарты одели на Патраза коровью шкуру и метнули его в крепость с помощью метательного орудия»* [Абаев, 1990, с. 333]; *Цвицва укутывают в шкуры ста быков и закидывают в море* [Джапуа, 1995б, с. 41]. По осетинской версии, *«Сослан <...> зарезал быка, выпотрошил его, влез в его шкуру и притворился мертвым»* [Абаев, 1990, с. 333]. Или же: *Урызмаг <...> приказал заколоть своего коня, сделать из шкуры бурдюк, зашить в него себя и бросить в море»* [Дюмезиль, 1990, с. 200]. Тот же мотив имеется в осетинском сказании об Амиране: «*Амиран отправился на море, поймал морского быка, содрал с него шкуру и оделся в неё»*

[Миллер, 1881, с.146]. Ср. в грузинском эпосе об Амирани: «*Привел буйвола, заколол его, вынул внутренности и сам залез в брюхо буйвола*» [Чиковани, 1966, с. 257].

В.И. Абаев связывает этот мотив с древними представлениями многих народов «о борьбе героев-шаманов в образе животных» [Абаев, 1990, с.340]. По мнению же Ж. Дюмезиля, в одном случае бычья шкура символизирует заклинание смерти, а в другом – она просто «служит амортизатором» для героя, превращающего себя в метательный снаряд [Дюмезиль, 1990, с. 208–209]. Очень существенно, что при интерпретации этого мотива Ж. Дюмезиль приводит примеры из погребальных обрядов, при которых «применялась бычья шкура» [Дюмезиль, 1990, с. 210–211]. Ритуал погребения в шкуре животного содержится в материалах традиционной культуры ряда древних народов[1] [Пропп, 1986, с. 203–207]. Ср. описание, которое содержится в античном трактате «О реках и горах» (глава V «Фазис») об осужденных:

«Присутствующие мужчины хватают его, заворачивают в шкуру животного и бросают в круглую яму наподобие колодца, называемую «Ртом нечистых» (цитируется по книге: Дюмезиль, 1990, с. 211).

Бычья шкура характерна, как известно, и для «воздушного» погребения – особого похоронного обычая, засвидетельственного в погребальной традиции абхазов по историческим и этнологическим источникам [Ламберти, 1913, с.189–190; Чурсин, 1957, с. 202–206; Инал-ипа, 1965, с. 547–549]. В частности, по сообщению Аполлония Родосского, колхи умерших мужчин *«заворачивают в необработанные бычьи шкуры*[2] *и вешают на деревьях»* (цитируется по книге: Дюмезиль, 1990. с. 210–211). Причем «покойников зашивали, по некоторым имеющимся сведениям, именно в бычьи шкуры. В этом, возможно, отразился культ тотемного предка-быка» [Инал-ипа, 1974,

[1] «В Египте в древние времена хоронили трупы завернутыми в шкуры» [Пропп, 1986, с. 206]. Ср. в абхазской волшебной сказке мотив залезания мальчика в нутро его воспитанника-быка [Зухба, 1976, с.118–123].

[2] Примечательно, что и в «Абрыскиле» употребляются необработанные, свежесодранные бычьи шкуры, возможно, «для того, чтобы ускорить гниение» [Дюмезиль, 1990, с. 211].

с. 165]. В этой связи весьма показательны два свидетельства абхазских сказителей, зафиксированные В.Б. Агрбой [Книга, № 563, 564]. Согласно одному из них:

«В селении Куланырхуа имеется место под названием «Апсцəа рыкнахарта» (место подвешивания покойников)».

По второму тексту:

«Когда умирали достойные предводители, их хоронили следующим образом: выдалбливают ствол большого дерева во весь рост умершего, как корыто, кладут туда покойника с его воинскими доспехами. Затем режут большого быка, снимают с него шкуру, заворачивают в эту шкуру корыто с покойником и особым ремнем из кожи (гырзганла) подвешивают к верхушке высокого дерева. Считали, что отдают его богу».

По информации других сказителей, «когда-то на калдахварском холме Айвхаара, вблизи левого берега р. Бзыбь, на деревьях красовались тисовые (аатə) гробы, причем не пологалось мимо этой местности проезжать на серой лошади (аеларць), не накрыв ее буркой, чтобы не преследовали души покоившихся на деревьях мертвецов… Местечко Хицкуара в северной части сел. Лыхны носит и второе, теперь уже почти забытое название – «Дуб, на котором лежит череп» (Апсы ихы ахыкəу аць). Сказывается, когда-то на одном из здешних вековых дубов, сохранившихся частью до наших дней, покоились на двух сбитых вместе досках останки пораженного грозой человека» [Инал-ипа, 1971, с.35]. Очевидно, обычай этот связан с почитанием священных деревьев, с верой в продолжение загробной жизни, в самостоятельное существование и «сохранение» души [Акаба, 1984, с. 7–68].

Этот тип захоронения определяется как первичное погребение (до освобождения скелета от плоти), за которым следовало вторичное погребение – предавание земле костей или скелета в пещерах, дольменах или в больших глиняных сосудах [Инал-ипа, 1971, с.30–47]. В связи с этим интересно одно из традиционных абхазских проклинаний – *«Чтобы накинули на тебя лиану (лозу)!» («Азахəа ухарцааит!»)*, которое, по мнению Ш.Д.Инал-ипы, возможно, является отголоском «времени, когда умершего, завернув в шкуру, клали

на выдолбленную доску и при помощи лоз[1] подвешивали на ветках того или иного дерева с последующим снятием его с дерева для захоронения в земле» [Инал-ипа, 1971, с.36].

Своеобразным вариантом бычьей шкуры в погребальных обрядах абхазов может быть и свежий козий бурдюк, с помощью которого магически «собирается», «вылавливается душа» утопленника, а также погибшего, сорвавшись со скалы или с дерева, и переносится в могилу [Джанашиа, 1960, с. 82–83; Чурсин, 1957, с. 193–194; Инал-ипа, 1971, с. 41].

Исходя из этого ритуального контекста, можно полагать, что именно к подобному погребальному обряду восходит традиционный, очень устойчивый мотив поимки Абрыскила в свежесодранных бычьих шкурах. Предположение Л.Х. Акабой о связи мотива бычьих шкур в «Абрыскиле» с реальным способом перенесения огня в шкуре животного [Акаба, 1976, с. 61] все же уязвимо уже потому, что эпос об Абрыскиле не содержит самого мотива похищения огня (см. ниже).

Обращает на себя внимание и то, что в большинстве ранних записей эпоса об Абрыскиле [Указатель, №328, 329, 332, 333, 335, 336, 365] фигурирует именно бычья шкура, а не коровья, что может свидетельствовать о символе священного быка в «земледельческой» семантике Абрыскила. По-видимому, бык здесь связан с земледельческой культурой, с умирающим и воскресающим богом земледелия. Мотив закалывания множества быков и разостлание бычьими шкурами, вывернутыми наизнанку и обсыпанными просом (якобы для того, чтобы герой поскользнулся на мездре), местопребывания Абрыскила, вероятно, восходит к архаическому ритуально-мифологическому обряду жертвоприношения быка (см. выше интерпретацию сюжета о встрече Сасрыкуа с великаном-пахарем), набивания кожи животного соломой и установка на подпорках (очевидно, для «сохранения» или «воскресения» души)[2]. Обряд этот широко распространен в восточном Средиземноморье. Например, в древней

[1] Нет ли связи между лозой (лианой) в обряде и эпизодом неприязни к лозе в образе Абрыскила?..

[2] Ср. мотив оживления (телесного воскрешения) съеденного животного посредством складывания сохраненных в целости его костей (скелета) в его же шкуру, встречающийся в охотничьих мифологических сказаниях абхазов и многих других народов [Чурсин, 1957, с. 76–90; Салакая, 1974а, с. 21–22; Аншба, 1982, с. 24–38].

греческой традиции засвидетельствован праздник обрядового заклания священного быка – буфоний[1]. Ср. описание ритуального праздника быка у абхазов: «Абхазцы на Кавказе выводят белого быка, называемого Ogginn, из священной пещеры, которая носит то же название, и ведут его через собравшуюся толпу мужчин при радостных кликах на заклание, затем его съедают, а кости собирают и хоронят. Участию в этом пиршестве придают такое значение, что человек, которому не удалось присутствовать на нем и вкусить мяса жертвенного быка, считает себя несчастным на целый год» [Штернберг, 1936, с. 407].

И в этом случае Абрыскил напоминает Осириса. Ср.: «Бык был символом Осириса, который сам был «быком Аменти». Бык «после своего умерщвления сопровождает Осириса на небо, неся его на своей спине, отдает свою кожу, чтобы сделать из нее парус для божественной ладьи, в которой переправляются в рай» [Пропп, 1986, с. 206–207]. Иными словами, мотив «удаления» Абрыскила в пещеру «в бычьей шкуре» тоже соответствует его «земледельческой» природе. Он хорошо вписывается в круг представлений и обрядов, связанных с земледельческой магией, с культом Бога-духа хлеба, с умирающими и воскресающими богами плодородия.

Мифологема умирающих и воскресающих (уходящих/возвращающихся) богов растительности/плодородия прямо или косвенно связывается с обрядом ритуального убиения вождя. Так, в эпосе об Абрыскиле наряду с мифологическими представлениями об

[1] «В античных Афинах ежегодно в июне, в Скирофорионе месяце, справлялся в честь Зевса Полиея старинный обряд так называемых буфоний, т.е. в дословном переводе на русский – «быкоубийств». На алтарь Зевса Полиея, находившийся на Акрополе, сыпали вперемешку зерна ячменя и пшеницы и подводили быка, предназначенного к жертвоприношению. Бык якобы по недосмотру людей, окруживших алтарь, тянулся к алтарю и съедал часть зерен. Тогда один из жрецов, которого по этому случаю называли «буфоном» – «быкоубийцей», – наносил быку смертельный удар топором, после чего отбрасывал топор в сторону и обращался в бегство. Погони за буфоном не устраивалось: ему предоставлялось бежать. Но брошенный им топор поднимали с земли, судили, признавали виновным и приговаривали к потоплению в море. Казнь над топором совершалась, а мясо убитого быка потреблялось участниками церемонии за общей жертвенной трапезой, причем кожу животного набивали соломой и устанавливали на подпорках, запрягая это чучело в плуг» [Толстой, 1966, с. 80].

умирающих и воскресающих богов усматриваются следы и обряда ритуально убиения предводителя. В частности, некоторые сюжетные данные эпоса об Абрыскиле сопоставимы с мотивами и эпизодами вышеописанного нартского сказания об умерщвлении стариков (ср. выше). И в эпосе об Абрыскиле и в нартском сюжете уходящий герой (Абрыскил/Бадын) помещается в пещере; его посещают родственники (воспитатели или молочные братья/сын); они и сообщают герою о наступлении хаоса после его исчезновения в подземелье.

Мысль о связи бычьих шкур в образе Абрыскила с обрядом погребения подкрепляется и мотивом *пещеры*, предстающей в сказании весьма устойчиво и образно. Пещерные захоронения широко известны на территории Абхазии; они связаны с обрядом вторичного погребения [Инал-ипа, 1971, с. 30–47] и имеют место в традиционных культурах многих народов.

Примечательно, что в мотиве *попытки освобождения героя из заточения* проникновение людей в пещеру и их подземный диалог с Абрыскилом функционально совпадают с описанием потусторонних встреч Сасрыкуа и заночевавшего на его могиле человека в сюжете о поминках по герою (см. выше). О похоронно-поминальной символике мотива свидетельствуют как восковые свечи, освещающие пещеру-темницу, как мрачный потусторонний мир, так и встречающиеся кушанья и питье [Указатель, №356]. В диалоге между Абрыскилом и вошедшими в пещеру людьми заметно проглядывается известное свойство мифологической пещеры – «двуединый образ: пещера как ухо и ухо как пещера» [Топоров, 1988б, с. 311]. Люди слышат голос Абрыскила, которого не могут видеть.

Этот рассказ о попытке освобождения героя напоминает эпизод о приходящих к прикованному герою океанидах в древнегреческом сказании о Прометее. Так же, как океаниды были «родственниками» Прометея («родным был он океанидам. Отец его, Япет, был братом отца их, Океана, а жена Прометея, Гесиона, была их сестрой» [Нейхардт, 1988, с.94]), в абхазском сказании люди, проникающие в пещеру, часто называются воспитателями или молочными братьями Абрыскила [Указатель, №341, 343, 351, 357, 359, 369, 393].

В мифоэпической традиции «пещера включается в комплекс жизнь – смерть – плодородие, как одновременно место зачатия, рождения и погребения, источник и конец… Под землю, в пещеру может удаляться умирающий и воскресающий бог плодородия» [Топоров, 1988б, с. 311]. Отсюда можно думать, что заточение Абрыскила в пещеру (его исчезновение) могло восприниматься как пожертвование собой ради людей[1], символизируя возрождение, обновление плодородия земли, подобно тому, как «погребение Осириса ассоциировалось с посевом» [Петрухин, 1987. с. 455]. По мифологическим представлениям первобытных народов, «иногда «убиение» вождя принимало форму искупительной жертвы перед разгневанными богами за грехи всего племени» [Яншина, 1984, с.93].

В пользу такой интерпретации сюжета говорит и мотив *араща-коня* Абрыскила, заключенного вместе с ним в пещеру, который, по-видимому, связан с представлениями о переправе умершего в иной, потусторонний мир, с символикой подземного мира. «По древним поверьям, лошадь знала тайны загробного мира» [Тресиддер, 1999, с. 202]. Араш-конь Абрыскила, который рождается одновременно с героем, неразрывно связан с ним на протяжении всей его эпической жизни – с самого рождения до заточения в пещеру. Этот мотив коня роднит Абрыскила с Сасрыкуа, который также не расстается со своим аращем-конем Бзоу (см. выше).

Собака (иногда и кошка), птичка-трясогузка, которые также находятся в пещере, думается, функционально соответствуют образам, фигурирующим в известных сюжетах «видений» загробного мира (ср. выше образы птиц и зверей в сюжете о гибели Сасрыкуа от камня): по абхазским поверьям, на пути в загробный мир собака[2] слизывает масло, которым смазан мост, чтобы облегчить умершим переход через него, а кошка смазывает его [Чурсин, 1957, с. 206]. По древним мифологическим представлениям, «собака ассоциировалась с загробным миром – как его страж и как проводник, доставляющий туда души умерших» [Тресиддер, 1999, с. 344]. Так, в погребальной культуре абхазов очень часто фигурируют скульптурные изображения собаки; кости собак обнаруживаются и в абхазских дольменах; также в абхазской мифологии имеется отдельное божество собак – Алышькьынтыр (см. Инал-ипа, 1971, с. 44–47).

С потусторонним миром ассоциируется и мотив приковывания Абрыскила к столбу в пещере. Ср., например, как в Центральной Америке в культуре Мачу-Пикчу жрецы-инки символически «привязывали» к столбу Бога солнца, или же как в ирландской мифоэпической традиции Кухулин, пронзенный насмерть врагами своим же

---

[1] С этим, возможно, согласуются варианты сказания, где Абрыскил сам заходит в пещеру [Указатель, №347, 352].

[2] Возможно, и цвет собаки («черный пес грызет его цепи» [Указатель, №328]) символизирует мрак в загробном мире.

копьем, умирает стоя, привязав себя к столбу или священному камню [Мифы, 1988, с.31; Тресиддер, 1999, с. 357].

В фабуле основного повествования об Абрыскиле особого внимания заслуживает мотив *богоборчества* – пожалуй, самый загадочный и противоречивый как в эпосе об Абрыскиле, так и во всех других сказаниях о прикованных героях. В абхазских, адыгских и осетинских сказаниях мотивировка приковывания героя почти совпадает. Абхазский Абрыскил наказывается за соперничество с Богом, за непризнание его власти, адыгский Старец и осетинский Амиран также за попытку низвергнуть Бога Тха [Шортанов, 1982, с.136] или за зазнайство героя [Миллер, 1881, с. 69–71]. В грузинском эпосе об Амирани этот мотив получает несколько иную (более конкретную) трактовку: например, Амирани либо сам вызывает на поединок Бога, либо трижды нарушает данные ему клятвы [Чиковани, 1966, с. 101–102, 216–217, 225, 248–249, 270, 271, 280, 289, 303]. Также армянский Мгер и лакский Амир наказаны за вступление в единоборство с Богом [Ганаланян, 1979, с.251–252; Тресков, 1963, с. 123], а ингушский Курюко – за похищение у Бога Тга куста тростника и пары барашков [Тресков, 1963, с. 139].

По мнению ученых, в абхазском «Абрыскиле» этот мотив навеян борьбой язычества с официальной религией, который проникает в эпос под влиянием духовенства [Чурсин, 1957, с. 245; Бгажба, 1987, с. 263; Салакая, 1966, с. 116–121]. И как бы этим объясняют двойственное отношение народа к Абрыскилу – положительное (как защитника народа), с одной стороны, и отрицательное (как богоборца) – с другой [Салакая, 1966, с. 116–121]. Е. М. Мелетинский считает, что богоборчество вытекает непосредственно из героического характера самого богатыря, из переоценки своих сил, из возрастающей богатырской активности героя, «которая носит отчасти разрушительный характер, что такая «безмерность», искони присущая эпическому богатырству, составляет внутреннюю основу героического характера» [Мелетинский, 1963, с. 227–229].

Разумеется, нельзя не согласиться с тем, что в эпосе об Абрыскиле богоборческие мотивы в известном смысле овеяны «библейскими и мусульманскими рассказами о том, как бог карает за непочтение к нему» [Чурсин, 1957, с. 245]; также они могут быть связаны с самой сущностью эпического богатырства. Так или иначе, традиционная эпическая тема гибели героя (отражающая архаический обряд ритуальной смерти и возрождения) оказывается погруженной в атмосферу официальных религиозных представлений. Из этих сравнительно поздних наслоений проскальзывают весьма древние корни мотива заточения Абрыскила в пещеру, которые связаны с мифологическими воззрениями самих создателей и носителей эпоса.

Еще В.Ф. Миллер в своей статье *«Кавказские предания о великанах, прикованных к горам»* (опубликованной в 1883 году) делит все сказания прометеевского типа на две группы: в первую входят «многочисленные легенды о змее, заключенном богом или богатырем под какой-нибудь горой; во вторую – легенды о великане, прикованном к скале в какой-нибудь горной пещере… Сказания первой группы древнее сказаний второй» [Миллер, 1998, с. 461]. Ученый уточняет, что «личность, за которой мы начали следить, как за великаном, прикованным божеством к скале, мало-помалу превращается в змея, а в божестве, приковавшем его, обнаруживается широко распространенный во всех народных сказаниях тип бога или богатыря-змееборца» [Миллер, 1998, с. 464]. На паразительное сходство образа прикованного героя с образом прикованного демонического существа указывали и другие исследователи (В. Манхардт, К. Крон, А.С.Хаханов)[1].

Отсюда с известной осторожностью можно допустить, что и в «Абрыскиле» (в мотиве борьбы Бога с героем) мы встречаем своеобразное воспроизведение более древнего мотива змееборства, что в мифологической части образа Абрыскила мы имеем дело с эпическим осмыслением общемирового мотива *мифологического змея*. О таком мифологическом змее (первоначально благом, а впоследствии злом) говорилось выше, при интерпретации нартских сюжетов (о чудесном рождении героя из камня, добывании огня, освобождении водного источника) и образов (пастуха, адауы-великана, дракона).

Текст эпоса об Абрыскиле не сохраняет, не доводит до нас яркие приметы мифологического змея-дракона, но «воспоминания» о них (как положительные, так и отрицательные) остались. По всей видимости, этим и объясняется сохраняющееся противоречие, двойственное отношение к Абрыскилу у создателей и хранителей эпоса. Причем, «змеиное происхождение» героя не совсем латентно в эпическом контексте.

К положительным «воспоминаниям» о змее-драконе можно отнести рассмотренные выше мотивы и эпизоды в эпосе об Абрыскиле, напоминающие земледельческую семантику мифологического змея – хтонического божества плодородия. Он первоначально мыслился как благое существо, и ему добровольно предоставлялись красивые де-

[1] Подробно об этом см. Чиковани, 1966, с. 20–23.

вушки (или молодые люди) с целью обновления плодородия природы и земли. К отрицательным же «воспоминаниям» о змее-драконе можно отнести мотив богоборчества в эпосе об Абрыскиле, напоминающий злую сущность мифологического змея (архаический мотив змееборства), которая связана с изменением мировоззрения людей. Поступки хтонического божества «вступают в противоречие с развившимися формами социальной жизни и семейных отношений, а также и с формами религии, уже начавшей создавать богов» [Пропп, 1986, с. 260]. Эти коллизии и переходят в богоборчество.

Иными словами, образ Абрыскила, дошедшего до нас в виде эпического героя – защитника своей родины и этноса, – наследие древнейшей мифологии. Он восходит к образу мифологического змея, к двум стадиально-разным его началам – доброму и злому. В фольклорной традиции мотивы и эпизоды доброго змея часто переплетаются, сосуществуют с мотивами и эпизодами злого змея. Также и в абхазском эпосе об Абрыскиле эпические и мифологические мотивы зачастую контаминируются, наслаиваются друг на друга. При этом, как видим из всей повествовательной фактуры эпоса, в образе Абрыскила более устойчиво и емко представлено доброе начало мифологического змея. Но наряду с этим в эпосе встречается ряд описаний, свидетельствующих о злой сущности Абрыскила (см. Салакая, 1966, с. 120–121). Так, например:

«[Абрыскьыл] арахь дцəыртцыр ауаа нирцəот» («Если [Абрыскил] выйдет на свет, то он уничтожит людей» [Указатель, №392].

«Абрскил был гордый, высокомерный человек. Он убивал всех рыжих и людей с голубыми глазами, а также представителей фамилии Эшба. Жестокие поступки его стали невыносимы для населения, и от него решили избавиться» [Указатель, №337].

«Абрскил сделался жестоким»[1] [Указатель, №332].

С этими описаниями согласуется вариант сказания, где попытка освобождения героя заменяется попыткой его уничтожения [Указатель, №352]. По другому варианту сказания, люди сами ловят Абрыскила и заключают его в пещеру [Указатель, №381, 382]. По убыхскому сказанию о прикованном великане *(«Убыхский Прометей»)*, люди делают все, чтобы прикованный герой не смог освободиться из заточения[1] [Дюмезиль, Намиток, 1955. с. 30–33].

[1] Ср. сказание аджарских абхазов о Мемруте, типологически сходном с Абрыскилом, в записи Ш.Х. Салакая: «Мемрут, герой необычайной силы, возгордившись, объявил себя вторым богом и потребовал, чтобы люди подчинялись ему, а не аллаху» [Салакая, 1966, с. 120].

Ср. абазинское предание о Дашкале, пересказанное Ф.Ф.Торнау при описании горы Диц:

«Вид этой горы чрезвычайно пасмурен и оправдывает сказание о ней, напоминающее в одинаковой мере Прометея и Антихриста. Имам Хази с неподдельным страхом указал мне на черное отверстие, находившееся на самом верху горы, прибавив: худое тут место для каждого живого человека. Это выход из огромной пещеры, спускающейся под самое основание горы. В глубине её лежит Дашкал, прикованный к горе семью цепями, – Дашкал, который перед разрушением мира явился между людьми для смущения их и восстановил брата против брата, сына против отца. <...>Время его не совершилось еще, но когда оно настанет, тогда он схватит меч, разрубит оковы и явится на свет губить человеческий род» [Торнау, 1994, с.138].

Ср. также: поэтический текст об адыгском прикованном герое – Насырен-жаче:

«Коварны твои поступки. <...>
Пусть держит тебя Тха [у столба]. <...>
Да погибнешь ты там!»
[Н. адыгск., с. 273–274]

[1] Ср. предположение Л. Х. Акабы: «Если бы речь шла просто о герое – благодетеле человечества, то его освобождение не было бы связано с такими бедствиями для человечества. Но речь идет о герое, олицетворяющем вулканический огонь, являвшийся на определенном этапе большим благом для людей, но и способный погубить их. Этим и объясняется противоречие образов героев типа Прометея: с одной стороны, они дали людям огонь – величайшее благо, но, с другой стороны, их освобождение грозит гибелью людей» [Акаба, 1974, с. 150].

Описание адыгского Теджема (в темиргоевской редакции сказания):

«Когда Теджем достанет меч, <...>тогда он разрубит цепи, освободится и пойдет по земле подчинять себе людей» [Шортанов, 1982, с.135].

Описание прикованного адыгского одноглазого богатыря:

«Наступит время, когда Тха рассердится на грешных людей Адама и, освободивши одноглаза от наказания, выпустит его из недр горы. Горе тогда людям! Он отомстит за свои вековые страдания»[1] [Шортанов, 1982, с.136–137].

Описание осетинского Амрана:

«Я Амран, из рода Даредзановых, я был притеснитель, не давал покоя людям на земле, спорил с божьими дзуарами и самого Бога ни во что не ставил» [Миллер, 1881, с.74].

В образе грузинского Амирани более устойчив мотив уничтожения кузнецов и женщин, якобы из-за того, что кузнецы укрепляют цепь, которой прикован герой, а женщины мешают человеку, стремящемуся освободить героя:

«Говорят, если Амирани когда-либо освободится, то уничтожит всех кузнецов и всех женщин» [Чиковани, 1966, с. 249][2].

Не исключено, что мотив волос и бороды Абрыскила, характерный и для образа адыгского прикованного Старца[3] (см. выше), отождествляется с приметами некоторых зооморфных образов абхазского фольклора, в частности, нартского эпоса («пастуха», адауы-

[1] Ср. сходное же описание из другого варианта адыгского сказания: *«Придет время – Тха, на людей разгневанный, освободит от наказания старика, спустит его с цепи, и тот станет вымещать на людях свои долгие страдания»* [Талпа, 1936, с .90].

[2] Сходно: Чиковани, 1966, с. 236, 268, 271, 281, 286, 292.

[3] Ср. также имя героя с постоянным эпитетом: *«Насрен-жаче»* (букв. *«Насрен-Борода»*) [Н.адыгск., с. 389].

великана и т.д.), принадлежащих потустороннему миру[1] (см. выше). Ср., например, описание прикованного Абрыскила с описанием «пастуха» в нартском сюжете о чудесном рождении героя из камня:

«Абрыскьыл <...>ихахэы саара ишьтасуеит, ижакьа анышэ ицалахьеит» («Волосы Абрыскила доходят до земли, а борода в землю вросла») [Указатель, №365][2].

«У пастуха гигантские, длиною во весь рост брови» [Ардзинба, 1987, с. 131].

Эти описания близко напоминают приметы образа греческого Тифона – хтонического существа, тоже заключенного Зевсом в гору:

*«У него сотня драконьих голов, часть туловища до бедер – человеческая. Ниже бедер вместо ног у Тифона – **извивающиеся кольца змей**. Тело покрыто перьями. Он **бородат** и **волосат**»* [Лосев, 1988, с. 514].

Также, возможно, глаза нартского «пастуха» (*«глаза у него очень большие, выступают из орбит»* [Ардзинба, 1987, с. 131]) сопоставимы с глазами прикованного героя. Ср., например: у адыгского старца *«глаза красны и сверкают, как горящие угли»* или *«глаза у старика красные и пламенеют, как раскаленные угли»* [Лапинский, 1995, с.99; Шортанов, 1982, с. 142]; у осетинского Амирана *«глаза его с бычьи ошейники»* [Миллер, 1881, с. 69]; у грузинского Рокапи *«глаза горят огнем»* [Чиковани, 1966, с. 63], а у Амирани – *«глаза величиной с сито»* [Чиковани, 1966, с. 209, 211, 249]. В этом смысле очень характерно описание адыгского Старца в виде хтонического существа, одноглазого адауы-великана – *«с одним глазом во лбу»* [Шортанов, 1982, с. 136].

По-видимому, к атрибутам зооморфных существ относятся и различные поверья, табу, связанные с прикованным героем, типа:

[1] С потусторонним миром ассоциируется и пещера, в которой прикован Абрыскил, как «естественное жилище для существ хтонического типа», как «хранилище остатков хаотической стихии» [Топоров, 1988б, с. 311].

[2] Сходно: Указатель, №350, 361.

«[*Абрыскьыл*] *убрыи [астолб] ыцихын данықала, нас адунеигьы аеапсахует, рхәот*» (*«Говорят, что если Абрыскил вырвет столб, тогда и мир переменится»*) [Указатель, №379].

«*Ирхәоит, Абрыскьыл каамет анықало [ахацы] дтыцует хәа*» (*«Говорят, что Абрыскил выйдет из пещеры тогда, когда наступит светопреставление»*) [Указатель, №341].

«Существовало поверье, согласно которому ни один одинокий всадник на белом коне не мог проезжать мимо этой пещеры (Абрыскила. – З.Д.) без риска быть схваченным русалкой – «матерью вод», обитавшей в ней» [Инал-ипа, 1965, с.592].

В эпосе об Абрыскиле (в рассказе о попытке освобождения героя) очень часто встречается сообщение о том, что к герою, заточенному в пещеру, никто не может подойти, невозможно его видеть:

«*Сара сахь азәгьы дзааиран ик̇ам; шәара зак̇а шәааскьо ак̇ара, сара ҧак̇ сагоит*» (*«Ко мне никто никогда не подойдет; насколько вы будете приближаться сюда, настолько меня отводит дальше»*)[1] [Указатель, №361].

Ср.: в абазинск. сказан.:

«*Говорят, один абазинский пастух по глупости спустился в пещеру и, увидев Дашкала, от испуга сошел с ума. Горцы действительно боятся горы Диц и даже близко не подходят к ней*» [Торнау, 1994, с.138].

В адыгск. сказан.:

«*Только немногие люди могли его видеть, потому что подъем к нему связан с тысячами опасностей. Никто, однако, не может видеть его два раза, и те, которые пробовали это сделать, назад не вернулись. Однако есть в горах старики, которые с ним разговари-*

[1] Сходно: Указатель, №332, 333, 335, 336, 339, 341, 342, 343, 350, 351, 352, 353, 355, 356, 357, 358, 359, 365, 366, 367, 369, 370, 374, 393.

вали, но им запрещено рассказывать все, что они видели и слышали»[1] [Лапинский, 1995, с. 99–100].

В осет. сказан.:

«*Охотник, <...>когда увидел Амирана, то тот посмотрел на него, а глаза его с бычьи ошейники. Охотник в обморок назад упал. <...>Ступай и принеси мне вашу цепь (очага), унеси её, не говоря ни слова, и назад не смотри, а не то захлопнется дверь пещеры*» [Миллер, 1881, с.71].

В груз. сказан.:

«*Один охотник как-то заглянул внутрь этой горы, когда она была раскрыта, и, увидев Амирани, испугался*»[2] [Чиковани, 1966, с. 281].

Для раскрытия «змеиного происхождения» прикованного героя весьма примечательно и описание богатырского гнева Абрыскила, связанного с «потрясением природы»:

«*–Уа ееи ык̇ам, ақәылацәа рееибытаны Апсны иажәылт, абарақьатрә цеит, – анырхәа, – Хаи, даргьы-саргьхандаз, рацәа спара рбеит! Аха усцәкьа изцарым! – ихәан, даагызы-ғызын, дызлаҽахәаз азанцьырқәеи дзыдҽахәалаз агәашьеи убыс ирцысит, ахацы зегьы аахыц-хыцит*».

«*Они ответили ему, что «там нет ничего хорошего, захватчики ринулись на Абхазию, исчезла вся благодать».*

– Хай! Так они воспользовались моим бессилием?! Но я им этого так не оставлю! Сказав это, он взревел и так встряхнул железные цепи и столб,к которому был прикован, что вся пещера затряслась» [Указатель, №367].

Ср.: в абазинск. сказан.:

[1] Сходно: Талпа, 1936, с. 91.

[2] Сходно: Чиковани, 1966, с. 218, 249, 303.

«*Когда он с досады начинает потрясать цепи, тогда горы дрожат и земля колеблется от одного моря до другого*» [Торнау, 1994, с.138].

В адыгск. сказан. :

«*Только услышит могучий старик ответ: «Камыш на земле растет, ягнята на земле плодятся», начинает он рвать на себе оковы. Земля сотрясается от этого. Свирепствует устрашающая людей гроза: стук цепей гремит громом, искры от удара звена о звено блещут молнией, тяжелое дыхание старика бушует на земле ураганом, от стонов его стонут глубины земли, и слезы его льются бурным потокам вниз со снеговых вершин и разливаются шумящей водой*» [Талпа, 1936, с. 92].

Подобные описания, характеризующие реакцию природы на рождение, появление или действия персонажа, относятся к древним типам изображения в фольклоре, и их принято считать атрибутивными («потрясения природы» мыслились непосредственным свойством персонажей), первоначально по отношению к демоническим персонажам, а затем их активно использовали во всех случаях изображения героя [Смирнов, 1971, с. 101–110; Гацак, 1973, с. 304–306; Джапуа, 1995б, с. 28–46].

Из приведенных примеров видно, что почти во всех кавказских сказаниях о прикованных героях сохраняются мотивы и эпизоды, характеризующие героя не только как доброе, но и как злое, демоническое существо. Еще А. Н. Веселовский, говоря о кавказских прикованных героях, подобные мотивы и описания относил к древнейшим атрибутам титанов, в которых в последние века, напротив, увидели заступника и друга человечества (см. Шортанов, 1982, с.146). Наиболее ярко злое начало героя проявляется в адыгских сказаниях о богоборцах, где социальные мотивы приглушены и особенно настойчиво проводится мысль о том, что с освобождением титана-богоборца иссякнут земные блага [Шортанов, 1982, с.144]. М. Е. Талпа находит, что кабардинский Старец – носитель мрачной силы мести, коварства, борец с чудовищами, драконами, в то время как греческий Прометей – светлый освободитель, богоборец. Вместе с тем, по мнению исследователя, кабардинские сказания – одна из древнейших редакций прометеевского мифа [Талпа, 1935, с. 172].

Для понимания архаической семантики образа Абрыскила, поэтических масштабов изображения в эпосе важно обозреть характер и особенности *эпического мироздания* в нем, которое в вертикальной проекции состоит из следующих сфер художественного пространства: *Земной (Средний) мир, Верхний мир* и *Нижний мир.*

Земной мир – основная сфера действий, страна эпического героя. Именно на эпической Земле происходят все основные события: чудесное рождение и рост героя, совершение героических подвигов, поимка героя ангелами-небожителями. Очень часто приметы земной сферы эпоса уточняются реальной топонимикой (ср. выше), что, видимо, обусловлено тем, что жанр самого повествования об Абрыскиле характеризуется как эпос-предание, эпос-легенда.

С именем Абрыскила народ связывает много реальных топонимов, локализующих определенные сюжетные мотивы и эпизоды. Сами же сказители сообщают:

«*Хкытан [Члоу] кырцьара уафы ицылоит Абрыскьыл-фырхаца ихьз иадхәалоу атыцкәа*».

«*В нашем селении [Члоу] много мест, связанных с именем Абрыскила-героя*» [Указатель, №363].

В частности, это места, где прикован герой (пещера «*Аекьытызго*» – букв. «выносящий конский навоз» или «*Абрыскьыл ихапы*» – «Пещера Абрыскила», находящаяся в селении Уатап [Указатель, №342, 354, 356, 358, 359, 362, 365, 369, 377, 378]); где герой рассекает камень (холм «*Ахахә еиҩса*» – «Рассеченный камень» [Указатель, №340, 360, 363, 364, 369]); где герой рождается, очень часто пребывает, ангелы вылавливают его *(Ерцаху, берег Черного моря, Уатап, Члоу, Гуп, Андроу, Када, Панаю, Лаганиаху, Аражпара, Жаныху или «Абрыскил икырта»* – место поимки Абрыскила [Указатель, №332, 334, 335, 336, 343, 344, 345, 354, 361, 362, 363, 364, 365, 378, 393]) или пасется богатырский конь героя (*Ащанцара, Мыку* [Указатель, №361, 378]).

Сказители называют места (*Гуп, берег реки Аалдзга, Арасадзых, Члоу, берег реки Дуаб* и т.д.), где «остались» следы копыт коня Абрыскила или следы его ног[1] (ср. выше следы Сасрыкуа и его коня)

[1] Ср. «Аалдзга, в ущелье которой одна из скал хранит «следы копыт коня нарта Сасрыквы» [Инал-ипа, 1977, с.77]. Ср. также в адыгском нартском эпосе: «С именем Сосруко народ связывает название многих местно-

[Указатель, №334, 383, 393]. Также определяется «этническая принадлежность» героя:

«Абрыскьыл дацсыуан, Апсны дынхон» (*«Абрыскил был абхаз, жил в Абхазии»*)[1] [Указатель, №353]; *«Абрыскьыл абра Гэыц диит, иашьцэа хфык ыкан, Абрыскьылаа ракэын» («Абрыскил родился здесь в Гупе. У него было трое братьев, они были [по фамилии] Абрыскилами»)* [Указатель, 393]; *«Амрыскьыл Ацьынцьалкэа драхэшьапан» («Амрыскил – племянник рода Аджинджал»)* [Джапуа, 2001а, с. 59, №34]. «В районах южной и центральной Абхазии до недавнего времени, а кое-где и сейчас, встречаются фамильные имена Абрскил, Абласкир» [Инал-ипа, 1965, с. 590].

Все эти географические и этнические подробности придают образу Абрыскила локальный характер, сказания о нем информаторы связывают с известной им территорией, как бы заставляя его (и другие персонажи) действовать внутри локуса и этноса сказителей. Тем самым, сказания об Абрыскиле получают форму мифологических или даже исторических преданий.

Опорными координатами земной сферы эпического пространства устойчиво выступают – *морской берег и горы.* Крылатый конь-араш (или посох-алабаша) Абрыскила легко переносит его с берега на высокую гору и с горы на берег. Почти все пространство эпической Земли занято берегом и горами. Постоянство берега и гор породило свою поэтическую формулу:

«*Абрыскьыл геи-шьхеи изеицшын» («Абрыскилу были одинаково доступны и равнины и горы»)* [Указатель, №365]; «*Ирашь дакэтэаны даныцалак – агаса дныкэцалон, уантэи даныцалак – ашьхара дныкэцалон» («Взмыв на араше он приземлялся на берегу моря, прыгнув оттуда, он оказывался на вершине гор»)*[2] [Указатель, №351].

Здесь образы гор и берегов (морей, рек), предстающие как бинарные семантические оппозиции, могут быть интерпретированы и

стей, урочищ, пастбищ, показывает места, где проезжал Сосруко, след коня и т.д.» [Алиева, 1969, с. 24].

[1] Сходно: Указатель, №345, 347, 355, 365.

[2] Ср.: Указатель, №339, 343, 354, 359, 361, 363, 365, 369, 374, 393.

как пределы Среднего мира (Земли), входы в Небесный и Подземный миры. В этом смысле примечательно, что в поэтической лексике эпоса пространственные формулы *«геи-шьхеи изеицшын» («ему были одинаково доступны и равнины и горы»)* [Указатель, №365] и *«дгьыли-жэфани изеицшын» («ему были одинаково доступны и земля и небо»)* [Указатель, №363] почти синонимичны. Отсюда вытекает, что антитеза *«берег – гора»,* так же как *«земля – небо»,* воспринималась в вертикальной проекции пространства.

Верхний мир в эпосе кодируется образами – *Бога (Анцэа)* и *Ангелов (Амаалыкьцэа, Апааимбарцэа).* Да и в самом образе Абрыскила несомненны черты архаического божественного покровителя. Об этом свидетельствует и извержение (или имитация) грома и молнии героем. Для Абрыскила вход на Небо прост. Он поднимается туда быстро и путешествует на своем коне-араше без затруднений, так как Небо близко. Поэтому в эпосе нет прямого указания на длительность пути героя в Небесный мир:

«[*Абрыскьыл*] *ажэфан далазар, шьауардынцас дыжжаза ахауа еифихуан» («Когда* [*Абрыскил*] *летал в небе, он, как сокол, рассекал воздух»)* [Указатель, №363].

Нижний мир (или вход в него) обозначен в эпосе в образе *Пещеры-темницы* (местопребывание Абрыскила после его поимки, после утраты способности передвигаться). По велению Бога, ангелы, спустившись с Неба на Землю, а с Земли в Пещеру, обрекают героя и его коня-араша на вечное заточение в глубине земли, отдаляют их от Верхнего и Среднего миров. Пещера здесь функционально соответствует загробному миру. Ср. его эпитеты-сравнительные определения:

«Во мраке каменной темницы; «подобно черной пасти»; «глубокая, мрачная пещера»; «не проникал ни один луч света»; «дьявольское помещение» [Указатель, №334]; *«мрачная пропасть»* [Указатель, №336]; *«в глубине черной пещеры»* [Указатель, №335]; *«преисподняя»* [Указатель, №333]; «[*ахапасы*] *еынлагъы уахынлеицш илашьцоуп» (« [в пещере] и днем темно, как ночью»)* [Указатель, №361]; *«ахапы тылашьцара» (пещера-темница»)* [Указатель, №355]; *«адгъыл кылхара ду» («большая полость в земле»)* [Указа-

тель, №370]; «*ҳацы лашәык» («пещера-темница»)* [Указатель, №367]; «*ҳацы цаулак» («глубокая пещера»)* [Указатель, №368].

С категорией эпического пространства в «Абрыскиле» связано и *эпическое время*, которое характеризуется приметами так называемого «золотого века»:

«Абрыскьыл ихаан Аҧсны барақьатын: ашәаҧыцьаҧ кьыс амамызт, аеафора бзиан иҟалон, арахә рхәыртақәа рацәан, Убри азы акәхап ажәқәа мышкы хынтә-хынтә изырхьоз, ацьмақәа ракәзар – хәыҧтә-хәынтә. Азқәа ҧсыз рыгмызт, ацлакәа ҧсаатә рыгмызт».

«Во времена Абрыскила Абхазия была благодатной [страной]: с первозданной растительностью, богатым урожаем и тучными пастбищами. Видимо, поэтому трижды в день доились коровы, а козы – до пяти раз. Реки изобиловали рыбой, а деревья – птицей» [Указатель, №365][1].

С рождением героя как бы связывается упорядочение мира, космоса[2], а с его заточением – наступление хаоса. Ср. ответ проникших в пещеру людей на вопрос героя о благосостоянии родины:

«– Уара уананыҵ, уара уазгылааанза ишыҟаз, убас агәақра еитаатагылеит Аҧсны!» (« – После тебя, после того, как ты покинул Абхазию, она была повергнута в те же страдания и несчастья, которые переживала до тебя!») [Указатель, №365].

Отсюда представляется, что эпос об Абрыскиле, возможно, отражает некую циклическую модель времени: с рождением героя как бы творится мир из хаоса, наступает космический порядок, а с его заточением в пещеру мир опять погружается в хаос. Но хаос – начало космоса. Подобное умирание и воскресение мира (Бога или героя) вписывается в символику умирающих и воскресающих Богов плодородия, что может свидетельствовать об архаической «земледельческой» сути образа Абрыскила.

[1] Сходно: Указатель, №333, 336, 339, 351, 358, 361, 369.

[2] Ср.: «В египетской мифологии счастливая пора – это время, когда на земле царствовали Осирис и Исида» [Токарев, 1987, с. 471].

Итак, в «Абрыскиле» пространственно-временные координаты создают своеобразный мифологический образ вертикальной структуры космоса – Верхнего, Среднего и Нижнего миров.

Как можно было видеть, с одной стороны, основные мотивы эпоса об Абрыскиле восходят к архаическим представлениям абхазов; связанным с ритуальной, обрядово-мифологической практикой. В них задержались видимые остатки архаической мифологии и эпики. Однако, с другой стороны, эти мифологические мотивы приобретают очень яркую эпическую окраску, относящуюся, по всей видимости, ко времени образования ранней государственности и появления мотива богоборчества. В них прослеживаются тенденции к эпике классического типа. Источником эпического пласта в «Абрыскиле» во многом послужил и нартский эпос абхазов, а именно – сказания о Сасрыкуа. Иными словами, можно допустить, что образ абхазского Абрыскила в своей мифологической части стадиально сходен с образом основного героя абхазского нартского эпоса Сасрыкуа или даже в определенном смысле обладает большей архаичностью (ср. выше «змеиное происхождение» Абрыскила). При этом ряд мотивов и эпизодов эпоса об Абрыскиле либо непосредственно отражают нартские сказания о Сасрыкуа (например: мотив рождения Абрыскила в абазинском варианте, мотив укрощения богатырского коня), либо обнаруживают их влияние (например: мотив закалки героя, рассечение большого камня, погоня ангелов за героем, мотив сна, попытка освобождения героя из заточения и пр.). Более того, образы Сасрыкуа и Абрыскила взаимовлияют, контаминируются, часто переплетаются различные сказания о них. Так, например, одна турецкая запись сказания, об Абрыскиле, повествует о добывании огня (в форме нартского сюжета) и о поимке героя адауы-великанами (в виде сюжета о гибели Сасрыкуа от камня) [Бегуа, 1971, с. 255–258]. Ср. также текст о гибели Сасрыкуа в форме поимки Абрыскила [Джапуа, 1994а, с. 231].

На близость абхазского эпоса об Абрыскиле нартским сказаниям абхазов впервые обратил внимание Ш. Х. Салакая, по словам которого «сказание об Абрскиле как бы продолжает нартский эпос, являясь его заключительным этапом» [Салакая, 1966, с. 114]. Видя в основе имени Сасрыкуа первоначальное абхазо-адыгское название камня *саср,* а в основе имени Абрыскила – последующее название камня *абра*, ученый приходит к выводу о том, что «Сасрыква – соз-

дание более отдаленных времен, Абрскил – герой сравнительно поздней эпохи» [Салакая, 1976а, с.110].

Действительно, относительно эпического пласта «Абрыскила», можно сказать, что образ Абрыскила предстает как своеобразное продолжение образа Сасрыкуа[1]. Яркое свидетельство тому – разделение прометеевской темы между этими двумя героями. По весьма точному определению Ш.Х. Салакая, «центральные мотивы мифа о Прометее – похищение огня и наказание героя – разрабатываются не в одном, а в двух памятниках эпической поэзии – в нартском эпосе и сказании об Абрскиле» [Салакая, 1976а, с. 43]. Мотив похищения (добывания) огня у адауы-великана – основной подвиг Сасрыкуа, а мотив наказания героя – основное сюжетное событие в образе Абрыскила. Однако следует отметить, что мотив наказания Абрыскила отнюдь не связан с похищением огня. Он возникает, как сказано выше, на основе других мифологических представлений.

Взаимовлияние нартского эпоса и кавказских сказаний о прикованных героях наблюдается и у других народов. В частности, в осетинской и грузинской эпических традициях исследователи [Абаев, 1932, с. 13–17; Абаев, 1982, с. 70; Чиковани, 1966, с. 15, 102, 181, 184–189; Мелетинский, 1963, с. 165, 201, 211–212, 229–230; Тменова, 1993, с. 207–219] выделяют ряд сходных мотивов и эпизодов. Часть из них, по их мнению, непосредственно перешли в грузинский «Амирани» из нартского эпоса осетин (например: борьба Амирани с великаном по типу «игр Сослана», выманивание младенца из воды, воспитание и вскармливание животными, закалка героя) или, наоборот, – из «Амирани» в нартский эпос (например: мотив богоборчества в нартском эпосе осетин, сватовство к красавице из летающей башни), а другая часть аналогий имеет типологический характер.

Примечательно, что если в абхазской эпической традиции образ Абрыскила перекликается с образом нартского героя Сасрыкуа, то в осетинской эпической традиции Амран имеет «значительное сходство с нартским богатырем Батрадзом. Оба они борются с богом: первый приковывается, второй погибает в этой неравной борьбе. Совершенно бесспорно, что богоборчество – наиболее активная координата, которая сближает эти два образа. Именно поэтому можно сравнивать этих героев. Именно потому, наверное, Амран также любим народом, как и нарт Батрадз, так похожи их рождение, воспитание…» [Тменова, 1993, с. 218]. «Рассказ о рождении и юности Амирана очень близок, почти тождествен рассказу о рождении и юности Батраза из нартовских сказаний» [Абаев, 1932, с. 16]. Отсюда видно, что кавказские предания прометеевского цикла (и в абхазской, и в осетинской традициях) находят параллели не с кем иным, как с центральными героями Нартиады – с Сасрыкуа (в абхазской версии эпоса) и Батразом (в осетинской версии эпоса).

По всей видимости, и возникновение мотива бессмертия Сослана/Сосруко, так ярко выраженного в нартском эпосе осетин и адыгов, связано с образом прикованного героя. Адыгский «Сосруко выступает порою в той же роли, что и истязаемый Старец, он также оказывается закованным в подземелье» [Шортанов, 1982, с. 139–140], откуда со стоном произносит:

Там, где небо синеет,
Где земля зеленеет,
Семь дней походить
Я свободно хочу.
Жить хочу,
Чтоб врагам отомстить,
Им вырвать глаза ненавистные.

[Талпа, 1936, с. 31]

Также к образу Сосруко иногда прикрепляется другой атрибут адыгского Старца (о его злой сущности):

«*Если вернется нарт Сосруко, иссякнет обилие земное*» [Талпа, 1936, с. 33]

Итак, сходство или близость структур абхазского нартского эпоса и эпоса об Абрыскиле выглядит неравномерно. Некоторые мотивы и эпизоды восходят к общему мифоэпическому наследию абхазо-адыгских народов. Часть повествовательных констант в Абрыскиле берет свое начало из нартских сказаний о Сасрыкуа. Значительно слабее проявляется обратное влияние образа Абрыскила на образ Сасрыкуа. Однако нельзя исключать и частичное совпадение сложения абхазских эпических сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле во времени и процессе.

Таким образом, мы видим, что абхазский эпос об Абрыскиле, типологически сходный с кавказскими сказаниями прометеевского

[1] Ср. характерное примечание сказителя: «*Абрыскил жил в Абхазии после нартов*» [Шинкуба, 1990, с. 288].

типа, органически связан как с древнейшими абхазскими верованиями и представлениями, так и с абхазской нартской традицией. По всей видимости, «Абрыскил», как эпический памятник (именно как эпический памятник), создан и оформлен сравнительно на более поздней ступени, чем архаические нартские сюжеты и мотивы о Сасрыкуа, но реминисценций из архаического мифа и эпоса в нем немало.

III. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ
записей абхазских эпических сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле

Пояснение

Данный Указатель, содержит основное число сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле, записанных с конца XIX в. по настоящее время. Указатель составлен по хронологическому принципу. Установка на исчерпывающий (а не выборочный) учет вариантов, наглядно выявила определенный круг мотивов и сюжетов, связанных с образами данных героев, частотность и популярность каждого эпического сюжета в устной традиции. По Указателю можно определить последовательность и время фиксации того или иного сказания.

Содержание приводимых сказаний выражено выделением их составных частей, мотивов или сюжетов. В случаях совпадения сказаний, дается отсылка ***см.*** *с указанием номера первого появления варианта в Указателе. Год записи (или публикации) текстов выделен абзацем и полужирным шрифтом, а их порядковые номера обозначены полужирным курсивом.*

1. Записи сказаний о Сасрыкуа

С 1870-х до начала 1920-х годов:

1873: ***1***. «Брат Сасрыкуа утопил его стадо в озере» (сходно с сюжетом предания об озере Рице) + «Сасрыкуа в ярости бросается в озеро и падает на луну» (этиологический мотив об отражении очертаний героя и его стада на луне – см. 168) – пересказ на рус. яз. [Иоакимов, 1873, №54].

1894: ***2.*** «Поминки по герою» – краткое изложение содержания (ср. AT 470) – на рус. яз. [Джанашвили, 1894, с. 33–34] .

1915: ***3***. «Проглатывание братьев-нартов старухой-ведьмой» + «Освобождение водного источника» [Зухба, 1967, с. 16–19].

1917: ***4.*** См. 2. (на рус. яз.) [Джанашиа, 1917, с. 156].

С 1920-х до начала 1960-х годов:

1921: ***5***. «Чудесное рождение из камня» + «Добывание огня» (в усеченной форме, без эпических «игр») + «Месть за предков – поединок на мосту» (сюжет, встречающийся и в эпосе и в сказке [AT

300В], обычно связанный с образом Щаруана) + «Перерезание ног» – по мотиву сказки «Слепой и безногий» [АТ 519] (братья-нарты хитростью перерезали ноги Сасрыкуа и бросили его в колодец, оттуда поднимает героя адауы-великанша) + «Встреча с великаном-пахарем» (сюжет, встречающийся и в эпосе и в сказке [АТ 650В]) + «Умыкание Гунды Прекрасной» (в усеченной форме) [Джанашиа, 1968, с. 189–193]. ***6.*** См. 2 [Джанашиа, 1968, с. 193–194].

1925: ***7.*** «Чудесное рождение из камня» (на рус. яз.) [Чурсин, 1957, с.215–216]. ***8.***«Встреча с великаном-пахарем» + «Добывание огня» (в усеченной форме – мотив вмерзания адауы-великана в озере) – на рус. яз. [Чурсин, 1957, с. 218–220]. ***9.*** «Чудесное рождение из камня» (в усеченной форме) + «Встреча с богатырем-всадником» (на рус. яз.) [Чурсин, 1957, с. 222 – 223]. ***10.*** «Песня о Сасрыкуа» (нотная запись) [Ковач, 1929, с. 32,70, № 76].

1928: ***11.*** «Чудесное рождение из камня» + «Добывание огня» [Джапуа, 2001а, с. 39–41, №21]. ***12.*** «Встреча с великаном-пахарем» [Джапуа, 2001а, с. 41–43, №22]. ***13.*** «Чудесное рождение из камня» + «Добывание огня» + «Гибель от камня» + «Уход в загробный мир» (ср. АТ 470, 530, 756 С) + Сказочный мотив – «приезд к Сасрыкуа с того света воскресшего и отомстившего за себя героя – Сасрыкуа следует за ним в загробный мир») [Джапуа, 2001а, с. 43–47, №23]. ***14.*** См. 2. [Джапуа, 2001а, с.47, №24]. ***15.*** «Путешествия Сасрыкуа и Амыхмыжца» [Джапуа, 2001а, с. 51–54, №28]. ***16.*** «Чудесное рождение из камня» (в усеченной форме) + «Встреча с всадниками и убийство змеи» + «Укрощение коня» [Джапуа, 2001а, с. 55–56, №30]. ***17.*** «Приезд к ацанам-карликам» [Джапуа, 2001а, с. 57–48, №31]. ***18.*** «Рассказ о Сасрыкуа» (своеобразное скрещение нескольких мотивов) [Джапуа, 2001а, с. 58, №32].

1935: ***19.*** См. 7 [Аншба, Чанба, 1973, с. 59–61].

1939: ***20.*** См. 11 (укрощение коня) [Инал-ипа, 1986, с. 85–87]. ***21.*** «Оживление жены (суженой) с помощью травинки или листа» (ср. АТ 612) [Гулиа, 1996, с.7]. ***22.*** См. 2 [Шакрыл, 1968, с. 22–25]. ***23.*** См. 7 [Инал-ипа, 1986, с.92]. ***24.*** См. 7 (укрощение коня) [Книга, текст № 519]. ***25.*** См. 11 [Книга, текст № 520]. ***26.*** См. 21 [Инал-ипа, 1986, с. 91].

1945: ***27.*** См.9 [Джапуа, 1995б, с. 128, № 42]. ***28.*** «Гибель от камня» [Джапуа, 1995б, с. 112, № 10.1 (46б)].

1946: ***29.*** См. 7 [Шинкуба, 1990, с. 255]. ***30.*** См.7 (богатырское детство, укрощение коня) [Шинкуба, 1990, с. 119–124]. ***31.*** См. 11 [Джапуа, 1995б, с. 125, № 34 (23б)]. ***32.*** «Чудесное рождение из камня» + «Добывание огня» (чудесное оживление и умерщвление адауы-великана) [Шинкуба, 1990, с.157–159]. ***33.*** «Чудесное рождение из камня» (в усеченной форме) + «Добывание огня» + «Гибель героя» (в схватке с противниками) [Шинкуба, 1990, с. 137–138]. ***34.*** «Чудесное рождение из камня» + «Добывание огня» + «Смерть Сасрыкуа» [Шинкуба, 1990, с.117–119]. ***35.*** «Чудесное рождение из камня» + «Перерезание ног» [Шинкуба, 1990, с.219–221]. ***36.*** «Приручение дикого коня» [Шинкуба, 1990, с.155–156]. ***37.*** См. 36 [Шинкуба, 1990, с. 256–257]. ***38.*** «Добывание огня» [Книга, текст № 522]. ***39.*** См. 38 [Книга, текст № 523]. ***40.*** См. 38 [Шинкуба, 1990, с. 124–126]. ***41.*** См. 38 [Шинкуба, 1990, с. 127–135]. ***42.*** См. 38 [Шинкуба, 1990, с. 256]. ***43.*** «Добывание огня» («игры» Сасрыкуа) + «Встреча с богатырем-всадником» [Шинкуба, 1990, с. 190–193]. ***44.*** «Встреча с богатырем-всадником» [Шинкуба, 1990, с.185–190]. ***45.*** См. 44 [Шинкуба, 193–194]. ***46.*** См. 12 [Шинкуба, 1990, с.138–139]. ***47.*** См. 12 [Шинкуба, 1990, с.194–198]. ***48.*** См. 12 [Шинкуба, 1990, с.255–256]. ***49.*** «Встреча с ацаном-карликом – женитьба на его сестре» [Шинкуба, 1990, с. 257]. ***50.*** См. 49. [Шинкуба, 1990, с. 258–259]. ***51.*** «Встреча с ацаном-карликом – женитьба на его сестре» + «Чудеса по пути к родителям жены» [Инал-ипа, 1986, с. 97]. ***52.*** «Спор нартов – Сасрыкуа в гневе разбивает винный кувшин нартов» [Книга, текст № 524]. ***53.*** См. 52 [Шинкуба, 1990, с. 265–266]. ***54.*** «Выведывание местонахождения души героя и его коня» [Шакрыл, 1989, с. 279–281]. ***55.*** «Чудеса по пути к родителям жены» [Шинкуба, 1990, с. 261–262]. ***56.*** См. 2 (на рус.яз.) [Смирнова, 1949, с. 410]. ***57.*** См. 2 [Шинкуба, 1990, с. 221–222]. ***58.*** См. 2 [Шинкуба, 1990, с. 268–269]. ***59.*** «Чудесное рождение из камня» + «Гибель от камня» [Инал-ипа, 1986, с. 98]. ***60.*** См. 17 (контаминация разных сказочных мотивов) [Шинкуба, 1990, с. 139–142]. ***61.*** См. 52 [Книга, текст № 525]. ***62.*** См. 2 [Книга, текст № 526].

1948: ***63.*** См. 7 [Шинкуба, 1990, с. 257–258]. ***64.*** См. 13 [Шинкуба, 1990, с. 148–153]. ***65.*** «Чудесное рождение из камня» + «Посещение подземного мира» (из глубины реки поднимает героя богатырский конь) + «Смерть Сасрыкуа – уход от братьев-нартов» [Шинкуба, 1990, с.135–137]. ***66.*** «Чудесное рождение из камня» +«Умыкание Гунды Прекрасной» [Шинкуба, 1990, с. 223–224]. ***67.*** См. 66. (поединок Нарджхьоу и Сасрыкуа) [Шинкуба, 1990, с. 226–227]. ***68.*** См. 36 [Инал-ипа, 1986, с. 92]. ***69.*** См. 38 [Джапуа, 1995б, с. 132, № 61(17а)]. ***70.*** См. 38. [Шинкуба, 1990, с.115–117]. ***71.*** См. 38 [Шинкуба, 1990, с.126–127]. ***72.*** «Добывание огня» (в усеченной и переиначенной

форме) + «Умыкание Гунды Прекрасной – поединок Нарджхьоу и Сасрыкуа» [Шинкуба, 1990, с. 227–228]. *73*. «Освобождение водного источника» [Джапуа, 1995б, с.101, № 3 (38б)]. *74*. «Проглатывание братьев-нартов старухой-ведьмой» [Шинкуба, 1990, с.176–185]. *75*. См. 12 [Шинкуба, 1990, с.153–154]. *76*. См. 49 [Шинкуба, 1990, с.258]. *77*. «Роковая смерть младенца» [Шинкуба, 1990, с.200–204]. *78*. «Освещение пути свечением мизинца» [Шинкуба, 1990, с.142–144]. *79*. См. 78 [Шинкуба, 1990, с.144–148]. *80*. См. 28 [Шинкуба, 1990, с. 31–38]. *81*. «Уход в загробный мир» [Шинкуба, 1990, с.199–200]. *82*. См.54 [Шинкуба, 1990, с. 216–219]. *83*. См. 55 [Шинкуба, 1990, с. 211–215]. *84*. «Заклятия на собак и волков» [Шинкуба, 1990, с.266]. *85*. См. 84 [Инал-ипа, 1986, с. 93].

1949: *86*. См. 7 [Книга, текст № 527]. *87*. См. 38 (сбивание звезды) [Джапуа, 1995б, с. 100, № 2 (11а)]. *88*. См. 38 (сбивание звезды) [Шинкуба, 1990, с. 156–157] *89*. См. 73 [Шинкуба, 1990, с.169–176]. *90*. «Встреча с великаном-пахарем» + «Умыкание Гунды Прекрасной» + «Встреча с ацаном-карликом – женитьба на его сестре» [Джапуа, 1995б, с. 130, № 51]. *91*. «Героическое сватовство» [Джапуа, 1995б, с. 155 № 4.1. (15в)]. *92*. См. 91 [Шинкуба, 1990, с. 204–211]. *93*. См. 77 [Шинкуба, 1990, с. 259–260]. *94*. См. 78 [Шинкуба, 1990, с.26–29]. **95**. См. 49 [Шакрыл, 1989, с. 78]. *96*. «Чудеса по пути к родителям жены» + «Завладение крепостью» (мотив выстрела из пушки) [Джапуа, 1995б, с. 134, № 66]. *97*. См.28 [Шинкуба, 1990, с.261].

1950: *98*. «Завладение крепостью» [Джапуа, 1995б, с. 107, № 8 (17б)].

1954: *99*. См. 38 [Циколия, 1969, с. 81–83]. *100*. См. 98 [Джапуа, 1995б, с. 107, № 8 (69б)].

1955: *101* См. 7 [Бжания, 1973, с. 288–289]. *102*. См. 7 [Бжания, 1973, с. 292]. *103*. См. 11 [Бжания, 1973, с. 282]. *104*. «Чудесное рождение из камня» + «Спор нартов – Сасрыкуа в гневе разбивает винный кувшин нартов» [Бжания, 1973, с. 284]. *105*. «Как Сасрыкуа вырастил араща – богатырского коня» [Бжания, 1973, с. 285–286]. *106*. См. 44 [Бжания, 1973, с. 285]. *107*. См. 44 [Бжания, 1973, с. 287–288]. *108*. См. 12 [Бжания, 1973, с. 287]. *109*. См. 12 [Бжания, 1973, с. 292–293]. *110*. См. 54 [Бжания, 1973, с. 282–283]. *111*. См. 81 [Бжания, 1973, с. 283–284]. *112*. См. 55 [Бжания, 1973, с. 290–291]. *113*. См. 84 [Бжания, 1973, с. 288]. *114*. «Гибель от камня» + «Приезд к нартам потомка Малхызовых» [Бжания, 1973, с. 289–290].

1958: *115*. См. 38 [Салакая, 2003, с.29–31, №5]. *116*. См. 12 [Салакая, 2003, с.53–54, №13].

1959: *117*. См. 11 [Джапуа, 1995б, с. 125, № 34 (41)]. *118*. См. 72 [Шакрыл, 1989, с. 18–22].

С 1960-х годов до настоящего времени:

1960: *119*. См. 2 [Книга, текст № 528].

1962: *120*. См. 11 [Салакая, 2003, с.28–29, №4]. *121*. См. 38 [Салакая, 1976а, с.176–179].

1963: *122*. «Чудесное рождение из камня» + «Гибель от камня» + «Уход в загробный мир» [Шакрыл, 1989, с. 24–28]. *123*. См. 38 [Джапуа, 1995б, с. 100, № 2(8а)]. *124*. «Добывание огня» (в усеченной форме) + «Нападение на адауы-великанов» + «Спор нартов – Сасрыкуа в гневе разбивает винный кувшин нартов» + «Гибель от камня» [Шакрыл, 1989, с. 203–209]. *125*. См. 73 [Джапуа, 1995б, с.101, № 3(58а)]. *126*. См. 44 [Джапуа, 1995а, с.116, №298]. *127*. См. 12 [Джапуа, 1995б, с. 105–106, № 6.1 (1)]. *128*. «Заклинание болезни малярии» (сказочный сюжет) [Шакрыл, 1989, с. 8–10]. *129*. См. 128. [Джапуа, 1995а, с. 126–127, №304]. *130*. Сказочный сюжет – «покаяние пустынника» (АТ 756С)+ «Гибель от камня» + «Уход в загробный мир» [Книга, текст № 529]. *131*. См. 55 [Джапуа, 1995б, с. 112–113, № 10.3(8б)]. *132*. См. 2 [Джапуа, 1995б, с. 115, № 11(8в)].

1965:*133*. «Истребление адауы-великанов» [Джапуа, 1995б, с. 116–117, №14.1 (17в)]. *134*. См. 98 [Салакая, 2003, с.36–37, №8]. *135*. «Героическое сватовство» + «Умыкание Гунды Прекрасной» + «Гибель от камня» [Салакая, 2003, с.39–49, №10]. *136*. См. 55 [Книга, текст № 530].

1968: *137*. См. 7 [Джапуа, 1995а, с. 99, №287]. *138*. «Чудесное рождение из камня» + новеллистический сюжет – «герой сватает дочь царя» + «Гибель Сасрыкуа» (по форме сказания об Абрыскиле) [Джапуа, 1995б, с. 138, №77]. *139*. «Изготовление меча из необычного железа» [Цвижба, 1972, с.4]. *140*. «Добывание огня» + «Освобождение водного источника» [Джапуа, 1995б, с.134, № 65]. *141*. «Добывание огня» (с мотивами мифологического предания об убийстве адауы-великана) + «Уничтожение агулщапа-дракона» [Книга, текст № 531]. *142*. См. 73 [Джапуа, 1995а, с. 110–111, №291]. *143*. «Героическое сватовство» + «Роковая смерть младенца» [Шакрыл, 1970, с. 13–17].

1969: *144*. См. 7 [Джапуа, 1995а, с. 98–99, №286]. *145*. См. 7 (в переводе на рус. яз.) [Салакая, 1976а, с. 171–173]. *146*. См. 7 [Сала-

кая, 2003, с.22–23, №1]. ***147.*** См. 7 [Салакая, 2003, с.24, №2]. ***148.*** См. 7 [Смыр, 1971, с.76]. ***149.*** См. 11 [Джапуа, 1995б, с. 125, № 34 (21а)]. ***150***. «Чудесное рождение из камня» + «Добывание огня» + «Встреча с богатырем-всадником» [Джапуа, 1995б, с. 126, № 36]. ***151***. «Чудесное рождение из камня» + «Добывание огня» (в усеченной форме) + «Поминки по герою» [Шакрыл, 1989, с. 79–81]. ***152***. «Чудесное рождение из камня» + «Встреча с великаном-пахарем» + «Умыкание Гунды Прекрасной» [Джапуа, 1995б, с.127, № 40]. ***153***. См. 122 [Джапуа, 1995а, с. 106–110, №290]. ***154***. См. 38 [Салакая, 2003, с.31–38, №6]. ***155***. См. 36 [Джапуа, 1995б, с. 120, № 18 (60г)]. ***156***. См. 73 (в переводе на рус.яз.) [Салакая, 1976а, с.206–211]. ***157***. См. 73 [Джапуа, 1995б, с. 101, №3 (21б)]. ***158.*** См. 73 [Джапуа, 1995б, с. 101, №3 (60в)]. ***159***. См. 12 [Джапуа, 1995б, с.105–106, № 6.1(46г)]. ***160.*** См. 12 [Салакая, 2002, с.51–53, №12]. ***161***. См. 49 [Джапуа, 1995а, с. 115, №296]. ***162***. См. 91 [Джапуа, 1995б, с. 102, № 4.1.(60б)]. ***163***. См. 77 [Аншба, Чанба, 1973, с.57]. ***164***. «Как Сасрыкуа сбил шесть звезд» [Смыр, 1971, с. 76–77]. ***165***. «Борьба с иноземцами» [Джапуа, 1995б, с. 117, № 14.2(53б)]. ***166***. «Приезд к нартам потомка Малхызовых» + «Чудеса по пути к родителям жены» [Джапуа, 1995а, с. 123–126, №303]. ***167***. «Гибель от камня» + «Освещение пути свечением мизинца» [Джапуа, 1995б, с.132, № 59]. ***168***. «Уход на луну» (см. 1)[Смыр, 1971, с.77]. ***169***. См. 2 [Салакая, 2003, с.95–97, №32].

1970: ***170***. «Чудесное рождение из камня» (богатырское детство, укрощение коня) + «Добывание огня» (в усеченной форме) + «Гибель от камня» [Книга, текст № 532]. ***171***. См. 38 [Джапуа, 1995б, с. 100, № 2(10)]. ***172***. См. 73 [Джапуа, 1995б, с. 101, № 3(48в)]. ***173***. См 73 (убийство двух чудовищ) [Салакая, 1976а, с. 195–197 (в переводе на рус. яз.)]. ***174***. «Встреча с ацаном-карликом – женитьба на его сестре» + «Роковая смерть младенца» [Джапуа, 1995б, с. 131, № 55]. ***175***. См. 28 [Джапуа, 1995б, с. 112, № 10.1(48б)].

1971:*176.* См. 11 [Салакая, 1976а, с. 174–176 (в переводе на рус. яз.)]. ***177.*** См. 11 [Джапуа, 1995б, с. 135, № 71]. ***178.*** См. 11 [Джапуа, 1995а, с. 528–529, №708]. ***179.*** См. 11 [Джапуа, 1995а, с.529, № 709]. ***180.*** См. 11 [Гожба, 1989, с. 83–84]. ***181***. См. 38 [Джапуа, 1995б, с.100, № 2(29а)]. ***182.*** См. 38 [Джапуа, 1995б, с.100, № 2 (36)]. ***183***. «Чудесное рождение из камня» + «Встреча с великаном-пахарем» [Джапуа, 1995а, с. 529, № 713]. ***184***. См. 73 [Джапуа, 1995б, с.101, № 3(29б)]. ***185***. «Завладение крепостью» + «Роковая смерть младенца» [Джапуа, 1995б, с.129, № 46]. ***186***. См. 55 [Джапуа, 1995б, с.112–113, № 10.3(24а)]. **187**. См. 2 [Джапуа, 1995б, с.115, № 11(29г)].

1972:*188.* См. 73 [Джапуа 1995б, с. 101, № 3 (51а)]. ***189***. См. 165 [Книга, текст № 493].

1973:*190.* См. 11 [Джапуа, 1995б, с. 125, № 34(31б)]. ***191***. «Чудесное рождение из камня» + «Добывание огня» + «Завладение крепостью» + «Добывание огня» [Книга, текст № 171]. ***192***. См. 170 [Джапуа, 1995а, с.99–105, №288]. ***193***. «Добывание огня» + «Посещение подземного мира» (в усеченной форме) [Книга, текст № 533]. ***194***. См. 44 [Джапуа, 1995б, с. 105–106, № 6.2(44)]. ***195***. «Приезд к нартам потомка Малхызовых» + «Гибель от камня» [Джапуа, 1995б, с. 131–132, № 57].

1974:*196.* См. 73 [Джапуа, 1995б, с. 101, № 3(4)]. ***197.*** См. 73 [Джапуа, 1995б, с. 101, № 3(71в)]. ***198***. См. 91 [Джапуа, 1995б, с. 134–135, № 68]. ***199***. См. 134 [Джапуа, 1995б, с. 116–117, № 14.1 (3а)]. ***200.*** См. 134 [Джапуа, 1995б, с. 116–117, № 14.1 (18б)]. ***201.*** См. 134 [Джапуа, 1995б, с. 116–117, № 14.1 (71а)]. ***202***. См. 44 [Джапуа, 1995б, с. 106, № 6.2(18в)]. ***203***. «Хвалебный рассказ о Сасрыкуа» [Джапуа, 1995б, с. 124, № 31 (14)]. ***204.*** См. 203 [Джапуа, 1995б, с. 124, № 31 (19)]. ***205***. См. 98 [Джапуа, 1995б, с. 107, № 8 (71д)]. ***206***. «Месть за предков и героические путешествия – умыкание красавицы» [Джапуа, 1995б, с. 111, № 9 (3б)].

1975:*207*. См. 7 [Джапуа, 1995б, с. 99, №1(7)]. ***208***. См. 38 [Джапуа, 1995б, с.100, № 2(27а)]. ***209.*** См. 38 [Джапуа, 1995б, с.100, № 2(70)]. ***210.*** См. 38 [Зухба, Хеция, 1976, с. 76–78]. ***211***. См. 98 [Джапуа, 1995б, с. 107, № 8 (6)]. ***212.*** См. 98 [Джапуа, 1995б, с. 107, № 8 (9)]. ***213***. См. 165 [Джапуа, 1995б, с. 117, № 14.2 (27б)]. ***214***. «Борьба с иноземцами» + «Встреча с великаном-пахарем» [Зухба, Хеция, 1976, с.74–76]. ***215.*** См. 2 [Джапуа, 1995а, с. 127–128, №305].

1976: ***216.*** «Чудесное рождение из камня» + «Добывание огня» (спасение братьев-нартов) + «Умыкание Гунды Прекрасной» [Аршба, 1979, с. 101–103]. ***217***. См. 170 [Книга, текст № 534].

1980: ***218***. См. 7 (героическое детство) [Звукозапись В.А. Чирикбы. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***219***. См. 38 [Звукозапись В.А. Чирикбы. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***220***. См. 11 [Джапуа, 1995а, с. 105–106, №289]. ***221***. «Встреча с великаном-пахарем» + «Истребление адауы-великанов» [Гожба, 1989, с. 84–86].

1981: ***222.*** См. 7 [Книга, текст № 535]. ***223***. См. 134 [Гожба, 1989, с. 86–87]. ***224***. «Хвалебная песня о Сасрыкуа» [Книга, текст № 536].

1982: ***225***. См. 11 (сбивание звезды) [Гожба, 1991, с.183–184]. ***226***. «Чудесное рождение из камня» + «Спасение братьев-нартов от агулщапа-дракона» + «Гибель Сасрыкуа» (из глубокой пропасти поднимает его богатырский конь) [Книга, текст № 92]. ***227***. См. 12 [Гожба, 1989, с. 91]. ***228***. См. 224 [Джапуа, 1995б, с. 124, № 31 (82 а)]. ***229***. См. 224 [Джапуа, 1995б, с. 124, № 31 (82 б)]. ***230***. См.224 [Джапуа, 1995б, с. 124, № 31 (82 в)]. ***231***. См. 224 [Джапуа, 1995б, с. 124, № 31 (82 г)]. ***232***. См. 81 [Книга, текст № 126].

1983: ***233***. См. 28 [Книга, текст № 537].

1984: ***234*** См. 224 [Джапуа, 1995б, с.124, № 31(82д)].

1985: ***235***. «Добывание огня» + «Встреча с ацаном-карликом – рождение Цвыцва» + «Завладение крепостью и спор братьев-нартов» [Ачба, 1987, с. 103–107].

1986: ***236***. См. 7 [Книга, текст № 538]. ***237***. См. 11 [Звукозапись З.Д.Джапуа от Ц. Ферзбы(Адлейбы). Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***238***. См. 11 [Звукозапись З.Д.Джапуа от Ц. Ферзбы(Адлейбы). Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***239***. См. 11 [Звукозапись З.Д.Джапуа от Ц. Ферзбы(Адлейбы). Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***240***. См. 11 [Звукозапись З.Д.Джапуа от Ц. Ферзбы(Адлейбы). Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***241***. См. 139 [Ачба, 1987, с. 109]. ***242***. См. 28 [Книга, текст № 539]. ***243***. См. 2 [Ачба, 1987, с. 107–108].

1987: ***244***. См.7 [Книга, текст № 540]. ***245***. См. 11 [Книга, текст № 159]. ***246***. См. 11 [Книга, текст № 165]. ***247***. См. 11 [Звукозапись З.Д.Джапуа от Ц. Ферзбы(Адлейбы). Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***248***. См. 11 [Звукозапись З. Д. Джапуа от Ц. Ферзбы(Адлейбы). Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***249***. См. 11 [Звукозапись З. Д. Джапуа от Ц. Ферзбы(Адлейбы). Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***250***. «Чудесное рождение из камня» + «Добывание огня» + «Освобождение водного источника» + «Гибель от камня» + Сказание об Абрыскиле [Книга, текст № 166]. ***251***. «Чудесное рождение из камня» + «Встреча с великаном-пахарем» + «Добывание огня» + «Умыкание Гунды Прекрасной» + «Посещение подземного мира» (в усеченной форме) + «Поминки по герою» [Книга, текст № 541]. ***252***. См. 139 [Книга, текст № 542]. ***253***. См. 38 [Звукозапись З.Д. Джапуа от Х. Джапуа. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***254***. «Героическое сватовство» + «Умыкание Гунды Прекрасной» [Книга, текст № 167]. ***255*** См. 12 [Книга, текст № 156]. ***256***. См. 12 [Книга, текст № 543]. ***257***. См. 12 [Книга, текст № 544].

258. См. 28 [Книга, текст № 163]. ***259***. См. 28 [Книга, текст № 545]. ***260***. См. 55 [Книга, текст № 161].

1988:*261.* «Спасение братьев-нартов от агулщапов-драконов» [Гожба, 1991, с. 173–174]. ***262***. «Рассказ о Сасрыкуа» [Гожба, 1991, с. 172–173].

1989:*263.* См. 11 [Книга, текст № 405]. ***264***. См. 11 [Книга, текст № 450]. ***265***. «Чудесное рождение из камня» + «Добывание огня» (в усеченной форме) + «Умыкание Гунды Прекрасной» (поединок) [Книга, текст № 414]. ***266***. См. 265 [Книга, текст № 432]. ***267***. См. 11 (спасение братьев-нартов) [Книга, текст № 389]. ***268***. «Чудесное рождение из камня» + «Спасение братьев-нартов» + «Спор нартов» [Книга, текст № 443]. ***269***. См. 12 [Когониа, 1991, с. 170–171]. ***270***. «Умыкание Гунды Прекрасной» + «Поединок Сасрыкуа и Хважварпыса» + «Встреча с адауы-великаном» («игры» Сасрыкуа) + «Спор нартов – Сасрыкуа в гневе разбивает винный кувшин нартов» [Книга, текст № 451].

1990:*271.* См. 7 [Книга, текст №546]. ***272***. См. 11 [Книга, текст № 547]. ***273***. См. 11 [Звукозапись З.Д. Джапуа от Д. Гындиа. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***274***. См 11 (спасение братьев-нартов) [Звукозапись З.Д. Джапуа от Я. Амкуаба. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***275***. «Чудесное рождение из камня» + «Спасение братьев-нартов от холода» + «Встреча с Нарчхьоу и путешествие с ним» [Звукозапись З.Д. Джапуа от М. Ламиа. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***276***. См. 38 [Звукозапись З.Д. Джапуа от Л. Чытанаа. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***277***. См. 3 [Звукозапись З.Д.Джапуа от Л. Джапуа. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***278***. «Героическое сватовство» + «Чудеса по пути к родителям жены» + «Роковая смерть младенца» [Книга, текст № 548]. ***279***. «Гибель от камня» + «Поминки по герою» [Книга, текст № 549].

1991:*280.* См.11 [Книга, текст № 550]. ***281***. См. 11 [Звукозапись З.Д. Джапуа от Ч. Цвижбы. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***282***. См. 139 [Звукозапись З.Д.Джапуа от Ч. Цвижбы. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***283***. «Умыкание Гунды Прекрасной» + «Спасение братьев-нартов – сбивание звезды» [Книга, текст № 551]. ***284***. См. 283 (сбивание звезды) [Когониа, 1991, с. 171]. ***285***. См. 12 [Звукозапись З.Д. Джапуа от Ш. Хынтбы. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***286***. См. 28 [Книга, текст № 552].

1993:*287.* См. 7 [Звукозапись З.Д. Джапуа от С. Цушбы. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***288.*** См. 11 (сбивание звезды) [Звукозапись З.Д.Джапуа от В. Бигуаа. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***289.*** «Чудесное рождение из камня» + «Спасение братьев-нартов от гибели – вызволение из глубокой пропасти» [Звукозапись З.Д. Джапуа от Щ. Сымсыма. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***290.*** «Чудесное рождение из камня» + «Встреча с великаном-пахарем» [Звукозапись З.Д. Джапуа от А. Авидзбы. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***291.*** См. 28 (борьба с колесом) [Звукозапись З.Д. Джапуа от А. Авидзбы. Текст хранится в личном архиве собирателя].

1995:*292.* См. 11 [Книга, текст № 293]. ***293.*** См. 28 [Книга, текст № 294]. ***294.*** См. 7 [Звукозапись З.Д. Джапуа от Р. Даутиа. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***295.*** См. 7 (героическое детство, укрощение араща – богатырского коня) [Звукозапись З.Д.Джапуа от Л. Дзапщбы. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***296.*** См. 7 [Звукозапись З.Д. Джапуа от К. Гуарамиа. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***297.*** См. 38 «Добывание огня» [Звукозапись З.Д. Джапуа от Л. Дзапщбы. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***298.*** См. 38 (вмерзание адауы-великана в море) [Звукозапись З.Д. Джапуа от Р. Даутиа. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***299.*** См. 73 [Звукозапись З.Д. Джапуа от Р. Даутиа. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***300.*** См. 12 [Звукозапись З.Д. Джапуа от Л. Дзапщбы. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***301.*** См. 91 [Звукозапись З.Д. Джапуа от Л. Дзапщбы. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***302.*** См. 77 [Звукозапись З.Д.Джапуа от Л. Дзапщбы. Текст хранится в личном архиве собирателя] ***303.*** «Гибель от камня» (преследование) + «Богатырское детство» + «Гибель от камня» (преследование) + «Освобождение водного источника» [Звукозапись З.Д.Джапуа от Л. Дзапщбы. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***304.*** «Завладение крепостью» + «Гибель от камня» + Сказание об Абрыскиле [Звукозапись З.Д.Джапуа от Л. Дзапщбы. Текст хранится в личном архиве собирателя].

1997:*305.* См 11 (героическое детство, укрощение араща – богатырского коня) [Звукозапись З.Д.Джапуа от Л. Джапуа. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***306.*** См. 11 (спасение братьев-нартов – сбивание звезды) [Книга, текст № 238] ***307.*** См. 7 [Звукозапись З.Д.Джапуа от Ш. Адлейбы. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***308.*** См. 73 [Звукозапись З.Д.Джапуа от Л. Джапуа. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***309.*** «Героическое сва-

товство» + «Чудеса по пути к родителям жены» + «Бой с противниками» + «Приручение дикого коня» + «Роковая смерть младенца» [Звукозапись З.Д.Джапуа от Л. Джапуа. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***310.*** «Проглатывание братьев-нартов старухой-ведьмой» + «Перерезание ног» [Звукозапись З.Д.Джапуа от Л. Джапуа. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***311.*** См. 28 [Звукозапись З.Д.Джапуа от Л. Джапуа. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***312.*** См. 2 [Звукозапись З.Д.Джапуа от Л. Джапуа. Текст хранится в личном архиве собирателя].

1998:*313.* См. 7 [Звукозапись З.Д.Джапуа от М. Ламиа. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***314.*** См. 7 [Книга, текст № 553]. ***315.*** См. 11 (богатырское детство, укрощение коня) [Книга, текст № 125]. ***316.*** См. 11 [Книга, текст № 554]. ***317.*** См. 11 (спасение братьев-нартов от холода – сбивание звезды) [Звукозапись З.Д.Джапуа от Ч. Цвижбы. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***318.*** См.11 (спасение братьев-нартов от холода – сбивание звезды) [Звукозапись З.Д.Джапуа от Ч. Цвижбы. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***319.*** «Чудесное рождение из камня» + («Спасение братьев-нартов – сбивание звезды») + «Умыкание Гунды Прекрасной» + «Гибель от камня» [Звукозапись З.Д.Джапуа от Щ. Ахибы. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***320.*** «Чудесное рождение из камня» + «Добывание огня» + «Освобождение водного источника» [Книга, текст №555]. ***321.*** См. 139 [Звукозапись З.Д.Джапуа от Ч. Цвижбы. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***322.*** См. 139 [Звукозапись З.Д.Джапуа от Ч. Цвижбы. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***323.*** «Добывание огня» (элементы мифа о всемирном потопе) [Книга, текст № 127]. ***324.*** См. 28 [Книга, текст №556]. ***325.*** «Гибель от камня» (преследование) + «Спор нартов – Сасрыкуа в гневе разбивает винный кувшин нартов» [Звукозапись З.Д. Джапуа от Н. Шларбы. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***326.*** См. 2 [Звукозапись З.Д.Джапуа от Н. Шларбы. Текст хранится в личном архиве собирателя].

1999: *327.* См. 7 [Книга, текст №557. Фонотека, к. №1Б/9].

2. Записи сказаний об Абрыскиле

С 1870-х до начала 1920-х годов:

1873:*328.* «Героические деяния (или образ жизни) героя» (борьба против рыжих людей с голубыми глазами и представителей некоторых родов, а также против сорняков – папоротников, колючек и виноградных лоз) + «Погоня ангелов за героем, его поимка и заточение в пещеру» (пересказ на рус.яз.) [Иоакимов, 1873, №66]. ***329.*** «Погоня ангелов за героем, его поимка и заточение в пещеру» (в форме состязательной борьбы) – пересказ на рус.яз. [Иоакимов, 1873, №66].

1881:*330.* См. 328 (пересказ на рус.яз.) [Лихачев, 1887, с.245–246].

1883:*331.* «Погоня ангелов за героем, его поимка и заточение в пещеру» (в усеченной форме) + «Попытка освобождения героя из заточения» (пересказ на рус. яз.) [Миллер, 1998, с.458–459].

1888:*332.* «Чудесное рождение героя» + «Героические деяния (или образ жизни) героя» (борьба против рыжих людей с голубыми глазами и представителей некоторых родов, а также против сорняков – папоротников, колючек и виноградных лоз; защита своего народа от иноземных врагов) + «Погоня ангелов за героем, его поимка и заточение в пещеру» + «Попытка освобождения героя из заточения» (на рус.яз.) [Гарцкия, 1892, с.34–38].

1898:*333.* См. 332 (на груз.яз.) [Чиковани, 1966, с.309–311].

1903:*334.* «Чудесное рождение героя» (встреча демона с красавицей) + «Героические деяния (или образ жизни) героя» (защита своего народа от иноземных врагов) + «Погоня ангелов за героем, его поимка и заточение в пещеру» (литературно обработанный текст на рус.яз.) [Жаннерэ, 1903, с.6].

1907:*335.* «Чудесное рождение героя» (зачатие от сожженного в пепел черепа) + «Героические деяния (или образ жизни) героя» (борьба против рыжих людей с голубыми глазами и представителей некоторых родов, а также против сорняков – папоротников, колючек и виноградных лоз; убийство змея; защита своего народа от иноземных врагов) + «Укрощение коня» (добывание жеребенка от морской кобылы) + «Погоня ангелов за героем, его поимка и заточение в пещеру» + «Попытка освобождения героя из заточения» (литературно обработанный текст на рус.яз.) [Гатцук, 1907, с.253–263].

1913:*336.* См. 332 (на рус.яз.) [Горбунов, 1913, с.9–20].

С 1920-х до начала 1960-х годов:

1925:*337.* См.328 (пересказ на рус.яз.) [Чурсин, 1957, с.243–244].

1928:*338.* Сочетание необычных для «Абрыскила» мотивов и эпизодов (о встрече с адауы-великаном и т.п.) + «Погоня ангелов за героем, его поимка и заточение в пещеру» (в усеченной форме) [Джапуа, 2001а, с.59–60, №34].

1946:*339.* «Героические деяния (или образ жизни) героя» (извержение грома и молнии; борьба против рыжих людей с голубыми глазами и представителей некоторых родов, а также против сорняков – папоротников, колючек и виноградных лоз) + «Погоня ангелов за героем, его поимка и заточение в пещеру» + «Попытка освобождения героя» [Шакрыл, 1989, с.108–110]. ***340.*** «Героические деяния (или образ жизни) героя» (рассечение большого камня) [Шакрыл, 1989, с.110]. ***341.*** См. 339 [Шинкуба, 1990, с.282–283]. ***342.*** «Героические деяния (или образ жизни) героя» (борьба против рыжих людей с голубыми глазами и представителей некоторых родов, а также против сорняков – папоротников, колючек и виноградных лоз – в усеченной форме) + «Погоня ангелов за героем, его поимка и заточение в пещеру» (Бог окружает Абрыскила пламенем, исходящим от грома и молнии, и ангелы схватывают его) + «Попытка освобождения героя» [Шинкуба, 1990, с.283–284]. ***343.*** См. 339 [Шинкуба, 1990, с.284–285]. ***344.*** «Погоня ангелов за героем, его поимка и заточение в пещеру» [Шинкуба, 1990, с. 284]. ***345.*** См. 328 [Шинкуба, 1990, с.285–286]. ***346.*** См. 339 [Шинкуба, 1990, с.286–287]. ***347.*** «Героические деяния (или образ жизни) героя» (борьба против рыжих людей с голубыми глазами и представителей некоторых родов, а также против сорняков – папоротников, колючек и виноградных лоз) + «Погоня ангелов за героем, его поимка и заточение в пещеру» (герой сам заходит в пещеру, чтобы скрыться от своих преследователей) – в усеченной форме [Шинкуба, 1990, с.287]. ***348.*** «Героические деяния (или образ жизни) героя» (борьба против рыжих людей с голубыми глазами и представителей некоторых родов, а также против сорняков – папоротников, колючек и виноградных лоз) [Шинкуба, 1990, с.287]. ***349.*** См. 344 [Шинкуба, 1990, с.288]. ***350.*** «Попытка освобождения героя» [Шинкуба, 1990, с.288–289]. ***351.*** «Героические деяния (или образ жизни) героя» (борьба против рыжих людей с голубыми глазами и представителей некоторых родов, а также против сорняков – папоротников, колючек и виноградных лоз; защита своего народа от иноземных врагов) + «Погоня ангелов за героем, его поимка и заточение в пещеру» + «Попытка освобождения героя» [Шинкуба,

1990, с.289–291]. ***352***. «Героические деяния (или образ жизни) героя» (борьба против рыжих людей с голубыми глазами и представителей некоторых родов, а также против сорняков – папоротников, колючек и виноградных лоз; защита своего народа от иноземных врагов) + «Погоня ангелов за героем, его поимка и заточение в пещеру» (герой сам заходит в пещеру, чтобы скрыться от своих преследователей) + «Попытка освобождения героя» (люди заходят в пещеру с целью уничтожения героя) [Шинкуба, 1990, с.291–292]. ***353***. См. 351 [Шинкуба, 1990, с.292]. ***354***. См. 328 [Шинкуба, 1990, с.293]. ***355***. См. 339 [Шинкуба, 1990, с.293–294].

1948:*356.* См. 339 [Шинкуба, 1990, с.294–295]. ***357***. См. 339 [Шинкуба, 1990, с.296–297]. ***358***. См. 339 [Шинкуба, 1990, с.297–298]. ***359***. «Героические деяния (или образ жизни) героя» (борьба против рыжих людей с голубыми глазами и представителей некоторых родов, а также против сорняков – папоротников, колючек и виноградных лоз) + «Погоня ангелов за героем, его поимка и заточение в пещеру» + «Попытка освобождения героя» + «Героические деяния (или образ жизни) героя» (убийство адауы-великана) [Шинкуба, 1990, с.298–300]. ***360***. См. 340 [Шинкуба, 1990, с.302]. ***361***. «Чудесное рождение героя» + «Героические деяния (или образ жизни) героя» (защита своего народа от иноземных врагов; борьба против рыжих людей с голубыми глазами и представителей некоторых родов, а также против сорняков – папоротников, колючек и виноградных лоз; извержение грома и молнии; убийство адауы-великана) + «Погоня ангелов за героем, его поимка и заточение в пещеру» + «Попытка освобождения героя» [Шинкуба, 1990, с.310–314].

1950:***362***. «Погоня ангелов за героем, его поимка и заточение в пещеру» (Бог окружает Абрыскила пламенем, исходящим от грома и молнии) [Шинкуба, 1990, с.302–303].

1951:***363***. «Погоня ангелов за героем, его поимка и заточение в пещеру» (погоня ангелов за героем) + «Героические деяния (или образ жизни) героя» (рассечение большого камня) [Шинкуба, 1990, с.300–302]. ***364***. См. 340[Шинкуба, 1990, с.303–304]. ***365***. См. 339 [Шинкуба, 1990, с.304–310].

С 1960-х годов до настоящего времени:

1960:***366***. См. 339 [Салакая, 2003, с.103–104, №35].

1962:***367***. См. 339 [Салакая, 2003, с.98–101, №33].

1965:***368***. См. 332 [Салакая, 2003, с.101–103, №34]. ***369***. «Героические деяния (или образ жизни) героя» (борьба против рыжих людей с голубыми глазами и представителей некоторых родов, а также против сорняков – папоротников, колючек и виноградных лоз; извержение грома и молнии; рассечение большого камня) + «Погоня ангелов за героем, его поимка и заточение в пещеру» + «Попытка освобождения героя» [Шакрыл, 1989, с.259–260].

1971:***370***. См. 350 [Бегуа, 1971, с.257]. ***371***. «Добывание огня Абрыскилом» (в форме нартского сюжета) + «Поимка героя адауы-великанами» (в виде нартского сюжета о гибели Сасрыкуа от камня) [Бегуа, 1971, с.255–258]. ***372***. См. 328 (в усеченной форме) [Джапуа, 1995а, с.130, №309].

1972:***373***. См. 339 [Джапуа, 1995а, с.129–130, №308].

1973:***374***. См. 339 [Книга, текст №566].

1977:***375***. См. 350 [Гожба, 1980, с.51].

1980:***376***. См. 339 (в усеченной форме) [Джапуа, 1995а, с.130–131, №310].

1982:***377***. См. 350 [Адлейба, 1996, с.48]. ***378***. «Чудесное рождение героя» + «Героические деяния (или образ жизни) героя» (укрощение коня; борьба против рыжих людей с голубыми глазами и представителей некоторых родов, а также против сорняков – папоротников, колючек и виноградных лоз) + «Погоня ангелов за героем, его поимка и заточение в пещеру» (в усеченной форме) [Адлейба, 1996, с.48–49].

1986:*379.* См. 332 [Фонотека, к. №36 / 926].

1989:*380.* См. 328 [Фонотека, к. №43 / 1086]. ***381***. См. 328 [Фонотека, к. №45 / 1104]. ***382***. См. 328 [Фонотека, к. №45 / 1107]. ***383***. См. 329 [Книга, текст №565].

1990:*384.* См. 329 [Звукозапись З.Д.Джапуа от Д. Гындиа. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***385***. См. 339 [Звукозапись З.Д.Джапуа от Г. Шкериа. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***386***. См. 339 [Звукозапись З.Д.Джапуа от Щ. Чолокуа. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***387***. См. 339 [Звукозапись З.Д.Джапуа от Я Амкуаба. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***388***. См. 328 [Звукозапись З.Д.Джапуа от И. Асландзиа. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***389***. См. 339 [Звукозапись З.Д.Джапуа от П. Кацбы(Габлиа). Текст хранится в личном архиве собирателя].

1991:*390.* См. 329 [Звукозапись З.Д.Джапуа от К. Гуарамиа. Текст хранится в личном архиве собирателя].

1993:*391.* См. 339 [Звукозапись З.Д.Джапуа от В. Бигуаа. Текст хранится в личном архиве собирателя].

1997:*392.* См. 328 [Фонотека, к.№13/388]. ***393.*** См. 332 [Фонотека, к. №3/74].

1998:*394.* См. 328 [Фонотека, к.№61/1536]. ***395.*** См. 328 [Звукозапись З.Д.Джапуа от Ч. Цвижбы. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***396.*** См. 339 [Звукозапись З.Д.Джапуа от Ч. Цвижбы. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***397.*** См. 228 [Звукозапись З.Д.Джапуа от Н. Шларбы. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***398.*** См. 328 (в усеченной форме) [Звукозапись З.Д.Джапуа от Б. Хахубиа. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***399.*** См. 328 (в усеченной форме) [Звукозапись З.Д.Джапуа от М. Сангулиа. Текст хранится в личном архиве собирателя]. ***400.*** См. 339 [Звукозапись З.Д.Джапуа от В. Джапуа. Текст хранится в личном архиве собирателя].

2000:*401.* См. 328 [Фонотека, к.№60/1500].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате аналитического изучения абхазских эпических сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле в плане текстологии, систематики и научной интерпретации текстов наиболее важными представляются следующие положения.

Сказания о Сасрыкуа и Абрыскиле составляют самый ранний пласт устной мифоэпической традиции абхазов и находят генетические и типологические параллели в творчестве различных народов Кавказа (связанных по языку, происхождению или близких исторически и географически) и в более отдаленных культурах.

Систематика текстов нартских сказаний о Сасрыкуа и эпоса об Абрыскиле выполнена с учетом всего основного корпуса текстологически надежных записей, произведенных со второй половины XIX века до начала XXI столетия.

Выявилось, что песни и сказания о Сасрыкуа охватывают почти всю тематику абхазского нартского эпоса. (Их сохранившиеся варианты составляют свыше 327 записей.) «Жизнь и подвиги главного героя эпоса объединяют абхазские сказания в единое целое, этим создается как бы «сквозное действие»» [Инал-ипа, 1962, с.10]. Цикл сказаний о Сасрыкуа и Сатаней-Гуаще предстает в целостном, завершенном виде и объединяет самые архаические, изначальные мифоэпические сюжетные темы, которые складывались на протяжении многих веков или нескольких тысячелетий.

Кроме того, с именем Сасрыкуа связывается еще целый ряд сюжетов, как собственно эпических, так и проникающих в эпос под воздействием волшебно-героических сказок, преданий и героико-исторических сказаний. В некоторых текстах Сасрыкуа выступает попарно с другими персонажами, или же «заменяет» их. При этом характерно, что образ самого Сасрыкуа весьма устойчив и не заменяется другими персонажами. Архаический герой и связанные с ним сказания отражают все этапы развития эпической сюжетики, проникают, как бы «вписываются» в разноэтапный ряд эпических персонажей, в стадиально разнопорядковые сюжеты и мотивы. Поэтому в определенном смысле можно сказать, что в абхазском нартском эпосе нет ни одной сюжетной тематики, где бы Сасрыкуа так или иначе не фигурировал. И в этом проявляется степень архаики прочно вошедшего в традиционную память образа Сасрыкуа.

В абхазском нартском эпосе цикл сказаний о Сасрыкуа четко расчленяется на шесть основных сюжетно-тематических линий:

1) чудесное рождение и богатырское детство; 2) спасение братьев-нартов; 3) посещение подземного мира; 4) поиск более сильного соперника; 5) женитьба героя; 6) гибель героя. Все эти темы представлены в эпосе довольно широко и реализуются в нескольких вариантах или версиях. Однако среди них – по степени исконности, «эпичности», распространенности, устойчивости и полноты художественных образов – можно выделить три тесно взаимосвязанных сюжетно-тематических единиц: а) *чудесное рождение из камня* (в Указателе составляет 109 вариантов), б) *добывание огня* (в Указателе составляет 102 варианта), в) *гибель от камня* (в Указателе составляет 34 варианта). Сопоставление вариантов этих сказаний, их мотивов и эпизодов в разных версиях кавказской Нартиады показало, что данная триада сюжетов является остовом всей тематики эпоса и выглядит наиболее полной, художественно насыщенной именно в абхазо-адыгском нартском эпосе. Тем самым, еще больше аргументаций и подтверждений находит мнение о том, что абхазские и адыгские нартские сказания о Сасрыкуа по степени сходства в определенном смысле могут восприниматься как варианты одних национальных сказаний или даже разновременные записи от одного и того же сказителя (прасказителя) [Джапуа, 2000б, с.117, 119–121]. Они «обнаруживают такую близость, что их можно (с известными оговорками) объединить в одну группу» [Мелетинский, 1963, с.204].

Анализ описаний разных сюжетов о Сасрыкуа выявляет близкое сходство основных художественных образов (великана-«пастуха», адауы-великана – хранителя огня, агулщапа-дракона, великаншилюдоедки, великана-пахаря, богатыря-всадника). Выясняется, что «все эти сюжеты по своей структуре однотипны» [Ардзинба, 1985, с. 160]. Из них все же более архаичным, исходным следует считать основной подвиг главного героя эпоса – *добывание огня.* Структура эпических сказаний строится на перемещениях героя по горизонтали и вертикали в трех основных космических зонах – земной, подземной (подводной, потусторонней, загробной) и надземной (небесной), создающих единую картину эпического мироздания. Река, вершина неприступных гор, скала, лес, пропасть, лестница и т.п., вероятно, предстают как «пограничные пределы» пространства между разными мира[illegible] между «своим» и «чужим».

Если цикл сказаний о Сасрыкуа представлен во всех основных версиях кавказской Нартиады, то и эпос об Абрыскиле перекликается с кавказскими сказаниями прометеевского типа.

В абхазских сказаниях об Абрыскиле более или менее четко намечаются три основные сюжетно-тематические линии: 1) *чудесное рождение героя;* 2) *героические деяния (или образ жизни) героя;* 3) *погоня ангелов за героем, его поимка, заточение в пещеру и попытка освобождения героя из подземелья.* Так же, как и в нартских сказаниях о Сасрыкуа, представленные темы разрабатываются в нескольких вариантах и версиях, хотя в эпическом контексте они неодинаково устойчивы. Одни из них широко развернуты, выстраивают фабульное повествование, а другие несколько свернуты и встречаются лишь фрагментарно в форме ремарок, информаций или комментариев к основному повествованию. Поэтому и сам объем эпоса невелик. Так, из всех выделенных сюжетных тем «Абрыскила» более развернуто и полно сохраняется сказание *о погоне ангелов за героем, его поимке и заточении в пещеру.*

Примеры из других кавказских сказаний о прикованных к горам или заточенных в пещерах героях показывают наличие, с одной стороны, сюжетных межнациональных параллелей, а с другой, – специфичных мотивов и эпизодов, характерных только для абхазских сказаний об Абрыскиле. Выясняется, что абхазские сказания обнаруживают более близкое сходство с северокавказскими (в особенности – с абазинскими, убыхскими и адыгскими) версиями, что обусловлено, разумеется, в том числе и абхазо-адыгской этнической общностью. Однако проведенный сопоставительный анализ подводит нас к тому, что сходство и различие между кавказскими сказаниями прометеевского цикла не результат заимствования (хотя и его нельзя исключать полностью), а «результат различной творческой переработки единого общекавказского комплекса древнейших мифологических представлений» [Вирсаладзе, 1969, с.251]. Следовательно, если исходить из самого текста эпических традиций, а не из неаргументированных доводов (пусть даже авторитетных ученых), то еще раз убеждаемся в том, что нет веских оснований беспрекословно принять гипотезу М.Я.Чиковани о происхождении всех кавказских сказаний о прикованных героях из грузинского предания об Амирани[1].

Как мы видели, эпос об Абрыскиле содержит архаические мифоэпические мотивы и эпизоды, раскрытие которых связано с обрядо-

[1] См. об этом: Чиковани, 1966, с.16.

во-мифологическими данными, ритуальной практикой, и с героико-архаическим эпическим миром. Исходя из их реконструкции, можно сказать, что в контексте эпоса контаминируются два традиционных основных начала – мифологическое и эпическое. Мифологический пласт унаследован из архаических мифов о зооморфных божествах, олицетворяющих производительные силы природы, а эпический пласт тесно связан с нартскими сказаниями о Сасрыкуа.

Подводя итог, можно сказать, что в абхазских эпических сказаниях о Сасрыкуа и Абрыскиле мы находим сложнейший сплав архаики – художественной и обрядовой. Эти сказания обнаруживают близость сюжетно-тематических структур и органически связаны с древнейшими абхазскими и общекавказскими мифоэпическими воззрениями и ритуальной практикой. В частности, немаловажным и весьма интересным представляется проявление и в образе Сасрыкуа, и в образе Абрыскила всемирно известного мотива мифологического змея (агулщапа-дракона или адауы-великана) в разных своих ипостасях, а также отражение в сказаниях культа плодородия (архаического ритуала смерти и возрождения) и древнего погребального обряда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ТЕКСТЫ И ПЕРЕВОДЫ

Тексты, предлагаемые вниманию читателей, в совокупности представляют фактически первую попытку научного двуязычного издания абхазских эпических сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле. Большинство из них в научный оборот вводится впервые.

При их отборе и составлении учтен опыт академических изданий ряда устных эпических памятников, прежде всего из серии «Эпос народов Евразии» и «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Предпочтение отдавалось наиболее аутентичным, подлинным и совершенным в художественном отношении записям эпических сказаний. Расшифровки собственных магнитофонных записей, составляющие значительную часть текстов, точны и синхронны.

Тексты и о Сасрыкуа, и об Абрыскиле сгруппированы, по возможности, по принципу биографической хронологии. Вслед за каждым текстом на языке оригинала дается его перевод на русский язык. Переводы выполнены писателем Дауром Начкебиа и мной. Передавая песни и сказания по-русски, переводчики стремились максимально точно (но не буквально) передать не только смысл, но и художественное своеобразие, и стилистические особенности сказаний.

При смысловом переводе отдельных слов и словосочетаний в комментариях к текстам дается их буквальный перевод. В квадратных скобках даются заглавия и подзаголовки текстов, данные составителем, и дополнительные слова, которые вводятся в текст для более точной передачи смысла оригинала. Имена собственные, географические названия, отдельные слова, требующие пояснения, отмечены звездочкой при их первом появлении в тексте и разъяснены в словаре.

I. СКАЗАНИЯ О САСРЫКУА

1. ПЕСНЯ О МАТЕРИ НАРТОВ САТАНИ-ГУАЩЕ
[Рождение Сасрыкуа]

Текст:

Мрада дкаԥхоит, мзада дкаҷҷоит
Сатани-Гәашьа!
Лышьхәа баацсы адых-дых аргоит,
Л <…> хә ҽадаԥсшәа имакаруеит.
Қәны ҷаԥцьк жә[жә]аны иаалымгыцралԥоит,
Шә-кьантазк ахьылбуа лшьапа илыцалыркәыҷуеит,
Лнапала длаха-ҩаханы иааилылхуеит,
Дардгәыс икацаны далахахоит.
Цакьажәк ахьылбуа лшьапала иаалыцларԥоит,
Лнапала днагәаны иаакылылцәоит,
Дардхас икацаны лшьамхы иаакәылкуеит.
Ашыҩхәа дхахуеит,
Аԥшхәыцьхәа дзахуеит,
Акьеҩхәа дрышхауеит.
Илхахоит, илсоит, илзахуеит
Лычкәынцәа рышәҩык рыцәҩыча.
Убри зегь[ы] енак иаллыршоит.
Абас кацуа искьынгьы Кәбина дыеԥынтәалоуп.
Мышкы акьеҩхәа дрышхауа,
Аԥшхәыцьхәа дхахо,
Ашыҩхәа дзахуа
Кәбина дыеԥынтәалоуп.
Данԥшы, Кәбина ныршә
Нартаа рырахә шьагьуа
Ашьашәыр ишыцаз лбит.
– Унан, сычкәынцәа рырахә! – лхәит.
Цкьа данԥшы, арахә рыгәтаны
Ак[ы] шалагылаз лбит.
Бахәызар – ирацәалшьеит,
Шәацыцьацзар – икәнылшьеит.
Нартаа рыцәажәкәа, амц ианырклак,
Ртәыҩакәа ахьыршьуеит.

Лгәы иазбит нартаа рыжәхьча
Зартыжә иакәхап ҳәа,
Дыцәазтгьы иды<…>жә ауп избо ҳәа.
Акыуҳәа лыбжьы налыргеит:
– Уаа, Зартыжә уоума?– ҳәа.
[Иара] данаацш, азныркә
Амрашәа дкаԥхо, амзашәа дкаҷҷо
Сатани-Гәашьа уа дышгылаз ибит.
Даниба,– Зыбжьы зырго Сатани-Гәашьа боума? – иҳәан,
Иаргьы ибжьы наиргеит.
Ларгьы,– Ааи, сара соуп,
Аранза уааинда, устахыуп! – лҳәеит.
– Иабакоу, Кәбина дууп,
Сталар сагоит! – иҳәеит.
– Ҳаит, алахша, уара укнынза схы анназга,
Ас збасоуҳәо! – лҳәит.
Лышьтахь иаирханы,
Аԥшхәыцьхәа дхахо далагеит.
Икаицара анизымдыр,
Иды<…>жә лыцарсны дыцеит,
Аха азы дзахымцеит,
Цьаргьы дзымцо аԥашә далаҳаит.
Аԥашә дшалажьыз,
– Уа, Сатани-Гәашьа! – ҳәа ибжьы иргеит.
– Иутахыузи, дагьызмаха рлажә?! – лҳәит.
– Исҳәо бмаҳои:
Бшьал еиқәа ду блаханы ибышьх,
Ббырса цкы бҩаханы, быбга иаакәыршаны,
Бсурат ырманшәаланы иаасырба! – иҳәеит.
Лшьал еиқәа лышьхны,
Лбырса цкы лыбга иаакәыршаны,
- Иутахыз абри аума?! – лҳәан,
Дтәыреаеаны даакәгылт.
Иҩыцархханы аԥырҳәа аҫааирхан,
Ипцакәханы, ипстҳәаны иаауеит.
Сатани-Гәашьа дацәшәан,
Хаҳә дук даадыххалт.
«Апстҳәа» уи ахаҳә ду иаахт,
Уа ауаҩцс[ы] исахьа аадначапалт.
– Бара алхра баматәам,

Аинара-жьи бааицхь,
Уи иалихуеит! – иҳәеит нартаа рыхьча.
– Уи ажьи иарҧьа напы жьаҳәас имоуп,
Иарма напы рытәас имоуп,
Ишьамхқәа цсангьарис имоуп.
Дцан [Сатани-Гәашьа], Аинара-жьи даалгеит.
Ажьи ачацара kаицан, дкыдылт.
Хаха-хымш алхра даҽын.
Ахаха рзы ауаԥс[ы] сахьа змаз аалиршәеит.
Ианаалих, Сатани-Гәашьа днаимцасын иааимылхт.
Иааимылхын, жәаԥа мзы лԥыцра ицацаны илыман.
Жәаԥа-мзы анцы, иқәац-мацуа иалагт.
Нас, лԥыцра иаатцхны, лцацха иаадылцт.
Уахык «ачкәын дсоуит» лҳәан,
Аҳәса еизылгеит.
Ацхыбжьон, ачкәын длоузшәа, лцацха даадылхт.
Ихьзыртәит уи ачкәын Сасрыкәа ҳәа.
Нартаа ангәаалак, унашцоуп ҳәа иарҳәон.

Перевод:

Без солнца светит, [как солнце], без луны сияет, [как луна],
Сатани-Гуаща*!
Ее тяжкая ступня издает громовой звук,
Ее зад, как у ослицы, зазывно покачивается.
Растрепав охапку льна, затыкает себе за пояс.
Увидит здоровый бук[1] – придавит ногой,
Руками очистит [от сучьев]
И, сделав веретеном, прядет им.
Увидит огромный валун[2] – ногой вывернет,
Рукой надавит и проделает в нем отверстие,
И, сделав пряслом, кладет себе на колени.
Стремительно прядет,
Резво шьет,
Проворно отбеливает [холст].
Прядет, кроит, шьет
Одежду ста сыновьям.
И все это она успевает за день.
Занятая этим, [она] всегда сидит на берегу Кубины*.
Однажды она проворно отбеливала [холст],

Стремительно пряла,
Резво шила,
Сидя на берегу Кубины.
Смотрит и видит
На том берегу Кубины
В тени [деревьев] – стада нартов.
– Унан*, стада моих сыновей! – воскликнула она.
Пристально посмотрев, увидела,
Что посреди стада что-то возвышается.
Для скалы – великоватым посчитала его,
Для дерева – маловатым посчитала его.
Быки нартов, когда пристанут мухи,
Рогами трутся об него.
Сердце ее решило, что это,
Видимо, пастух нартов Зартыж*,
Что он, наверно, спит и она видит его <…>.
Она крикнула зычным голосом:
– Уаа*, Зартыж, ты ли это?!
Очнувшись, он [Зартыж] увидел,
Что на том берегу [реки], светя, как солнце,
Сияя, как луна, стоит Сатани-Гуаща.
Увидев ее, он тоже подал голос:
–Ты ли, Сатани-Гуаща, крикнула [мне]?
И она ответила: – Да, это я.
Пришел бы сюда, ты мне нужен!
– Но, [жаль], Кубина велика,
Войду в нее – унесет! – сказал [Зартыж].
– Хайт*, собачье отродье, когда я снизошла до тебя,
Как смеешь такое мне говорить! – сказала она.
Она повернулась спиной
И стала стремительно прясть.
Не зная, что делать, он [Зартыж] прыгнул,
Опершись о свой <…>,
Но реку не смог перепрыгнуть,
Упал на корягу и застрял [там].
С коряги крикнул:
– Уа*, Сатани-Гуаща!
– Чего тебе, приблудный пес?! – крикнула она.
– Слушай меня:
Сними с себя шерстяные штаны!

Задери шелковое платье и обвяжи вокруг спины,
И хорошо покажи свое лоно! – сказал он.
Она сняла шерстяные штаны,
Шелковое платье обвязала вокруг спины.
– Этого ли ты хотел! – сказала она,
И встала, раскорячившись.
Он со всей силой напряг <…> и рывком пустил [свое семя].
Огромной черной тучей, облаком идет оно.
Сатани-Гуаща испугалась
И подбежала к большому камню, [чтобы спрятаться].
«Облако» ударилось об этот большой камень
И отпечатало на нем человеческий образ.
– Тебе не высечь [зародыша из камня],
Позови Айнар-жьи*,
Он высечет! – сказал пастух нартов.
– Этому кузнецу правая рука служит молотом,
Левая рука служит щипцами,
Колени служат наковальней.
Пошла [Сатани-Гуаща], привела Айнар-жьи.
Кузнец соорудил леса и взобрался [на камень].
Три ночи и три дня высекал он [зародыш],
В третью ночь [кузнец] высек человеческий образ.
Когда он высек [зародыш], Сатани-Гуаща вырвала из его [кузнеца] рук.
Взяла и двенадцать месяцев держала под мышкой.
Когда прошло двенадцать месяцев, [зародыш] начал шевелиться.
Тогда она достала его из-под мышки и приложила к животу
В одну из ночей [Сатани-Гуаща] собрала женщин и сказала:
–У меня родился сын, – и в полночь,
Будто родила сына, отторгла его от живота.
Назвали этого младенца Сасрыкуа*.
Нарты в гневе говорили ему, что он анашпа*.

2. ПЕСНЯ О ГУНДЕ ПРЕКРАСНОЙ[1]

[Рождение Сасрыкуа и укрощение коня]

Текст:

Дара нартаа раҳәшьа-заҵә Гәында-шеишеи,
Ураида-рарира, уа-ууау, нан!

Дестынк итыцыз ақәны
Жәжәаны лыбга иакәлыршеит,
Шәык шабакзоугьы дырдыс илкыуп,
Уа-ууау-нан!
Ҳацакь дукгьы дырдхас иахоуп,
Уа-ууау-нан!
Жәыхә қәарышҳатәгьы рены
Лхагәта илыкәылцеит,
Ураида-рира, уа-ууау-нан, унан!
Кәбина аҧшаҳәагьы, жәыхә-мыш, жәыхә-ахагьы
Ныкәара инақәкны, днавалеит.
Ууау-нан, аҧыр-цырхәа, ууау-нан, дхахо,
Жәыхә-аха, жәыхә-мшы дныкәахт.
Лхахатә дналган, акәара иныкәцаны,
Лрышҳатә лхагәта илыкәҳәаны,
Акәара илыкәлыжьот,
Иркәымшәышәханы арышҳара дналагеит.
Шьыбжьааныза игыбны, ишәтышхагьы,
Акәара иныкәцаны,
«Ух гәышьа» хәагьы лхы анҩышьтылх,
Ууау-нан, унан!
Гьагәаа рыхьча Ерчхьоу иакәзаап,
Нырцә акәарагьы деиҩырҿахә дыкә[ы]жьны дылбахуеит,
Ууау-нан, унан, ууау-нан!
«Дызустада?» – шылҳәахуаз,
Есышьыбжьонгьы Кәбина аҧшаҳәа,
Ууау-нан, иавалон [аҧша],
Ашыжәҳәагьы иҩаганы, иҧьымшь ахәы иакәызгьы
Ихьарены ихагәта илыкәнажьит,
Ууау-нан, ууау-нан!
Ила хпыжза данааҧшыхгьы,
Гәында дшеишеиуа
Нырцә акәара дыкәгылоуп.
Ууау-нан, уарада!
– Бызустада, банаҧьалбеит?!
Бынцәахылцу, буаҩҵсхылцу?! – ҳәа ибжьы ныларҳаит.
– Анартаа раҳәшьа Гәында-шеишеи, –
Ууау-нан, унан! – ззырҳәо соуп!
Ууау-нан, унан, уарида-уаа!
– Сынбыдгыланы ббара сшакәитхара? – ҳәа,

Уаа-нан, унан, уааy-нан! – дцааит.
– Суаҩымуеит ҳәа уҟоума?!
Уҭахызар, уааи! – ҳәа иалҳәаахаҭоит.
Уааy-нан, ҳаи!
Иееиҩцәангьы уи азы дхылт,
Аха уаҳәшьҭахьтәы уа дырнаҳәеит,
Дзымнеит ахәаша,
Уаay-нан, уаридара!
– Сзымнеит, ббара сақәиҭымхеит,–
Уааy-нан! – Гәында! – иҳәеит.
– Усбазымааиуа?! – ҳәа иалҳәеит,
– Цҳәыс илынамысым, акәымзар, – уааy-нан!
– Шьамханынза сеалмырсыкәа сыруеит! – лҳәеит,
– Уеаҳаракынгьы ухыл! – ҳәа, уааy-нан!
– Узааир убап! – ҳәа иалҳәоит.
Ураида, уарира, уааay-нан!
Деиҭахылоит, аха дзымнеит.
Уааy-нан, унан!
– Ажәак бзынасыцхауеит! –
Уаа-нан, унан! – леиҳәаахаҭуеит.
Аеыҩҳәагьы уи иҟәкьаны зҽыназхаз,
Уааy-нан, унан!
[Гәында] дызвагылаз аҳацаҟь [ианааха],
Сасрыҟәа дша-дчапа данылахаҭеит.
– Уанацьалбеит, Ерчхьоу! – лымхәеи,
– Исхаурпа закәызеи? – ҳәа иалҳәаахаҭеит.
– Инар-ижьи иҟны бца,
Даныхны дбиҭоит, – уааy-нан!
– Бҩыцра дыцабцар,
Бара бзы дхәарҭахоит! – ҳәа леиҳәоит.
Инар-ижьи иҟны дцаны,
Даныхынгьы, уи лҩыцра дыцалцеит.
Жәыхә-аха, жәыхә-мшы рзы диит,
Уааy-нан, унан! «Сан, сан!» – ҳәа.
Диианза иматәакәа уанҭаны,
Астол иқәцаны илымахаҭан.
– Уеыкәаба-уеышьшь шьыжьымҭан, сызкәахшоу,–
Уааy-нан, – азы рҟәандан[ы] иҟоуп,– лҳәеит.
Уааy-нан, уарадара, уаа-ҳа-ҳа!
Иеыкәабангьы уа данаақәгыла,

– Уан дукәахшоуп, агәылара еыкгьы уциит,
Аџьа днарбоит уцаны иааугароуп! – лҳәеит,
Уааy-нан, унан, нан, ураидара!
– Унеиуа уаналагалакгьы (Бзоу ахьзуп), –
Уааy-нан! – «Бзоу иууазеи,
Ауаа аџьа дурбазар ҟалап?!» ҳәа убжьы ақәырга,–
Уааy-нан! – иҩныкьыркьырааua иануцылалак,
Абри ағәра аҽаца! – ҳәа ағәра илыркыхаҭоит.
Данақәцәажәагьы, иҩныкьыркьырааua ицылахуеит,
Иаразнакгьы ағәра илҭазгьы,
Уааy-нан! Аҽыцҳәа иаҽацаны,
Дҩапан дҩоақәтәеит,
Уааy, уарад, уаа-рада!
«Сан, сан!» ҳәагьы, дмацәыс уа даакылстеи.
Аканчы ҟаџаны илкыхатан,
Уааy-нан, унан, уааay-нан, уарада!
«Бзоу, џырымзар фатә уқәымзааит!» – ҳәа,
Аеыҩҳәа аканчы ҩахылкьеит.
Аихатә кәадыргьы ҟаџаны илыман,
Уааy-нан! Илақәцаны илыкәлыргылт.
«Дгъыл цәгъеи дгъыл бзиеи ҳәа,
– Уаа-нан! – уа узы акы еилыхымзааит!
Хагәха ацарагьы уақәиҭуп!» – ҳәагьы нақәылцеит.

Перевод:

Единственная сестра [братьев]-нартов Гунда Прекрасная*,
Уарайда-рарира, уа-уааy, нан*[2]!
Лен, собранный с десятины [земли],
Растрепала и обматала вокруг спины,
И целый бук держит в качестве веретена,
Уа-уааy-нан!
И целый валун[3] насажен на нем в качестве прясла,
Уа-уааy-нан!
И пятнадцать тюков ткани свернула,
Положила на голову,
Уарайда-рира, уа-уааy-нан, унан!
И на пятнадцать дней и пятнадцать ночей
Отправилась на берег Кубины*.
Уааy-нан, стремительно, уааy-нан, прядя,

Пятнадцать ночей и пятнадцать дней ходила по берегу.
Закончила свою пряжу и положила на берег,
Сняла с головы тюки шерсти
И бросила на берег.
И стала она отбеливать нежные пряди.
До полудня все отбелила и, как белые цветы,
Расстелила их на берегу.
«Уых-гуща*!» – [закончила работу], подняла голову,
Уааy-нан, унан!
Увидела табунщика гяговых* Ерчхьоу*,
Лежавшего, свернувшись, на том берегу.
Уааy-нан, унан, уааy-нан! –
Подумала, – «кто же это»?
В каждый полдень в долине Кубины,
Уааy-нан, подымался [ветер],
Сильный [ветер] поднял косматые брови [табунщика],
Закинул их на голову,
Уааy-нан, уааy-нан!
Когда у него открылись выпученные глазищи,
[Смотрит] – Гунда Прекрасная
Стоит на том берегу,
Уауу-нан, уарада!
– Кто ты, банаджалбейт*?!
Божество ты иль рода человеческого?! – крикнул он.
– Я есть та, – уааy-нан, унан! – которую зовут
Нартов сестрой Гундой Прекрасной!
Уааy-нан, унан, уарида-уаа!
– Могу ли я прийти и взглянуть на тебя? –
Уаа-нан, унан, уааy-нан! – спросил он.
– Ты думаешь, я чуждаюсь людей?!
Если хочешь, приходи! – сказала она.
Уааy-нан, хай!
Стремглав бросился в воду,
Но [волною] откинуло его назад.
Не смог, бедолага, переплыть [к ней],
Уааy-нан, уаридара!
– Не смог переплыть, не дано мне приблизиться к тебе!
– Уааy-нан! – Гунда! – сказал он.
– Как не можешь переплыть?! – сказала она,
– Женщине не к лицу, а то,– уааy-нан!

– Я перейду [реку], не замочив [ног] выше колен!
– сказала она.
– Бросайся [в реку] повыше! – Уааy-нан!
Может, и удастся переплыть! – сказала она.
Уарайда, уарира, уааy-нан!
Снова он бросился [в реку], но не смог переплыть.
Уааy-нан, унан!
– Я хочу сказать тебе одно слово! –
Уаа-нан, унан! – крикнул он.
И рывком пущенное им [семя],
Уааy-нан, унан!
[Попало] в скалу, рядом с которой стояла [Гунда],
И на ней обозначился [ясный облик] Сасрыкуа*[4].
– Уанаджалбейт*, Ерчхьоу! – сказала она,
– Что [за чудо] напустил ты на меня?
– Ты сходи к Инар-жьи*,
Он высечет оттуда [Сасрыкуа], – уааy-нан!
– Ты положи его себе под мышку,
Он будет тебе полезен! – сказал [Ерчхьоу].
Сходила она к Инар-жьи,
[Он] вырубил [Сасрыкуа], и она положила его под мышку.
Через пятнадцать ночей и пятнадцать дней родился [Сасрыкуа],
Уааy-нан, унан, [крича]: «Мать, мать!»
До его рождения она уже погладила
И положила на стол его одежду.
– Ты утром помойся, понежься [в воде, сын мой][5]!
– Уааy-нан! – вода уже подогрета,– сказала она.
Уааy-нан, уарадара, уаа-ха-ха!
Он помылся, оделся и вышел.
– [Сын мой][6] , по соседству с нами, в одно время с тобою
появился на свет и один жеребенок,
Он не дает людям покоя, сходи, приведи его! – сказала она,
Уааy-нан, унан, нан, уарайдара!
Когда будешь подходить к нему (Бзоу* – его кличка),
– Уааy-нан! – окликни его [такими словами]:
«что беспокоишь, Бзоу, людей»?!
Уааy-нан! – он тебя встретит с ржаньем,
Ты взнуздай его вот этой уздечкой! – сказала она
И подала ему уздечку.
Когда [Сасрыкуа] окликнул его, [Бзоу] подбежал

к нему с ржаньем,
Уздечку, которую дала мать,
Ууаау-нан, одним махом надевает на него,
Подпрыгнув, садится на [Бзоу],
Уааy, уарад, уаа-рада!
И молнией мчится [домой] с криком: «Мать, мать»!
[Гунда] держала наготове плеть,
Уааy-нан, унан, уааy-нан, уарада!
«Бзоу, пусть кроме стали, иного корма тебе не будет»! –
[Сказала] и огрела плетью [коня].
У нее было уже изготовлено и железное седло,
Уааy-нан! Она оседлала им [коня].
«И трудные и легкие места [всей вселенной],
Уаа-нан! – пусть тебе будут одинаково доступны!
Да наделен ты будешь и правом наступать!» –
благословила она [коня Сасрыкуа].

3. ПЕСНЯ О МАТЕРИ НАРТОВ САТАНИ-ГУАЩЕ
[Рождение Сасрыкуа]

Текст:

Ыы-у, нан, иышпазыуреи?!
Дара нартаа ран
Сатани-Гәашьа-а лашәа-а, иымхәе-еи:
Уа-аа, ҳаа, ҳы-ы, ҳы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, иышпазыуреи?!
Мхыртак итыцыз акәны
Жәаны-ы лыбга иакәыршо-оп,
Уа-аа, ҳаа, ҳы-ы, ҳы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, иышпазыуреи?!
Шә-ласахак еоыреа-а
Лхагәт иыкәжьыу-уп,
Уа-аа, ҳаа, ҳы-ы, ҳы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, иышпазыуреи?!
Ашә кьантаз-дыукгьы
Дырдыс иылкы-ы-уп,

Уа-аа, ҳаа, ҳы-ы, ҳы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, иышпазыуреи?!
Ҳацакь дыукгьы-ы
Дардхас иахажьы-ыуп,
Уа-аа, ҳаа, ҳы-ы, ҳы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, иышпазыуреи?!
Уа, апшҳәыцьҳәа дхахуа-а
Бзып апшаҳәа даво-оп,
Уа-аа, ҳаа, ҳы-ы, ҳы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, иышпазыуреи?!
Шьыбжьаанза игыбны-ы,
Акәары икәашза иоыкәлыпсо-оит,
Уа-аа, ҳаа, ҳы-ы, ҳы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, уарадара!
«Уых-гәышьа» ҳәагьы
Лхы даноаха-а,
Уаа, ҳаа, ҳы-ы, ҳы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, иышпазыуреи?!
Ныркә акәары нартаа реыхьча Гьагәа
Деоырсахәа дыкәжьыуп, иҳәе-ет,
Уа-аа, ҳаа, ҳы-ы, ҳы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, ишыпазыуреи?!
Бзып апшаҳәа [икәыз апша] ыцьымшь иоыцасын,
Ихьарсны ихагәт ианлыкәнажьгьы-ы,
Уа-аа, ҳаа, ҳы-ы, ҳы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, уарада гәышьаза!
Иыблакәа хпыжза-а
Ианаапш, иҳәе-ет,
Уа-аа, ҳаа, ҳы-ы, ҳы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, иышпазыуреи?!
Ныркә акәары
Гәашьа дшеишеиуа дыкәгыло-оп,

Уа-аа, ҳаа, ҳы-ы, ҳы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-ра!..
Ыы-у, нан, уарада-гәышьа!
– Ианызбуа барбан, бынцәахшоу, буаҩхшоу?! –
Ҳәагьы ибжьы наиргуо-оит,
Уа-аа, ҳаа, ҳы-ы, ҳы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, иышцазыуреи?!
– Сатани-Гәашьа ззырҳәо соуп,
Сыудыруама? – лҳәагәышьуе-ет,
Уа-аа, ҳаа, ҳы-ы, ҳы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, иышцазыуреи?!
– Снены бызбар калуома? – ҳәа
Иыбжьы наиргуо-оит,
Уа-аа, ҳаа, ҳы-ы, ҳы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, иышцазыуреи?!
– Суаҩымуа цьыушьома, уара аеадажәгьы?!
Уҳәааиуазар, уааи! – ҳәагьы [наиқәҵылтит],
Уа-аа, ҳаа, ҳы-ы, ҳы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, уарада-гәышьаза!
Ахәараҳәа азы иеалаиыжьын,
Деханы ддәыкәло-оит,
Уа-аа, ҳаа, ҳы-ы, ҳы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, иышцазыуреи?!
Азы иаҳәҵасын,
Дыршәны-ы акәары дыкәнажьуе-ет,
Уа-аа, ҳаа, ҳы-ы, ҳы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, иышцазыуреи?!
– Гәашьа, сзымнет,
Иышцазыуреи? – ҳәа иыбжьы иырго-оит,
Уа-аа, ҳаа, ҳы-ы, ҳы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан,– Уара аеадажәгьы!
Сышыцҳәысыугьы, шьамханынза семырбаазазакәа
Сырпе, иуыхьзе?! – лҳәе-ет,

Уа-аа, ҳаа, ҳы-ы, ҳы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, иышцазыуреи?!
– Уҩаскьан[ы] уеалауыжьыр,
Узааир убап! – лҳәе-ет,
Уа-аа, ҳаа, ҳы-ы, ҳы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, иышцазыуреи?!
Дҩаскьан[ы] иеалаиыжьын,
Аха ета дыршәны акәары дыкәнажьле-ет,
Уа-аа, ҳаа, ҳы-ы, ҳы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, иышцазыуреи?!
– Сзымпет, иыкасцареи,
Гәашьа? – иҳәахуе-ет,
Уа-аа, ҳаа, ҳы-ы, ҳы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, иышцазыуреи?!
– Уа, беелыхны, сышка беы рханы бгыла,
Икалуозар, сбыҳәуоит! – ҳәа [лыкәситит],
Уа-аа, ҳаа, ҳы-ы, ҳы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, уарида-гәышьа!
Уа, аеыҩҳәа «ахса» зсыпаиырхаз
Ацакь иаахуоит, ла илыкәымшәакәа-а,
Уа-аа, ҳаа, ҳы-ы, ҳы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, иышцазыуреи?!
Уа, Аинар-жьыи
Диыцхьан даалгуоит, иҳәе-ет,
Уа-аа, ҳаа, ҳы-ы, ҳы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, иахьакәшәаз
Иалацкан[ы] иамхны,
Лҩыцра ыцалкует Сатани-Гәашьа-а,
Уа-аа, ҳаа, ҳы-ы, ҳы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, иышцазыуреи?!
Уыбрыи алагьы Сасрыкәа диыует, иҳәагәышьуе-ет,
Уа-аа, ҳаа, ҳы-ы, ҳы-ы!..

Уарадара-аа-аа-ааи!

Перевод:

Ыы-у, нан, как мне быть[1]?!
Песню о матери нартов
Сатани-Гуаще*[2] [напел он]:
Уа-аа, хаа, хы-ы, хы-ы[3]!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа[4]!..
Ыы-у, нан, как мне быть?!
Лен с целого поля, растрепанный,
Обмотан вокруг ее спины,
Уа-аа, хаа, хы-ы, хы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, как мне быть?!
Сто тюков шерсти, свернутые,
Лежат на ее голове,
Уа-аа, хаа, хы-ы, хы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, как мне быть?!
И огромный бук[5]
Держит в качестве веретена,
Уа-аа, хаа, хы-ы, хы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, как мне быть?!
И целый валун[6]
Насажен [на веретено] в качестве прясла,
Уа-аа, хаа, хы-ы, хы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, как мне быть?!
Уа, резво прядя,
Ходит она по берегу Бзыби*
Уа-аа, хаа, хы-ы, хы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, как мне быть?!
До полудня она отбеливает
И расстилает на берегу белоснежную [свою пряжу],
Уа-аа, хаа, хы-ы, хы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, уарадара!

«Уых-гуща*!» – [закончила она работу],
Подняла голову
Уа-аа, хаа, хы-ы, хы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, как мне быть?!
[Смотрит она] – на том берегу табунщик нартов Гягуа*,
Свернувшись, лежит, сказал,
Уа-аа, хаа, хы-ы, хы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, как мне быть?!
Когда ветер с бзыбьской долины ударил по его бровям
И закинул их на голову,
Уа-аа, хаа, хы-ы, хы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, уарада-гущадза!
И когда у него
Открылись глазищи, сказал,
Уа-аа, хаа, хы-ы, хы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, как мне быть?!
[Смотрит он] – на том берегу
Стоит Гуаща Прекрасная,
Уа-аа, хаа, хы-ы, хы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, уарада-гуща!
– Кого я вижу?!
Божество ты иль рода человеческого?! – крикнул он,
Уа-аа, хаа, хы-ы, хы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, как мне быть?!
– Я есть та, которую называют Сатани-Гуащей,
Знаешь ли ты меня? – сказала она,
Уа-аа, хаа, хы-ы, хы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, как мне быть?!
– Могу ли я прийти и взглянуть на тебя? –
Крикнул он,
Уа-аа, хаа, хы-ы, хы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, как мне быть?!

– Думаешь, я чуждаюсь людей, осел ты этакий?!
Если сможешь, приходи! – [ответила она],
Уа-аа, хаа, хы-ы, хы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, уарада-гущадза!
Стремглав бросившись в воду,
Устремляется к ней,
Уа-аа, хаа, хы-ы, хы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, как мне быть?!
Но волна бьет
И отбрасывает [обратно] на берег,
Уа-аа, хаа, хы-ы, хы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, как мне быть?!
– Гуаща*, я не смог переплыть,
Как мне быть? – крикнул он,
Уа-аа, хаа, хы-ы, хы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан! – И осел же ты!
Я женщина, и то, не замочив [ног] выше колен,
[Реку] перейду, а с тобой что?! – сказала она,
Уа-аа, хаа, хы-ы, хы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, как мне быть?!
– Если бросишься [в реку] повыше,
Может, и удастся переплыть! – ответила она,
Уа-аа, хаа, хы-ы, хы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, как мне быть?!
Бросился [в реку] повыше,
Но вновь [волною] отбросило его [обратно] на берег,
Уа-аа, хаа, хы-ы, хы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, как мне быть?!
– Не смог переплыть,
Что мне делать, Гуаща? – говорит он опять.
Уа-аа, хаа, хы-ы, хы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, как мне быть?!

– Уа, разденься и повернись лицом ко мне,
Если можно, молю тебя! – [крикнул он].
Уа-аа, хаа, хы-ы, хы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, уарида-гуща!
Уа, рывком пущенная им «стрела»
Ударилась о скалу, не задев ее [Сатани-Гуащу],
Уа-аа, хаа, хы-ы, хы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, как мне быть?!
Уа, Айнар-жьи*
Позвала она, сказал,
Уа-аа, хаа, хы-ы, хы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, оттуда, [из скалы],
Вырубили [зародыш],
И под мышку кладет Сатани-Гуаща его,
Уа-аа, хаа, хы-ы, хы-ы!..
Уарадара-аа, уарада-аа-раа!..
Ыы-у, нан, как мне быть?!
Так и родился Сасрыкуа*, сказал,
Уа-аа, хаа, хы-ы, хы-ы!..
Уарадара-аа-аа-аай!

4. САТАНИ-ГУАЩА

[Как появилась кукуруза (пища нартов)]

Текст:

Нартаа ран Сатани-Гәашьа апшқа длыцан. Цьара хара дымцар ҟаломызт, енакала дцаны даар акәын, аха лгәыҳәпы иазымчҳар ҳәа дшәон. Шьыжьымтан асаби акрисацаны, дыццакыццакуа амҩа днықәлеит.

Гәашьа дахьцашаз дцан, дхынҳәны даауан ашьыбжьышьтахь. Ус, дшааиуаз, лгәыҳәпқәа шын, илзымчҳауа далагеит. Икалхьар – ирыцҳалшьеит, икалымхьар – илзыхгом. Икалцагәышьооз, икалымхьар ада цсыхәа лмоуит.

Сатани-Гәашьа днышьамхнышгылан, адоуҳа ҟалцеит: «сара сыҷкәын дызласаазо касымхьар ада цсыхәа сымам, аха убри икасхьо ауаа заазаратәа иҟоу акы алцааит!» ҳәа.

Абригьы лҳәеит, длатәан лгәыҳәцқәагьы калхьеит. Агәыҳәпы-хшы кашы иахьылкатәаз, аҵьыкәреи қашәо иҩагылеит. Ууанза аҵьыкәреи ыкамызт, ирыздыруамызт.

Сатани-Гәашьа ани анылба, дырҩагь длышьамхнышгылан, адоуҳа ҟацара деиталагеит – «абри избаз ажәла скратәа исыт!» ҳәа.

Уиашьтахь аҵьыкәреи ласзаны азҳара иалагеит. Гәашьа иҵьашьаны дахәаҵшуеит, арахь иалҵуа лыздыруам, иҵырны иазҳауеит.

Ус, ишазҳауаз, иххәан, бгьы-цыпхьаза ҵьыкәреи лапкьак, ҵьыкәреи лапкьак ылнаго иалагеит. Аҵьыкәреи ҷалеит, ахра хьамтаны, идуны. Аҵьыкәреи анҷала ашьтахь, ҵша цәгьак аацкьеит. Аҵша цәгьа Гәашьа лҵьыкәреи канажьуа иалагеит, макьана уи иалҵраны икоу, иалоу лыздырзом.

Сатани-Гәашьа дырҩегьых адоуҳа калҵеит – «абри исатәашьахаз ҵхастамхааит!» ҳәа. Нас днышьтасны хаҳәык аашьтылхын, даеа хаҳәык инақәылҵан, «абри сиҵш иҩәгәахааит, иҵхастамхааит аҵьыкәреи!» лҳәан, лдоуҳа даалгеит. Уиашьтахь Гәашьа лҵьыкәреи калеит, уа дшадтәалаз, иҷылхын, сидҳәаланы лыхәда йнхылшьын, илыманы аҩныка дцеит.

Уи илгаз жәлахеит, ипашәхеит. Убриалоуп аҵьыкәреи жәла зларк. Сатани-Гәашьа ари Нартыхә (Нарт рхәы) ахьзылтәит, нартаа рхәы ҳәа, нартаа рыхьзала.

Перевод:

Матерь нартов Сатани-Гуаща* имела младенца. Ей предстоял далекий путь, за один день должна была успеть туда и обратно, но боялась, что груди ее не выдержат [набухнут]. Утром она накормила младенца и торопливо пустилась в путь.

После полудня Гуаща пустилась в обратный путь. Шла она, и груди ее охватило жаром, и ей стало невыносимо. Выцедить – было ей жалко, а не цедить – не может терпеть. Что же ей оставалось делать, как не выцедить?

Сатани-Гуаща опустилась на колени и стала прорицать: «Я вынуждена выцедить то, чем должна кормить сына, так пусть из этого сдоенного будет нечто [полезное], что поможет растить людей!».

Сказав это, она присела и выцедила груди. И там, где пролилось грудное молоко, поднялась нежная кукуруза. До этого кукурузы не было, не знали, [что это такое].

Увидев это, Сатани-Гуаща вновь опустилась на колени и стала прорицать: «Да будет у меня возможность заиметь семена того, что я увидела!».

После этого кукуруза стала расти быстрей. Гуаща смотрит с удивлением, но не знает, что из этого получится, а она растет [на глазах]. Между тем кукуруза уже пустила венчики, и у каждого листка проросло по одному початку. Уродилась кукуруза громадная. После того, как уродилась кукуруза, поднялся сильный ветер. [Этот] сильный ветер стал валить кукурузу Гуащи, а она пока и не знает, во что она [кукуруза] может превратиться, что в ней есть.

Сатани-Гуаща вновь стала прорицать: «Пускай не испортится дарованное мне!». Затем она подхватила с земли камень и положила его на другой камень. «Пускай оно будет таким же крепким, пускай не портится кукуруза!» – сказала она, и завершила свое прорицание. После этого кукуруза Гуащи и вовсе вызрела, покуда она сидела рядом, сорвала [початки], связала их меж собой, повесила на шею связку и пошла домой.

С этого и пошли первые семена, первые зерна кукурузы. Сатани-Гуаща назвала этот [злак] – нартыху (пищей нартов).

5. КАК САСРЫКУА ВЫРАСТИЛ АРАЩА*

Текст:

Сасрыкәа ашана змаз ҵхәыск иалҳәеит иара икәнагахаша арашь шыпшаатәыз. Лара излалдыруаз ала, амшын аҵа итан еан кааметк, уи акәарахьы изхыцзомызт. Аха ахьара аамта анааилакь аены, ашьтахь акәара иаакәкны, асцыс ариуан. Аха убри аамтазы уака агыгшәыг баапсқәа, цсыцкьа зхам уҳәа, зегь[ы] уака еизаны икәгылон. Асцыс шилакь, симцгәыцәаа ирфон.

– Агаҷа укылсны, иуасҳәаз аҳҳәараены ашәарах кәакәаны, еиҷыкькьаны агаҷа асцыс ахьиуа ааигәарашәа ишьтаҵа агыгшәыг ахнагарцы, – лҳәеит ашана змаз аҧхәыс.

Сасрыкәагьы аҧхәыс ишылҳәаз дныкәеит, ашәарах шьны, агаҷа икәижьт, агыгшәыгқәа зегьы уахь ицеит. Нас амшын ааилаееан, амшын-еан, агаҷа ашьтахь аакәкны, арашь ецыс ариит. Сасрыкәагь[ы] иаашьтикәыцәаан, иуапа илахәаны, иманы аҩныка дгьежьит. Асцыс Сасрыкәа иашта итан. Уахи-ени иазҳауа, хымчыбжьа рынцәамтазы ирашьха иаакәгылт.

Сасрыкәа ирашь дақәтәаны, жәаха-жәымшы ауаа еыла иахьцоз, шьыбжьааныа дцаны даауа дкалеит. Сасрыкәа иеы акырцьара ицсы еиқәнархахьан.

Перевод:

Одна пророчица сказала Сасрыкуа*, как ему найти подходящего араща. Как она знала, на дне моря обитала необычная кобыла, она никогда не выходила на берег. Но в день, когда должна была ожеребиться, она выставляла зад на берег и жеребилась. Но к этому времени на берегу собирались ненасытные звери, всякая нечистая тварь, и как только появлялся жеребенок, тут же съедали его.

– К сроку, который я тебе назвала, заготовь побольше мяса диких животных, сложи его на берегу, неподолеку от места, где кобыла будет жеребиться, чтобы отвлечь зверей, – сказала [Сасрыкуа] пророчица.

Сасрыкуа поступил по совету пророчицы: груды мяса сложил на берегу, все звери ринулись туда. Затем море взволновалось, морская кобыла выставцла зад на берег и ожеребилась – родила араща. Сасрыкуа тут же поднял жеребенка, завернул его в бурку и вернулся с ним домой. Жеребенок во дворе Сасрыкуа рос и день и ночь, и на исходе третьей недели вырос в араща.

Сасрыкуа на своем араще покрывал до полудня путь, на который другие всадники тратили девять ночей и девять дней. Конь Сасрыкуа много раз спасал его от гибели.

6. КАК САСРЫКУА ПРИРУЧИЛ ДИКОГО КОНЯ

Текст:

З-дук моасны ицон. Убри азы ныркә нартаа аизара рыман. Сасрыкәа убрахь амоа дыкәылт. Дышнеиуаз, азы данныепынгыла, дызмырит. Данынацш, иладахьы еык шхәуаз ибеит. Днеин, «азы сырга» ҳәа даҳәеит. Усқан аеы, уаоытәыосак еицш, ацәажәара адыруан. Аеыкәтәара ҳәа икоугьы рыздыруамызт. Даамцасны икын, ацәҳар наҽацаны, ишамуаз мчыла азы има дгалт. Агәтаны даннеи, иеы ахы аарҳәны, азы ахьаауаз шыкоу ддәыкәылт. Иеы уаҳа натахымкәа иаацсеит, аееикәнакыит.

Нас днырны аизараеы днеит. Аизараеы зегьы ицьаршьеит Сасрыкәа еыла дахьнеиз, избан акәзар убри ида аеы азә дакәтәо ирымбацызт.

Перевод:

На берегу большой реки состоялся сход нартов. Сасрыкуа* отправился туда. Но не смог переправиться через реку. Смотрит – и видит пасущегося невдалеке коня. Он подошел к коню и попросил, чтобы тот перевез его на тот берег. В те времена и лошади, подобно людям, умели говорить. Но что на лошадях можно ездить – [люди] не знали. Сасрыкуа поймал коня, взнуздал его мочалом и насильно вогнал в воду. В середине реки он повернул коня против течения. Конь устал очень сильно и покорился.

Затем [Сасрыкуа], переправившись через реку, явился на сход. На сходе всех удивило, что Сасрыкуа приехал [верхом] на коне, потому что никто до этого не ездил на коне.

7. МЕЧ САСРЫКУА

Текст:

Афырхы қажьы ибет абрыи Сасрыкәа. Сасрыкәа афырхы аашьтихын, дахәацшын – шфырхыз идырт. Сасрыкәагь[ы] ашана змаз уаоын. Иаргь[ы] шанала диын, ашана иыман иаргьы. Аҳәа [афырхы] нартаа ржьи, ыками, инаган[ы] иитет, «аҳәа сзалх» ҳәа.

Абрыи аҳәа икаицаз ажьигьы уамашәа ибет. Ахаҳә дасын – ицнакет, амеы дасын – ицнакет, аҳәа даҽасын – аҳәа хнацәет. Афырхы, ыками, амч амазар акәын. Уиакара игәгәазар акәхарын. Иара усгьы, афырхы шырҳәо, ыками, ами ишыко. Даалаган[ы] аҳәақәа иыкаицаз, ҳәа-шәк ракара загь[ы] еилакнеиҳаит.

Дааит арыи [Сасрыкәа]. Дааин, – Сзаказ иуыстаз кауцама?

– Икасцет. Аа! – иҳәан, акы аакнихын, инеиган ииркит.

Абас ишикыз ацыхәеи агәыцәи кны абас иааирхәан, аҽаоҳәа иаахицәет. Дыроагьы еак[ы] ааган[ы] ииркит. Уыгь[ы] иырхәан ихыицәет, иццәет. Агьыгь[ы] иырхәан, иыццәет. Цшьба-хәба цицәцәет уажәы! Уаҳа цсыхәа иымам шьта, аиаша иимтар, арт иаҳәақәа икаицаз загь[ы] цицәцәот арыи уажәшьта. Ибот арыи, арыи ажьи. Нас «уаҳа арыи цсыхәа амамзаап» иҳәан, днеин аныи

афырх[ы] иалхыз ааган[ы] иркит. Ирцәиит (!), алада игет, аҩада игет, аха акгьамыхьт.

– Аа, сара иуыстаз абриоуп, – иҳәан, иаҳәа аашьтхны иыман[ы] дцет.

Абриала ауыс иуан. Адауқәа драбашьуан,агәылшьап алеишьит. Сеидрыу, иалакаимцоз акыкамызт! Абрыи афырх[ы] иалырхыз аҳәала акәын, ыками, дшыкәпоз.

Перевод:

[Однажды] Сасрыкуа* нашел афырхы*. Сасрыкуа поднял его, смотрит – афырхы. Сасрыкуа обладал даром предвидения. Чудесным образом появился он на свет и обладал даром предвидения. Он понес [афырхы] кузнецу нартов, чтобы тот выковал ему меч из него. Меч, который выковал [из афырхы] кузнец, удивил его самого. Ударил он по камню – камень пополам, ударил по дереву – дерево пополам, ударил по другому мечу – меч пополам. Наверное, афырхы силу имел. Не зря ведь называют – афырхы. [Кузнец] повесил меч из афырхы среди других (около ста) мечей.

Пришел [Сасрыкуа] за мечом.

– Ты выполнил мой заказ? – спросил он.

– Выполнил, – сказал [кузнец] и дал [Сасрыкуа] один из мечей.

[Сасрыкуа] согнул его, и он с треском сломался. [Кузнец] дал ему другой меч. И его согнул [Сасрыкуа] и сломал. [Кузнец дал еще один меч], но и его согнул [Сасрыкуа] и сломал. Несколько мечей сломал [Сасрыкуа]. [У кузнеца] нет выхода, надо дать настоящий меч из афырхы, иначе [Сасрыкуа] все его мечи переломает. Нет выхода. Он взял меч из афырхы и дал [Сасрыкуа]. [Сасрыкуа] и так гнет его, и этак, но меч не ломается.

– Вот он – [из афырхы] который я тебе дал! – сказал [Сасрыкуа], взял меч и ушел.

Этим мечом и совершал [Сасрыкуа] свои подвиги. Им он воевал против адауы*, им убил агулщапа*... Множество других славных дел совершил он этим мечом.

8. САСРЫКУА

[рождение, добывание огня, освобождение водного источника]

Текст:

Нартаа ахьынхоз Кәбина азы ахыкәаҽ акәын. Уыбра иынхон. Ран илыхьзын Сатанеи-Гәашьа. Абрыи илыхшет цшьынҩажәи зежәҩык хацәарпарны, азә[ы] дызгабны – Гәындашза ҳәа. Абрыи ахшара лыхшаны ишыказ акәымкәаны, арт гәгәахет, рпарцәахет, рыекәа, ркәадыркәа, дара(!), ианеыжәлоз сицеыжәлон. Хьызрацара ахьзын, ицон. Рыхәра ицон, кәылара ицон, иыкарымцоз агьыказамызт. Ран Сатанеи-Гәашьа зҳәатәы калоз, Анцәа диыҳәар, зҳәатәы калоз цхәысын.

Абрыи [Сатанеи-Гәашьа] Кәбан дылбааны, азаҽы аматәа лрышҳауан. Лыматәа рышҳан даналга, леылкәабон лара, азы дталан. Лыешылкәабоз, ныцә ахьча [дибеит]. Уыбрыи дзыхьчаз [сгәалашәом]. Арахә ирыцыз хьчан иара. Абрыи [Сатанеи-Гәашьа] лцәа кәашза даниба, абрыи даниба, длеилаҳаит, ажәак ала... Каамет каицет, аха азы дырны арахь иара ааишьа иымамызт. Лара [Сатанеи-Гәашьа лцәа анхылт], адыунеи, илашет(!), ицшз[ах]ет(!), азы тылашааит(!), акәара лашет(!), арыи лцәа хтны ианаба, ажәҩан лашет(!). Абас иыказ азә[ы] лакәын.

«Аа, анацьалбет, агьи!» – иҳәан [ахьча], азнырцәынтәи, абрыи [Сатанеи-Гәашьа] длеилаҳан, нас убрантәи, ишцасҳәари, [ихацара] абрахь азы иыркьан иааит. Иахьааиз, ацакьа иалалеит. Арыи [ахьча ихацара] ацакьа ианалала, ларгьы адоуҳа змаз азә[ы] лакәымзыи, ацакьа аатапены, илыманы дыцет. Абра Сасрыкәа далцит. Ацакьа далылхыит, лара лыгра дтымшазет, амшыи нырцәынтәи иааз ила [ала диит Сасрыкәа].

Дахьааиз, дхатахет(!), дарцысхет(!), адыунеи, дкаametхан, изҳашьагьы, агьи, загьы-загьы(!), мшәан нартаа ирацигап уҳәартә сицш иеынахан, дкало даналага [иашьцәа иргәампхеит]. Иашьцәа «днашцоп, абрыи ҳан дабаалгеи, ҳаб дихылымцзет» ҳәа абрыи дратәаршьазомызт. Абрыи дратәаршьазомызт. Дара ахьцоз ицон, иара аҩны дыкан. Дара анахь ицон, арахь ицон, рыекәа, ркәадыр, рыфатә, рыжәтә, [зегь рыла еикәшәан]. Аныи [Сасрыкәа] иашьас дратәаршьазомызт.

Уыс ишыказ акәымкәаны, – Бара, сан, абрыи [абарт сашьцәа] сзырымгои, сызратәарымшьои? – ҳәа леиҳәет.

– Уызратәарымшьозыи, ухәычуп, агьиуп ҳәан ауп узырымго, агьиуа, – лҳәет иан, Сатанеи-Гәашьа.

Ашьтахьы, арыи шхьааигоз анылба, [иашьцәа дрыцылпцарц лызбеит].

– Уаҵәы [ҳан] уаа-цшьынҩажәи зежәҩык ҳамҩаныфа каца,– рҳәет [нартаа аишьцәа].

Ларгьы закә мычхараз илымаз сеидру? [Дара] рымҩаныфагь калцет, лычкәын итәы, аныи аицбы итәгьы калцет.

– Уаргьы [Сасрыкәа] уеы ааганы, икәадырны ара иыргыл,– ҳәа иалҳәет.

Уыгь иеы ааиган, икәадырны иыргылет. Арт рыекәа ркәадырын, аехарцарта ҳәа иарсыз аҿааста(!) рыекәа рыгәракәа нахарцсан, итәан. Иҩагылан ианеыжәлоз (реиҳабы Сит ихьзын, рыхьызкәа сгәалашәом, азә[ы] – Нарт Сит, азә[ы] – Нарт Цәыцә, агьи, уырт рыхьызкәа са исзекәыцхьазом), «еиҳаб-еицбыла шәеыжәыл» рҳәан, рацхьа Нарт Сит дыҩеыжәырцан, агьырт загь[ы] агәгәаҳәа иыҩеыжәлет. Сасрыкәа уеыжәыл ҳәа иарымҳәазет. Сасрыкәа уа иеы шҿаҳәаз иаанхет. Уеыжәыл рымҳәакәа иаргьы дыцозма! Ҳаи ҳәа иыҩеыжәлан, ианеыжәла, ркамчы аныркьа, идыдыит(!), имацәыст(!). Уаа-шәҩык ахьцоз реышьтыбжь атәыла бган, агәара иылтыцны ианца, арыи [Сасрыкәа] ихы кны дааин[ы] даатәет.

– Сан, ари закәи? – иҳәет. – Арт сызратәарымшьои, сзырымгаи? – иҳәет.

Нас, – Уи уыхәычыуп ҳәа урымгазар акәхап, сазны ианцо уыргап, агьин, – лҳәет, аха [имуит Сасрыкәа].

– Мамоу, сзымцаз сабҳәароуп! – иҳәет. Нас,– Аилаць уы, аилаць,– иҳәет. (Аилаць ачамыкәа ҳәа иашьтамзыи.) – Абрыи каца, исфот, – иҳәет.

Ачамыкәа аалуын (ачамыкәа иыруазгьы гәгәазар акәхарып!), иыуны данаалгоз аамтазыҳәа, лнапы ааикын, адоумжьха иаҩызаз [Сасрыкәа], Сатанси-Гәашьа ачамыкәа лнапы алаиршышьит.

– Ааи, икауцозыи, сыубылуама?! – лҳәет.

– Сызцоу дбымҳәакәаны бысшьтуам! – иҳәет.

– Аа, сышьты! Иуасҳәот, – лҳәет, – уара узакәыцәкьоу, – лҳәет.

Арыи лнапгьы иыблыит, агьит, даатыцын [лнапы ааушьтын], «иан, уара, абас, аматәа шызызәзәоз ныркәынтәи, абас ушыкалаз, ацакьа ушалцыз, [уашьцәа] уагьреиғьыуп, са соуп узаазаз. Абас ауп ишыкоу», – ҳәа иалҳәет. – Ыкоу удыруама? – лҳәет.

– Ыы?

– Уымҩаныфа касцот, ашьжьымтан урышьталот, – лҳәет.

Имҩаныфа калцан, ашьжьымтан даагылан, леи лнапи ааалызәзәан, адоуҳа калцет: «Иа, сшамкәа сызшаз, абриакара [санзыриаз] (лнапгьы мблыи), шәашьа иакәын, дшәеицәамкәа, хацагәылагь[ы] дшәеицәамкәа, уаҩорылагь[ы] дшәеицәамкәа дыкан, дшәатәамшьакәан абриеипш икашәцаз азыҳәа, шәыцсы мцо, акырцх баацс[ы] шәысуа, амш цәгьа-баацс шәысын, шәыцс[ы] мцо, Сасрыкәа иыда цсыхәа шәымамкәан, абрыи дшәыхьзаат!» – ҳәа адоуҳа калцан,–Уеы уасны урышьтал! – лҳәет.

Уаа-шәҩык ахьцаз, атәыла ахьыбгаз(!), рышьта аашьтикәыцәаан (иара дцыруан, ант реы дыказма!), дрыхьзет(!). Кыр цхьан. Данрыхьза, абриеипш адоуҳа баацс[ы] иакәшәет абарт ауаа – асы аицкыс асы ауыит(!), акәа аицкыс акәа еицәахет(!), илаҳәит, амца рзеикәымцет. Атәыла бгет! Рхы кны, цьара еилацаланы(!), адыунеи, идыдует(!), имацәысует(!), атәыла бгот, рхы ианамырхәауа ишыказ акәымкәа, Сасрыкәа длет.

– Аа, анацьалбет! Сасрыкәа, ҳанцәет! – рҳәет. (Сасрыкәа ҳәа рҳәазомызт уанза.)

– Шәымшәан! – иҳәет.

Атыкҳәа (нас, лакәуп) аиацәа дехсын, акьлымшьк адижәан, иахькаҳаз, – Шәакәшан(!) шәгыл абрыи, амца аазгааныа! – иҳәет.

Атыкҳәа дыҩн[ы] дцет. Иара иеы ааикәадырын, деихет. «Лҩак ахьҩеиуа збозар» ҳәа, деикәшо дышнеиуаз акәымкәан, ҳап дыуззак аҿы алҩа ҩеиуан ибет. Арт [нартаа аишьцәа] арыи амца [аиацәа] иаакәшан иаагылт, «сшәыхьзот» иҳәет. Аҳацаҿы даннеи, апсакәа(!) атцҳәан еилажьын(!), атәыла бган амца еикәыжьыуп(!). Абырсынтәи даҿыкәшан адауы дыеҳәажьуп(!) Аха, папробуи, уашьта унеи, уца!

[Сасрыкәа] дылкылсын, ыками, ииулак, дихыцет [адауы]. Дихыцет. Дихыцан, длыҩнацалан, кәастха дыук аашьтикәыцәаан(!), арахь данынехыцоз аамтаз[ы], акәастха акьлымшь ладжәан, илымха агәаҩара иташәет адауы. Арыи илымха аҿҿаҳәа [амца] анакы(!), адауыжә ас аныкаица [илымха данас], данаацш, дыихыпан такәы днаскьахьан, аха инапы ларoун[ы], дыкны дааиыхан, арахь дааигет.

– Уабатәида, узакәызыи, икауцо [закәи], уымцаа, уымпшаа сымца го?! – иҳәет [адауы], длышьтагәа дыикын [Сасрыкәа].

– Уанацьалбет, амца стахын, «абас, анс, арс, агьыи»,– иҳәет [Сасрыкәа].

– Уара, иызбахә уаҳахьоу, Сасрыкәа ҳәа хаҵак дыкоп? – ҳәа адауы дҵааит.

– Иызбахә саҳахьет, агьихьет,–[иҳәеит Сасрыкәа].

Нас,– Дзеиҵш хаҵои? – [дҵаауеит адауы].

–Хаҵагәышьоуп, дыҕәҕәоуп, аниуп, ариуп,– иҳәет [Сасрыкәа].

– Иыкоу уасҳәап! – иҳәан, [дааҵәажәеит адауы].

– Ыы?

–Уыбрыи Сасрыкәа иыкаиҵакәоз, ахаҵара ҕәгәакәас иыкаиҵакәоз сауҳәароп уара! – иҳәан, уыс иҳәет.

– Иуасҳәап,– иҳәет. (Арыи дбаандаҩыитәит, шьҭа, диышьҭуама!)

– Иыкаиҵакәоиз? – иҳәан, [дҵааит адауы].

– Иыкаиҵоз уыбриоуп, – иҳәет: – Ашьха ахаҳә идыуззазаз хагалан ахәы иыкәиыргылон. Иара днеин[ы] данаҵагылалакь, иыбҕеиҵон, – иҳәет. – Иыбҕалартә икаҵаны иахьыказ иыбҕеиҵон, Сасрыкәа дааҵаххын хыла даҵасуан абрыи,– иҳәет. – Ихы илыкәкәыбан ицон, бгыгас иымаз абриакәын ихы данафоз, – иҳәет [Сасрыкәа].

– Нас, ҧбрыи Сасрыкәа иыкаиҵоз са исзыкамҵап ҳәан аума уыгә[ы] иаанаго! – иҳәет [адауы].

Адау хаҳә дыуззак аашьҭихын, ыкамыи, [ашьха] ихагалан, иахьыбҕалашаз иныкәиыргылан, иара длеин ҵака дааҵагылет.

– Уагәтас нак! – иҳәет [адауы].

– Арыи Сасрыкәа длен [ахаҳә] длагәтасын, иышлеуаз, [адауы] ихы ҩаҵеикын(!), абрыи анынеҵш, илыкәыттан ицет.

– Ҳаи, рацәа ихыбгыгоп, анаҵьалбет, Сасрыкәа дхаҵазаап! – иҳәет [адауы].

Аҳа, – Уаҳа иыкаиҵакәоиз? – иҳәан, [дҵаауеит адауы].

– Уаҳа иыкаиҵоз уиоп, – иҳәет: – Азы(!) аихаҷамаҷа лтажыны(!), агәара-агәара-агәара-агәараҳәа(!) иыршуан ашьжьымтан, абрыи дҩахан иыжәуан, гәыршышгас иыхәон, – иҳәет [Сасрыкәа].

– Нас, уыи са иысзыкашәымҵои, иысзыкашәҵа! – иҳәан [адауы], акәаб ала акәакҳәа азы дыршын, иитет [Сасрыкәа].

Дҩахан(!), акәаб итаз аатиыркәкәан, – Аа, рацәа дхаҵоп Сасрыкәа, зака игәырҵхагозыи, анаҵьалбет! – иҳәет [адауы].

Аҳа, – Уаҳа иыкаиҵоиз? – иҳәан, [дҵаауеит адауы].

– Уаҳа иыкаиҵоз уыбриоп,– иҳәет: – Нас абриакара аныи ахаҳә ихы иагәыдҵан ихы аныибыглакь, агьи, азыршы аныижәлакҧ, нас(!) ихы ҩохаҳәхәалауа азы дзаатәалон, уыбра иеыирыхьуан, – иҳәет.

– Нас, уыи, хаха-хымш(!) са иысзымчҳап ҳәа уыкоума! – иҳәет [адауы].

Адауы азыжь ахьыказ дылкылсын, азы дзаатәалет. Азы данзаатәала, арыи [Сасрыкәа] адоуҳа каиҵет, иан лдоуҳала. Еикәжәаны(!) иҵаартә хаха-хымш, адыунеи, каамет калартә, абас адоуҳа аныкала, иҵааит. Азы загь[ы] ҭаҵааит(!), иара [адауы] далакьырны(!), иара дтатәан уа.

– Аҳа, уара, уашьҭа [ҩеиха! – иҳәеит Сасрыкәа].

Хаха-хымш анҵы, уашьҭа далҵует иҳәан, данышеиха, хәычык-хәычык, ишьтихырц далагет уара [адауы].

– Аа, уыс акәзар, стырҩагьхы такәы ычҳауап,– иҳәет [Сасрыкәа].

– Аа, уыс акәзар, са иысмычҳакәан! – иҳәан, дсҭаагьыжьын, данылзаатәа, ахаҳә-мҷыхә, аҭәа-мтәа тырҩагьх иакәыжьны(!) стырҩагьх ычҳан, акаамет силакьырит.

Иапеилакьыр ашьтахь ҳаи ҳәа деихан, деихет, деихет, аха дамышьтит адауы. Адауы данамышьт, атыкҳәан иаҳәа аатыикәыцәааит [Сасрыкәа].

– Аа, абаапсы, сыгәнаҳа уыкәуымҵан! Уаҳәала сыхәда узыцком, са саҳәала ицка, са саҳәала ицка! – иҳәет [адауы].

[Сасрыкәа] атыкҳәан иара иаҳәа атра инҭеиҵан, адауы иаҳәа ааиган, абас(!) аҵаа иыкәырҳәазан иандәыкәица, ихы ихагылазамкәан иааихыцәыцәааит. Ихы ихыихаанза убыс иҳәет [адауы]:

– Схы ансхыухлакь ашьтахь, сыхәда ацәа аахыхын, Сатанеи-Гәашьа (иан лакәымзыи), уан макас иган[ы] илымҳаца. Абрыи дыргоп, убрыи каца, – ҳәа еиҳәет.

Арыи [адауы] ихы хҵәыцәаан иаиҵа, атыкҳәа дласын, иыхәда ацәагьы аахыихын, мака сахьак атан[ы], уыгь[ы] аашьтикәыцәаан(!), ҳаи ҳәан иымҵагь аашьтхны, шьта иашҵьәа рахь деихет [Сасрыкәа]. Деихан, амҩан, такәы днаскьахьан, «уара, абрыи шаитанрак сзыиузар калап, иамчу збани абрыи икаиҵаз [ииҳәаз]» иҳәан, дышпеиуаз, ҵак днадыххылан, аныи иыхәда ацәа ҩакәиыршан, атыкҳәан(!) иаахҳәыцәаан, аҵса хпаршәтит. «Коҳ, арыи сан дыишьырц акәзаарын» иҳәан, уыи нак ыылкаиыжьын деихет.

[Сасрыкәа] иашьцәа рҿ[ы] данааи, аныи иахьахагылазгьы [аиаҵәа] ихышәашәахьан, агьихьан, иымҵсыцкәан убыс дааин, амца(!) лага илеикәиыжьын(!), иырҵхет(!), крырҿеиҵет(!), акрыдиыржәит(!).

– Уашьҭа шәаала аѡныка, – иҳәан [Сасрыкәа], дларацызан, акәакҳәа реылархан, иааует.

Арҭ ахьааua, «уажәы ҳнеиуеит ҳқытаҽ[ы], ҳауааҷәлар рҽы, аха арыи уҳәан-сҳәанны, анцәара ишаҽыз Сасрыкәа иратәарымшьоз еикәиырхет ҳәа, арыи цхашьароуп, ибык-аҳцарызыи» ҳәа збо иааuан.

Ибшаауаз, уахык (иыҕдыруан дара, анҭ нык҃әацәмзыи), тыша дыуззак ахьамаз рдыруан, абрыи ахыцәаҽ[ы] илеин[ы] ицхьет. Ианцхьа, арыи, убыс рызбет, «[Сасрыкәа] атыша дтажьны, ҳцап ҳара» ҳәа. Атыкҳәа иласны, ауыха уа ишцхьаз, нас ианыцәа, аныи, арыи, ишакәхалакь атыша дтарыжьт. Арыи Сасрыкәа дтарыжьын, дара агәакьҳәан иыѡеыжәланы еипхагыла рыѡны иаакылсит.

– Уара, Сасрыкәа дабак҃оу? – лҳәет ран.

– Сасрыкәа, дабак҃оу Сасрыкәа, ара дныжьны ҳамцеи, уахь даагама?! – рҳәет.

– Арахь дышцааи [дабак҃оу], уахь дшәышьталан[ы] дцет?! – лҳәет.

– Сасрыкәа, ҳа ҳахьцаз Сасрыкәа неишьа имазма, мамзар! – рҳәет.– Уыи уахь дабананагоз! – рҳәет. (Арыи ауаѡ дыбжьазит!..)

Арыи [Сасрыкәа] длалкьан, абрыи атыша дызтаҳаз, атыша дызтаҳаз аца убыс ик҃азаарын: Уыбра қытак ык҃аны, зы-зацәык ада зы амазамкәаны. Абра ибнхозаап гәылшьапк, [ақыта] ҳас иамазаап. Агәылшьап, аҳ[ас ақыта] иамоу, убыс к҃анацозаап: азы ртоп есышьжьымтан инеин[ы]. Зҕабк, зҕабк днаган дарымтакәаны (азҕаб дафон!), дарымтакәан азы рынатазомызт, азы иааҽыкәшан иаатәон. Иара шьышьа рзамтет, хәышьа рзамтет.

Арыи [Сасрыкәа] дахьылкылкьаз, азҕабк дааган дрылагылоп, азҕаб еиматәан[ы] ацәыуара даҽыуп, агьыртгьы ацәыуара иаҽыуп. Очарадуп, иахьа уара утәы дагот, уацә[ы] са стәы даго, абас еикәыршо иаауе т. Азы рымжәыр цсыхәа рымам, аниак ада зы амазам. Сасрыкәа данылкылкьа,– Шәзырцәыуозыи? – [иҳәеит].

– Ҳабамцәыуо, абрыи уажәы агәылшьап дган[ы] даҽаҳцароп,– рҳәет.

– Иауеи(!), агәылшьап дзаҽашәцо? – иҳәан, [дразцааит Сасрыкәа].

– Агәылшьап дабаҽаҳамцо, зы-зацәык ада зы ҳамазам. Аз[ы] иара ҳас иамоп. Абрыи даҽаҳамцакәаны дханатазом [азы ханатазом], – рҳәет.

– Каҳ! Шәаала уара, шәызҕабгьы шәылкәацын шәаала,– иҳәет [Сасрыкәа].

– Ҳара(!) ҳафот,–рҳәет, аха [иумит Сасрыкәа].

– Шәаала! – иҳәан, ҳаи ҳәа дларацызан, Сасрыкәа иҽынахан даннеи, иара [агәылшьап] ык҃анацац ала, «азҕаб даргет» аҳәан, ианааицыла, ҳаи ҳәан, дааи даавагьыжьын, еихиырссет(!), ыниырцәет, ик҃әак҃әан ик҃әицет.

Ибшьны илаган[ы] ианылкаиыжь, ык҃амыи, ашыцҳәан(!) уарбажә дыуззак(!), ауарбажә дыуззагь ыѡн[ы] иаакылсын, Сасрыкәа ик҃әшо иалагет.

– Ик҃ои, иуыхьхьои? – [дазцааит Сасрыкәа].

– Иасышкәса ацацәа хысхует. Сцацәа иаахысхуа иара [агәылшьап] нкылсны иафот. Сеимнацәахьан, суыркьатет уашьҭа, абаацсы! Абасоп ик҃алаз. Уара иааутахыу(!) сара исылымшо агьык҃ам, – аҳәет арыи аўарбажә.

– Ибзиоп, усымаз [сгәы итаз],– аҳәет [иҳәеит Сасрыкәа].

Ажәлар рзы ртет, агәылшьапыжәгьы нак ик҃арыжьзар акәхап.

– Уара [Сасрыкәа],– рҳәет,– иыутахыи, иыузык҃ахцари бзерас? – рҳәет.

– Сара ибстахыу абриоп, схамлар ауам сыдгьыл ахь. Абра халашьас ик҃оп? – ҳәа дцааит [Сасрыкәа].

Ауарбажә дазцаан,– Сара исылшоу убриоп, ухазгалот. (Ауарбажә мчы змаз акакәын.) Акзацәык, кәыцхак азна акәац [рхиа], сеы сраҳаццхьаза жьхәык-жьхәык сфо ик҃ацә. Уара ухазгалот утыцахь,– ҳәа ианаҳәет.

Абас [кәыцхак азна акәац стахыуп ҳәа] реиҳәет [ажәлар].

– Ҳаи, иабахәа(!), акәац уызымтода, уанацьалбет! – рҳәан, акәац ршьын [ашьтәакәа ршьын], еиҽырхын, ик҃арцан, акәыцха азна изык҃арцан, инаган[ы] ауарбажә [иакәырцеит].

Дѡакәтәан(!), даамцанарсын, атыша иаман [даман] италан, ихалет. Ик҃ѡхаларц агьагымкәан[ы] икәац нцәет. Аҽы араҳаит(!), аҽы араҳаит, аха еитои, икәыцха итаз нцәахьан. Атыкҳәан иаҳәа(!) аатык҃әыцәаан, иуатәа ажьышәра(!) аатык҃әыцәаан, инаган[ы] инаҽыцеикит. Уаҳәла италахьан иаргьы. Ианыҽыцеик, иааҽыцанакын иѡеихан, хыхь ик҃ѡхалет. Ианыѡхала, арыи [Сасрыкәа] иуатәа цәцәаны икажьыуп, аныи иаҽыцеикыз ымфазакәа иаман, иара уа инакәнаршәын, абыз нахьнашьыаахьнашьын, иуатәа шык҃аз иааканацан, «бзела» рҳәан, иара [ауарбажә] атыцахь ицет, арыи иҽааихан, ик҃ѡнык҃а дгәарлет.

Данааи, ыцхашьет арт партаа. Ыкалаз загьы ажәабжь рахаит.

Абрисицш ауп са иахьынзаздыруа.

Перевод:

Нарты жили на берегу реки Кубина*. Там жили. Матерь [нартов] звали Сатаней-Гуаща*. Она родила девяносто девять сыновей и одну дочь – Гунду Прекрасную*. Дети выросли, набрались сил. Все вместе садились на коней и ездили в походы за славой. Совершали набеги, грабили, много чего делали… Их матерь Сатаней-Гуаща была женщиной, чье слово сбывалось. Попроси она Анцва*, и ее слово сбывалось.

[Однажды Сатаней-Гуаща] спустилась к Кубани и отбеливала в ее водах одежду. Отбелив одежду, купалась в реке. Когда она купалась, с того берега реки ее [увидел] пастух. [Не помню], чей он был пастух. Обычный пастух, который пасет скот. Словом, этот [пастух], увидев белокожую [Сатаней-Гуащу], возжелал ее. Акаамет*[1] сделал он, но не смог переплыть реку и добраться [до Сатаней-Гуащи]. Когда [Сатаней-Гуаща обнажилась], в адуней*[2] стало столько света и красоты, что река засияла, засиял берег; само небо, увидев ее наготу, засияло. Такая она была.

[Пастух] думает «аа*, анаджалбейт*!», желает [Сатаней-Гуащу]. [Не сумев одолеть реку], он послал [с того берега] свое [семя]. Оно ударилось о скалу и вошло в нее. [Сатаней-Гуаща], ведь она обладала даром предвидения, высекла из скалы [зародыш] и взяла с собой. Из этого [зародыша] произошел Сасрыкуа*. Не из чрева Сатаней-Гуащи родился он, она высекла его из скалы, [он родился из того], что пришло с того берега реки.

Сасрыкуа вырос, возмужал, адуней[3], стал он акаамет[4], храбростью, удалью начал брать верх над [братьями]-нартами. [Это не понравилось им]. «Откуда наша мать взяла его, не от нашего он отца, анашпа* он!» – говорили они и пренебрегали им. Пренебрегали [Сасрыкуа]. Сами шли в поход, а он оставался дома. Сплоченно, дружно, на своих могучих конях, в блестящих доспехах, гордые, разъезжали по свету, а [Сасрыкуа] не признавали за брата, пренебрегали им.

Однажды Сасрыкуа спрашивает у матери:

– Мать, почему [братья] не берут меня с собой, пренебрегают мной?

– Почему пренебрегают? Ты пока слишком молод, потому не берут, – ответила Сатаней-Гуаща.

Но когда увидела, что [Сасрыкуа] опечален этим, [она решила отправить его с братьями].

– [Мать], приготовь на завтра еды на дорогу для девяноста девяти человек, – сказали [однажды братья-нарты].

Кто знает, какая была в ней сила, но она приготовила еду [всем им], и своему младшему сыну [Сасрыкуа] тоже приготовила.

– [Сасрыкуа], ты тоже приведи своего коня, оседлай и поставь здесь! – сказала она ему.

Он привел коня, оседлал и поставил. Их [братьев-нартов] лошади оседланные стояли у огромной коновязи, с наброшенными на нее уздечками. [Братья-нарты] поднялись (старшего звали Сит*, имена всех не помню, одного звали Нарт Цвыцв*, других назвать не могу) и по страшинству – первым Нарт Сит – вскочили на коней. Сасрыкуа не сказали, чтобы садился на коня. Конь его остался стоять [у коновязи]. Без их приглашения он разве сел бы на коня! Сели [братья-нарты] на коней, взмахнули плетьми, [и вокруг] загремело, засверкало. От движения ста [всадников] повсюду стоял великий гул. Когда они покинули двор и уехали, [Сасрыкуа] сел в печали, схватившись за голову.

– Мать, что это такое? – спрашивает он. – Почему не взяли меня с собой? Почему пренебрегают мной?

– Наверно, потому не взяли, что посчитали слишком молодым. Да [не бойся], в следующий раз возьмут! – сказала [Сатаней-Гуаща], но [Сасрыкуа ни в какую]!

– Нет, ты должна сказать, почему не взяли меня! – сказал он. Потом Сасрыкуа говорит матери: – Приготовь мне айладж.* (Айладжом ведь называли ачамыкуа*.) Свари мне его.

Она приготовила ему ачамыкуа (много тогда, наверно, готовили ачамыкуа). Только приготовила, вдруг Сасрыкуа, подобный адоумжьха[5], взял ее руку и сунул в ачамыкуа.

– Аай*, что делаешь! [Руку] сожжешь! – вскрикнула[Сатаней-Гуаща].

– Не отпущу, пока не скажешь, чей я сын! – говорит он.

– А-а, пусти! Скажу, кто ты! – ответила она.

[Сасрыкуа отпустил] ее обожженную руку, и [Сатаней-Гуаща] рассказала, как стирала одежду, как с того берега [ее увидел пастух]… как из скалы произошел он…

– Ты лучше своих братьев, я воспитала тебя. Так было! – сказала [Сатаней-Гуаща] ему.

[Затем] она говорит:

– Знаешь что?

– Что?

–Я приготовлю тебе еды на дорогу, завтра утром поезжай [за братьями], – сказала она.

Она приготовила ему еды на дорогу. Утром ополоснула лицо и руки и произнесла заклинание: «Иа*, создатель мой! Вы, причинившие мне столько страданий (ведь и руку сожгла)! Он был вам братом, не хуже вас, отвагой не уступал вам, и человечностью не уступал, но вы пренебрегли им. Пусть за все это страшный град обрушится на вас, пусть невиданно-страшное ненастье[6] настигнет вас, и чтобы вы, ни живые, ни мертвые, не смогли обойтись без Сасрыкуа!»

– Иди, скачи за ними! – сказала [Сатаней-Гуаща].

След ста всадников не затеряется, по нему [Сасрыкуа] поскакал за братьями (он летел, не то что они!) и догнал их. Времени прошло много. Когда он нагнал их, заклинание [матери нартов] уже сбылось. Выпал снег – страшнее любого снега, полил дождь – страшнее любого дождя, они замерзли от холода, не смогли разжечь огонь. Ужас[7]! Они сбились в кучу, адуней[8], гремит гром, сверкает молния. Ужас[9]! И в это время, когда они совсем обессилели, их настиг Сасрыкуа.

– Аа, анаджалбейт! Сасрыкуа, выручай нас, мы погибаем! – закричали они. (До этого они не говорили «Сасрыкуа» [не называли его по имени].)

– Не бойтесь! – сказал [Сасрыкуа].

Он выстрелом (сказка ведь!) отбил от звезды кусок.

– Пока не принесу огонь, грейтесь у него! – сказал [Сасрыкуа].

Он мигом оседлал коня и помчался искать, поднимается ли где-либо дым. Вдруг видит, что из огромной пещеры идет дым. [Братья-нарты] собрались вокруг огня [звезды], ждут Сасрыкуа, [он] обещал вернуться с огнем.

В пещере горит огромный костер из вырванных с корньями пихт. Вокруг костра, кольцом свернувшись, лежит адауы*. Аха*, попробуй [взять огонь]!

[Сасрыкуа разогнал коня], и сумел перепрыгнуть адауы. Перепрыгнул его. Перепрыгнул, взял большую головешку, но при обратном прыжке с головешки оторвался уголек и попал в ухо адауы.

Ухо загорелось, адауы проснулся и, хотя [Сасрыкуа] уже был далек, протянул руку и поймал его.

– Кто ты, откуда, почему без спроса берешь мой огонь? – спросил адауы, держа [Сасрыкуа] крепко.

– Уанаджалбейт*, [не обессудь], мне нужен был огонь! – ответил [Сасрыкуа].

– Ты ничего не слышал о Сасрыкуа? – спросил адауы.

– Слышал, – [ответил Сасрыкуа].

– И каков он? – [спрашивает адауы].

– Так себе, крепкий вроде мужчина, – ответил [Сасрыкуа].

– Знаешь что? – сказал [адауы].

– Что?

– Ты должен рассказать мне о подвигах Сасрыкуа! – сказал адауы.

– Так и быть, расскажу, – отвечает [Сасрыкуа]. (Что делать, [адауы] пленил его!).

– И что же он делал? – [спросил адауы].

– А делал он вот что, – говорит [Сасрыкуа]: – Поднимал на гору огромный камень и ставил его на вершине. Сам становился внизу. Он ставил камень так, чтобы [чуть толкнешь – и он] скатится вниз. Когда камень скатится, Сасрыкуа подставлял голову. Камень разбивался вдребезги о его голову. Таким способом [Сасрыкуа] чесал себе голову.

– И ты думаешь, что я не смогу сделать так же, как и Сасрыкуа! – сказал [адауы].

Адауы поднял на гору огромный камень и поставил на вершине так, чтобы легко скатился. А сам стал внизу.

– Толкни его! – сказал [адауы Сасрыкуа].

Сасрыкуа толкнул [камень], [адауы] подставил голову, [камень] разбился об нее вдребезги.

– Хай*, какое хорошее средство для почесывания головы, анаджалбейт! Сасрыкуа и вправду герой! – воскликнул [адауы].

– Ну, что еще делал [Сасрыкуа]? – [спрашивает адауы].

– А еще он делал вот что, – сказал [Сасрыкуа]: – Бросит утром [в котел с водой] куски железа, вскипятит, потом проглатывает. Этим он согревался.

– Ну, сделайте мне то же самое! – сказал [адауы].

Нагрели ему котел воды, [Сасрыкуа] дал выпить. Адауы поднял котел и осушил его до дна.

– Аа, какой же герой Сасрыкуа! И вправду, как хорошо согревает! – воскликнул [адауы].

– Что еще делал он? – [спрашивает адауы].

– Еще делал он вот что, – отвечает [Сасрыкуа]: – После того, как камнем почешет голову, выпьет кипяток, по горло садился в воду, этим остужал себя.

– И ты думаешь, что и я не смогу три ночи и три дня выдержать? – сказал [адауы].

Адауы нашел озеро и сел в воду. Когда адауы сел в воду, [Сасрыкуа] произнес заклинание, матери заклинание: чтобы три ночи и три дня стояли лютые морозы, чтобы случился акаамет[10]. Ударили морозы. Все озеро замерзло, [адауы] вмерз в него, оказался схвачен льдом.

– Выходи теперь! – [говорит Сасрыкуа].

Когда прошло три ночи и три дня, [адауы] решил выйти, напрягся и медленно стал подниматься, [разламывая лед].

– Аа, он и дольше терпел! – крикнул [Сасрыкуа], видя, [что адауы может выйти].

– Аа, раз так, я тоже дольше потерплю! – сказал [адауы] и опять сел в озеро.

Сасрыкуа бросил в воду камни, бревна, сено, от этого [лед стал] намного крепче. Адауы [попробовал выйти], напрягся, но не смог разломать лед. Когда адауы не смог выйти, Сасрыкуа выхватил меч.

– Аа, абаапсы*, не бери греха на душу! Своим мечом ты не сможешь перерезать мне шею, режь моим мечом, моим! – воскликнул [адауы].

[Сасрыкуа] вложил свой меч в ножны, принес меч адауы, толкнул его по льду, он мигом снес голову адауы. Но до того, как [Сасрыкуа] отрубил ему голову, [адауы] сказал:

– Когда отрубишь мне голову, с шеи моей сними кожу и дай Сатаней-Гуаще на пояс. Это будет знаком [ее могущества], сделай так.

Когда [меч] снес голову адауы, [Сасрыкуа] снял кожу с его шеи в виде пояса, взял огонь и поспешил к братьям. В пути он решил проверить, не придумал ли адауы какую-то шайтанскую ловушку, и чтобы узнать силу пояса, опаясал ею пихту. Пояс тут же перерезал пихту и опрокинул ее. «Оказывается, он [адауы] хотел убить мою мать!» – сказал себе [Сасрыкуа], бросил ее [кожу] и поспешил [к братьям].

Когда он пришел к братьям, [звезда] уже остыла, но они еще были живы. [Сасрыкуа] развел костер, обогрел братьев, накормил, напоил их.

– Теперь едем домой! – сказал [Сасрыкуа], встал впереди них, и они двинулись в путь.

В пути [братья-нарты думают]: «Приедем в родное село, и пойдут слухи, что [братьев-нартов] от гибели спас Сасрыкуа, которым они пренебрегали. Это позор, что делать?».

На ночь они остановились около места, где имелась глубокая пропасть (путешествовали же, знали). [Братья-нарты] решили бросить [Сасрыкуа] в пропасть. Ночью, когда Сасрыкуа заснул, они бросили его в пропасть. Бросили Сасрыкуа в пропасть, а сами сели на коней и приехали домой.

– Где Сасрыкуа? – спросила их мать.

– Сасрыкуа? Как где? Мы же его оставили здесь, не взяли с собой! – ответили [братья-нарты].

– Его здесь нет, он поехал за вами! – сказала [Сатаней-Гуаща].

– Да откуда было Сасрыкуа добраться до мест, где мы находились! – отвечают они. – Не мог он быть там! (Бесследно исчез этот человек [Сасрыкуа]…)

[Сасрыкуа] все падал и падал в пропасть. На дне этой пропасти, оказывается, было село с единственным источником воды. Здесь, оказывается, жил агулщап*, и он был хозяином села. Агулщап делал так. Воду брали утром. Пока не отдадут девушку (он съедал девушку), агулщап не отдавал воды, загораживал собой. Ни ранить, ни убить его не смогли.

Пришел Сасрыкуа, а среди народа стоит девушка, плачет, обливаясь слезами, плачут и остальные. Сегодня заберет дракон одну, завтра другую, и так по кругу идет. Не пить воды не могут, а [источник] один.

– Чего плачете? – спросил [Сасрыкуа].

– Как нам не плакать: вот эту девушку сейчас должны отдать агулщапу, – ответили [люди].

– Почему вы должны отдавать ее агулщапу? – [спросил Сасрыкуа].

– Как не отдать нам ее агулщапу, кроме одного источника, не имеем. А он [агулщап] владеет им. Пока мы не скормим ее [девушку] агулщапу, [он не даст нам воды], – ответили [люди].

– Ках*, оставьте свою девушку, идите со мной. Пошли! – сказал [Сасрыкуа].

– Агулщап съест нас! – сказали они.

Но [Сасрыкуа настоял]:

– Идемте!

Сасрыкуа пошел к источнику. [Агулщап] решил, что, как обычно, привели девушку и вышел навстречу, а [Сасрыкуа] давай его рубить, кромсать. Убил [агулщапа]. В это время откуда ни возьмись прилетел огромный орел и стал кружиться над Сасрыкуа.

– Что привело тебя? – [спросил его Сасрыкуа].

– Каждый год я вывожу птенцов. И каждый раз приходит [агулщап] и съедает их. Без потомства оставлял. Ты осчастливил меня, абаапсы*! Вот что было. Я готов сделать все, что ты скажешь! – сказал орел.

– Ладно, я буду помнить о тебе, – [сказал Сасрыкуа].

Люди получили воду, а [убитого] агулщапа, наверное, выбросили подальше.

– Чем нам отплатить за твое добро? – спросили [люди].

– Я хочу подняться к себе на родину. Как мне подняться? – спросил [Сасрыкуа].

Орла спросил он.

– Я смогу поднять тебя. (Могучий был орел). Только [приготовь] корзину мяса, как открою рот, по куску мяса давай есть. Подниму тебя к твоему месту, – ответил [орел].

Сасрыкуа сказал об этом им [жителям селения].

– Хай, иабахуа*, кто не даст тебе мяса, уанаджалбейт! – сказали они.

Забили скот, разделали мясо, наполнили корзину, погрузили на орла.

[Сасрыкуа] сел на орла, орел взлетел, из пропасти вверх поднялся. До верха немного оставалось, как кончилось мясо. Орел разинул пасть, еще раз разинул пасть, но что он [Сасрыкуа] даст, корзина пуста! [Сасрыкуа] выхватил меч, отрезал мякоть со своего бедра и дал. Орел начинал уже падать обратно в пропасть. Когда [Сасрыкуа] дал ему [мясо со своего бедра], орел взял его, собрался с силами и поднялся. Поднялись они, а бедро [Сасрыкуа] кровит. [Орел тот кусок мяса с его бедра], оказывается, не съел, он приложил его [к ноге], лизнул языком, и бедро стало как прежде. [Орел] попращался и улетел к себе, [а Сасрыкуа] вернулся домой.

Когда [Сасрыкуа] вернулся, стыдно стало [братьям]-нартам. Об этом стало известно всем.

Вот и все, что я знаю.

9. РОЖДЕНИЕ САСЫРКУА И СПАСЕНИЕ БРАТЬЕВ-НАРТОВ

Текст:

Нартаа ран Ахьы-Цсҳа Гәашьа-цшза Сатаниа-Гәашьа ҳәа илышьтан. Абрыи Сатаниа-Гәашьа аматәакәа лызәзәарц Кәбина ацшаҳәа дцет, Кәбина ацшаҳәа, азакны. Кәбина ҳәа азы ыкан, зы-баацсык. Кәбина азакны дцет, аматәакәа лызәзәарц.

Нартаа ажәхьча дрыман, Батакәа ихьзын, Батакәа. Абрыи нартаа рыжәхьча Батакәа ажәкәа иыман нырцә, азнырцә дыкан. [Нартаа] рыжәкәа дрыцын. Абрыи дылгәацхет абастәи даныцшы лара [Сатаниа-Гәашьа]. Данылгәацха, – Батакәа, – лҳәет,– уысгәацхет, иацсыхәозе? – ҳәа уыс лҳәет.

Азы дталар, дагон [Батакәа], азы дызтамлет.

– Азы сталар, сагот, – иҳәет, – уыбра беырхианы баагыл! – иҳәан, леырхианы дгылан, агьин, зацакалалакгьы, уыбра убыс еиқәшәет, абрыи ихацара ахаҳә иаахет.

Ахаҳә ианааха (лара дшәан[ы] дацырцит), дцан, ажьи, Аинар-жьи длыман[ы] даан, абрыи ахаҳә трыччаны ианылхынт [Сатаниа-Гәашьа]. Ианылхын, лоыцра иыцалцет. Лоыцракны еизҳауа ианалага, лымгәа иакәылцет.

– Ҳан демгәадыухет! – рҳәет нартаа. – Ҳан демгәадыухет.– анырҳәа (иырцәымыцхет, агьит, аха демгәадыухет, нас, иааурыз!), арыи [Сатаниа-Гәашьа] длыхшет [ахшара], аҿҳәара анааи. (Шанала иыкамзыи иара!) Длыхшет, [ари] дрыдрымкылет иашьас [нартаа аишьцәа]:

– Уара,– рҳәет,– уыцәыбзацоп, ҳара уҳадаҳкылом,– рҳәет.

Абарт нартаа, цшьынҵажәи зежәҵык иыказ, қәылара идәыкәлет Нхыцка, Нхыцка, уажә[ы] абрыи абра Аҧснынтәи абрыи ахәы ихы́цны, ашьха ихыцны нак ирыкәлареҧш, абас.

Абрыи Гәашьа, Сатаниа-Гәашьа уыс лҳәет: «Абрыи рашьа (Сасыркәа изҳаит, агьит, туганхет, аха арт [нартаа аишьцәа] иашьас дыршьомызт), абрыи иашьас дыршьартә убыс, убыс иакәшәааит!» – лҳәан, [нартаа аишьцәа] ашьха ианхала, амш цәгьа-баацс рыкәшәан, анцәара иалагет. Анцәара ианалага, уыс рҳәет (уыртгьы акәышкәа акамзыи):

– Ҳара, – рҳәет, – ҳашьа Сасыркәа, ҳашьа, – рҳәет, – иахьа-зӡӡп уанаҳтахыу, ҳанцәот, ҳнымцәар ауам! – ҳәа [рҳәеит].

Абрыи аиҧш ажәа иырҳәаз́, ран еилылкааун зегьы, Сасыркәа иалҳәет:

– Уыца, уашьцəа иццəот, уеыжəлан уыца! – лхəан, ирашь дақəтəан, акəақхəа дкылкьет дара ркны, иахьыказ.

Данлеи, ахьта анцəара иаҫуп [нартаа аишьцəа]. Еикəшаны игылоп, аха ррашькəа, рыекəа, дара абар, иыпсует, уажəшьта агьырзыкацом. Даныцшы Сасыркəа, бна дыуззак амца шакыз ибет. Амца шакыз аниба, дыцан[ы] амныи абнакны дкацет, ирашь ала. Данкаца, цла дыук, цла дыук, амца зыцраз, иыхəда иаақəкны [арахь] даныца, кəастхак ацырыорын (агьи адауы дакəшан[ы] диазаарын, адауы иеакəыршан[ы] абрыи амца), адауы илымха итахаит акəастха. Илымха аатыблаауа ианалага, ас аныкаица [илымха данас], амца аныиба, нак ианкаиыжь, аҫсуа ифоы икит. Ифоы икын, дыхнырхəны, дыкны дааигет. Длаихəацш-соаихəацшын,– Уара сара акгьы усыхəом, – иҳəет, – ууасора уацсырхар акгьы усыхəом, уиатцкыс, уызыкəшəазын? – ҳəан [адауы дццаит].

– Абас, сашьцəа анцəара иаҫуп ахьта, абрыи [амца] рзысымгар иынцəот, – иҳəет [Сасыркəа].

– Уыца, иуыман уыца, – иҳəан, дауиышьтит дымшьыкəа, дтамырхакəа.

Дауиышьтын, акды иыман[ы] дхалан, рыгəтаны иышьтеицан, рнапкəа ахакны амцакны иыштəаз, абрыирахьтəи ахрахь дталан[ы] дцан, абынкəытқəа шəкы ишьит (ант шəсоык ыкамзыи), абрыирахка дталан[ы] дцан, ацəқəа шəкы ааигет, ацəы, ааацəқəа цканы. Акака диыркын, иахацаны акəытқəа, иырзын, акыргьырфет, агьит, рыпсы ааикəиырхан, иыман[ы] дхынхəны иысоныка дааит [Сасыркəа].

Перевод:

Матерь нартов звали Золотая Владычица Гуаща Прекрасная Сатаниа-Гуаща*.

Однажды Сатаниа-Гуаща пошла на берег Кубины* стирать одежду, на берег реки Кубина. Была такая большая река Кубина [очень опасная, бурливая], в ее водах стирать одежду, пошла она.

У нартов был пастух коров, Батакуа* звали его, Батакуа. И этот пастух коров нартских Батакуа с коровами находился на том берегу [Кубины], пас коров [нартов]. И он понравился ей [Сатаниа-Гуаще], когда с этого берега увидела его. Когда он понравился ей, она сказала:

– Батакуа, ты мне понравился, как быть?

Если бы [Батакуа] вошел в реку, река его унесла бы, не решился он войти в реку.

– Войду в реку – унесет. Ты встань наготове! – крикнул он.

И когда она встала наготове, как бы ни было, так сошлось, что его семя ударилось о камень. Когда оно ударилось о камень, (она испугалась и отошла [от камня]), [Сатаниа-Гуаща] пошла и привела кузнеца, Айнар-жьи*. [Он] высек [зародыш] из камня, и она положила его под мышку. Когда [зародыш] стал расти под ее мышкой, она приложила его к животу.

– Наша мать забеременела! – сказали братья-нарты. – Наша мать забеременела! (Им это было не по душе, но забеременела, что поделаешь!).

Когда пришел срок, [Сатаниа-Гуаща] родила ребенка. (Чудесным способом ведь произошло все!) Родила [ребенка], но [братья-нарты] не признали его за брата.

– Ты, – сказали они, – приблудный сын, мы тебя не признаем!

Однажды девяносто девять [братьев]-нартов отправились в набег в Нхыц*, как если бы, скажем, мы отсюда, из Апсны*, пошли бы через горы делать набег.

Гуаща, Сатаниа-Гуаща сказала так: «Пусть они [братья-нарты] попадут в такое положение, что вынуждены будут признать [Сасыркуа]* за брата!» (Сасыркуа возмужал, стал атуган*, но [братья-нарты] не признавали его за брата.) И когда [братья-нарты] поднялись на гору, их настигло невиданно-страшное ненастье[1] и они стали умирать. Когда они стали умирать, сказали так (и среди них ведь были умные): «Наш брат Сасыркуа, – сказали они, – ты сегодня нужен нам, умираем, гибель нам грозит!».

Это стало известно [Сатаниа-Гуаще], и сказала она Сасыркуа:

– Садись на коня и скачи. Твоим братьям грозит гибель!

[Сасыркуа] сел на своего араща* и примчался к [братьям-нартам]. Они сгрудились, спасаясь от холода, вот-вот вместе со своими конями замерзнут. Смотрит Сасыркуа и видит, как какой-то огромный лес горит. Увидев, что горит [лес], он вскочил на араща, помчался и приземлился в том лесу. Приземлившись, схватил большое горящее дерево, взвалил на плечо и прыгнул [обратно]. Тут от дерева оторвалась головешка и упала в ухо адауы* (оказывается, вокруг горящего леса кольцом лежал адауы). Когда внутри уха разгорелся огонь, [адуы ударил себя по уху]. [Вычистив ухо, адауы] уло-

вил запах апсуа*, [протянул руку], поймал и вернул [Сасыркуа]. [Повернул его туда-сюда]. осмотрел.

– От тебя мне мало толку будет, мало пользы мне, если я тебя убью. Лучше [расскажи], что тебя привело ко мне? – спршивает [адауы].

– Братья мерзнут от холода, если я не принесу им [огонь], они погибнут,–ответил [Сасыркуа].

– Иди, иди с огнем, – сказал [адауы] и отпустил его живым, не убил.

[Адауы] отпустил его, и [Сасыркуа] принес [братьям-нартам] горящее бревно, положил его посередине, они согрелись. [Сасыркуа] пошел в одну сторону и убил сто фазанов (их [братьев] ведь сто было). Пошел в другую сторону и принес сто прутьев [вертелов] из бука, дал каждому с насаженными на них фазанами, и они пожарили их [у огня]. Поели, [набрались сил]. [И Сасыркуа] привел их домой.

10. РОЖДЕНИЕ САСРЫКУА И ДОБЫВАНИЕ ОГНЯ

Текст:

Нартаа дара цсыуааруп. Цшьынѳажәи зежѳѳык(!) ыкан аишьцәа, раҳәшьа-зацә дрыман, Гәында(!) ҳәа. Нартаа ран Сатанаицҳан, Сатанаи лыжәлан, Гәашьа(!) лыхьзын.

Сатанаи-Гәашьа Кәбина азахьы дылбааит, шьхала дхыцны(!). Аԥшаҳәаԥны лыԥкәынцәа рыматәа лызәзәан, аԥәара иыԥкәцсан илырѳѳ, агьиуа, абас [даҽын]. Нартаа рыхьча Гьагә иыхьзын, Гьагә иыхьзын. Нартаа рыхьча Гьагә ажәхьчас дрыман, ажәԥәа дрыцын Кәбина азнырцә. Арыи, зуеԥсхьа ирыԥәцыз, игәы ѳарханы дыцәазар акәхарын, Сатанаи-Гәашьа лынаԥшымта [аԥәшәеит]. Игәы ѳарханы дышьтан, дгәалтет. Лыбжьы лыргет [Сатанаи-Гәашьа]:

– Уа, Гьагә! – ҳәа ҿылтит.

Гьагә ҳаи ҳәа ацәа далԥьан, дааԥшит:

– Уа, ҿызтыз Гәашьа боума? Зызҿыбтыз сара сзоума [соума]?! –иҳәан, дѳагылет.

Апкаѳҳәа азы дталан иҽааихет. Аха азы дыун, азы даҽет, дызмырит, ныркәка ддәыԥәнатцет. Арахь деитаталт, аха ныркәка ддәыԥәнатцет.

– Аа, Гәашьа, бгәыбҽаныз, инаит, инаит!– иҳәан, «ирыцхьажә» аҽааирхазар акәхап (сминауатуп, дад, сатамзааит),

иызхысҳәаазы, Гәашьа дзыцәшәазгьы закәыз, ишыказ седрума, мцахәыцәа, дшәан, хаҳә кьакьа-дыук ыказаап, ахаҳә кьакьа леахьаавалкыз, атахҳәа ахаҳә илакәшәан, ауаѳ сахьа ҽаҽаза иаанылет.

Арты нартаа дрыманы ажьи. Аинар-жьи ҳәа иышьтан. Нартаа раҳәа каицон, апса каицон, абрыи реибашьга аматәахә загь[ы] каицон. Нартаа ржьи иакәын, Аинар-жьи ҳәа иышьтан.

Длыкәлан Аинар-жьи икны дцет арыи [Сатанаи-Гәашьа]. Аинар-жьи икны дцаны, длыман[ы] даан, ахаҳә дладгылан, асахьа ианыз цены ианылхыит, кьыс амамкәан. Ианылхын, абымба иаалаҳәан, иѳаганы лѳыцра иыцалтцет. Ѳыцрала илыман. (Аԥҳәыс ахшара лцәа даналтцуа илымоп ҿҳәарас – ажәытәангьы аҽатәангьы – жәы-мзы, жәы-мшы, жә-саатк! Данахыс, ҳагеимшхароп. Уыи нас аеы дакьашьит рҳәот. Аеы лкалт иыладырчот, агьиует, абас икартцот.)

Лыҿҳәара ааит [Сатанаи-Гәашьа]. «Сыҿҳәара ааит» лҳәан, аҳәса еизылган, арахь илыхәацшын, уаѳ дрымбет. «Арыи закәизыи, ҳабжьома» анырҳәа, «аа» лҳәан, ахәычы иыпсы таланы, лѳыцра даатцылгет. Лѳыцра даатцылган, длыманы Аинар-жьи икны дцет. Аинар-жьи [ахәычы] иызшьапык (йаргьа шьапы) бѳатәны икаицет, агьыи ишьапы шьапыцәкьаны [инхеит], диызрыжәит арыи. Арытәа длаҽакны, [аиха ахьшуаз] дылзаацан[ы] диызрыжәит. Абриоп Сасрыкәа ахыи апсеи дзамго [дамго] дзаказ.

Аха иашьцәа дрыдрымкылт арыи. Аеыжәла бзиакәа ирымазы дрылацшны, дандыуха, мшызҳаиа, цхызҳаиа иызҳауан, данрылацшны, аеы рылган, Бзау ахьзылцан, иан изыкәлыргылет. Деыжәлартә, деыжәцыртә дкалет, аха «уара унашпоп» рҳәан, иашьцәа дрыдрымкылт. Ирымуыит. Анс иҳәет, арс иҳәет, аха дрыдрымкылет.

Ҿнак нартаа еыжәылт, хьызрацара ицон. [Сасрыкәа] дрышьталан[ы] такәы днаскьахьан, акыр-кырҳәа ихыччо иалагет. Уырт аишьцәа Хнышь, Сит, Едрыс, агьи ҳәа иакан, аишьцәа.

– Иҳашьталан иааруа шәиыхәацши, анашпа дҳашьталан[ы] дааует! Анашпа, уара унашпоп, ухынҳәны аѳныка уца, уара уҳацын ҳабацо ҳара! – рҳәан, дрымгет.

Данырымга, дхынҳәны аѳны дааит [Сасрыкәа].

– Нан, иыкалазыи, узымцазыи, иуыхьзыи, уызхынҳәызыи? – ҳәа иалҳәет иан.

Ихьызцәкьа, анс, арс, агьи ҳәа, иымҳәет.

– Сан,– иҳәет,– сзырхьымзет, аха амла сакит, аилаць сызуы,– ҳәа леиҳәет.

«Аилаҵь сызуы» ҳәа анлеиҳәа, дласны иан аилаҵь луыит.

– Абра бсыдтәалан[ы] крыбфар саргь[ы] бзиа иызбот, сан, – иҳәан, дааидиыртәалан, аилаҵь шимҵаз лнапы даамҵасны икын, аилаҵь илаларгәгәан[ы] икыит. –Абасоп сашьцәа исарҳәазгьы. Саазыхшаз, ишыкоу аиаша анаасабымҳәа, калашьа сымам!– иҳәет [Сасрыкәа].

– Аи, нан, уара сыҷкәынцәа иреҵбыз, уара угәы уазыргаз, иахьнеиша инеин[ы] иаиыхынҳәлак, асы аицәа сы рыкәшәаат, амш цәгьа [аицәа] амш рыкәшәаны, уара уыда ҵсеыхшьа рымамкәан[ы] Анцәа икаиҵаат! – ҳәа дрыкәшәиит [лычкәынцәа].

Лҳәатәы калон Сатанаи-Гәашьа, адауҳа лыман. Абрыгьы лҳәеты, Сасрыкәа «чоу» иҳәан, иеы даасын, дрышьталт иашьцәа. Иашьцәа дрышьталан[ы] дышцоз, рышьта дхыланы, бжьахабжьымш ныкәа ахьыбжьаз уахыки енаки рыла дрыхьзет. Ҿаҩа цәгьа-баапск, шьха цәгьарак акны асы аицәа сы [ауны], дымнеир(!) апсрада ҵсыхәа рымамкәаны, [нартаа аишьцәа] рхы еилакны ишеилагылаз, длеит [Сасрыкәа].

– Аа, Сасрыкәа, Сасрыкәа, ҳапсит, ҳанцәет умбазо! – [рхәеит].

– Аат, сашьцәа агәеицамккәа, ишәыхьзыи, абаапсы! – иҳәан, ажәҩан даакыдпшылан, лашьцахьан, дхысны аиатцәа кыдыршәан[ы] илаишьтын, рыгәта иылкашәан, иакәшан[ы] иаагылет.

[Сасрыкәа] «чоу» иҳәан, дыҩсыжәлан, хәы-харакк акны дыкәгылан[ы] дыпшын, шьхак ацәкәакны алҩа шҩсиуаз ибет. Алҩа шҩсиуаз аныиба, ирашь даасны (ирашь ныкәомызт, ицыруан), дцырны даннеи, адауы амца еиқәицан, иибаз ацлашьап загь[ы] ыцхны, амца еиқәцаны, иеакәыршаны амца дшыеҳәаиаз ибет. [Сасрыкәа] «чоу» иҳәан, [ирашь] дасны, ана днет, уа днет, аха [адауы] дзихымцет. Ииулакгьы иеы иыршәан, дыихыцан, нак дтацалт, амцахь.

Арт шнышабакәыу загь[ы] [лбоит] Сатанаи-Гәашьа, дауҳала иылдырит [Сасрыкәа] дахьыказ. «Аи, нан, сыҷкәын машәыр уақәымшәаат! Уара уласхаат ацысхә акара, аеы узыкәтәоу тәицны икалаат!» – ҳәа абас лҳәет.

Сасрыкәа дныеҳәасын акәастга ааеҳәицаан, адауы илымҳа дыҩталан, амҩабжара дааиуан, акәиц ахы ахшәан, [адауы] илымҳа ахәыц иакәшәан, абылра даналага, данаацш, илымҳа инацәа анаатишь, Сасрыкәа даатигет.

– Уара, уабатәида, уабаанагеи, узуыстада? – иҳәан, [дцааит адауы].

– Сара сныкәаҩын, саанагет, агьит,– иҳәет.

Нас,– Абрыи шәа шәкытакны, шәтәылакны, шәҳаблакны абрыи Сасрыкәа ҳәа хаца бзиак дины дыкоп ҳәа рҳәет. Хацарақәас иидыруа ҳәа иудыруазыи уара? – ҳәа диызцаait.

– Сасрыкәа ихацарақәа ҳәа са иыздыруа убриоп, – иҳәет: – Ақәаб азна ахаҳә ааршны, иеы раҳан[ы] иыҩтетәот, кыркырхәыхәыгас имоу убриоп,–иҳәет.

– Кох, аныи(!) Сасрыкәа икаицозар, са иышцасзыкамцо! – иҳәан, адауы длахан, ақәаб азна ахаҳә аажәны иҩсеетәет.

Агьимыхьит.

– Уаҳа иыудыруазыи? – аныиҳәа, [Сасрыкәа уыс иҳәеит]:

– Уаҳа иыздыруа убриоп: Енар ашәырцаа азыхәаны длен азы далагылот, азыжь. Даналагылалак, ишцаара ианцаалак дҩаахан[ы] уыбрыи циеует Сасрыкәа,–иҳәет.

– Кох, Сасрыкәа аныи какицозар (!), сара камцашьа сымома! – иҳәет [адауы].

«Арыи ахаҳә ифан, агьимыхьит, ацааkын даангылома?!» – иҳәан, Сасрыкәа [адауы] ацаа далагыланацы, азы дтагыланацы, Сасрыкәа дыҩн[ы] дцан, атәа ааигет, атәа ахьыказ. Атәа ааиган, азы иаахырҳәҳәылан[ы] икаицет. Атәеи ацааи анеилала, дҩахт адауы, аха цашьа имауит. Сасрыкәа иаҳәа аатиган, ихы хысцәот ҳәа [даналага], – Аа, уара уаҳәа ччиала са схы узыхцәом! – иҳәет [адауы]. – Амна саҳәа шьтоп, – иҳәет, – [атра] иаатганы идәыкәца, – иҳәан, адау[ы] иаҳәа изышьтымхыит Сасрыкәа.

Ацаа иқәрыҩны ацырҳәа зҿааиырхаз [аҳәа] адауы иыхәда аахнацәет. [Уанза] убыс иҳәет [адауы]:

– Сыхәда анхыуцәалак, – иҳәет, – сыхәда даш дыук ҩалҳәҳәот, – иҳәет. – Уыбрыи адаш,– иҳәет, угар, – иҳәет,– уан илымгалцар,– иҳәет,– уыбрыи макара лызнауеt, мака цшзан[ы] икалот,– ҳәа еиҳәет.

[Адауы] ишыиҳәаз еипшны, [Сасрыкәа] ацаа иыкәрыҩрны аҳәажә аҿааиырхан, [адауы] иыхәда анаахыицәа, адаш иҩалыхәҳәоз длахан[ы] аҳәала иаацикан, иаҳәа иахаркьакьан иыман[ы] амҩа данықәла, «уара, абрыи адауажә сара ееи сеиҳәомызт, иаканацо збап» иҳәан, абрыи ахәда адаш иикыз ашә дыузза, уаҩ[ы] игәыдымзало игылаз ашә ианаакәиырша, атахҳәа ашә леиҩнацәет. Агәта аахнацәет. «Аа, гьаауыр, уара уакәызма са сызжьоз!» – иҳәет [Сасрыкәа].

Жәакала, [Сасрыкәа] икәастга иыман[ы] дааит, иашьцәа амца рзеиқәицет. Рыпсы еиқәирхет.

«Иахьарнахыс уагьҳашьоп, уагьҳацызоуп!» – рҳәан, аҩазыхәа ашәа ҳәо, иашьцәа рацхьа дгылан[ы] дааит [Сасрыкәа].

Убрыинахыс аиашьа ҳәа дрыцхьазон. Иахьнаи-ааиуазаалакгьы дрыцын Сасрыкәа, дад.

Сасрыкәа итәы иыздыруа убриоп сара.

Перевод:

Нарты были апсуа*. Их было девяносто девять братьев, имели единственную сестру – Гунду*. Матерь нартов была родом Сатанай, фамилия ее была Сатанай, звали Гуаща*.

Перейдя через горы, Сатанай-Гуаща* спустилась к реке Кубина*. Выстирала в реке одежду сыновей и разложила на берегу сушиться. Пастуха нартов звали Гягу*. Гягу звали его. Пастух нартов Гягу пас коров, с коровами находился на том берегу Кубины. Этот дурень, видимо, спал на спине[1], Сатанай-Гуаща случайно [заметила его]. Лежал он на спине, [Сатанай-Гуаща] увидела его. Она подала голос:

– Уа, Гягу! – крикнула она.

Гягу мигом очнулся ото сна:

– Уа, Гуаща, ты ли звала? Меня ли звала! – сказал он и вскочил.

[Гягу] стремглав бросился в реку. Но река была в разливе, не смог он переплыть ее, выкинула его обратно на берег. Вновь он бросился [в реку], но [вновь] выбросила его на берег.

– Аа*, Гуаща, будь осторожна, идет, идет! – крикнул он и выбросил свой «шест», [видимо, свое семя] (извини, дад*, прости).

Гуаща испугалась, страшно, наверно, было, неизвестно что бросил этот несчастный. Там лежал большой плоский камень. Она спряталась за этот плоский камень. [Семя] ударилось о камень, и на нем отчетливо отпечатался человеческий образ.

У нартов был кузнец, Айнар-жьи* звали его. Нартам мечи ковал, пики, доспехи… Кузнецом нартов был, Айнар-жьи звали его.

Пошла [Сатанай-Гуаща] к Айнар-жьи. Пошла к Айнар-жьи, привела его и высекла человеческий образ целиком, без ущерба. Высекла, завернула в вату и под мышку положила. Под мышкой держала. (Женщина вынашивает дитя определенный срок – и в старину так было, и нынче так: девять месяцев, девять дней, девять часов. Не дай бог дольше этого срока! Тогда, говорят, что лошадь ее осквернила. Приводят лошадь, с ее подола дают есть.)

Пришел срок [рожать Сатанай-Гуаще]. «Пришел срок [рожать] мне», – сказала она и собрала женщин. Посмотрели женщины на нее,

но не увидели, [чтобы ей рожать]. «Ты обманываешь, что ли нас?» – говорят они. В это время [Сатанай-Гуаща], сказав: «Вот!» – вытащила из-под мышки живого ребенка. Вытащила из-под мышки и понесла к Айнар-жьи. Айнар-жьи ногу одну (правую) сделал ему из меди, другая нога [осталась] обычной. Закалил он его. Взял его щипцами и окунул [в расплавленное железо]. Потому ни пика, ни пуля не брали Сасрыкуа*.

Но братья не приняли его. Из породистых скакунов нартов [Сатанай-Гуаща] выбрала [лучшего] коня для [Сасрыкуа] и назвала его Бзоу*. А рос [Сасрыкуа] как день и ночь. Он возрос настолько, что мог сам садиться на коня, но братья сказали: «Ты анашпа*!» – и не приняли его. Не захотели. Он и так, он и этак, но они не приняли!

Однажды нарты сели на коней и двинулись в поход за славой. [Сасрыкуа] поехал было за ними, но они подняли его на смех. Братья – Хныщ*, Сит*, Едрыс*, другие [подняли его на смех].

– Смотрите, кто едет за нами! Анашпа едет за нами! Эй, анашпа, ты анашпа, возвращайся лучше домой, нам с тобой не по пути! – сказали они и не взяли с собой.

Когда не взяли, домой вернулся [Сасрыкуа].

– Нан*, что произошло, почему ты не поехал [с братьями], почему вернулся? – спросила его мать.

Он отговорился, не сказал правды.

– Мать, – сказал он, – я не смог догнать их… Я голоден, свари мне айладж*.

Когда он сказал, чтобы сварила ему айладж, мать быстренько сварила айладж.

– Мне приятно будет, если и ты сядешь рядом, поешь со мной, мать! – сказал [Сасрыкуа] и усадил мать рядом с собой.

Во время еды он схватил руку матери, сунул в горячий айладж и придержал.

– Братья сказали, [что я неродной]. Ты должна правду сказать, чей я сын, [иначе не отпущу руку]! – сказал [Сасрыкуа].

– Ай*, нан, ты – младший из моих сыновей. Да сделает бог так: обидевших тебя пусть на обратном пути настигнет ненастье – страшнее любого ненастья, пусть выпадет снег – страшнее любого снега, и чтобы без тебя не было им спасения от беды! – прокляла она [сыновей].

Слово Сатанай-Гуащи сбывалось, она обладала даром заклятия. Только она произнесла [заклинание], как Сасрыкуа сказал «чоу!»,

пришпорил коня и помчался за братьями. Он помчался по следу братьев и дорогу в семь ночей и семь дней [одолел] за одну ночь и один день и нагнал их. Среди страшно неприступных скал[2] их настигла непогода, [выпал] снег – страшнее любого снега, [братья-нарты] сгрудились, им только и остается, что умереть. В таком состоянии застал их [Сасрыкуа].

– Аа, Сасрыкуа, Сасрыкуа, видишь, пришла наша смерть, наша гибель! – [вскричали они].

– Аат*, держитесь, мои отважные братья, не падайте духом, абаапсы*! – сказал он.

Уже стемнело, [Сасрыкуа] посмотрел на небо и выстрелом сбил звезду. Она упала, и [братья-нарты] собрались вокруг нее. Сасрыкуа вскочил на коня, сказал «чоу!», поднялся на высокий холм, посмотрел оттуда и увидел, как на вершине какой-то горы поднимается дым.

Увидев, как поднимается дым, [Сасрыкуа] пришпорил араща* (аращ у него не ходил, а летал) и прилетел туда. [А там], разложив костер из вырванных с корнями деревьев, разлегся адауы* кольцом вокруг костра. [Сасрыкуа] сказал «чоу!» и пришпорил араща, двинулся то в одну, то в другую сторону, но не смог перепрыгнуть [адауы]. Вновь пришпорил коня. На этот раз он сумел перепрыгнуть [адауы] и добраться до костра.

Все это [видит] Сатанай-Гуаща, благодаря своему дару, знает, где находится [Сасрыкуа]. «Аай, нан, сын мой, да не попасть тебе в беду! Чтобы ты стал легок, как перышко, а твой конь – как соломинка!» – сказала она.

Сасрыкуа выхватил головешку, залез в ухо адауы, но на полпути с головешки упал уголек, волосы [в ухе адауы] загорелись.

Адауы проснулся, сунул палец в ухо и вытащил оттуда Сасрыкуа.

– Кто ты, откуда, зачем пришел? – [спросил адауы].

– Я путник, случайно оказался здесь, – ответил [Сасрыкуа].

– Я слышал, в вашей стране, в вашем селе есть отважный мужчина по имени Сасрыкуа. Что ты знаешь о его подвигах? – спросил [адауы].

– О подвигах Сасрыкуа вот что я знаю. Он расплавляет целый котел камней и, разинув рот, заливает в него, этим прочищает себе горло, – сказал [Сасрыкуа].

– Кох*, раз Сасрыкуа проделывает такое, я ли не смогу! – сказал адауы и, расплавив целый котел камней, влил себе в горло, но ничего с ним не случилось, [остался цел].

– Что еще знаешь [о подвигах Сасрыкуа]? – спросил [адауы].

– Еще знаю вот что. В январе, в самый лютый мороз, он становится в озеро. Когда вода замерзнет, Сасрыкуа ломает лед [и выходит на берег], – сказал он.

– Кох, раз Сасрыкуа под силу такое, мне ли не сделать то же самое! – сказал [адауы].

«Он проглотил столько камней, разве лед остановит его?!» – [подумал Сасрыкуа]. И пока [адауы] стоял во льду, побежал и принес сено. Принес сено и раскидал по воде. Лед, смешавшись с сеном, [стал намного крепче]. И когда адауы стал выходить, не смог разломать лед. Сасрыкуа вынул меч и [попытался] отрубить [адауы] голову.

– Аа, своим жалким мечом не отрубить тебе мне головы! – воскликнул [адауы]. – Вон там лежит мой меч, вынь его [из ножен] и руби!

Но Сасрыкуа не смог поднять меч адауы. Тогда он толкнул [его] по льду, [меч] перерезал шею адауы. [Но перед этим адауы] сказал:

– Когда перережешь мне шею, увидишь, как из шеи выступит большая жила. Жилу эту понеси матери на пояс, красивый будет у нее пояс.

Как сказал [адауы, Сасрыкуа] толкнул по льду меч, и он перерезал шею [адауы], [тут] из шеи выступила жила, [Сасрыкуа] отрезал ее мечом, насадил на кончик меча и понес. В пути Сасрыкуа подумал: «Адауы этот не мог желать мне хорошее, давай-ка проверю!» И опоясал жилой огромный бук неимоверного обхвата. Жила мигом перерезала бук. Пополам перерезала его. «Аа, гяур[3], тебе ли меня провести!» – сказал [Сасрыкуа].

Словом, [Сасрыкуа] принес свою головешку, разжег братьям огонь. Спас их.

«Ты брат нам, и отныне предводитель!» – сказали братья и во главе [с Сасрыкуа] с песней вернулись домой. После этого Сасрыкуа признали за брата, повсюду брали с собой, дад*.

Вот что я знаю о Сасрыкуа.

11. КАК САСРЫКУА СПАС БРАТЬЕВ-НАРТОВ

Текст:

Сатани-Гәашьа ахаца дылтаххит. Лхаца ныкәара дыкан. [Лара] даван азы. Дызԥеуаз, азнырцә аеқәа дрыцын азәы, иҳәит, дылбит, иҳәит.

– Уара, хацара уылазар, ууаи, ахаца дыстахыуп! – ҳа лҳәит, иҳәит.

Азы дахан дталан, дзымааит, иҳәит. Дзымааит, иҳәит. Нас,– Избакаҳцо?…

– Уа ахаҳә быкәиа,– иҳан, иҳәит, ахаҳә абас леыхтны дныкәиеит, иҳәит.

Наktә инапы иқәырсны итиырkьаз изааиуаз ак[ы] ла илыкәшәт, иҳәит, агьырт nak-aak ахаҳә (итkьаз зыказ сыздыруам) иахьақәшәаз, икылпцәца иканацит, иҳәит. Убриала Сасрыкәа диит.

Убриоп Сасрыкәа «уара ҳа уахтәым, уҳашьам» зырҳәоз [нартаа аишьцәа]. Нартаа ныкәара ианцуо [Сасрыкәа дыргазомызт].

[Нартаа аишьцәа зны] ицет ныкәара. Ахьта иакит, анцәара иалагет. Сасрыкәа дрымгазит. Сасрыкәа иан уыс иалҳәт:

– Нан дуыкәхшоп, уашьцәа ахьынцәа уымбои, иԥсызаргь уыздырам, уца, урышьтал! – ҳа иалҳәт.

–Ибзиоуп, – иҳан, иеы акәадыр ԥақәицан, дрышьталет.

Дрышьталан, иашьцәа ахьта иакын, еибаркыт-кыт-кытуа изԥсра изтәаз дрыхьзет. Афырҳа(!) ишәакь аеыԥаиырхан, иҳәит, аецә кыдиыруuаит, иҳәит. Аецә кыдиыруuаан, аецә ала амца екәцаны ирцхет, иҳәит. Абас ахацара kаицит.

Даеазны дырԥагь [нартаа аишьцәа] ныкәара ицет. Иара [Сасрыкәа] дыргазомызт, иҳәит. Излеуаз, иҳәит, цлак гылан, иҳәит, ацла иацсны ицон.

– Ацла шәаихс,– ҳа лҳан, цҳәыск уыс лҳәит.

Еихсын, мацәак рызԥымхт, иҳәит.

– Шәгьежьы арахь(!), шәахьцо агышәзыкацом, – ҳа ралҳәт, – амахә шәызԥымхт,– лҳан.

Агәхьаа мкыкәа ицет. Иахлез, «адауцәа ҳрыцәлот» ҳа ицан, а-ахьта(!) итанацалан, ацԥра иалагит.

Сасрыкәа дрышьталт. Дызԥеуаз акәымкәа, аныи ацлаԥ, иҳәит, аныи ацҳәыс, – Абра уԥеихс, дад, абра, амахә хыуцәозар, амзар, иузхымцәозар, уымцан, уашьцәагь цан, рхабар ыkазам! – лҳәит.

А-ацыкьҳа(!) иагәыдицан, иҳәит, амахә хжәаны акыуҳа илеит, иҳәит.

Иашьцәаре днеит, иҳәит, [Сасрыкәа]. Изагә-загә, загә-загәуа, ахьта иԥсуан, иҳәит, [нартаа аишьцәа]. Данԥшы, иҳәит, мцак ибит абрахь цьара, иҳәит.

– Ара шәыkаз, абаақәа, амца са иаазгот! – ҳа иҳан, иҳәит, амца ахибаз днеит [Сасрыкәа]

[Уа] дауык дыцәоп, иҳәит. [Сасрыкәа адауы] илымҳа дтысны, иҳәит, днеин, амца иман[ы] дзааиуаз, кәицк адауы илымҳа илташәан, «аҳ(!)» иҳан, инапы ааикьан, Сасрыкәа дикит, иҳәит.

– Уызуыста? – иҳан, [дцаait адауы].

– Абас, снykәаԥын, амца стахын, сашьцәа ахьта иакын, – иҳәит [Сасрыкәа].

– Сасрыкәа ихацара удыруама? – ҳа диазцааит, иҳәит, [адауы].

– Исаҳахьет, иара дсыздыруам, аха, – ҳа уыс иҳәит. (Иара Сасрыкәа иоуп аха…)

– Ихацарааз? – иҳан, [дцаait адауы].

– Абрыи ажьхы убо, – иҳан,– иршны и<…>хә иԥокылацан, абас ичҳауан, – иҳәит [Сасрыкәа].

Адауы ажьхы иршын, и<…>хә иԥокылацан ичҳаит, иҳәит.

– Уаҳа? – [дцаait адауы].

– Амныи ақәаб дыу иыубо азна азы ршны, аеырҳа илаиыкәтәан, иеалаикәабон,– иҳәит [Сасрыкәа].

Уысгьы kаицан адауы, дымцсит, иҳәит.

Уажәы, – Уаҳа? – иҳан, [дцаait адауы].

– Амныи аз[ы] иыубо [аԥы] ԥаха-ԥымш ацаа далагылан, нас аԥԥаҳа дԥахан далцуан, абрыи kаицалон,– ҳа иҳан, иҳәит, [Сасрыкәа], уыи kаицан, аԥԥаҳа далцт, иҳәит, [адауы].

–Уыс акәым изыkаицо, атәа-мтәа иывагәан икацан[ы], ихы ԥокылҳәҳәо иааkаицон, – иҳәит [Сасрыкәа].

Атәа-мтәа ивагәан икаицит, иҳәит, [адауы]. Хаха-хымш даналагыл, иҳәит, даунамышьтт, дтацааит, иҳәит. Дахан, аха адауыжә дзалымцт. [Сасрыкәа] иаҳәа ԥтыхны, адауы ихы хысцәот ҳа далаɪт, иҳәит.

– Аа, анышә уаргьы саргь[ы] ҳаганда! – иҳәит [адауы]. – Сасрыкәа уара уакәын, уысзымдырт! – ҳа иҳәит, иҳәит. Уажәы, – Уара уаҳәала схы узхцәазом,–ҳа иҳәит, иҳәит, [адауы].

– Нас? – ҳа иҳан, иҳәит, [дцааит Сасрыкәа].

– Са саҳәа атра уахан иузтыхуазар, ацаа иыкәырҳәазан аҽылауырхар, схы инасыр, схы аахнаҵәот. Схы анхнаҵәалакь, абра дак ҩалҳәҳәоит, амныи ада ҩалхны иаауымҭаҵан иааҽоуҳәар, са саҟара ҩба ахаҵара уылан уҟалоҭ,– ҳа иҳәит, иҳәит, [адауы].

[Сасрыкәа адауы] иаҳәа аҽылаиырхан, иҳәит, [адауы] ихы хнаҵәет, иҳәит. Ада дҩахан иалыихын ашә-кьантаз-дыук гылан, днен ашә иаакәыршан иҽеҳәт, иҳәит, [Сасрыкәа]. Ашә ааихнакәыцәааит, иҳәит. Амныи иыхәда ада алхны иымҭеицар, дашьып ҳа акәын изыкаицоз, аха Сасрыкәа аныи атлакьын игәеитт, иҳәит. Уиала диааин, иҳәит, амца еқәцан[ы], иашьцәа агьырмырхькәа иааигит, иҳәит, [Сасрыкәа].

Абас ахаҵарақәа каицон Сасрыкәа.

Перевод:

Сатани-Гуаща* захотела мужчину. Муж ее был в походе. [Она] расхаживала по берегу реки. Идет и видит – на том берегу реки кто-то пасет лошадей.

– Если в тебе есть что-либо мужское, приди [ко мне], я хочу мужчину! – сказала [Сатани-Гуаща].

[Табунщик] залез в воду, [но] не смог переплыть реку. Не смог прийти. Затем [Сатани-Гуаща сказала]:

– Что будем делать?

– Ложись на камень! – сказал [табунщик].

Обножилась и легла на камень [Сатани-Гуаща]. Оттуда [с того берега реки табунщик] выбросил [семя]. И одна [струя] попала в нее [Сатани-Гуащу], а остальные – в камень по обе стороны от нее и продолбили его. (Не знаю, что он там выбросил!)

Так родился Сасрыкуа*. Потому [братья-нарты] говорили Сасрыкуа: «Ты не наш, ты нам не брат!» Когда [братья]-нарты уходили в поход, [не брали Сасрыкуа].

Однажды [братья-нарты] пошли в поход. [В пути] они стали погибать от холода. Сасрыкуа они не взяли. Мать Сасрыкуа говорит ему:

– Нан* дукухшоуп[1], братья твои гибнут, может, уже погибли, пойди за ними!

– Хорошо, – сказал [Сасрыкуа], оседлал коня и помчался за ними [братьями-нартами].

Нагнал [Сасрыкуа] братьев, видит, дрожат от холода, умирают. Он мигом из ружья сбил звезду. Сбил звезду, ею разжег огонь и обогрел [братьев-нартов]. Такой подвиг совершил [Сасрыкуа].

В другой раз [братья-нарты] вновь отправились в поход. Его [Сасрыкуа] не брали [в походы]. Едут они, а на пути – дерево. Проходят под деревом. Одна женщина говорит им:

– Стреляйте по дереву!

Выстрелили, [но] и одной ветки не смогли сбить.

– Возвращайтесь назад, вас ждет неудача! – сказала [женщина]. – Ветки не смогли сбить!

Они не послушались и продолжили путь. Шли они нападать на адауцва*, но попали в холод и стали помирать.

Сасрыкуа поехал за [братьями-нартами]. Когда он проезжал под тем деревом, та женщина говорит ему:

– Стреляй [по дереву], дад[2], если собьешь ветку – [иди], если не собьешь – не ходи. И твои братья пошли, [не смуев сбить ветки], [но] от них нет вестей.

Он выстрелил [по дереву], сломал ветку, и она упала. [Сасрыкуа поехал и] нагнал братьев. Они дрожали от холода. Смотрит [Сасрыкуа] и видит – где-то огонь.

– Держитесь, абаакуа*, я принесу огонь! – сказал он и пошел за огнем.

[Там] спал адауы*. [Сасрыкуа] пролез в одно ухо, [вылез из другого], взял огонь, но на обратном пути обронил уголек. Адауы [проснулся], размахнулся и схватил Сасрыкуа.

– Кто ты? – спросил [адауы].

– Путник. Нужен был огонь, братья мерзнут, – ответил [Сасрыкуа].

– Слыхал что-нибудь о подвигах Сасрыкуа? – спросил [адауы].

– Слыхал, хотя его самого не знаю, – ответил [Сасрыкуа].

– В чем заключались его подвиги? – спросил адауы.

– Он раскалял ажхы*, засовывал себе в зад и терпел, – сказал [Сасрыкуа].

Адауы, засунул себе в зад раскаленное ажхы и стерпел.

– Что еще? – [спросил адауы].

– Нагревал большой котел воды и обливался этим [кипятком], – сказала [Сасрыкуа].

И это проделал адауы, [но] остался жив.

– Что еще? – спросил [адауы].

– Становился в озеро на две ночи и два дня, пока не примерзнет, потом разламывал лед и выходил [на берег], – сказал [Сасрыкуа].

[Адауы] сделал и это, разломал [лед] и вышел.

– Не так он делал, – сказал [Сасрыкуа]. – Он сеном обкладывался и голова [одна] торчала [над льдом].

[Адауы] обложился сеном, три ночи и три дня стоял в воде, вмерз в озеро. Попытался выйти, но не смог освободиться от льда. [Сасрыкуа] вынул меч и попытался отрубить адауы голову.

– Аа, чтоб и тебе и мне гнить в земле! – воскликнул [адауы]. – Ты и есть Сасрыкуа, я тебя не сразу узнал. Своим мечом тебе не отрубить мне головы.

– Тогда [что делать]? – спросил [Сасрыкуа].

– Если сумеешь вынуть из ножен мой меч, толкни его по льду, он и отрубит мне голову. Когда [меч] отрубит голову, выступит жила. Жилой этой опояшься, в два раза сильнее меня станешь, – сказал [адауы].

[Сасрыкуа] толкнул [по льду] меч [адауы], и [меч] отрубил голову [адауы]. [Сасрыкуа] выдернул жилу [адауы], опоясал ею огромный бук[3]. [Жила] мигом перерезала бук. Если бы [Сасрыкуа], выдернув из шеи адауы жилу, опоясался ею, [она] его тоже перерезала бы. Но Сасрыкуа на дереве испытал ее [жилу].

Таким образом [Сасрыкуа] победил [адауы], развел огонь, спас братьев и целыми и невредимыми привел их домой.

Так совершал подвиги Сасрыкуа.

12. КАК САСРЫКУА СБИЛ ЗВЕЗДУ

Текст:

Сасрыкәа амгәарта дтымиаазет. Сасрыкәа ацакьа далырхыит. Ацакьа далырхыит. Арыи ацакьакны исахьа ананыла, Аинар-жьи ҳәа дыкан, дыцет Сатани-Гәашьа. Дыцан, Аинар-жьи даалган, хаха-хымш [ацакьа] дадтәалан, далихыит [иалихит] ауаҩсахьа. Нас аҧхарра илаҳәаны, амныи ауаҩсахьа лоыцра ицалцет. Лоыцра иыцалцет, жәымз рыла дуаҩохет арыи ахәычы. Ууанза Аинар-жьи иыкны аихатә гара ҷалцет.

Арыи ахәычы диит, аха уаҩы дизымкит, дцахет. Ицан Аинар-жьи дааргет. Аинар-жьи даарган, ачуан дыу ала аҧыр иыртәет, аҧыр агәараҳәа ианшы, абас арытәа дныбжьекын, аҧыр дзааиршәылт. Ахәхәаҳәа дызсо дхыуп ахәычы. Даазааихын ахәычы, днаган[ы] дныкаицет. «Уажәшьта агараагара» лҳәан, ауаа дәыкәылцет Аинар-жьи икны. Иырзышьтымхыит агара, ирзаамгет. Знык [ицеит], ҩынтә [ицеит], аха ирзаамгет. Афырҳәа иара ахәычы дцан, агара иман[ы] дааит. Днаган[ы] дынгаралцет.

Абрыи даниы ауыха арашь иит [нартаа] руахьад рыкны. Арашь иит, абрыи арашь уаҩы изыбжьомызт. Иара [Сасрыкәа], иаразнак деизҳаит арыи, длен арашь икыит, арашь ибжьет. Дакәтәаны, арашь бжьаны иаакәиыргылт.

Арыи дгаран, аҧшьыракны дгылан, иыцсы ишьон. Агара агәыды-гәыдыҳәа ицысует. Иашыцәа ааит, ныкәара иыкан. Нас, – Арыи закәи, – рҳәет, – арыи агара игылоу? – ҳәа ран илызцаait.

– Шәашьа иоп, – лҳәет.

– Ыы, ҳара, – рҳәет, – ҳаб дажәхьет, – рҳәет, ахшара диоуртә дыказам, – рҳәст, – дабаабгеи арыи? – рҳәет.

– Дабаазге, са дсыхшет, шәашьа иоп, шәаб дитәуп, нас дабаазгоз сара! – лҳәет.

Ацакьа дшалцыз, агьыз, агьралымҳәазет. Аха дыртахымхет арыи, дыртахым Сасрыкәа.

Деизҳаит, арашь ибжьет, дуаҩохет. Аха арт [нартаа аишьцәа] ныкәара ицот, арыи Сасрыкәа уаала ҳәа азәгьы еиҳәазом.

Уыс ишыказ, иҳәет, зны аишьцәа загь[ы] ауыха еибырҳәет уаҧәы ныкәара ицарц. Ицот, иҳәет, адырҩаены. Ицан, иҳәет, азы италан[ы] ррашькәа ркәабет, дара реыркәабет, агьыит, иҳәет. Реибырган игылт (!). Арыи Сасрыкәа азәгьы агьеиҳәом. Уыс иыҩеыжәлан, иҳәет, [ицеит]. Рашьеиҳаб Сет ихьзын. (Уырт загь[ы] рыхьзкәа здыруан, аха исхаштит.) Иыҩеыжәлан ицет. Арыи(!) дадырсызшәа ашта агәта дыкәхет Сасрыкәа. Афырҳәа дхынҳәны даait.

– Бара, сан! – иҳәан, [дааирпшит].

– Ыы?

– Изакәи, – иҳәет, – абарт сашьцәа, ма «уаала» ҳәа рымхәет, ма «уеазыкаца, ҳцот уаҧә[ы] нык әара» ҳәа рымхәет. Дара-дара ебадырны, иыкәлан[ы] ицет, сара сзырымгеи? – ҳәа уыс дцаait.

– Ыы, нан, – лҳәет, – уырт уеҳабацәа роп, – лҳәет, – уымбои! – лҳәет. – Уырыццандаз(!), – лҳәет, – уеҳабацәа уаалаҳәа уеизгьы-уеизгьы иуарҳәозма? – лҳәет. – Загь[ы] уеҳабацәа ракәын, –

лҳәет, – уара уреицбын, ухәыҷын, – лҳәет, – урыццаруеиз нас! – ҳәа уыс лҳәет. – Урыцца, – лҳәет, – урышьҭал, урыхьзот уырҭ! – лҳәет.

Афырҳәа днен[ы] ирашь аатиган, ирашь ааибиҭан, иеааибытан, дыԥеыжәлан, апкаԥьҳәа дрышьҭалт. Дырхьзет. Дырхьзет, нас ԥшьынԥажәи зежәԥык ахьцо, мачк ыкома?! Днен, рцыхәахь даалагылан, дцот. Абарҭ(!) абрыи иаҳахьзаз дуаԥума, амниума, абриума, иыкәԥыртзом. Амныи Сеҭ раԥхьа дцот! Ас даацәыццшын дыццшын, дибет аныи [Сасрыкәа] дышрыцыз. Нас, – Изакәыи мшәан, – иҳәет, – арыи анашпа, – иҳәет, – ара иҳацыу закәызыи?! – ҳәа уыс ҿааиҭит. – Дызуыстада, дабаҳаднагалеи арыи! – иҳәет. – Ара иҳацыу дызуыстада?! – аныиҳәа, – Ыы, шәашьа соуми? – иҳәет. – Са соп, Сасрыкәа, – агьыи иҳәет.

– Уара уанбаҳашьахеи, уара анашпа, нак уаҳԥырцны уца! – иҳәет.

Арыи Сасрыкәа анс аниаҳа, ашырҳәа даагьыжьит. Даагьыжьын, аԥны дааит.

– Узааи, нан? – лҳәан, [диазццаит Сатани-Гәашьа].

– Сызааи, бымбои, – иҳәет, – сымԥаныфагь[ы] схаштзаап, насгьы какал мыкзакәа сцет, – иҳәет. – Амла сакует, – иҳәет.

– Аа, нан(!), крыузыкасцап. Иыузыкасцарызыи?

– Аилаць сызуы,– иҳәет.

Аилаць луыит, иҳәет. Ихәы анылпан, днаган[ы] дналыртәет.

– Сан, баргь[ы] бхәы ааг, крецаҳфап, – иҳәет.

– Бзиоп.

Лхәы анылпан, инатәан, уажә[ы] краҳфот ҳәа лбыстахь [лхәахьы] лнапы аныналырха, лнапы лалагәан[ы] икит аилаць ацара.

– Абыржәыцәкьа, – иҳәет, – сара сызпоу абыржәыцәкьа дсабҳәароп! Сашьцәа «уара унашпоп, ҳара уаҳтәым, уаҳԥырц нак» ҳәа сырԥырырцет, – иҳәет, – абыржәыцәкьа исабҳәароп сара сызтәу! – иҳәет.

– Уа, нан, урашьоп, – лҳәет, агьыит, аха [Сасрыкәа илимырҳәар имуит].

– Каи! [Ибымҳәар калом, – иҳәет].

– Уара уызтәу убриоп(!), – лҳәет, – уара амгәарта утымшазет, – лҳәет. – Ацакьа уалаҳхит, – лҳәет. – Ацакьа уалпны, шанала ишоу уаԥуп, уырҭ рацкысгьы уеҩьуп, – лҳәет, – шанала уыкоп, – лҳәет. – Иауеи(!), – лҳәет, – урашьамкәан! – лҳәет. – Дара рацкысгьы уеҩьуп, – лҳәет.

– Аа, ибзиоп…

– Уыи хоумпозар(!), – лҳәет, – Аинар-жьи уиазцаа, – лҳәет, – Аинар-жьи иоп уалзхыз, – лҳәет, – ацакьа, – лҳәет.

Апкакьҳәа дыԥеыжәлан[ы] дцет Аинар-жьи икны. «Абасоп ишыкоу, абасоп…» [аниҳәа], агәра игет [Сасрыкәа].

Арыи(!) [Сатани-Гәашьа] анс игәы пжәаны дшыказ лымбеи [лыҷкәын]. Лара убыс адоуҳа калпет (иылҳәоз калон): «Аи(!), – лҳәет, – псракә шәымпсааит, – лҳәет, – Сасрыкәа дышәхьымзакәан, – лҳәет, – псԥыхшьа шәмауа, – лҳәет, – убыс агәакра шәакәшәаат! – лҳәет. – Сасрыкәа иыда псы шәхамкәа! – лҳәет. – Убыс шәкалаат!» – ҳәа уыс дышәиит.

Дааит [Сасрыкәа]. Арыи цыткгьы цыит, аха рыԥхәара иахыпет, иыказам [нартаа аишьцәа].

– Ааи, нан, Сасрыкәа, – лҳәет, – урышьталар цәгьамызт! – лҳәет.

– Срышьталар, дырԥагьых даеак сарҳәот, быскәац! – иҳәет.

– Мамоу, урышьтал! – лҳәет.

Иеааибитан, акәакҳәа (Бзоу ахьзын иеы), «ҳаҳаи, Бзоу уепамхан!» – иҳәан, акәакҳәа дрышьталт. Рышьта ауыумбахуаз(!), уаа-ԥшьынԥажәи зежәԥык ахьцоз. Дрышьталан[ы] дышцоз акәымкәан, ашьхагәаны дыкәылт. Рышьтагь[ы] ицәызт. Дгьыл баапсык акын днанагет(!), атәыла бгот – акәа, асы, акырцх, ацаа! Акаамет калет. Днапшы-аапшуа дышнеуаз, апстҳәа хатәалт иаразнак. Апстҳәа анааимкьа, данылапш, иашьцәа загь[ы] хылпак рхоуцартә икалахьет, иарыхьтшьын, апсра иаеуп, гәаԥак акны итәоп. Мца рымам, меы рымам. А-ахыуҳәа(!) длен дларылаххит.

– Аат(!) абаапсы, шәымшәан! – иҳәет, – ҳаҳаи, шәхацәами! – агьыими иҳәет.

– Уҳацхраа, абаапсы, уҳацхраа! – рҳәан, аҳәҳәара иалагет.

– Шәымшәан! – иҳәан, апкакьҳәа аиацәа дехсын, икыдхны ирылецет. – Абра шәыешәырпхала, сара амца аазгот, – иҳәет. – Шәымшәан! – иҳәан, аиацәа инахаиртәан, акәакҳәан дцет еыла ашьхагәы дыкәлан.

Дышнеуаз, лԥацәк ибет, [алԥацә ахьибаз] даннеи, адауы дыеҳәажьуп ахәыштаара дакәыршан. Афырҳәан илымҳа дынталан еыла, дытысын, иҳәет, амца ахьекәыз днен, кәастхак аашьтихын, илымҳа дталан дшааиуаз, данаатысуаз, акәиц ташәазаап, илымҳа бабаза икамзи. [Сасрыкәа] даара такәы днаскьахьан, арыи [адауы] илымҳа ахәбабара былны, илымҳакны ианнеи, – Дызуыстада амца сыцразцаз?! – иҳәан, инапы ааикьан, иҳәет, иеы ацыхәа икын, дааигет ара, иҳәет. Дааиган, инапсыргәыца даакәиргылт.

–Уынан(!), аԥсуа ччиа, ара уабаанагеи?! Уара уакәызма амца сыцразцоз?! – иҳәет.

Уа длаиртәет, шьҭа дабеишьҭуеи, адауы дикит. Нас, иҳәет, – Уара, иҳәет, – абрыи аԥсуаа шәкны хаца ҭәгәак диит ҳәа рҳәот, дыудыруама? – [ҳәа адауы дцааит].

– Дызуыстада?

– Сасрыкәа, Нарт Сасрыкәа ҳәа азә[ы] диит.

– Қо, Сасрыкәа иеышькылкоы соп сара, – иҳәет.

Нас, – Иылози абрыи Сасрыкәа хаԥарас? – иҳәан, [дцааит адауы].

– Иылоу, мачхәума, Сасрыкәа ахаԥарақәа илоп, – иҳәет.

– Сасрыкәа, – иҳәет, – гәыршышгас иымоузыи, уара? – ҳәа дцааит.

– Гәыршышгас иымоу уиоп, – иҳәет, – аихаҷамаҷақәа цшааны, – иҳәет, – ачуан дыу илҭажьны азна каԥаны, – иҳәет, – иыршует, – иҳәет, – нас ехагьы, агьыгьы, тәангьы загь[ы] ижәует. Убриоп гәыршышгас имоу,– иҳәет.

Акәакҳәа(!) ипшаан, иҳәет, илҭаижьын, агәара-гәараҳәа иршны,'загь[ы] ифет, иҳәет. Акгьы имыхьт арыи адауажә!

Нас уыс иҳәет, иҳәет:

–Уара, абрыи хырҽыгәгас иымаиз? – ҳәа уыс иҳәет, иҳәет.

–Хырҽыгәгас иымаз уиакәын: Оныук иакараз ахаҳә наган[ы] абахә ахаԥәқәа иыкәиыргылон, уыбра садиыргылон. Иара цака дылбаауан, ахаҳә ансырԥалакь, хыла дасны ипыххаа иышьҭеицон. Убриакәын хырҽыгәгас иымаз, – иҳәет.

–Уыи са иысзыкамцо, Сасрыкәа икаицазар! – иҳәан, дцан, иҳәет, хаҳә дыу-у-ззак(!), иҳәет, оныук иакараз, оеиган абахә илхыкәиыргылт, иҳәет.

Цака длен даԥагылан, иҳәет, [Сасрыкәа] апкаоҳәа ахаҳә иырԥан, [адауы] акәакҳәа хыла дасын, ипыххаа ишьтецет, иҳәет.

–Ҳа, уыи ахырҽыгәга бзиа идыруазаап! – ҳәа иҳәет, иҳәет.

Нас, – Уара, абрыи ерыхьгас имаиз? – ҳәа уыс дцааит, иҳәет.

– О-о, ерыхьгас иымаз, уыи иыцәгьоп акаԥара! – ҳәа уыс иҳәаахт.

– Закәызеи?

– Аԥаа цәгьа(!), уаоо иимбац аԥаа аныказы хәыдцәахьы азы далагылон, азыжь дыу, цака хаҳә кәымпылк шьҭаԥаны. Убырыи дыкәгылон хаха-хымш. Уыбра ихыигон, нас иеирыхьуан, дтыцуан, – ҳәа уыс иҳәет, иҳәет.

– Коҳ, уыи са икасымцо! – ҳәа иҳәан, иҳәет, длен, иҳәет, азы, хәыдцәахьы, азы ицагь[ы] идыууп, аха хаҳәк ҭеицан, хаҳә кәымпылк, иҳәет, дыкәгылан, дылҭагылт.

Хаха-хымш цыит, иҳәет. «Уажәшьҭа» ҳәа иҳәан, данаацыс, аԥаа цыееуа иалагет, иҳәет. Арыи ахаҳә мкәымпылт.

– Ка-каҳ! Уыи макьана иназазам, уара! – ҳәа иҳәет, иҳәет [Сасрыкәа].

– Избан?

– Даеа уахыки енаки ацуцароп, – ҳәа иҳәет, иҳәет.

–Бзиоп, – [иҳәан], детаныхгылт, иҳәет.

Даалаган Сасрыкәа, иҳәет, аҭәа ипын, иҳәет, аҭәа ааган, ыргьганы иыкәиыцсет аԥаа, иҳәет, илеицсет, иҳәет. (Избанда, аныи аԥааи аҭәеи еилакыр, нас иыгәгәамхои!) Иыкәицсет, иҳәет, нас адоуха каицет дырооагь, иҳәет, «аԥаа аицәа аԥаа кало, атәыла арбго» ҳәа. Анахь иангьы цхыз иылбет арыи иыкалаз, уыгьы дшәихьан. Уахыки енаки цит, иҳәет, адырооаены ас-ас иеаайырцысит, аха, уымцсуанда(!), дамшьтит.

–Аа-а(!), аԥсра уыкәшәанда! Уара уакәтгьы Сасрыкәа! – ҳәа иҳәет, иҳәет.

Ихаҳәгьы лаицакәымпылит. Иаҳәа тигет, иҳәет арыи Сасрыкәа, [адауы] иыхәда хысцәот ҳәа.

–Ыы, уыи уаҳәа ччиа са сыхәда азыхцәом! Са саҳәа абна иыкоп. Иуызтыгозар, иыузаагозар, абрыи аԥаа иыкәырхәазан[ы] аҷаауырхар, сыхәда хнаԥәап, – ҳәа иҳәет, иҳәет.

(Аныи аҳәа тыигар, иыпкьан[ы] иара дашьует.) Ииулакгьы, иҳәет, днен, цәаҳәк аҷаирԥан иаатиган, иҳәет, аԥаа иыкәырхәазан[ы] аҷынаиырхет. Нас уыбыс иҳәет, иҳәет, аныи [адауы], аҳәа аҷынаирхааанза:

– Абрыи сыхәда анхыуцәалакь, адаш алԥует сыхәда. Убрыи азбжак уара иуымгауцар, са сакара ооба амч уает, – ҳәа иҳәет, иҳәет. – Агьыи иаанхо уан илызга, уан илымгаца, Сатани-Гәашьа, – ҳәа иҳәет. – Уыбрыгь амч лает, – ҳәа иҳәет, иҳәет.

– Ыхы, ибзиоп, – ҳәа иҳәет, иҳәет.

Аа(!), аԥаа илыкәырхәазан [аҳәа] аҷылаиырхан, иыхәда ааихыицәет. Иаразнак адаш иыхәда иоалцит, иҳәет. Адаш аԥәы лаҷаиырԥан, даахан, иҳәет, абра шә-дыуззак гылоп, оыцьа рнап[ы] акәымшо, иҳәет, абныи ашә атахҳәа абас иыршәны ианылакәиырша, а-адыххәа(!) иаахнаԥәет, иҳәет. (Амныи дашьует ҳәоп «иуыкәырша» зыиҳәаз!)

Нак диылгет арыи. Дааи даакылсын, амцагь[ы] ааеҳәыиԥаан, иҳәет, деихан[ы] иашьцәа ркын дааит(!).

Арҭ рыиаҵәагь[ы] хьшәашәо иалагахьет, ебарқәарқәашьеуа итәоп, иҳәет. Амца еқәиҵет, иырԥхет, иҳәет. Ашәарах иҟәаҟәан, крыреецет, агьыит, иҳәет, иыман[ы] ддәыкәылт аоныҟа, иҳәет.

Уажә[ы] арҭ [нарҭаа аишьцәа] ихьымзгыршьот, уара:

– Абрыи ҳара дҳаҭәаҳшьомызт, «абарҭ рхы иамыхәо срыхьзан, рыԥсы ҽыхны иаазгет» ҳәа [иҳәо], ҳахьнеуа ақытақны иԥхашьароп, аха ишԥааурыи?! – [ҳәа] амныи Сеҭ деҵанашьует цәгьала. (Дуаоы ҳаиуанын убырҭ рашьа.)

Аха азә[ы] дыҟан, азәы, уыбрыи Сасраҟәа бзыиа дибон.

– Уара! Иышәҳәақәо закәи, уара! Уыбри иакәымзар, ҳа ҳанҵәон, дҳахьзет, – агьыит ҳәа уыс шырҳәоз иааит, уысҟан уыс еиқәхет.

Абра иынҵәет уыи Сасрыҟәа аиаҵәа шкыдихыз атәы.

Перевод:

Сасрыкуа* появился на свет не из женского чрева. Сасрыкуа высекли из скалы. Из скалы высекли его. Когда на скале появился его образ, был некто Айнар-жьи*, к нему и пошла Сатани-Гуаща*. Пошла и привела Айнар-жьи, затем он три ночи и три дня высекал [из скалы] человеческий образ. Сатани-Гуаща завернула человеческий образ в теплое и положила под мышку. Положила под мышку, через девять месяцев стал человеком. А до этого Сатани-Гуаща заказала у Айнар-жьи железную колыбель.

Родился ребенок, но никто не смог взять его на руки, таким он был горячим. Пошли привели Айнар-жьи. Привели Айнар-жьи, он в огромном котле расплавил сталь, и когда сталь вскипела, взял ребенка щипцами и бросил в кипящую сталь. Ребенок давай плавать. Затем [Айнар-жьи] вытащил его.

«Теперь надо принести колыбель!» – сказала [Сатани-Гуаща] и отправила людей к Айнар-жьи. [Но] они не смогли поднять колыбель, не смогли принести. Раз [пошли], другой – не могут принести. Тогда сам ребенок, [маленький Сасрыкуа], пошел и принес колыбель. [Сатани-Гуаща] запеленала его и положила в колыбель.

В ночь, когда родился [Сасрыкуа], в табуне [нартов] родился араш*. Родился араш, и этого араша никто не мог приручить. [Сасрыкуа] вырос мгновенно, он поймал араша и приручил. Сел на него и приручил.

Колыбель стояла в тени, [Сасрыкуа] лежал в ней и отдыхал. Колыбель качалась сама по себе. В это время возвращаются братья-[нарты] из похода.

– Что это за колыбель [и кто в ней]? – спросили они у матери.

– Это ваш брат, – ответила им [Сатани-Гуаща].

– Как это, наш отец стар, чтобы родить ребенка, откуда ты его взяла? – сказали [братья-нарты].

– Откуда взяла! Родила я его, он ваш брат, сын вашего отца, больше откуда я могла взять его! – ответила им [Сатани-Гуаща].

Скрыла от них, что Сасрыкуа высекли из скалы. Но невзлюбили [братья-нарты] Сасрыкуа, не признали.

Вырос Сасрыкуа, возмужал, араща приручил. Но [братья-нарты], когда идут в поход, не зовут с собой.

Однажды решили братья-[нарты] назавтра двинуться в поход. В реке они искупали своих аращей, сами искупались. [Утром встают], готовые к походу. Но Сасрыкуа никто ничего не говорит. Сели [братья-нарты] на коней и отправились в поход. Старшего брата звали Сет*. (Знала я имена всех нартов, но забыла.) Сели на коней и уехали. Сасрыкуа, как вкопанный, остался стоять во дворе. Затем повернулся и пошел [в дом].

– Мать! – позвал он.

– Что [тебе, сын мой]!

– Скажи, мать, отчего братья не сказали мне о походе? Почему они не взяли меня? – спросил [Сасрыкуа].

– Нан*, они старше тебя, потому не сказали. Сам ты должен был собраться и отправиться с ними. Ведь не будут же старшие звать с собой! Ты – самый младший. Поехал бы с ними. Поезжай за ними, еще догонишь! – ответила [Сатани-Гуаща].

[Сасрыкуа] вмиг вывел араща, оседлал его, сел и помчался вслед [за братьями]. Догнал он их. След девяноста девяти всадников не затеряется, догнал он их! Догнал и пристроился к их хвосту. [Братья-нарты] молчат, не обращают внимания [на Сасрыкуа]. Впереди всех едет Сет. Повернувшись, он увидел, что с ними едет [и Сасрыкуа].

– Что это?! Почему анашпа* едет с нами?! Как он оказался здесь?! – возмутился Сет. – Кто он такой?!

– Я же ваш брат! Это я – Сасрыкуа! – отвечает Сасрыкуа.

– Когда это ты стал нашим братом?! Ты – анашпа. Уйди, оставь нас! – сказал Сет.

Услышав такое, Сасрыкуа тут же повернул и поскакал домой.

– Почему ты вернулся, нан? – спросила его [Сатани-Гуаща].

– Вернулся, потому что забыл еду на дорогу, и потом, я голоден, – ответил Сасрыкуа.

– Что тебе приготовить, нан?

– Приготовь мне айладж*, – сказал [Сасрыкуа].

[Сатани-Гуаща] приготовила айладж. Положила ему и усадила.

– Мать, садись и ты тоже, поедим вместе, – попросил [Сасрыкуа].

– Хорошо!

Она положила себе айладж и села рядом. Только она потянула руку, чтобы взять айладж, как [Сасрыкуа] схватил ее руку и сунул в горячий айладж.

– Сейчас же скажи, чей я сын! Братья назвали меня анашпа и прогнали. Сейчас же скажи, чей я! – потребовал [Сасрыкуа].

– Ты им брат, нан! – сказала [Сатани-Гуаща].

– Нет, [говори, кто я]!

– Ты вот кто, – ответила [Сатани-Гуаща]. – Ты не из женского чрева появился, тебя высекли из скалы! Чудесным образом создан ты. Как ты им не брат?! Ты даже лучше них!

– Хорошо, но...

– Если не веришь, спроси у Айнар-жьи. Это он высек тебя [из скалы], – сказала [Сатани-Гуаща].

[Сасрыкуа] вмиг сел на араща и поехал к Айнар-жьи. [Айнар-жьи] рассказал ему, как все было.

[Сатани-Гуаща] видит, в каком гневе [Сасрыкуа]. А ее слово сбывалось. И вот она произнесла заклятие: «Пусть не смерть, но беда случится с вами, да такая, чтобы без Сасрыкуа вам не обойтись! Чтоб не было вам спасения без Сасрыкуа!»

Вернулся [Сасрыкуа от Айнар-жьи]. Проходит время, [а братьев-нартов] все нет, все сроки вышли.

– Аай*, нан, Сасрыкуа, поехал бы ты [за братьями]! – сказала [Сатани-Гуаща].

– Оставь меня! Поеду, а они вновь обидят меня или чего еще! – ответил [Сасрыкуа].

– Нет, [не обидят], поезжай! – настояла [Сатани-Гуаща].

Сасрыкуа вскочил на Бзоу* (так звали его араща). «Хахай*, Бзоу, не подведи!» – сказал он и помчался вослед братьям. След девяноста девяти всадников разве затеряется, по нему едет он. Он вышел на плоскогорье и потерял их след. [Сасрыкуа] оказался в непроходимых местах, а тут – дождь, снег, град, мороз! Случился акаамет[1]! Страшное ненастье! Сасрыкуа ищет след братьев, но не может найти: опустился густой туман. Когда туман рассеялся на миг, Сасрыкуа увидел своих братьев: в лощине, дрожа от холода, сидят они. Сгрудились в кучу так, что под одну шапку уместились бы! Ни дров у них, ни огня [мерзнут]!

Сасрыкуа стремительно подъехал к ним.

– Аат*, абаапсы*, не бойтесь, абаапсы! – крикнул он. – Хахай, вы же мужчины!

– Спаси нас, абаапсы, спаси! – закричали [братья-нарты].

– Не бойтесь! – сказал [Сасрыкуа], выстрелил в звезду, сбил ее. – Грейтесь пока [у нее], а я принесу огонь. Не бойтесь!

Оставив у звезды братьев, [Сасрыкуа] на коне помчался по плоскогорью. Вдруг он заметил дым. Когда он добрался до дыма, увидел, что вокруг очага кольцом, сомкнув голову и ноги, разлегся адауы*. [Сасрыкуа], не спешившись с коня, залез в одно ухо адауы, вылез из другого, взял головешкŭ из костра, но на обратном пути обронил уголек в волосатое ухо адауы. Волосы загорелись, и когда пламя дошло до кожи, адауы встрепенулся.

– Кто это подпалил меня?! – вскричал он, протянул руку и, хотя [Сасрыкуа] успел отъехать довольно далеко, схватил за хвост его коня, схватил, и вместе с конем поставил на ладонь.

– Унан, жалкий апсуа*, как ты здесь оказался?! Ты подпалил меня?! – спросил [адауы].

Что делать [Сасрыкуа], адауы схватил его, не отпускает!

Потом [адауы спрашивает]:

– Говорят, у вас, у апсуаа*, появился сильный мужчина, не знаешь его?

– Кто?

– Сасрыкуа, какой-то Нарт Сасрыкуа появился на свет.

– Знаю, как не знаю, я его стремянный.

– Какие же подвиги совершает этот Сасрыкуа? – спросил [адауы].

– Много чего он умеет, немало подвигов совершает Сасрыкуа, – отвечает он.

– Чем согревается Сасрыкуа? – спросил [адауы].

– Согревается он вот как. Наполнит огромный котел разными кусками железа, расплавляет их и выпивает до дна. Так он согревается, – ответил [Сасрыкуа].

[Адауы] собрал [куски железа], бросил их [в котел], расплавил и выпил. И ничего с ним не случилось.

– А как он чесал себе голову? – спрашивает [адауы].

– Чесал он себе голову так. Поднимет камень, величиной с дом, и поставит на вершину горы. Меня поставит рядом [с камнем], а сам встанет внизу. Я толкну камень, [а Сасрыкуа] головой ударит его и разнесет вдребезги. Так он чесал себе голову, – отвечает [Сасрыкуа].

– Разве я не смогу так, если Сасрыкуа смог! – сказал адауы.

Он поднял на гору камень величиной с дом, сам встал внизу. [Сасрыкуа] толкнул камень, [адауы] ударил его головой и разбил вдребезги.

– Ха*, и хорошее же средство знает [Сасрыкуа], чтобы чесать голову! – сказал [адауы].

– А как он остужал себя? – спрашивает [опять адауы].

– О-о, это трудно будет исполнить! – отвечает Сасрыкуа.

– И что же [он делал]?

– В самый лютый мороз он залезал по горло в озеро и [становился] на круглый камень, лежащий на дне. На нем он стоял три ночи и три дня. Так остужал он себя. Остудившись, выходил [на берег], – ответил [Сасрыкуа].

– Кох*, я тоже сделаю так! – сказал [адауы] и залез в озеро по горло.

Озеро глубокое, он стал на круглый камень. Прошло три ночи и три дня. [Адауы] решил выйти из [озера], шевельнулся , лед стал ломаться. А камень, на котором он стоял, не покатился [из-под него].

– Ка-ках*, срок еще не настал, нет! – закричал [Сасрыкуа].

– Почему?

– Еще ночь и день должен ты добавить! – сказал [Сасрыкуа].

Сасрыкуа раздобыл сено и раскидал его по льду. (Чтобы сено вмерзло в лед, и он стал намного крепче.) Раскидал [сено] и произнес заклинание, чтобы ударил лютый-прелютый мороз. [Сатани-Гуаща] тоже увидела сон о том, что [с Сасрыкуа] произошло, она тоже произнесла заклинание.

Прошли ночь и день. Решил адауы выйти из озера, принапрягся, но лед не пустил его.

– Аа-а! Чтоб ты умер! Ты и есть Сасрыкуа! – застонал [адауы].

Камень тоже покатился из-под него. Сасрыкуа вынул из ножен свой меч, чтобы перерезать [адауы] шею.

– Твой жалкий меч не сможет перерезать мою шею! Мой меч лежит там. Если сможешь вынуть его из ножен, толкни его по льду, он и перережет мне шею, – сказал [адауы].

(Если [Сасрыкуа] вынет меч адауы, меч его самого убьет). [Сасрыкуа] крючком вынул меч адауы из ножен и толкнул его по льду. Но перед этим [адауы] говорит ему:

– Когда перережешь мне шею, из шеи выступит жила. Половину ее возьми себе на пояс – в два раза сильнее меня станешь, другую половину дай своей матери Сатани-Гуаще, она тоже станет сильнее.

– Хорошо, – ответил Сасрыкуа.

Он толкнул меч по льду и перерезал шею адауы. Из шеи выступила жила. Сасрыкуа крючком вытащил ее и накинул на огромный бук, который и двум мужчинам не обхватить. Жила мигом перерезала бук. [Адауы] хотел так убить Сасрыкуа.

Покончил [Сасрыкуа] с ним [с адауы]. Затем взял огонь и пришел к братьям. Звезда уже остыла, [братья-нарты] сидят и дрожат от холода. Сасрыкуа развел огонь, согрел братьев. [Затем пошел на охоту], принес много дичи, накормил братьев и повел их домой.

Стыдно [братьям-нартам], за позор считают [происшедшее с ними].

– Мы пренебрегали им, а теперь он повсюду будет говорить, что застал нас беспомощными и спас от гибели. Как быть?! – злится Сет. (Злой и завистливый человек был их брат Сет.)

Но среди них был один, который любил Сасрыкуа.

– Как можете так говорить?! Если бы не Сасрыкуа, мы все погибли бы. Он спас нас! – [сказал он им].

На этот раз целые, невредимые вернулись [братья-нарты] домой.

На этом заканчивается [рассказ] о том, как Сасрыкуа сбил звезду.

13. НАРТ САСРЫКУА И АДАУЫ-ВЕЛИКАН

Текст:

<…> Аԥсны, лхәеит, <…> адауы, <…> есышықәса длеины, иа тыԥхак, иа арԥызбак димгакәа [ауаа] азы ритомызт, лхәеит [санду]. Уи аамтазынгьы, дарагьы дычкәынахзаргьы, хаца цәгьак, даԥсыуаны избахә рхәо икан. Уигьы ихьыз Нарт Сасрыкәа акәзаарын. Аригьы даараза, изха[ц]ԥхьаза, ашәарыцара, абна бзиа ибауа, ус икоу хаца цәгьак иакәзаарын.

Ԑнак [Сасрыкәа] дыкәцит абнахь шәарыцара. Дышцауаз нас, адыпаа, адауы ихьыз иаҳауан иаргьы, адауы диқәшәт, оо, бнаршәырак, бна баацсзак аҫы.

– Уабантәааua, сгьи? – иҳәсит адауы.

Иаргьы иааицәымыцхеит, Нарт Сасрыкәа.

– Сабантәааua, абас сшәарыцауеит, сгьиуеит, – иҳәеит [Сасрыкәа].

– Уабаиуоу? – иҳәеит [адауы].

– Сахаиуоу уигьы аброуп, – иҳәан, азбахә иҳәеит. (Санду рыцҳа илҳәоп, аха са исхашҭит).

– Абас, абас, шәа шәҫы хаца цәгьак дгылеит, дудыруама Нарт Сасрыкәа? – иҳәан, [адауы Сасрыкәа диазцааит]. (Иара иоуп, аха имҳәазеит).

– Аа, сара уи избахә саҳахьеит, уи ус даараза хаца цәгьак иоуп, – иҳәеит [Сасрыкәа].

– Икаицо удыруоу [хацарас]?

– Икаицуаз саҳахьеит, – иҳәеит [Сасрыкәа].

– Нас иуаҳауаны икаицазеи? – иҳәан, адауы диазцааит.

– Икаицахуази (Нарт Сасрыкәа акы ихәыцгәышьеит, «ари [адауы] дышбасшьри, исыцсыхәузеи?» ҳәа иҳәан, ус иҳәеит гәапсила), абахә дацатәуан, ԝахьхьыптәи ахаҳә дукәа икәшәаны идәыкәаҳцоп, ихы иаахауан, абас, абас, нас шьтахь дгылауан, – иҳәеит.

Адаугьы абахә дацатәан, реиҳа идукәоу ахаҳәкәа [Сасрыкәа] илаизишьтуан, сгьимыхьзеит.

– Ишбакоу? – ҳәа [Сасрыкәа] данпеи, – Схы урсыгәт! – ҳәа сиҳәсит, иҳәеит.

«Коҳ, арии сарси иҳацсыхәоузеи?» – ааигәахәт [Сасрыкәа].

– Уаҳа икаицуазеи? – ҳәа дцаахзаан адауы.

– Аа, абахә аҫы хыхь дхаланы, исауишьтуан, – ҳәа иҳәеит, иҳәеит.

Хыхь абна абахә аршәырасы дцаны исауишьтит [адауы], длеит, шәацицьаци зегьы рббуа, лахьхьи длеит «агәыз» ҳәа.

– Иухьзеи? – иҳәан [Сасрыкәа], – Сеызбыгит, – иҳәеит адауы.

«Коҳ, ари амцахәыцәа, Анцәа дизхаант, ари икаицо закәузеи?» – ҳәа иҳәеит, иҳәеит, [Сасрыкәа].

– Уаҳа икаицозеи? – ҳәа иҳәеит, иҳәеит, [адауы].

– Икаицоз уи ауп, реиҳа идуу анла дкәакәлан, анлаҫ исауижьуан, – ҳәа иҳәеит, иҳәеит, [Сасрыкәа].

Адауы анла акәцәаҫ дцан, дпеин, исауижьын, «агәызз» ҳәа асаара дпеит, шәаци-цьаци ззегьы ирддуа.

– Икоузеи? – ҳәа иҳәан [Сасрыкәа], – Анна спысдит! – ҳәа иҳәеит, иҳәеит, [адауы].

«Аа, шьта исыцсыхәузеи?» ҳәа иҳәан, иҳәеит, Нарт Сасрыкәа ахәыцра далагеит.

Адауы дпеин, – [Сасрыкәа] уаҳа икаицуази? – иҳәан, [деитаиазцаахит].

– Икаицуази, дасакы ыкоуп, – ҳәа иҳәазаан [Сасрыкәа].

– Икоу закәузеи? – иҳәан [адауы], – Абас, абас, ашьха агәаҫы азы далагылауан, ацаа иакуа, ацаа иакуа, инапқәа идыцсалаиы далагылауан. Ихәцә аҫыза иантсилаагьы, ацаа акәакҳәа дахаиы, Нарт Сасрыкәа ицжәаны дцауан, ицены дхәыцуан, – хәа иҳәеит, иҳәеит, [Сасрыкәа].

– Уи саргьы икасымцои, – ҳәа иҳәан, иҳәеит, адауы ацаа-зы длалагылан, иԝсиуа, ишьамхахьыпза иԝсиуа, иԝсиуа, ихәцә аҫыпза ицаант.

– Ха, шьта, уаханы ицжәа! – ҳәа сиҳәеит.

Адауы ацаа ишьамхахьыптә ԝахьхьипза иказ изыцжәозма! Дахеит, дахеит, аха ацаа изцымеит, ихы алыхәхәо далагылоуп.

Акыцҳәа Нарт Сасрыкәа иахәа даахан, ацықәхәа [адауы] ихы аахицәеит. Адауы ихы [ацааҫы] иахьыгьыжьуаз, илакәа кәыс-кәысуа, «Нарт Сасрыкәа уара уоуп, Нарт Сасрыкәа уара уоуп, Нарт Сасрыкәа уара уоуп!» ҳәа аҳәоп. <…>

Перевод:

Ежегодно в Апсны* приходил адауы*, и пока не дадут ему одну девушку или одного юношу, не давал воды людям. В то время ходила молва о бесстрашном герое, молодце, был он апсуа*. А звали его, оказывается, Нарт Сасрыкуа.* Чем больше он взрослел, тем больше любил охотиться, ходить в лес, отважный был мужчина.

Однажды [Сасрыкуа] ушел в лес на охоту. Шел он, и встретил адауы в самом дремучем лесу. Он о нем слышал давно.

– Откуда ты идешь? – спросил адауы.

И Нарту Сасрыкуа не понравилась эта встреча.

– Откуда иду да, охочусь себе, то, другое, – ответил [Сасрыкуа].

– Откуда ты? – спросил [адауы].

– Оттуда я, – ответил [Сасрыкуа] и назвал [то место]. (Бабушка говорила [это название], но я забыл.)

– А знаешь ли ты Нарта Сасрыкуа, [говорят], в ваших краях живет такой отважный герой? – спросил [адауы у Сасрыкуа]. (Это он сам, но не говорит, [не выдает себя].)

– Да, я слышал о нем, это очень отважный герой, – отвечает [Сасрыкуа].

– Знаешь о его подвигах?

– Слышал о них, – ответил [Сасрыкуа].

– И что же он умеет делать? – спросил адауы.

– Что он умеет делать? (Нарт Сасрыкуа задумался: «Как погубить его [адауы], как мне быть?»). Он садится под утесом, а мы сверху сбрасываем на него большие камни, они ударяются об его голову, а ему нипочем, – ответил [Сасрыкуа].

Адауы сел под утесом, [а Сасрыкуа] стал сбрасывать на него самые большие камни, но с ним ничего не случилось. Когда спросил [Сасрыкуа]: – Ну и как? – [адауы] ответил:

– Ты мне почесал голову.

«Кох*, как с ним справиться?» – подумал [Сасрыкуа].

– А что он еще делает? – вновь спросил адауы.

– Он взбирается на вершину утеса и бросается оттуда, – сказал [Сасрыкуа].

[Адауы] поднялся на утес и бросился оттуда, круша по дороге лес, и с грохотом упал вдалеке.

– Ну и как? – спросил [Сасрыкуа].

– Почесал себя, – ответил адауы.

«Кох, несчастный, что он выделывает?» – подумал [Сасрыкуа].

– А что он еще делает? – спросил [адауы].

– А делает он вот что. Забирается на самое большое дерево и бросается оттуда, – говорит [Сасрыкуа].

Адауы забрался на самую макушку [огромного] дерева и бросился оттуда. Он с грохотом свалился наземь, [обломав по дороге все ветви].

– Ну и как? – спросил [Сасрыкуа].

– Проветрился! – ответил [адауы].

«Аа*, теперь как мне быть?» – думает Нарт Сасрыкуа.

– А что еще делает [Сасрыкуа]? – вновь подходит к нему адауы [и спрашивает].

– Что делает? Есть еще одна [забава], – говорит [Сасрыкуа].

– А что это? – спросил [адауы].

– Он становится в горное озеро, и стоит неподвижно пока мороз не скует его по горло, а тогда поднатужится Нарт Сасрыкуа и, с треском ломая лед, выходит, – сказал [Сасрыкуа].

– Ну, и я так сделаю, – сказал адауы, стал в ледяную воду: Сначало озеро замерзло по колено, затем по самое горло.

– Ну, вот теперь разламывай! – говорит ему [Сасрыкуа].

Но мог ли адауы разломать лед, сковавший его от колен до горла! Поднатужился, собрал все силы, но не сумел разломать, остался с одной торчащей надо льдом головой.

Нарт Сасрыкуа тут же выхватил меч и мигом отрубил ему голову. [Отрубленная] голова адауы, крутясь на льду, моргая глазами, говорила: «Это ты Нарт Сасрыкуа! Нарт Сасрыкуа это ты! Это ты Нарт Сасрыкуа!».

14. СТО БРАТЬЕВ-НАРТОВ

Текст:

Икан шәоык аешьцәа [нартаа].

Ԑнак нартаа ашәоык ныкәара ицеит. Ишнеиуаз, цәа-капшык такәажәык дшамцагылаз иналыдгылеит.

– Бзиала баабеит, ҳан! – ҳәа ларҳәеит. Нас, – Ибтахыузеи? – ҳәа илазцааит.

Лара ус ралҳәеит:

– Абри аиха аашьтыхны, ацәа иагәыдцаны, убри илбаанашьтуа ада лаба илбаанашьтуа сфом, – ҳәа ралҳәеит.

Нартаа ашәоык [аиха] инацалан, ирзышьтымхит. Атакәажә илдыруазаарын аиха ззышьтымхуа дыширииаиуаз, убри акнытә нартаа ашәоык зегьы лфеит.

Ианаауаз ран дымгәадун (дшеимгәадуз дынрыжьны дыкан). Ран дхьеит, цкәынак длыхшеит. Ацкәын жәа-шыкәса пакара аныихыц, енак иан апшьырҳала азы лыманы дышааиуаз, ахыцыи ахәымпалыи имазаарын, апшьырҳа иаагәыдыицан, икылнацәеит, нас азы ацара иалагеит. Иан ус иалҳәеит:

– Ухаца ғәгәаны указар, уцаны уашьцәа изыз упшаарауазеи (рыпшаара уцарауазеи)!

Иара иаб дыпсхьан, икантаруазкәа, иабцьарматәа, иаҳәагьы аашьтыихын, дрышьталт шьапыла. Дышнеиуаз, атакәажә, ацәа капшь иамцатәаз, доалыдгылт.

– Бзиала баабеит, сан! – ҳәа леиҳәеит. – Ибтахыузеи, ари ацәа бзамцатәоузеи? – ҳәа длызцааит.

– Сзамцатәоузеи, ацәа стахыуп, исзылбаазышьтуа ооы дсымам. Абри аиха оышьтыхны ацәа сзалалбаашьт! – ҳәа иалҳәеит.

Ачкәын партаа ашәоык ирзышьтымхыз аиха аашьтыхны ацәа иагәыдеицан, ацәа лбааишьтт. Аиха анынагәыдыица, махәыс иказ зегьы ацәажәа шырҿаз аддыҳәа илкапсеит.

– Сан, уажәшьта бамцатәаны ифала, – ҳәа леиҳәеит.

Атакәажә илфоо, илфоо, лызхара анықала, ачкәын, – Сашьцәа ас иааиуаз бымбазеи? – ҳәа длызцаait.

– Моумоу, нан, – ҳәа иалҳәеит.

– Ишцабымбеи, амц бҳәоит акәымзар! – ихәан, чкарапатк лыхәда инатцеиргылеит. – Исабҳәароп ! – аниҳәа, маи лыкзеит. – Бысшьуоит, исахә мамзар! – ҳәа леиҳәеит.

– Ацабырг утахызар, исфеит, нан, – ҳәа иалҳәеит.

– Сашьцәа аабгароуп! – ҳәа дыикыит.

Нас дзәан, азәы длыгрыцт, дзәо, дзәоо, партаа ашәоык зегьы лзәеит.

– Арт ирзызуазеи? – аныиҳәа, – Слымҳа мпахышьык тоуп, иаатыхны ргәы икәыршә, ибзахоит, – лҳәеит.

Нас лылымҳа дылтапшын, мпахышьык аатыихын, ргәы ианыкәиршә, аттаҳәа азәазәала иҿагылт.

Нас аишьцәа,– Шәаала, – ихәан, иманы иҿыҿеихан, ишпеиуаз, иаапсан цьара цытҿык тәеит, даса пытҿыкгьы рапхьака ицан итәеит.

Апхьака ицаз адгьыл ржит, ауапа акәдыршәт иахьыржыз, рҿызцәа, рышьтахька итәаз, ирызсыртын иааргеит. Азәазәала апара иалагеит иахьыржыз, партаа ашәоык зегьы ицаны иахыцеит, рашьа днеин «сыцоит» ҳәа данныкәгыла, инеигәтасын ауапа дныларыжьын (дынтарыжьын), ауапа дшылаҳәаз цака дцеит. Дкәымпылуа дышпеиуаз, ҿоык дынкәхаит. Аҿоны акпытәи дкәымпылуа цьара дкаҳаит.

Даныҿагыла, такәажәык дылбеит.

– Бзиала баабеит, сан! – ҳәа леиҳәеит.

– Бзиа убааит! – лҳәеит.

– Сан, амла сакуеит, – ҳәа леиҳәеит.

Атакәажә ачуан аашьтылхын асада инапалыргылеит. Лаба дыук аашьтыхны [асада] дасуа далагеит.

Асада каан, ачхәра иалагеит ачуан акны.

– Сан, иазыбуазеи ари? – ҳәа длызцаait.

– Ахьурзы кнасымҳауеи, – ҳәа иалҳәеит.

– Азы бымазами? – ҳәа леиҳәеит [длызцаait].

– Акәара ҳамоуп, аха агәылшьап татәоуп. Ах изгабцәа иасышыкәса азәазәа аитоит, нас шыкәсык иҳазхаша азы ауалыркәа

рыла иааганы иҳаргылоит. Уи аиҳамцәалакь, асада иачхәуа оуп хьурзыс икаҳцо, – [лҳәеит атакәажә].

Ачкәын апҳал аашьтыхны, иманы акәарахь дыдәыкәлеит.

– Ааи, цьым, агәылшьап уафоит! – лхәан, изсылтит.

– Моумоу, бымшәан! – ихәеит.

Апҳал иманы акәарахь дцеит.

Апҳал акәара иапаатишь, агәылшьап аатыцын ишьталт. Ипҳал паргыланы, иаҳәа аатыхны агәылшьап даасуа, ишьны акәара илыкәижьт. Даапсан, наҳәа лаиватцаны дыцәеит.

Ах ипа дшааиуаз дааидгылеит. Апс ахатцара шыиуз аныидыр, наҳәа иваз ааивхны иманы ах иахь дцеит. Днеин, – Агәылшьап сшьыит, – ҳәа ах сиҳәеит.

Агәыргьара карцеит.

Ачкәын дангыла, иаҳәа имбеит. Ипҳал аашьтыхны атакәажә лахь дцеит. Атакәажә икаипазын, дшыцәазын, наҳәа шыргазын леиҳәеит.

Атакәажә ах иахь уоҿ длышьтит, «абри ачкәын ахатцара иун, наҳәа рзеит» ҳәа.

Ах идырт ипа шиакәмыз агәылшьап зшьыз. Ичкәын аҳәа ааимхны, агәылшьап зшьыз инеиитеит. Ах агәылшьап зшьыз икны дааин, – Иутахыузеи? – ҳәа диазцаait.

– Акгьы стахзам, – ҳәа еиҳәеит, – аҿныка сызго дсымам акәымзар (мамзар), – ихәеит.

Ауарбажә ахьыкәтәаз акаара иалагеит. Ачкәын. – Иутахыузеи? – ҳәа ауарбажә дазцаait.

– Агәылшьап азы спатомызт, иушьит, шьта исыбаргәыузеи, – ҳәа иапаҳәеит. – Нас иутахыузеи? – ҳәа ауарбажә изцаait.

– Аҿныка ацара ауп истахыу, уаҳа акгьы стахым, – ихәеит.

– Уцаны кәыцха дыук шышны, ашәарах шьны иҭапаны, азна капа, – ҳәа иапаҳәеит.

Ишианаҳәаз сипш иагъыкаицеит. Ачкәын акәыцха дынтатәеит, ауарбажә акәыцха инапалеит.

– Скаацыцхьаза кәацк, кәацк сытала, – ахәеит [ауарбажә].

Ауарбажә цырны [ицон], икаацыцхьаза акәац [асы] итаижьуан, ус икытахь дыпханагалеит. Убри аамтазы акәац цәан, ижьы цканы еитеит.

Аҿоны данеи, ашьцәа зегьы ишьит.

Перевод:

Было сто братьев [нартов].

Однажды все сто нартов отправились в поход. Шли они, и встретилась им старуха, стоявшая под деревом с красными яблоками.

– Здравствуй, мать! – приветствовали они ее. – Тебе чем-нибудь помочь?

Она им говорит:

– Поднимите этот топор, бросьте его в яблоню, сбитые палкой [яблоки] я не ем, только сбитые топором ем, – говорит она.

Нарты все вместе не смогли поднять [топор]. Старуха, оказывается, знала, что одолеет тех, кто не сможет поднять топор, и съела всех нартов.

Когда [нарты] отправились в этот поход, дома осталась их беременная мать. Она родила мальчика. Однажды, когда мальчику было около десяти лет, мать несла в ведре воду. Он выстрелил в ведро из лука, которым играл, и стрела пробила ведро, стала течь вода. Мать [рассердилась и] говорит:

– Если ты такой сильный герой, пошел бы и разыскал своих братьев!

Отец его к этому времени уже умер, он взял его доспехи, меч и пустился пешком в путь. По пути он увидел старуху под яблоней с красными плодами.

– Здравствуй, мать! – сказал он. – Чего ты под этой яблоней сидишь, что-нибудь надо тебе?

– А сижу я потому, что яблоко хочу, но некому сбить плоды. Возьми этот топор и сбей мне яблок.

Молодец поднял топор, который не могли поднять сто нартов, швырнул его в дерево и сбил яблоки. Все ветки вместе с яблоками упали на землю.

– Мать, теперь сиди и ешь, – сказал он.

Ела, ела старуха [яблоки], когда насытилась, молодец спросил:

– Не видела ли моих братьев, которые шли сюда?

– Нет, нан*, – говорит она.

– Как не видела, ты неправду говоришь! – сказал он, схватил деревянные вилы и приставил к ее горлу. – Ты должна сказать! – говорит он, но она не признается. – Скажи, не то убью! – сказал он.

– Если правду хочешь знать, съела я их, нан, – говорит [старуха].

– Ты должна вернуть братьев! – потребовал он.

Тогда она отрыгнула одного, потом другого, третьего, так всех нартов.

– Зачем они мне [мертвые]? – сказал он.

– Достань из моего уха полотенце, накинь им на грудь, они оживут, – сказала [старуха].

Он заглянул ей в ухо, достал оттуда полотенце, накинул на грудь братьев, и они тут же ожили один за другим. Затем, «Пошли!» сказал он братьям, и они пошли за ним.

По дороге они утомились, одни присели раньше, другие немного погодя недалеко от них. Те, что были впереди, вырыли глубокую яму и накрыли ее буркой. Затем позвали тех, что были сзади. Начали перепрыгивать по одному эту яму. Все сто нартов перепрыгнули ее. А когда их брат [спаситель] подошел к ней, они бросили его на бурку, и он, завернутый в эту бурку, полетел в пропасть, скатился на крышу какого-то дома и упал, откатившись, на землю. Поднялся, видит старуху.

– Здравствуй, мать! – говорит он ей.

– Добро пожаловать! – отвечает она.

– Мать, голоден я, – говорит он ей.

Старуха взяла котел и поставила под осла. Затем взяла большую палку и стала бить [осла]. Осел заорал и стал мочиться в котел.

– Мать, для чего это делаешь? – спросил он.

– Нужно ведь воду поставить для еды, – ответила она.

– А разве здесь нет воды? – спросил он.

– Есть ручеек, да агулщап* там сидит. Каждый год [наш] царь отдает агулщапу по одной дочери, после чего мы набираем бочками воду на год. Когда она у нас кончается, приходится пользоваться ослиной мочой для приготовления пищи, – [ответила старуха].

Молодец взял кувшин и пошел к ручью.

– Ааи*, [не иди], съест тебя агулщап! – сказала она.

– Нет, не бойся! – ответил он и пошел с кувшином к ручью.

Едва он зачерпнул воду, как за ним погнался агулщап. Он поставил кувшин, выхватил меч, изрубил агулщапа и бросил в ручей. Устав, он прилег, положив меч рядом. Тут проходил царевич. Узнав о подвиге [спящего], он взял его меч и пошел к царю. Пришел и говорит:

– Я убил агулащапа.

Все обрадовались.

Молодец встал и не увидел своего меча. Он взял кувшин и пошел к старухе. Ей он рассказал, что сделал, как заснул и как потерял меч. Старуха послала человека к царю с сообщением, что этот молодец убил агулщапа и что у него украли меч. Царь понял, что агул-

щапа убил не его сын, взял меч у сына и вернул тому, кто убил агулщапа. Когда царь пришел к убившему агулщапа, спросил, что ему надо [в награду].

– Ничего мне не надо, только бы вернуться домой, – ответил ему молодец.

Тут стал кричать орел. Молодец спросил у орла, чего ему надо.

– Агулщап не давал мне пить воду, ты убил его, я доволен. А тебе что-нибудь надо? – спросил орел.

– Хочу вернуться домой, больше мне ничего не надо, – ответил он.

– Тогда ступай, сплети большую корзину, наполни ее мясом дичи, – сказал ему [орел].

Он так и сделал. Молодец сел в корзину, и орел поднял корзину [в небо].

– Как только я крикну, будешь давать мне мяса, – сказал [орел].

Орел летел, на каждый его крик он давал ему мяса, так и прилетел в свое село. [Когда они уже подлетали к селу], кончилось мясо в корзине, и он отрезал кусок от себя и дал [орлу].

Вернувшись, домой, он истребил всех своих братьев.

15. САСЫРКУА И ПАХАРЬ

Текст:

Нарт Сасырқәа иыгәсыгьраан, иасымша, хәымаргас, ирашь ыршәны, нартаа ашәоык рыоны иахыршәтны, цака иыкахааиза дацаххны иыкыуа дыкан. Арыи иахьа иыкаицауан, уацәы иыкаицауан, арыи ацыхәа цымцәазакәа дасзан.

Зны иан Сатаниа-Гәашьа уыс иалхәаитқ

– Абрыи уара уырашь ыршәра уызсыу даара хацарас иыуыцхьазауама, уара уыхацар[а] аицш иыкау хацарас иызымцхьазауа ауаа рацәауп.

Сасырқәа агьымхәазакуа иырашь дпакәтәан, дыдәыкәлаит. Сатаниа-Гәашьа, дцауашәа данылба, иызсылтын, – Уахь акәым, арахь ауп! – лхәан, амоа дыкәылт [Сасырқәа].

Дышпаиуаз, азә[ы] ацәагәара дшасыз дыибаит. Ацәагәара иасыз иызпапык, иызшьапык, иызлымхак иымазамызт, ажәак ала, иызыбжак ыказамызт. Нарт Сасырқәа данааиывала, – Бзыиа уыуыит! – иыхәан, аха ацкы иымхәаит. Даитанаисыкәшан, – Бзыиа уыуыит! – иыхәаит [Сасырқәа], аха ацкы иаитаимхәаит.

Ахытә раан, – Бзыиа уыуыит! – аныихәа, – Ҳаи, Анцәа иышәиааит, быжжыхәа иысываха закәызаи!? – иыхәан, [ацәагәаоо] иычын аамоыныицан, дынкажьны, иыегьы иаргьы, нышәгәалк дпацаицаит. Иара ацәагәара даиталагахыит, Сасырқәа анышәгәал дшацаз. Ашьыбжьаун иыцәагәыуаз иан иыхәы лыманы данааи, Сасырқәа анышәгәал даацыхны дылаитаит, – Абрыи дацсыуауп ҳәа сыкауп, дга аоныка, ахәычқәа иылахәмарлап, – ҳәа.

[Ацәагәаоо] иан [Сасырқәа] длыманы аоныка дыдәыкәылт, аха, иагьа дыоындазгьы, дылхьымзаит. Нас иые[ы] ацыхәа иапкны иаашьтылхын, днаганы, лсаара лых[ы] иыкәгылаз дынапцаны, длыманы дыдәыкәлаит. Нарт Сасырқәа иырашь дасны, алада дыот, аоада дыот, аха цьаргьы дзымцаит, атакәажә лсаар[а] акпытә. Нас амоан, длыманы дышпаиуа, цларак иахьыцалаз, иырашь иышьапы иаабжьарҭәгәаны иыкны, махәык дпахьыңхалан, лара дпаиыцысны дцаит. Аоны дахьнаиз, лсаара данынапцшыла, дабаказ, длымбаит. Нас афырхәа лы<...>аехә аацыхны, ркыта заигьы дакәшаны, ацәкьа лҳаит. Аханы доаины дынтачхәырын, ацәкьакәа аныимылда, Сасырқәа, иырашьгьы иаргьы, дааесылхын, длыманы аоныка дцаит.

– Уара, иыуыхьзаи, уызыцәшәазаи, уыбналаны уахьпацаи, ҳара уаҳфауазма, ара уахьаагауаз?! – лхәан, диабашьын, аоны даанылкылт.

Ахәылбыеха аоны данааи иыцәагәыуаз, Сасырқәа диызцаит, – Уара уызуысда? – ҳәа.

Сасырқәа, – Иыззар иызхәартаузаи, сара Нарт Сасырқәа ҳәа иызышьтау сакәгәышьан, аха иахьа иысыхьыз ауп акәымзар, – хәа иаиҳәаит.

– Нас, уара, уыи уара цхашьарас иызыупхьазазаи, иаиааиуаи иаицаиуаи шпымцәазауа ахьцаузымдыруаи? Сара ас, уажәы [спыкоу], сыбжак сымазамкәа, сиыз цьыушьуаума. Сара саниызгьы азә[ы] дышиыз ауп сышиыз, аха иысаиааиуаз иауп ас сара иахьа иысзызуыз, иышсыхьызгьы абас ауп: ҳара ҳакан аишьцәа уаа-шәоык. Зны цьара хьызрацара ҳәа ҳашцауаз, амш баацсы ҳакәшәан, цьара ҳацык аабан, хлаин ҳашышәоыкызгьы, ҳасҟәагьы ҳаргьы, ҳатцалан ҳтәаит. Уа ҳшыцаз амш цәгьа иаанацаз, ааигәа иыгылаз ахьча [аҳацы] дыцаларцы даадгылт, аха ҳара ҳатцазшәа ианыиба, уа даадыцхьалт. Ауыха аларшра kалан, ахьча иырахә ашәатә рылалт. Акыиҳәа дкьауа, иыбжьы ргауа, иырахә дышрышьтаз, бгак аарылацалан, иырахә рыуак мцарсны иандәыкәла, днышьтасын, аҳац[ы] иамыхәхәыуаз кны, иыршәны

ахра иынҭаицан, ҳара аецәа-шәоыкгьы ҳаштаз, ҳабжаоык уыбра иыҭахаит. Саргьы уыбра ахра саахан, сыбжак аамнаҳәаит, нас адаухәтырцәа салдыргаит акәымзар, – ҳәа иаиҳәаит. – Абрыи акынтә, уара гәыхьаас иахьцакауцаи уара иыуыхьыз?! – иыҳәан, даужьны дыдәыкәыицаит Сасырҟәа.

Перевод:

Когда Нарта Сасыркуа* одолевала скука, он забавлялся тем, что перебрасывал своего араща* через дом ста братьев-нартов, сам перебегал на другую сторону и подхватывал его, не давая ему упасть на землю. Это он делал изо дня в день – без конца.

Однажды мать его, Сатаниа-Гуаща,* сказала ему:

– Неужели ты считаешь таким уж большим геройством то, что перебрасываешь своего араща через дом? Есть немало людей, которые не считают это вовсе за геройство.

Сасыркуа ничего не сказал, сел на араща и поехал. Сатаниа-Гуаща, увидев, что он уезжает, окликнула его: «Не туда, а вот сюда!», и [Сасыркуа] пустился в путь.

Едет [Сасыркуа] и видит – кто-то пашет [на быках]. У пахаря не было одной руки, одной ноги и одного уха, словом, у него не было половины [тела]. Когда Нарт Сасыркуа поравнялся с пахарем, приветствовал его:

– Добрых тебе трудов!

[Пахарь] не ответил ему. [Сасыркуа] объехал [пахаря], и когда поравнялся, вновь приветствовал его:

– Добрых тебе трудов!

Однако [пахарь] вновь не ответил ему. [Сасыркуа] и в третий раз сказал [пахарю]:

– Добрых тебе трудов!

И тогда [пахарь разозлился]:

– Хай*, порази его бог! Что это жужжит рядом и не дает покоя!

Сказав это, [пахарь] огрел его своей хворостиной, опрокинул и накрыл вместе с конем глыбой земли, [вывороченной плугом]. А сам снова начал пахать, оставив Сасыркуа под глыбой земли.

Когда в полдень к пахарю пришла его мать с обедом для сына, он достал Сасыркуа из-под глыбы и отдал его матери, сказав:

– Мне кажется, что это апсуа,* возьми его домой, пусть дети потешатся.

Мать [пахаря] вместе [с Сасыркуа] отправилась домой. Но как бы он [Сасыркуа] ни бежал, не мог догнать ее. Тогда она схватила его коня за хвост, положила вместе с седоком в миску, стоявшую у нее на голове, и пошла. Нарт Сасыркуа пришпорил своего араща, ткнулся в одну сторону, другую, но не смог выпрыгнуть из миски. В пути они зашли в какой-то лес. [Сасыркуа] прижал между ног своего араща и схватился за ветку дерева. Она [мать пахаря] пошла дальше без него. [Мать пахаря] пришла домой и заглянула в миску, но [Сасыркуа] там не было. Сразу же она вырвала волоски из своего лона и свила силки вокруг селения. Затем поднялась на возвышенное место, помочилась. Обошла силки, и в одном месте она нашла Сасыркуа вместе с аращем. Она сняла их с силка и привела домой.

– Ты чего испугался, почему решил удрать, мы же не собирались тебя съесть? – побранила она Сасыркуа и оставила дома.

Когда вечером пахарь вернулся домой, он спросил у Сасыркуа:

– Кто ты такой?

– Зачем скрывать, я есть тот самый, которого зовут Нартом Сасыркуа. Обидно то, что случилось со мной сегодня, – ответил ему Сасыркуа.

– А почему ты стыдишься этого? Ты разве не знаешь, что всегда есть более сильные и более слабые?! Ты думаешь, я родился таким, как сейчас, наполовину калекой. Я родился, как все люди рождаются, но человек сильнее меня поступил со мною вот так. И вот как это случилось. Нас было сто братьев. Однажды поехали в поход за славой. Вдруг погода испортилась, и мы, увидев неподолеку пещеру, зашли туда все сто вместе с конями. В это время к пещере прибежал и пастух со своим скотом, чтобы укрыться от ненастья. Но, видя, что мы уже заняли ее, он расположился у входа. Ночью звери напали на стадо пастуха, поднялся переполох. Пастух начал свистеть, кричать, [чтоб отпугнуть зверей]. В это время волк схватил из стада пастуха одно животное и потащил его, пастух схватил за выступ нашу пещеру и вместе со всеми нами, ста братьями, кинул в пропасть [чтоб угодить в волка]. Половина моих братьев там погибли. Я ударился об какую-то скалу, и часть моего тела отлетела. Правда, потом меня подлечили лекаря, – сказал [пахарь]. – Поэтому как можешь переживать, из-за того, что с тобой случилось, – сказал [пахарь] и отпустил Сасыркуа.

16. САСРЫКУА И АКУЛДЗЫ

Текст:

Нартаа зегь нцәеит. Сасрыкәа дыртынхеит. Нартаа рах Акәылзы ихьзын. Акәылзы даан дрыдашшылт. Даныртаа адырҩаены Сасрыкәа дицеыжәланы днаскьеигеит. Амҩан ихәмаруа еыхәцәыла еисит. Сасрыкәа дацахашәа калеит, уи иара ицхеишьеит. Анаҩс Акәылзы ус иҳәеит:

– Сара уажәы сцоит, аха лассы сутаауеит.

Цытк аацхьаны Сасрыкәа цхыз ибеит, Акәылзы дааны диақәцазшәа, анаҩс днықабазшәа. Ицхыз Сатаниа-Гәашьа илеиҳәеит.

– Уажәы даар, уи уара утаирхоит. Уца Аинар-жьи иахь, цсыхәа узиуп, – лҳәеит.

Аинар-жьи ацьаз цәцәақәа рацәаны изыкаицеит. Урт зегьы Сасрыкәа иеы ахәда иакәиршеит.

Акәылзы деитааихт. Ирдыдуа нартаа рашта дталт. Нас еыхәцәыла еисит. Ианеис, Сасрыкәа иеы ашьтыбжь арбаацсит. Акәылзгьы иеы рырҳан, дтанархеит. Сасрыкәагьы Аинар-жьи иеы днеин, еиҳәеит икалаз.

– Анцәа ицышьоуп дахьтахаз, дышуахәмаруаз утаирхон, – иҳәеит уи [Аинар-жьи].

Перевод:

Погибли все нарты. Остался один Сасрыкуа.* Царя нартов звали Акулдзы. Акулдзы приехал и посочувствовал им. На следующий день Сасрыкуа проводил его. В пути они играючи сшиблись на конях. Сасрыкуа почти проигрывал, это он посчитал за стыд. Затем Акулдзы сказал:

– Я сейчас уеду, но вскоре навещу тебя.

Через некоторое время Сасрыкуа увидел сон, будто Акулдзы приехал к нему, сшибся с ним и тут же исчез. Он рассказал свой сон Сатаниа-Гуаще.*

– Если он сейчас приедет, погубит тебя. Ступай к Айнар-жьи*, он что-нибудь придумает, – сказала [Сатаниа-Гуаща].

Айнар-жьи сделал ему много медных колокольчиков. Взял их всех и повязал вокруг шеи коня Сасрыкуа.

Акулдзы вновь приехал. С грохотом ворвался он во двор нартов. Затем они сшиблись [с Сасрыкуа] на конях. Когда сшиблись, конь Сасрыкуа [звоном колокольчиков] поднял невообразимый шум. Конь

Акулдзы перепугался и погубил своего хозяина. Сасрыкуа вернулся к Айнар-жьи и рассказал ему о случившемся.

– Слава Анцве,* что он погиб, иначе он бы тебя играючи погубил бы, – сказал [Айнар-жьи].

17. САСРЫКУА И АКУАЛДЗБОВЫ

Текст:

Нартаа зыхшаз Мард-ица Мардсоу иоуп. Мард-ица ицҳәыс Сатаниа-цҳа Гәашьа лыхьзын. Цшьынҩажәи зежәҩык лхылцхьан сицш, лхаца дыцсит. Уарчан ҳәа хьчак дрыман. Мардсоу данцсы, уи даалыдылкылан, цҳа длоут. Уи Гәында-цшза лыхьзын. Лара дышәҩыкны Сатаниа длыхйеит.

Нартаа зтәыз Акәалзбақәа ракәын. Урти нартааи ргәы ааизыпхан, аибашьра иалагеит. Акәалзбақәа нартаа рцыхәтәа ыкәырхт, зегь тадырхит, Сасрыкәеи Гәындеи рыда.

Акәалзбақәа ашьоура иацәшәан, шьхак ихыцны ихараны ицаны анхара иалагеит. Рқытан иказ адырыҩ-цҳәыс длазцааит Сасрыкәа: – Ҳақәызхыз реы сшьа зуыр стахын, кацашьас иастарызеи? – ҳәа.

– Нан, убра ашьоура уцоит, аха дгьыл баацсуп, уеибганы узымаар ҳәа сшәоит. Аха умцар умуазар, ахьи иркацаны ахышь цәцәақәа рыла уцьабақәа, укәа ртәы. Уа уаннеилак упарышьтуам, аха уара иргәабзыц, ацсшәа ҳәа, – [лхәеит адырыҩцҳәыс].

Ишылҳәаз сицш, днармышьтуа ианалага, – Ашьеи ахши силашәтәома, сара шәызбарц саait! – иҳәеит.

Длеины дылеыжәцит. Ихәы карцеит, ачара изыруит.

[Уахь] данцоз адырыҩ-цҳәыс ус иалҳәит: – Агәараҷы аеырхәмарра уаламган, азә[ы] дуыцеыжәлоит, иумуын, – лҳәеит. – Агәар шәынтысны дәык акны шәнеиуеит. Уа «ҳаицхныҩлап» ҳәа иҳәахуеит, аха уаагьы иумуын. Убри адәы ацыхәа ахьаацпәо хра хыкәны шәныкәгылоит. Нас «сынтыцуеит» ҳәа ҳәаны , цьара упеины, уцәцәақәа рыбжьы го икаца. Уи ашьтахь арымарахь ала уизпеины, унидгыланы, «уа, рахә узпшуп» ҳәа уеааршәпәа. Уцәцәақәа рыбжьы анаҳалак, иеы рханы нада-аада ицоит, ахра иагоит.

Убас иагьыкаицеит [Сасрыкәа]. Дагеит – иеи иареи – ахра [Акәалзба]. Иани иаҳәшьа Гәында-ԥшзеи «Сасрыкәа дтамхакәа, деибганы дзаарушь» ҳәа ишԥшыз, агәар дааталеит.

– Икоуԥази? – ҳәа ианԥаа, – Адырыҩ лҳәатәала сныкәан, Акәалзбақәа реиҳабы – иегьы иаргьы – ахра датаны сааит, – иҳәит.

– Итаурхаз дтаурхит, аха иаанхаз Акәалзбақәа аар ҳахәԥәы ыкәырхуеит, ҳцап, ҳахыцп, – рҳәит.

Сатаниа-ԥҳа Гәашьа алакәа даарыԥхьан крыҷеатцаны, ркәакәа лнапы ныкәылшьын, – Шәкәыцьманы абна шәылаз! – лҳәит. Лыкәтқәагьы аԥьыкәреи нарытаны, – Шәыкәраанны адунеи шәыкәзааит! – лҳәит. Ус шәиԥхьызны ирыдылԥеит.

Ақәыцьмеи акәраани зцыркьоу нартаа рлакәеи рыкәтқәеи роуп, рҳәоит.

Перевод:

Отцом нартов был Мард-ипа[1] Мардсоу. Жену Мард-ипа звали Сатаниа-пха[2] Гуаща.* Когда она родила девяносто девять детей, умер ее муж. Был у них один пастух, по имени Уарчан. Когда умер Мардсоу, она [Гуаща] приблизила к себе его [пастуха] и родила дочь. Звали ее Гундой Прекрасной.* Ее Сатаниа родила сотой.

Нарты подчинялись роду Акуалдзбовых. Между ними произошла ссора, стали воевать. Акуалдзбовы уничтожили весь нартский род. Всех погубили, кроме Сасрыкуа и Гунды.

Акуалдзбовы испугались мести, перешли гору и стали жить вдалеке. Сасрыкуа спросил у вещуньи, что жила в их селении:

– Я хотел бы отомстить тем, кто нас уничтожил. Как это осуществить?

– Нан,* ты поедешь туда мстить, но места там гиблые, боюсь, что не вернешься живым. Но если настаиваешь, то пойди к золотарю [золотых дел мастеру], и пусть он тебе сделает ястребиные колокольчики[3]. Наполни ими карманы, засунь за пазуху. Когда прибудешь туда, тебя не будут пускать, но ты ульсти их, будь вежлив.

Как она и говорила, его не стали пускать. Тогда он сказал:

– Не мешайте кровь с молоком[4], я пришел проведать вас.

Он спешился. Приготовили ему еду, устроили пир. Еще перед отъездом вещунья его предупреждала: «Не устраивай джигитовки во дворе. С тобой одновременно сядет на коня один [из хозяев], но ты [с ним не соревнуйся], откажись. Вы выедете со двора и окажетесь на поле, он предложит тебе поскакать наперегонки, но и на это

ты не давай согласия. В конце поля есть глубокий обрыв. Ты подведи его к этому обрыву. Тут ты скажи, что отойдешь в сторону по нужде, а сам спрячься от него и сделай так, чтобы твои колокольчики зазвенели. Затем зайди к нему с другой стороны и, приветствуя: «Да ждет тебя скот!»[5], начни трястись. Твои колокольчики зазвенят, конь его с испугу отпрянет, и они упадут в обрыв».

Так и сделал [Сасрыкуа]. [Акуалдзба] со своим конем упал в обрыв.

Мать и сестра Гунда Прекрасная ждали его, переживали, вернется ли Сасрыкуа живым или нет. Между тем он въехал во двор.

– Что ты сделал? – спросили они его, и он ответил:

– Я поступил, как посоветовала мне вещунья: главу Акуалдзбовых вместе с его конем сбросил в обрыв и вернулся обратно.

– Кого погубил того погубил, но если придут оставшиеся Акуалдзбовы, перебьют наш род. Уйдем отсюда, переселимся, – сказали они.

[Перед отправкой] Сатаниа-пха Гуаща позвала собак, накормила их, погладила и сказала: «Будьте в лесу волками!». Она подбросила курам кукурузы и сказала: «Будьте на земле воронами»! Так проклятала она их.

Говорят, что волки и вороны произошли от собак и кур нартов.

18. САСРЫКУА

[рождение, гибель, уход в загробный мир]

Текст:

Нартаа цаимбарцәан, иҭәҭәаны икан адунеи акны. Абри жәла-мыжәлас икоу, чыҵ жәлас икоу зегьы адауцәа ирабашьны иааргеит. Убас рдоуҳа бзианы, иуаа цәгьақәаны икан.

Нартаа ран Гәашьа-Машьа ԥшьынҩажәи зежәҩык лхылԥит. Сасрыкәа [нартаа] раб дихылымԥит. Раб Албуз ихьзын. Ԥшьынҩажәи зежәҩык ркынтә абри Сасрыкәа хазы длоут, дыншԥаны.

Зны [нартаа ран] лычқәынцәа ԥшьынҩажәи зежәҩык рхәы лгон, асаара лхы иқәыргыланы, дхахо. Рхәы ганы дшаауаз акәымкәа, Кәбина ҳәа з-дук даваланы дшааиуаз (данцозгьы уи давсны дцеит, данааузгьы давсны даауан), азы ԥжәаны илеиуан. Аз-ныркә дыкәгылан Арчхьоу ҳәа, акы дыннамкыло, хатца цәгьак.

– Арчхьоу уоума? – лҳәан, – Ааи! – иҳәит.

– Уааи, ухаҵазар, саргьы сыҧхәысуп, усгәаҧхеит! – лҳәит.

Дталан, азы дызмырт. Дталт, деитаталт, аха дызмырт. Даанашьтуамызт азы.

– Нас ус акәзар, бара быҧхәысын, быҫзыразхан, саргьы снеир стахын, аха иамуит. Абас быехтны, быесымариашан бгыл, сбызнеиуеит! – иҳәит.

Нырцә ала аҵаѡ дыкәтәан лара лыехтны. «Длеихсын», ани ихаҵара, ла илыкәымшәакәа, лханы иҟаз ахаҳә акьаѡҳәа иаахт. Афырхәа, Инар-жьи ҳәа дыкан, даалган, [Арчхьоу] ихаҵара ахаҳә иаалхны, лѡыцра ицалкт. Лѡыцра аҧхара ицакны илыман. Ддухт, Сасрыкәа длоут.

– Ҳаи, бдухит, аха ҳаб ила акәым, быҙбадуха? – ҳәа дыркит.

– Иалашәхи сыздуха, маҳагьара са иҟасымҧеит! – лҳәан, иралымҳәит.

Агьырт ҧшьынѡажәи зежәѡык акгьы иазыпкыломызт. Раб ипсымтазы ус иҳәалон: – Аиҳабы дшәымоуп, ахылаҧшыѡ дшәымоуп, шәаҧкьыс еиҳабу ауаѡы дыкоуп. Азә дыкан, аха даннахт, рыцкар хәычык дыкоуп, рыпха лпак дыкоуп, уаха уаѡ дыкам. Шәеиҳабы дшыкоу жәдыр, – ҳәа реиҳәалон.

– Дызуста уи? – ҳәа ицаауан.

Ан иралҳәомызт.

Ус ахәычы длоуын, дуаѡхит. Қәылара иахьцоз дрыццон, реиха хаҵара иуит. «Кох, ари ҳаимыхәеит, дтаҳархап!» рҳәит.

– Сасрыкәа, – рҳәан, – Ыы? – иҳәит.

– Ҳара ҧшьынѡажәи зежәѡык хакоуп, уара ушәѡыкыуп, ҳахьцалак ахаҵара зегьы уара иҟауҧоит, ҳанааилак ҿымт утәоуп, акгьы ҳауҳәазом. Иуыҕроузеи? – рҳәит.

– Исыҕроузеи, шәара сшәашьоуп, сышәҧырхагам, ишәзеицәоу акыр ҟасҧахьоума?

– Мамоу, иаҳзеицәоу акгьы ҟаумпацт, аха уаҳтахым, – рҳәит.

– Нас ишәтахыи?

– Ҳаибашьып, – рҳәит.

– Шәааи, ишәтахызар.

– Ҳазбеибашьуа? – рҳәан, – Изышәтахыу, – иҳәит.

Абас ныркә-аарцә абахә дуқәа гылан.

– Уцаны уара абни абахә укәтәа. Ҳаргьы абри абахә ҳакәтәаны ахаҳә угәыдаҳҧоит. Хаҳәла ҳаибашьып, абахәқәа рбганы ҳаибашьып, – [рҳәеит].

Ҧшьынѡажәи зежәѡык драбашьуан: ахаҳә ргәыдицон, иаргьы игәыдырҧон, аха иҧыххаа иқәицон. Имыхәо ианалага, ажәытәан аҳәсақәа-адырыѡҵәа ыкан, азә дцан дара рахь, такәажәык длазцаайт:

– Абас-абас, Сасрыкәеи ҳареи ҳаибашьуан, ҳихәом, тархашьас иаҳтарызеи? (Нартаа ран «шәакәып, ишәымуп» лҳәон, аха ран лҳәатәы харымҵеит.)

– Уи шәара шәиматәам. Уи иармала дшәабашьуеит, иаргьала дшәабашьыр дташәырхар калап, акәымзар иарма еихазоуп, ипҵәазом, иаргьа цыруп, ипҵәоит. Убриала дташәырхоит, – лҳәит [адырыѡ-ҧхәыс].

Адырыѡ-ҧхәыс лкынтә еиликааз иашьцәа иреиҳәеит.

– Сасрыкәа! – рҳәан, рыбжьы дыргеит.

– Ишәтахыи? – иҳәит.

– Уара, анахь ххәан – уаѡыс хумпхьазеит, арахь ххәан – уаѡыс хумпхьазеит. Уармалоуп узҳабашьуа, ухы ҳатәашьан уаргьалагъ уҳабашьуам, – рҳәит.

– Ааит, ишәазҳәаз лыпсата цәгьахааит! Нас, ишәымуазар, саргьалагъ сшәабашьуеит, шәааи! – иҳәит.

Дѡагылан, иаргьала ахаҳә цыххаа итеицо дшааиуаз, ишьапы ццәеит. «Дтаҳархит» рҳәан, ицеит. Дышьтырымхит. Иааит ауаа. Адунеи иқәыз зегь еизеит. Иалухыи, дышьтахит уа. Дупеи иқәу иааилак, – Сасрыкәа, угыл, ушьтаххуеит, – рҳәит, аха, – Мамоу, – иҳәит, – сара сеиҳа адунеи аҿы ахаҵара зухьоу дмааикәа сгылом, – иҳәит.

– Кох, уара уеиҳа ахаҵара зухьоу ҳара дабаҳҧшааауа! – рҳәит.

Иааилак ахаҵарақәа ирухьаз рҳәоит, ирхәоит, аха Сасрыкәа сиха ахаҵара зуыз ҳәа уаѡ дкамлеит.

Аҳәыхә ааит. Иааин, амцәыжәѡакәа рхаханы амра иҿанамыршуа илатәеит. Ақәыцьмақәа ааин, ишьа акы иафар рымуа, иажәыр рымуа, дрыхьчон. Ауарбажә ааин ишьа ажәт. Уигьы алақәа иҧхарцан, ицеит…

Пҳәысеибак дыкан. Лпеи лыпҳаи рыда уаѡ длымазам. Лычкәын шьымтан деыжәлоит, хәымеханынза ирашь дакәтәаны дныкәоит. Амраташәара дцоит, даауеит. Данеыжәлалак агәашә акны азаз аатыхны агәашә иалеиҵоит.

– Саҳәшьа, абри азаз алхны игәатала. Уаха сзымаауазар, стахит, азаз аналцхлак ашьа аауеит, иаар стахит ауп иаанаго. Нас акыр былшозар – ба боуп, – [иҳәеит апҳәысеиба лычкәын].

– Ибзиоуп, – лҳәит.

Нас данцоз ус леиҳәит:

– Издыруада, стаханы саныббa, сахҭахаз бызнеиуазар, срашь уа исхагылазаауеит, исхыцзом. Сеы, скәадыр, сабцьарматәа уа ихшьны, иара уаҵәкьа анышә сат.

Иара ишиҳәаз ала, азаз данааха – ашьа ааит. «Ыу!» лҳәан, лубка хәычы дҩаханы лыбҕа иаакәыршаны, лхахәы ыркьакьаны лхы иаакәлыршан, афырҳәа ддәыкәылт. (Уигьы аллаҳ итәала игәацхаз лакәын).

Лан, – Бабацо? – лҳәит.

– Сахьцо иалабхыи, – лҳәит, – сыббааныа ара быказ!

– Бахьцо акәым, бабацо, ара быказ?! – [лҳәеит лан].

Лангьы ак шыкалаз лдырт, аха икалцози? Икалцогьы ран илалҳәазом.

Дызнеиуаз, [лашьа] уа дышьны дылбит. Дыштахазгьы абас ауп: мраҭашәарала хаҵак дауан. Еикәшәеит рҩыцьагь. Ианеикәшәа, деыжәцып игәахәын, дивымскәа, мраҭашәарала иааиуаз диеихсны дишьит. Дышьны, дкажьны дцеит.

Азҕаб днеизар – лашьа дышьны дкажьуп, иеы гьыжьуа ихагылоуп.

– Уа, уаҳәшьа рыцҳа, ара ушьтоума! – лҳәан, днеин имаҟа ааҵлыртын, аха аалган (абри аеыкәыргылара зыхкьазгьы убриоуп) аеы уа илыкәсалҳәит.

Лара илылшоз ала анышә лжын, иматәакәа шишәыз илаикәпсаны далҭит.

Лара днаскьан, ани дызшьыз дауан наксҭәы. Дауан апкаҩҳәа иеы дасны, дыпшуан. Иара еипш иказ азә иакәын.

– Аai, уара уегьы ара игылоуп, анышәгьы шьоукы уартеит! – иҳәан, дааивалеит.

– Ыых! – иҳәан, анышә ҩыцжааны дҩагылан, иабцьарматәа ахахшьыз икәадыр амаха иаахпааны, ашәакь леигәыдицан, дышьны уа дылкаижьт.

Иаҳәшьа дааин, еидпсыланы еибакит. Лашьа дыпсны дгылт. Ла дцәыут, иара дцәыут. Иишьыз икәнагаз ала анышә днатаны, иеы, иабцьарматәа акы шьтымхкәа, иаҳәшьа диманы аҩны даait.

Аҩны иахьааиз ран рыцҳа дмида-гәидаха дтәан.

– Шәаама, нан?

– Ҳааит, – рҳәит.

– Ҳаи, нан дшәыкәхшоуп!

– Сан, – иҳәан, – Ыы?

– Абра икалахьеи са сыкамызижьтеи, сцеижьтеи, хаҵарас икалахьоузеи? (Уигьы аллаҳ итәала игәацхаз азә иакәын.)

– Икалахьоу уиоуп – игәгәаз ак калеит.

– Закәызеи? – иҳәан, – Изакәу уиоуп: Анарҭаа Сасрыкәа иашьцәеи иареи еибашьын, – лҳәит, – иашьцәа дызрабашьуаз ишьапы ццәеит, ашьа ицаҩрны ицоит. Алакәа ааин, акәыцьмакәа ааин дрыхьчоит, – лҳәит. – Аҳәыҳә ааин ихатәоуп, иааиуа ишьа дырбатәым. Ауаа ахаҵара зухьоу, ажәытә ахаҵәа аҵәгьара зухьоу, абзиара зухьоу, инеины иацәажәоит. «Сеиҳа ахаҵара зухьоу данааиуа аены сгылоит, акәымзар уаҳа сгылом» иҳәит. Абриакараамҭа цуеит дышьтеижьтеи, дгылом, – [лҳәеит].

– Сан, са сцоит, – иҳәит.

– Саргьы суыццоит, – лҳәит иаҳәшьа.

– Баала, ибзиоуп, – иҳәит.

Иаҳәшьа даашьтыхны апкаҩҳәа дима дцеит.

Ачанах азы антәаланы, акәтаҕь ыкәцаны икарцон ажәытәан ахы зыкәшәоз изы – иузызҩыдахааит ҳәа. Ихчаны игылан.

Ачанах аеы днеин, азы инапы ааанишьылан, – Сасрыкәа, иузызҩыдахааит, лцхала уалгааит! – иҳәит.

– Итабуп, дад! – иҳәит.

– Иуыхьи Сасрыкәа, ухаҵами, умгыло? – иҳәан, – Сгылазом, дад, – иҳәит.

– Икалеи? – иҳәан, – Икалеи, сеиҳа хаҵара зухьоу дызбар сгылоит, мамзар сгылом, – иҳәит.

– Нас, сара акы сакәшәеит, сычкәыноуп, уиакара хаҵара зымуыцт, заманак уара суыздыруа сыкам, сзыкәшәаз уасҳәар калоу? – иҳәит.

– Ҳаҳаи, иуҳәароуп, дад! – [иҳәеит Сасрыкәа].

Аҵаса ишысҳәаз еипш, дшыршьыз, анышә дшартаз, дгыланы ишьа шиуыз, егьи уҳәа аниҳәа, – Ҳаи! – иҳәан, агьҩҳәа дҩагылеит Сасрыкәа, – уара сеиҳа ахаҵара ууит: уара упсны угылт, сара сымпсзакәа ус сышьтоуп! – [иҳәеит Сасрыкәа].

Нас даалаган ицхраауаз зегьы дрыкәныҳәеит, адоуҳа рыкәкаицеит:

–Шәара, иашьеи иаҳәшьеи, ламыс шәымазааит, хьымзг шәымгааит, ахылц бзиа дшәоуааит, ажьрацәара шәдыруа шәкалаait! Акәыцьмакәа, – иҳәит, – бза баны псхапс шәымфааит, саҵахә шәыгымхааит! – [иҳәеит]. – Аҳәыҳә узбалак пату укәырцааит, урымшьааит! – [иҳәеит].

Ацыхәтәан дрыкәшәиит ишьа зжәыз ауарбажәи алаҳәи: – Уара, ауарбажә бажәымзар акы афара уакәитымзааит! (Иара усоуп иагьзыкоу.) Алаҳә псхапс жьымзар уаҳа саҵахә умоуааит! – [ҳәа дакәшәиит].

Сасрыкәа дгылт, аҧаса дшыҟаз еиҧш, адауцәа драбашьуа.

Перевод:

Нарты были богатырями[1], могущественными были людьми на земле. Все семена, житные зерна они привезли сюда, отвоевав их у адауцва*. Дух такой имели, отважные были люди.

Матерь нартов Гуаща-Маща* родила девяносто девять сыновей. Сасрыкуа* родился не от их отца. Отца [нартов] звали Албуз. Из девяноста девяти [братьев] Сасрыкуа она родила иначе, он был анашпа*.

Однажды она [матерь нартов] понесла еду своим девяноста девяти сыновьям в миске, держа ее на голове, [одновременно] прядя пряжу. Отнеся им пищу, она возвращалась вдоль большой реки, называемой Кубина* (она и туда шла вдоль нее, и обратно тоже), река вышла из берегов. На том берегу стоял дерзкий, необузданный мужчина, по имени Арчхьоу*.

– Это ты, Арчхьоу? – крикнула она.

– Да! – ответил он.

– Если ты мужчина, то я женщина, ты мне понравился, иди сюда! – сказала она.

Он вошел в воду, но не смог переплыть. Снова вошел, и снова зря, не пускало его течение.

– Ты женщина захотела меня, я тоже, видишь, захотел тебя, но не получилось, в таком случае, разденься и стань прямо напротив меня! – крикнул он.

Она села нагая на крутом обрыве противоположного берега [реки]. Тогда он «выстрелил», но попал не в нее, а в камень над ней. Тут же она позвала Инар-жьи*, тот снял это с камня, она положила под мышку. Так держала в тепле под мышкой, забеременела и родила Сасрыкуа.

– Хай*, ты забеременела, но не от нашего отца! – стали донимать ее.

– Греха я не совершила, что вы ко мне пристали! – скрыла она от сыновей.

Других девяноста девяти [братьев] ничто не могло остановить. Их отец говаривал перед смертью:

–У вас есть старший, есть, кто смотрит за вами, есть человек старше вас. Был один, но его уже нет в живых, есть их далекий отпрыск, племянник, больше никого нет. Знайте, что вы имеете старшего.

– Кто он? – спрашивали они.

Мать не говорила.

Так и ребенка родила, он вырос, пошел с ними [с братьями-нартами] в поход и проявил большее мужество, чем они.

«Кох*, не совладать нам с ним, давайте погубим!» – решили они.

– Сасрыкуа! – говорят ему.

– Что? – отвечает он.

– Нас девяносто девять, ты – сотый, во всех походах ты первый по храбрости. Вернемся домой, молчишь, ничего не говоришь. Что в тебе? – спрашивают они.

– Чем вы недовольны, я вам брат, не мешаю вам, что-нибудь делал вам худого?

– Нет, худого не делал, но мы тебя не хотим.

– Так чего же вам надо?

– Давай сразимся.

– Давайте, если хотите.

– Как будем драться? – спросили они.

– Как угодно, – ответил он.

Друг против друга стояли большие скалы.

– Ты становись на ту скалу, мы на эту, будем метать друг в друга камни, разрушая скалы, так будем сражаться, – [сказали они].

Так он сражался против девяноста девяти: бросал в них камни, и они бросал , но разбивал он их вдребезги. Когда они поняли, что не могут одолеть его (в старину были вещуньи), послали одного к старухе [вещунье].

Он спросил у нее:

– Воюем с Сасрыкуа, да одолеть не можем, как нам его погубить? (Матерь нартов отговаривала их не делать этого, но они не послушались.)

– Вам его не победить. Он дерется с вами левой [ногой], она у него железная. Если правой будет сражаться, может, победите его, она у него из стали, поломается. Только так погубите его, – сказала [вещунья].

Он рассказал братьям, что узнал от вещуньи.

– Сасрыкуа! – крикнули ему [Сасрыкуа].

– Чего хотите? – ответил он.

– Что бы мы ни делали, ты пренебрегаешь нами, левой ногой сражаешься, а не правой.

– Чтоб ей пусто было, кто вам рассказал об этом! Что ж, идите, так уж и быть, сражусь с вами и правой [ногой]! – сказал он.

Он поднялся и стал крушить камень правой ногой, и тут у него сломалась нога. «Погубили мы его», – решили они и ушли, не подняли [Сасрыкуа]. Пришли люди. Собрались люди всей вселенной. Но кто бы к нему ни подошел, он отказывался, когда они ему говорили:

– Вставай, Сасрыкуа, мы тебя поднимем.

– Я не поднимусь, пока не придет ко мне тот, кто в мире совершил больше подвигов, чем я, – отвечал им [Сасрыкуа].

– Кох, где нам найти такого, кто совершил больше тебя подвигов! – отвечали ему.

Все кто приходит, рассказывают о своих подвигах, но среди них не оказывалось человека, кто совершил бы их больше, чем Сасрыкуа.

Прилетел голубь и сел подле Сасрыкуа, раскрыл крылья и затораживая его от солнца. Пришли волки, стерегли его, чтоб никто не пил крови, [которой истекал Сасрыкуа]. Но орел выпил его кровь. И его [орла] прогнали собаки…

Жила одна вдова. Никого у нее не было, кроме сына и дочери. Сын ее с утра до позднего вечера скачет на араще*. Ездит в сторону заката, возвращается. Сев на араща, он достает шило и втыкает его в ворота.

– Сестра, вынимай это шило и проверяй. Если я не вернусь этой ночью, выдерни шило, и если из этого места потечет кровь, значит, я погиб. А там сама решай, что делать.

– Хорошо, – ответила [сестра].

Перед отъездом сказал ей:

– Вот что еще. Кто знает, вдруг отыщешь меня после моей смерти, знай, аращ меня не бросит, он будет стоять надо мной. Седло и доспехи повесь рядом и предай меня земле на этом месте, там же.

Когда сестра по наказу брата выдернула шило, пошла кровь. «Ыу!»* – вскрикнула она, заткнула за пояс подол платья, обернула косы вокруг головы и пустилась в путь. (Она обладала волей Аллаха.)

Мать говорит:

– Куда ты?

Та ответила:

– Зачем тебе знать, жди, пока не вернусь!

– Никуда не иди, оставайся здесь! – [сказала мать].

Мать тоже поняла, что что-то случилось, но что ей было делать. Дочь не говорила, куда и зачем собралась.

Шла она, шла и увидела убитого [брата]. А погиб он вот как. Со стороны заката шел некий мужчина. Встретились оба. Тот, что шел со стороны заката, ждал, что едущий навстречу спешится, тот был младше. И когда тот не спешился, он убил его. Убил его, бросил и уехал.

Видит сестра, лежит ее брат мертвый и над ним конь кружится.

– Уа*, несчастная твоя сестра, ты лежишь здесь! – сказала она, подошла, развязала ему пояс, принесла жердь [вбила в землю] и привязала там коня (отсюда и пошел обряд ставить коня у головы покойника).

Как могла, вырыла землю, уложила его [брата] в одеждах и засыпала.

Едва она отошла в сторону, как видит, едет тот, кто убил ее брата. Видно, был такой же [вольный], как и ее брат.

– Аай*, и конь твой стоит тут, и предал тебя кто-то земле! – подъехал [всадник].

Тут, сказав «ыых!»* и скинув с себя землю, вскочил [погребенный], схватил свои доспехи, повешанные на луке седла, убил его [всадника] выстрелом, уложил там же. Подбежала сестра, обнялись они крепко. Брат воскрес из мертвых. Плакала она. Плакал и он. Убитого, как полагается, предал земле, ни коня, ни оружия его не тронул, оставил при нем, взял он сестру и пришел домой.

Дома их ждала измученная тревогой мать.

– Пришли, нан*?

– Да, пришли, – ответили они.

– Хай*, нан, умереть мне вместо вас!

– Мать! – обратился он к ней.

– Да…

– Что здесь было в мое отсутствие? Произошло ли что-нибудь геройское? (И он обладал волей Аллаха.)

– Да, произошло очень важное.

– Что это?

– А то, что сразились нарты – Сасрыкуа и его братья, в этой битве у него сломалась нога, течет из-под него кровь, собаки пришли, волки пришли и сторожат его, над головой его сидит голубь, чтоб не подпускать к его крови. Приходят к нему и говорят с ним отважные

мужчины, совершившие подвиги, храбрецы и отчаянные воины. «Я не поднимусь, пока не придет человек, совершивший больше меня подвигов», – говорит он. Вот уже, сколько времени прошло, как он лежит и не поднимается, – [сказала мать].

– Мать, я пойду, – сказал он.

– И я с тобой пойду, – сказала сестра.

– Хорошо, пошли, – ответил он.

Он взял сестру и помчался.

В старину в тарелку с водой клали яйцо и ставили в изголовье раненого. Считали, что помогает больному. Стояла тарелка у головы [Сасрыкуа].

Он подошел, окунул пальцы в тарелку и сказал:

– Пусть пойдет тебе на пользу, выздоравливай, Сасрыкуа!

– Спасибо, дад!* – сказал [Сасрыкуа].

– Что с тобой, Сасрыкуа, ты ведь герой, вставай! – говорит.

– Не встану, дад, – отвечает ему [Сасрыкуа].

– А в чем дело?

– А в том, что увижу человека, совершившего больше меня подвигов, поднимусь, нет – не поднимусь.

– Если так, нельзя ли мне рассказать об одном случае, который произошел со мной? Я, конечно, еще молод, не совершил таких подвигов, чтоб ты мог услышать обо мне, но все же.

– Хахай*, ты должен рассказать, дад!

И тот рассказал, как его убили, предали земле, как он поднялся из могилы и отомстил за себя.

Сасрыкуа тут же вскочил:

– Хай, твой подвиг больше моего! Ты встал из мертвых, а я лежу, хотя и не мертв.

Затем он взял и благословил всех, кто ему помогал:

– Вы, брат с сестрой, будьте такими же достойными, не знайте позора, пусть будет достойным ваше потомство, никогда не забывайте о кровных узах! Волки, – продолжил он, – да не есть вам никогда мертвечины, пусть всегда вам будет добыча! Голубь, пусть повсюду к тебе относятся с уважением, не убивают тебя!

В конце он проклял орла и ворона, которые испили его крови: – Ты, орел, чтоб ничего, кроме гнилого пня, не имел право, есть! (Так оно и есть.) Ворон, и ты чтоб ничего, кроме мертвечины, не знал!

Сасрыкуа поднялся, сильный, как прежде, способный бороться с адауцва.

19. САСРЫКУА
[женитьба, роковая смерть младенца]

Текст:

Сасрыкәа баша-маша хаҵамызт, Аиргь рхаҵа ҳәа изышьтаз, Аиргь ирымазкуаз уаҩын.

Саҽрыкәа иԥҳәысаагара аамта анааи, ихьз адунеи зегь иахыҵәахьан. Анс иҟаз ауаҩы иԥҳәысаагарагьы ԥҳәысаагара сиԥшымзар акәын. Иаргьы хьызла-ԥшала ԥҳәыс даайгарц избеит.

Уи аамҭазы, Сасрыкәа сиԥш, зыхьз ҭәҭәаны ирҳәоз, Алдызаа ртыԥҳак Дада ҳәа дыҟан. Уи ссирзак лакәын ԥшралеи сахьалеи. Уи лыссиршьа сара исҳәоит ҳәа салагом, егьсызҳәом, излархәоала, уамазак лакәын. Уигьы лхаҵацара иаамҭаны, илысакьаҳәымҭаны дыҟан. Ани леиԥш иҟаз лызбахә Нарҭ Сасрыкәа ишҵеимаҳахуаз, иаҳахьан, идыруан уи илыцназгоз ԥҳәызбак ускантәи ала дшыкамызгьы. Абни Алдызаа ртыԥҳа дааигарц иакәиҟит Сасрыкәа.

Алдызаа ахьынхоз ус аламала уаҩ дызнеиуамызт, ахра акәыршан. Уи, ахаҵәа реиԥш, алабашьа лкуан, ахаҵәа реиԥш, деыжәлон, аҟамчы лкуан, лнапала иҟаҵаны иалырсыз аехарпарта гылан Алдызаа ргәараҽы.

Лара убас ҿатахьас илыман: лҳәаразы иаауа дналгәтасны, лтыц аҿынтә днеитарҵаны, ллабашьа аалымпыцжәааны, лҟамчы илымпыцҵааны, лыехарпарта инагәтасны иныцызжәо ида уаҩы сышицымцара хәа. Уи злымшаз ихы хҵәаны аҵәҩан иахалырԥон. Лҳәаразы азә даайт анырҳәалакь, ллабашьа аашьтыхны, лҟамчы аанкыланы, днеины лыехарпарта ааигәара днагылон. Ҩынҩажәи фҩык неи[хьа]н Алдыз-ԥха лҳәаразы , аҩынҩажәи фҩыкгьы рыхкәа рыԥхны аҵәҩанкәа ирхарпан.

Абриакара шадынҵәалахьазгьы идыруан Сасрыкәа, аха дхәычжьтеи дзышьтаз ахьз акәымзи?! «Ариакара ахьадынҵәалаз саргьы амҩа сыкәлоит» иҳәан, деыжәлан ддәыкәлеит уи абни зызбахә иаҳауаз Алдыз-ԥха лахь. Нарт Сасрыкәа амҩа дыкәуп, дцоит. Ус дышнеиуаз, Алдызаа рааигәара днеихьан сиԥш, арԥыс қәыԥшк, ԥшзакы, иҟәра маҷны, кәмаанк азна зыхь бзиак иманы днеиуан, Сасрыкәа дынихьзеит.

– Дад, уара ара уабаанага? – иҳәан, Сасрыкәа аҷкәын диазцаит.

Арԥыс ԥшза даацәажәан, ус иҳәеит:

– Сара Дада сылмацуоуп, абри акәмаан итоу азгьы лара илзызгоит. Сара Дада лымоа иқәлахьоу уаогәышьан, аха уи леатахьа анагзара уаоы илшом, саргьы исылымшеит, аха слымшьит срыцхашьаны, мацуоыс сынлыжьын, лымац зуеит. Оыноажәи фоык рацьал уа иқалахьеит, сара соыноажәи быжьоыкын, аха сыпшзареи сқәыпшреи акнытә сеиқәхеит. Сынасып иакыр, улиааип. Улиааиуазар, саргьы снумыжьын, ламыс умазар. Уи ильцыздыраахьоу уасхәап, – иҳәеит ачкәын.

– Уи акәзар, тынч суацәажәап, – иҳәан, Сасрыкәа дылеыжәцын, иуапа ааицыхны инкаршәны длатәан, ачкәынгьы дааидиртәалеит.

Ачкәын дцааит, – Уара узустада, иухьзузеи, иужәлоузеи? – ҳәа.

– Сара Нарт Сасрыкәа соуп, уара узустада, узыжәлада? – дцааит Сасрыкәа.

– Сара Акәнба Шҳангьари сицоуп, Маф сыхьзуп, – иҳәеит ачкәын.

– Нас, уара еиқәхашьас иуоузеи? – дцааит Сасрыкәа.

– Сара сеыуаоын, сеыжәын, сныкәон. Аоны санааилакь, сылеыжәцны, сеы ырууаза иршәны, скәацә иахыруугааны, нак икахааанза нактәирахь сиасны сацаххны искуан. «Сара исиааиуа хаца дыкоушь?» анысҳәалакь, «уара ацыс еицш узымцхьазауа ыкоуп» ҳәа сан исалҳәон. Сыцкәына ласын, ацша сацуа сыкан. Анс сан исалҳәо даналага, саагәаан, Алдызаа рымоа сыкәлеит. Ус, Дада леы сааит. Сахьааиз, Дадеи сареи атах-саххәа ҳаибакит. Аха иаразнак сааиларҳәаны сеалҳәеит, кәчышьк еицшгьы слымцхьазеит. Нас ахыхцәацәа ааин иласхагылт, схы хырцәоит ауп уажәы. «Оыноажәи быжьоык!» – рҳәан, реихақәа рхха иласхагылеит. «Иқәра мачуп, дыпшзоуп, даҳшьрым, дычкәыноуп, сымац иулап, шәикәац!» – лҳәеит Дада. Нас «иухьзузеи» ҳәа дсызцааит. «Маф сыхьзуп» сҳәеит. «Сымац уулап, указ, дыпшәырты!» анылҳәа, саацдыртит. Шыкәсыки бжаки цуеит абра сыкеижьтеи, аха уиаахыс уара уда уаҳа уао дмаацт. Лара ильцысххьоугьы уиоуп: атахҳәа уаалысны дануклакь, ллабашьа лымухроуп; уи анулша, дааимудар, чакык лцьыба итоуп, иаатухуеит. Ачакы лцьыба ианузтых, лыехарцарта унагәтасны иныцужәоит, нас унлыгәтасны днеитоурцоит, аиааира Анцәа иуитааит, нас уара дутәуп. Аиааира ануга, саргьы сынасып иакит. Ахьшәтҳәа уоеыжәланы, уеы ахәда днықәцаны удәыкәлароуп. Ус уандәыкәлалакь, азә душьталоит, думихразы. Иара Анцьыкә ихьзуп, иеы Алцьыкә ахьзуп. Уи иииааиуа уао дыказам. Уи адыди амацәыси тиркьоит,

иаразнак духьзоит. Данухьзалакь, лара Дада лысумпыцжәааны, цака дыхәхәаза диаусит. Ускан ани лчакы илцәугаз аатыхны, лыхәда хыуцәошәа инып оукусеит; ачакы уаргьала иукызароуп, уармала – уаҳәа. Иара данааилакь, икамчы ллааирхоит, «ааи, дысцәугеит!» ҳәаны днагьежьуеит, уинахыс уаҳа длыкәитзам, илиааиз дитәуп, ус анузыкамца, иара дигоит. Аха акамчы аплааирхо, дшәиусит «бымсиааит» ҳәа. Абас салҳәахьеит, – иҳәеит ачкәын. – Аиааира оуааит, Сасрыкәа, сыпасып иакыр, аиааира уган.

Уи аштахь ачкәын доагылан, икәмаан аашьтыхны дцәыкәлеит.

– Угәра злазгарызеи, умпанхан, ухатазар, – иҳәеит Сасрыкәа, ачкәын дандәыкәла.

– Усцәымшәан, сара сапсуоуп, снанхаоым. Сара спеипы азы лыстааиза усаапкыл, нас упеи, – иҳәеит ачкәын.

– Лзы лытаны успхьак, нас сара икастцалакь убап, – иҳәеит Сасрыкәа.

«Уажәшьта ачкәын Дада азы лытаны, исыцхьеикзаргьы исыцхьеикт» анигәахә, Сасрыкәа апкаохәа, сыхәцәыла ахра цыххаа агәар дылтаххын, аншырҳәа дылеыжәцан, Дада дынлыдхьланы дынлысын, лшьаны дпыкәкьаны, ллабашьа аалымпыцижәеит, нас лкамчы аалымпыцицаан, лцьыба лчакы аатицаан, аехарцарта длагәтасын, илыцыркәысны илкаижьын, ахьшәтҳәа доацан, арашь доакәтәаны, Дада исыхәда даакәикын, – Маф, упеи! – иҳәан, дпацкьеит.

Дада лыехарцарта ацхра иахкьаны, ажәытә акәылацәа кәылаиы, арахә рыманы иандәыкәлалакь, аха ыцжәаны икарыжьуан. Убри акнытә акәылацәа анкәылалакь, «акәылацәа аха ыцырхыу?» ҳәа иазцаауан. «Итрымхзеит» рҳәар, «ааи, урт хацәазамзаап!» рҳәоп.

Сасрыкәа дыкәлаауа дандәыкәла, ачкәынгьы дишьталт.

Ус, иапцны, ахыкәалаа аипш, дааусит Анцьыкә Алцьыкә дакәтәаны, иаразнак дрыхьзеит. Данрыхьза, Дада Сасрыкәа леимпыцжәааны, дыпсызшәа дыхәхәаза диеит. Сасрыкәа дылеыжәцан, иаҳәа иармала иааникылеит, иаргьа панала ачакы Дада лыхәда инып еикт, лхы хитцәошәа. Анцьыкә дшааиуаз, икамчы аамоанипан, Дада иналхикьеит, – Бымсиааит! – иҳәан. Нас Сасрыкәа иахь днахьаҳәын, – Дысцәугеит, апсра оундаз, шьта сара уаҳа слыкәитым, – иҳәан, днагьежьит, Дадагьы аншырҳәа доацкьеит.

Сасрыкәа иеы Дада дҩакәиртәеит, иара Маф иеы днакәтәеит, Маф иааиԥыхьашәаз еык кны дҩакәтәан, амҩа иқәылт.

Ус, ишааиуаз, Нартқыҭ иапаалала, ауаа маҷымкәа ирԥылт, ашәа рҳәауа иалалеит: – Уаа, Дадеи Мафи ааигеит Сасрыкәа! – ҳәа. Маф дхаԥаҩызахт. Убри аахыеоуп аҭаԥаагарашәа «Уа, радеда-мафаа!» ҳәа ашәа рҳәо иапалага, хаԥа иԥо аԥҳәызбагьы ахаԥаҩыза дыпьтылхуа иапалага.

Дада, Аԥьыкә ишәиԥхьыз иахкьаны, хшара дылмоуа данагалага, игәхьаалган, «абри ԥьара ԥсыхәа амазар, силыскаароуп» хәа дԥааua дпықәыз, ус лаҳаит: «Бара аԥа дбоур, бхаԥа димырбакәа аазара дпыбтиуала, пасгьы уи дпыуаҩхара дуаҩхааиза, бхаԥа дпибмырбо ала ҫа бҳәар, ԥа дбоусит!» ҳәа.

Дада, анс аплаҳа, ҫа лҳәеит «ԥа дсоуазар, схаԥа димырбакәа аазара дҭины, дуаҩхааиза схаԥа дписмырбара» ҳәа. Ус ҫа анылҳәа, ахшара лԥәа далашәеит, аха Сасрыкәа иалхәом. Ус дыкан, илпыԥшуа далагааиза. Убри аамҭазы Сасрыкәа ԥьара харак, шыкәсыкыиза дахьзымаашаз ныкәартак иоуит. Сасрыкәа иссикәыршәаны, иҩызԥәа-иԥызԥәа иманы имҩа дыкәлеит. Уахь дахьыпзаказ, иԥҳәыс па длоуп, аазара амшын агәаны дылтиит.

Сасрыкәа дахьпаз дхыпҳәит хьызла-ԥшала. Даара иуаҩорахьгьы дпсихьан, иԥҩаншьан шызуаз ибон, аха икаиԥагәышьоз, гәырҩа дус иман.

Ҽнак зны Сасрыкәа ԥсаатә дук дааньтнахын, амшын агәаны хаҳә дук ыкан, абни ахаҳә аҫы днаганы дпықәнаргылан, иԥсит. Сасрыкәа, дзықәшәаз изымдыруа, днаԥны-ааԥшуа дыпгылаз данынаԥны, абни ахаҳә ԥьара талартак шамаз ибеит. Аталартасы дпсизар, ԥака амардуан тагалоуп. Амардуан дылталан дахьылбааз, ҩнык гылоуп. Аҩны ашә днадгыланы данпас, ашә аадыртит. Даԥны, даара уаа заманақәак пылгды хыла рхәы рхианы итәоуп, акрырфоит. Иаргьы днарган, даара пату иқәԥаны днадыртәан, акрыфара иалагеит.

Хәычы ссирк дкәыруа аҩны дыҩноуп. Абни ахәычы зегь сигәыргъоит, абыҩлаша хәызбала итыхны иртоит. Сасрыкәагьы абни ахәычы ԥсгьа дсилаҳаит. Иаҳәызба аԥылгды ахы иаатсиргьежьын, абыҩлаша аатихын, ани ахәычы дааидиԥхьалан, истоит хәа иапизыпаирха, ахәычгьы ис хәычы раҳаны исааихт. Ус, данааидгыла, ахәычы длыпьаԥәхыслан, Сасрыкәа иаҳәызба длахаҳан, дыпсит. Сасрыкәа дыпсыр итаххеит, аха икаиԥахуаз! Дҩагылан данындәылԥ, дназгаз аԥсаатә ааин. дааньтыхны днаганы имзырхакны дларгыланы, иара ԥеит.

Сасрыкәа дзықәшәаз даара хәыԥыртас икит. Уи иԥҳәыс игәалган, – Акы хәыԥыртас иумоуп, ииаумҳәар ссыспьусит! – ҳәа дылкит.

Иапылмуза, дзықәшәаз лсиҳәеит. Дада арԥәаахәа дыҩпыҳәҳәеит:

– Упан, уажәра ԥәгьахааит, уи хԥа иакәып! Думырбакәа ааза ара дыстиин, адырыҩԥәа изласарҳәаз ала, раԥәа ҳажәымта шԥаԥәгьаз! – лҳәан, аԥәыуара далагеит.

Уиакәхеит, Сасрыкәа ихшара ҳәа уаха азә диҭыхаиы икамлеит.

Перевод:

Сасрыкуа* не был простым героем, его звали героем Айргов*, и он мог потягаться с Айргами.

Когда пришло Сасрыкуа время жениться, имя его обошло весь мир. Женитьба такого человека должна была быть непохожей на обычную женитьбу. И сам [Сасрыкуа] решил жениться со славой.

В это время у Алдызов* была дочь, слава которой, подобно славе Сасрыкуа, была громкой. Звали ее Дада. Она была необыкновенно красивой. Я не могу передать ее красоту, как говорят, была необыкновенной. И ей было самое время выйти замуж. О такой разве мог не слышать Нарт Сасрыкуа, знал, что нет ей равной девушки. И Сасрыкуа решил жениться на дочери Алдызов.

К месту, где жили Алдызовы, было непросто подступиться, оно было окружено скалами. Сама она, подобно мужчинам, держала в руке посох, ездила верхом с плетью в руках, во дворе Алдызов стояла коновязь, сделанная и вбитая в землю ее руками. Она зареклась, что выйдет замуж только за того, кто, оттолкнув ее, так, чтоб она отпрянула назад, выхватит у нее посох, вырвет из рук ее плеть, толкнет коновязь и вытащит из земли. Кто не справлялся с этим, тому отрубала голову и насаживала на кол. Как только ей скажут, что кто-то пришел свататься к ней, она брала в одну руку посох, в другую – плеть и становилась у коновязи. Сорок шесть человек приходили к дочери Алдызов свататься, головы всех сорока шести торчали рядышком на кольях забора.

Сасрыкуа знал, что такое количество народу было здесь погублено, но он ведь сызмала только за славой и гнался! «И я пойду туда, где столько людей погибло», – решил он и пустился в путь к дочери Алдызов.

Едет Нарт Сасрыкуа, едет, и когда уже приблизился к Алдызовым, заметил молодца красивого, молоденького, шедшего с кувшином родниковой воды. Сасрыкуа нагнал его.

– Дад*, что тебя сюда привело? – спросил Сасрыкуа у юноши.

Красивый молодец ответил ему:

– Я слуга Дады, и вода в этом кувшине для нее, ей несу. Я был в числе тех, кто добивался Дады, но ее зарок никому не в силах выполнить. И я не смог. Но она не убила меня, пожалела, оставила меня прислугой, и я служу ей. Сорок шесть человек нашли себе здесь погибель. Я был сорок седьмым, но она пощадила мою красоту и мою юность, лишь это меня и спасло. Если есть у меня счастье, ты одолеешь ее. А победишь ее, не бросай меня, если есть у тебя честь. Я расскажу, что я вызнал от нее, – сказал юноша.

– В таком случае, поговорим спокойно, – сказал Сасрыкуа, спешился, расстелил на земле бурку, сел, усадил рядом юношу.

Юноша спросил его:

– Кто ты, как тебя зовут, как твоя фамилия?

– Я Нарт Сасрыкуа, а ты кто, как твоя фамилия? – спросил Сасрыкуа.

– Я сын Акунба Шхангерия, зовут меня Маф, – ответил юноша.

– Так, как ты уцелел? – [вновь] спросил Сасрыкуа.

– Я был наездником, странствовал. Возвратясь домой, швырял своего скакуна через дом и подхватывал его по другую сторону, прежде чем он упадет на землю. Когда я спрашивал мать, есть ли кто сильней меня, она мне говорила, что есть люди, которым я что беззащитная птаха. Был я взбалмошный юноша, самонадеянный, куда ветер, туда и я. Однажды я обиделся на подобные слова матери и пустился в путь к Алдызовым. Так и пришел я к Даде. Тут мы с Дадой схватились. Но она тут же скрутила меня, связала, как цыпленка. Затем пришли палачи, встали надо мной. Сейчас будут рубить мне голову. «Сорок седьмой!» – сказали они и занесли надо мной топоры. «Возраст его мал, красив, не будем убивать, пусть он пока будет мне прислуживать, оставьте его», – сказала Дада. Затем спросила, как меня зовут. «Меня зовут Маф», – говорю. «Будешь мне прислугой, оставайся, развяжите его!» – сказала она, и меня развязали. Я уже с тех пор полтора года здесь нахожусь, но кроме тебя, никто не приходил. А разузнал я от нее вот что: как только схватишься с ней, сразу выхвати у нее посох. Как только это удастся, обшарь ее, в кармане у нее должен быть ножичек, возьмешь его. Как только сможешь взять

у нее из кармана ножичек, должен пинком вырвать из земли коновязь, затем опять толкнешь ее, чтоб она отпрянула. Дай Анцва* тебе победить, затем она будет твоя. Как победишь ее, и мое счастье сбудется. Ты тут же должен подхватить ее, посадить на шею коню и мчаться. Как помчишься, обязательно за тобой погонится один человек, чтоб отнять ее. Зовут его Анджыку, коня его зовут Алджыку. Его никто не может победить. Он мечет громы и молнии, он сразу тебя догонит. Как он настигнет тебя, Дада вырвется из твоих рук и ляжет, вытянувшись, на земле. Тогда достаешь этот ее ножичек и приставляешь его к её горлу, словно хочешь его перерезать. Ножичек ты должен держать в правой руке, а меч – в левой. Подскочив, он замахнется плетью, скажет, «ааи*, отнял ее у меня!», и повернет восвояси. С того момента у него нет власти над ней, она принадлежит победителю. В ином случае он ее заберет. Но когда он стеганет ее плетью, то скажет: «Чтобы не было у тебя потомства!». Вот о чем она мне как-то рассказала, – сказал юноша. – Да ждет тебя удача, Сасрыкуа. Если есть у меня счастье, ты победишь.

Затем юноша поднялся, взял свой кувшин и пошел.

– Как мне тебе поверить! Не предавай меня, если ты мужчина! – сказал Сасрыкуа, когда юноша уходил.

– Не бойся, я апсуа*, и предательства не знаю. Повремени, пока я не дам ей воды. Затем приходи, – сказал юноша.

– Дай ей воды и скройся, а там посмотришь, что я смогу, – сказал Сасрыкуа.

Когда Сасрыкуа решил, что юноша, дав ей воды, успел уйти, он со всего разбегу грудью коня разбил каменную ограду. Ворвался во двор, спрыгнул с коня, подбежал к Даде. Так ее толкнул, что она слетела с ног, выхватил у нее посох, затем отнял у нее плеть, выхватил из ее кармана ножичек, ударил пинком коновязь и вывернул ее с корнем, тут же вскочил на араща*, посадил Даду на шею коню, крикнул: «вперед, Маф!», и помчался.

В связи с коновязью Дады в старину повелся такой обычай: когда грабители налетали на село, обязательно должны были вырвать жердь, угоняя стада. Потому после налетчиков спрашивали: «Вырвали ли они жердь?». Когда узнавали, что не вырвали, то на это говорили: «Ааи*, не мужчины они, значит!»

Сасрыкуа поскакал, и юноша за ним. Смотрят – как пуля летит за ними Анджыку верхом на коне Алджыку, он тут же настиг их. Как он нагнал их, Дада вырвалась из рук Сасрыкуа и растянулась на зем-

ле, словно мертвая. Сасрыкуа соскочил с седла, взял меч в левую руку, а правой вынул ножичек и приставил к ее горлу, словно отрезает ей голову. Анджыку летел со всей силы и тут же стеганул Даду плетью, сказав: «чтоб не было у тебя потомства!». Затем он сказал: «Отнял ты ее у меня, теперь я не властен над ней», и пошел назад. И Дада тут же вскочила.

Сасрыкуа усадил Даду на своего коня, а сам сел на коня Мафа, Маф тоже сел на первую попавшуюся лошадь, и они пустились в путь. Тут они и въехали в Нарткыт*, их встретило здесь много народу, и стали они петь песню: «Уаа*, привел Сасрыкуа Даду и Мафа!». Маф стал дружкой. С тех пор поется в песне сватами: «Уа*, радедамафаа!». С тех пор стали невестам давать дружек.

Из-за проклятия Анджыкуа у Дады не рождались дети, она стала переживать, стала думать, нет ли выхода здесь какого, стала спрашивать, и вот что ей сказали: «Если у тебя родится сын, и ты его отправишь на воспитание, скрыв это от мужа, если поклянешься в этом, родится у тебя сын, только ты должна его не показывать мужу, пока он не повзрослеет».

Услышав такое, Дада дала зарок, что если родится у нее сын, она скроет это от мужа и не покажет его мужу, пока тот не вырастет. Она дала клятву и понесла, но Сасрыкуа не сказала, что ждет ребенка. Когда это должно было стать заметным для глаза, Сасрыкуа пришлось пойти в дальний поход, в котором он должен был задержаться до года. Сасрыкуа снаряди́лся в дорогу, взял друзей-товарищей и пустился в путь. Между тем жена его родила сына и отправила его на воспитание за море.

Сасрыкуа вернулся из похода со славой. Он уже задумывался о потомстве, переживал, а годы все шли, и был он уже не молод.

Однажды подхватила Сасрыкуа какая-то громадная птица, подняла его в небо, понесла над морем и опустила на какой-то камень среди волн, а сама улетела. Огляделся Сасрыкуа, видит, в камне дыра, подошел – вход ведет куда-то, спустился по лестнице – дом стоит. Подошел он к дому, постучался, открылась дверь. Зашел, видит – сидят почетные люди за столом, на нем отменное мясо. И его с большим почетом усадили, стали потчевать. Мальчонка какой-то бегает меж людьми, все ему радуются, вынимают ножами костный мозг, угощают малыша. И Сасрыкуа очень понравился этот мальчик. Он выскоблил ножом костный мозг, подозвал мальчика, и тот заторопился к нему с раскрытым ртом, но споткнулся перед самым но-

жом, напоролся на него и умер. Сасрыкуа самому захотелось умереть, но что ему было делать. Он вышел во двор. Тут его снова подхватила та же птица, понесла и оставила в его же дворе и улетела.

Сасрыкуа только и думал о случившемся. Это заметила его жена и сказала, что убьет себя, если он не расскажет, что с ним стряслось. Когда она настояла, он рассказал ей, что произошло. Дада закричала:

– Да будет мрачной твоя старость, это был наш сын! Я отправила его на воспитание, скрыв от тебя, так мне сказали вещуньи, не суждено нам счастье, – и стала плакать.

Таким образом, иметь наследника, Сасрыкуа не было суждено.

20. ЖЕНИТЬБА САЄРЫКУА И ЕГО СУДЬБА

Текст:

Сасрыкәа дцәыкәылт. «Сара, – иҳәст, – Ажәсицшьаартыцха, Ашцәа-ртыцха, убрыи лыда азә[ы] даазгом» иҳәст. Арыи дсыжәлан[ы] дцәыкәылт, иҳәст. Дсыжәлан[ы] дцәыкәылт, аха дыццсуаз таҳмадак дибст.

– Уабацо, дад, Сасрыкәа? – иҳәан, [диазцааит].

– Ажәсицшьаа-ртыцха лахь спарц стахыуп, – иҳәст, – убырт ауаа рахь.

– Уа ашашьа пәгьоп, дад, – иҳәст.

– Ыцца? – иҳәан, [дцааит Сасрыкәа].

– Уа ухаларгьы, упарыцьтуам, – иҳәст.

– Избап? – иҳәан, [дцааит].

– Маш, упарыцьтуам уа, – иҳәст.– Уыи ауфы длыцьтоп, – иҳәст, – уа дтәоп, – иҳәст, – дуитарангьы уыказам, – иҳәст. – Ухы умырмашәырын, – иҳәст.

– Уыи са избап, – иҳәст. – Амала, сызлахало амфа амома? – иҳәан, [дцааит].

– Қо, – иҳәст.

Уыс иеыпехап, иҳәст, [Сасрыкәа] дыццсуаз акәымкәан, дхалт, абрыи абахә дхалт, иҳәст, арашь дақәтәан. Абахә дахьыфхалаз. гәашә дыук соп, агәашә ааиртып дахьыпталаз, ацпыракны, иҳәст, азә[ы] дтәоп, иҳәст, таҳмадак, иҳәст. Абарт уыпьта рыфны ибот. Хап дыуззак гылоп, иҳәст. Абрыи ахап ааос агәашәакны, аихатә гәашә соп, абра данылтала, иҳәст, абра таҳмадак дтәоп, иҳәст. Нас, – Уабацо, дад, арахь? – ҳәа иҳәан, иҳәст, [диазцааит атахмада].

– Абрахь снеуст, – [иҳәсит Сасрыкәа].

– Ааи, дад, уымпеи! – ҳәа иҳәет, иҳәет. Уыс иҳәет аныи атаҳмада: – Уыбра, – иҳәет, – сара сыҷкәын дтәоп, – иҳәет. Абрыи длышьтожьтеи заҟа шыкәса цуазыи, – иҳәет, – даҳзацыргом, – иҳәет, – ларгьы диццом, – иҳәет, – иаргь[ы] дасазәы диитом, иҳәет, – абра дтәоп, – иҳәет.

– Уыи, – иҳәет, сара агьыдыспырхагам, – иҳәет.

– Дыуцырхагам акәым, шәеибармашәырует, – иҳәет. – Дыумшьын, абаапс[ы], суыҳәот, сыҷкәын-заҵә иоп! – иҳәет.

– Мамоу, дысшьуам, – иҳәет.

Афырҳәа иҿыпехет, уыи днаивсны, иҳәет. Даннеи, [атаҳмада иыҷкәын] дтәоп цаҟа амардуан акны, иҳәет.

– Уысышьтуам! – ҳәа иҳәет, иҳәет.

– Сыумышьтыр калома, сҿеует сара, азәгьы сиышьтам, сыумышьтыр калазом! – иҳәет.

Уыс, ииылакгьы, арыи дуымшьын иымҳәахьазыи, дааидкылан дҿсҳәет, дымшьыкәа. Дҿсҳәан, иыегьы уа иҿаҳәан, иеы днакәиыртәан, ддәыкәиҵеит. [Амардуан] дкыдылт арыи [Сасрыкәа]. Дкыдлан, данхала, иҳәет, дыцәоп лара, арыи бжь-стажк рхыхь, иҳәет. Лхахә[ы] абас цаҟа, асаара ишьтоп, иҳәет, лхахәы даҿоахан, ас иапыкәица, аныи ачкәын иакәыз цьылшьан, – Ҳаи, уара зкәыкәыл иаразнак иыпцәаз, абыржә[ы] цхызк салан, сышцааурцшыи! – ҳәа лҳәан, иҳәет, даҿоыцкьет, иҳәет.

– Закә цхызыузыи?

– Нарт Сасрыкәа даауа цхыз избст! – ҳәа лҳәет, иҳәет.

– Аа, Сасрыкәа са соп! – ҳәа иҳәет, иҳәет.

Арыи – Аҵпа, Адыд-Амацәыс, Акырцх – абарт рыхҿыкгьы абрыи лашьцәа роп.

– Ыкоузыи?

– Абас, абас…

– Сыцот, аха сашьцәа ҳаршьует, – лҳәет.– Сашьцәа ирыузом, – лҳәет. (Насгьы, арыи атаҳмада ица дцама, уа дыкоп!)

– Абра цаҟа, – иҳәет, – слеҿсует сара сыла, – иҳәет, – быц, – иҳәет.

– Бзиоп.

Уыс цаҟа дылбаан, иҳәет, ирашь дакәтәан[ы] дныслҿсуаз [лара] дыцет, иҳәет. Дыцан, даалымцасны, иеыхәда длыкәкны ддәыкәылт. Арыи дрышьталт, арыи атаҳмада ица. Атаҳмада арцәааҳәа дыҳәҳәет: – Уыимехсын! – ҳәа. – Уыимехсын, абаапсы, дуымпьын! – ҳәа.

Уыс, иҳәет, аныгь[ы] дыкны, дҿаҳәаны дышьтацаны, иҳәет, дыдәыкәылт, иҳәет. Акәакҳәа(!) Аҵша цәыркьет, Аҵша рышьталт. Аҵша рышьталт(!), иҳәет. Аҵша дазаанымкылакәан[ы] дыдәыкәылт, иҳәет. Атаххәан, иҳәет, Акырцх атәыла бгет(!), иҳәет. Уыгь[ы] дазаанымкылт. Адыд-Мацәыс(!) амца шьталт, аха загьдарароп, дыигет абрыи. Дырцәцет.

Дыигет, арыи, диыман[ы] дцет, ачара руыит, агьыит.

Ишыказ, иҳәет, арыи [Ажәеицшьаа-ртыцха] лтаацәа рахь аанҿасра хәа дцет, ахәычгьы длаут. (Аха убыс лҳәет лара: «Иҳахшоу рацәак даазом, – ҳәа. – Иҳахшо дмашәырхот, рацәак дхаазом, уаҿ дахтынхом» ҳәа.)

Арыи уахь дшыказ иара ддәыкәылт дааигарц иыцхәыс аҿ-ныка. Ддәыкәылт. Дышҿуаз, иҳәет, аз-дыук длыҿцыпгылт. Ацәкәа ҿба рхы, иҳәет, азагәтан иалагылан[ы] сибашьует, иҳәет. Еиҿагылан[ы] сибашьует. Артгьы уамашәа ибет, аха дрыламцәажәазакәа дҿырны дцет. Абахә дхалт. Абахә дхалан, рашҭакын дахьҿез, дахьыҿохалаз агәашәаҿы лапск тәоп, иҳәет, аласбакәа, аҿопыцка, амгәа итатәаз аласбакәа еишуа иалагет. Уыгь[ы] уамашәа ибет, иҳәет. Аха уырҭ дшырзызырҿуаз, иҳәет, ацхәыс длагот, иҳәет, ацхәыс зцәазтәымыз, абрыи, иҳәет, лымгәа итатәаз ахәычы, абрыи аласбакәа икәицот, иҳәет. Уыгь[ы] цьеишьет, иҳәет. Нас дхалт иыцхәыс лахь, уыртгьы дыркәацны. Данхала (!) – иыцхәыс лхы лхагылазам.

– Иызакәызыи, бара, бхы бхагылазам! Арахь бцәажәот, ызакәызыи? – иҳәан, [длазцааит].

– Уанаауаз азакны иыубазыи? – ҳәа диазцааит.

– Иызбазыи, ацәкәа рыхкәа ҿба сибашьуан азагәтаны, рхатакәа аказамкәа.

– Ыы, ибзиоп. Ара уахьыҿохалаз агәашәаҿ[ы] иыубазыи? – лҳәан, [диазцааит].

–Алацс тәан, – иҳәет, – амгәа итатәаз аласбакәа сеиуан, – иҳәет. – Нас ацхәыс, – иҳәет, – алыу дахьахаз ахәычы, амгәарта итаз ахәычы алакәа скәыицоп, – иҳәет. – Ара са сахьааиз – бхы бхагылазам. Абрыи закәызыи? – иҳәан, уыс иҳәет.

– Аҳаки уарси шәеибашьраны шәыкоп, – лҳәет. – Уыбрыи акәын, – лҳәет, – ацәкәа рхы иубоз, сикәцо, – лҳәет. – Убырт, – лҳәет, – [аҳ] иыр анышцәалакь, – лҳәет, – ахәычқәа, аҿар иыҿагылаз иыдгылан[ы] иуабашьует,– лҳәет. – Убырт роп аманг аласбакәа, – лҳәет. – «Атит» ҳәа иыукәызцоз, – лҳәет, – иымиыцыз иипы, иуыдгылан[ы] иабашьует, – лҳәет. – Аиааира(!) угар калот, иыумгар калот, – лҳәет. – Уыбриоп схы схагыламкәа изыкоу. –

лҳәст. – Сых[ы] уара уоуп, – лҳәст. – Схы схагылахар, уаиааиуст, иысхагыламхар, уызиааизом, – лҳәст.

Лыхгьы лхагылт, аѳныка дааргет. Нас уыс лҳәст лара, дахьааиз аԥҳәыс, цҳәыск, дырк:

– Нан, – лҳәст (ахшара раут, агьыит), – нан, ухәычқәа, – лҳәст, – аазара итиы, – лҳәст, – арт машәырхо иалагст... (Ахәычы зны абга дырцәагошәа, зны дасакы даго, ахәычқәа амаазо ианалага) – Уаалаган, – лҳәст, – ухәычқәа, аазара дытиы ухәычы, – ҳәа иалҳәст, – абыржәшьта ииуа, – лҳәст. – Жәашқәса рахь зныкгьы дыумбозар, абрыи ахәычы уиышьтамыкәан, дмашәырхот ҳәа аҳәот, – лҳәст.

Дыитиит [Сасрыкәа ихәычы] амшын-пырцә, амшынбжьахак акны, аазара ҳәа.

Жәашқәса [рышьтахь] дцет ихәычы ибара ҳәа, «абрыи дызбапшь, ыкоу збап» ҳәа. Дахьнез, амшын-сыкә акны ихыкәыпхалот, иҳәст, патыу иыкәырцет, агьыит, арт дзаазо сбаргәыргьацәа, нас рхәычы иаб дааит. (Уыи хәыцхас ҳәа драазон ҳәа, ана даунижьхуаз.) Ахәычқәа, иҳәст, икатааиуст, иҳәст, афыилка иақәтәан[ы] ихыун амшын, иҳәст.

Уыс ашьауардын рхалт, иҳәст, абарт ахәычқәа ныршәарыцо. Атыкҳәа ахәычы дымцанарст, арыи Сасрыкәа итәы, иҳәет. Амныи сшьуст ҳәа [Сасрыкәа] дахьехсыз, ахәычы иыкәшәст. Ихәычы дыиншьит. Иара ашьауардынгьы ишьит, аха ахәычы дыцсыит.

Уыбрыпахыс игәы каҳаит Сасрыкәа, нас. Ихәычы дааигет, аѳны дыижит. Нас, иан, иаб ара иара икны иыкан, иыцҳәысгьы дыкагәышьан, нас уаха хшара дырмоузст.

Нас асыда дыханы дыкан, аныи исы аибашьракны итахахьан. (Каҳ, аибашьра иыкәшәст, уыи схаштит.)

Аибашьра иыкәшәст. Аибашьра иыкәшәан, дсибашьуан, дсибашьуан... Дпсибашьуаз акәымкәан, исы зныкгьы ныршәит. Уыскангьы иыбзыиахет. Ѳыптә ныршәит, иыбзыиахет. Ахца раан ныршьит Бзоу.

Нас ахәычқәа, аҿарацәа, аныи дзабашьуаз иыуаажәлар аныпцәа, аҿарацәа гылан иабашьуа, уырт рышьтахь иныз ахәычқәа Сасрыкәа ныдгылан сбашьуа, диааит Сасрыкәа загьдарарон. Аиааира игет.

Уыс дхыҳәит. Ныегьы цсыит. Нас дцет, аншха асы кны иааигет, абнасы. Ныкны иааиган, ныбжьсит. Уыбрыи иахылцыз асон Ацсны сыс ныкоу, асыжәла.

Анахь ихәычгьы дыцсыит, игәы каҳаит. Нас Сасрыкәа хшара дыимоузст. Иашьцәа загь[ы] ццәст, ижит. Ацыхәтәаны иара дыцсыит.

Абас ала ныццәст уырт ртәы.

Перевод:

Сасрыкуа* двинулся в путь, сказав: «я женюсь только на дочери Ажвейпшаа*, на дочери Анцва*!» Сел на коня и отправился в путь. Сел на коня и отправился в путь, но в пути встретил одного старика.

– Куда едешь, дад*, Сасрыкуа? – спрашивает [старик].

– Хочу поехать к дочери Ажвейпшаа, – отвечает [Сасрыкуа].

– Попасть к ним трудно, дад! – говорит [старик].

– Как?! – спросил [Сасрыкуа].

– Если и поднимешься к ним, не пустят тебя [к ней], – отвечает [старик].

– Почему? – спросил [Сасрыкуа].

– Нет, не пустят тебя [к ней], – говорит [старик]. – На ней хочет другой жениться, он сидит там, ни за что не отдаст ее тебе. Напрасно не пытайся, не подвергай себя опасности!

– Это я решу. Есть ли дорога к ним? – спрашивает [Сасрыкуа].

– Да, – ответил [старик и показал дорогу].

[Сасрыкуа] поехал дальше. Он поднялся на большую скалу на араще*. Увидел большие ворота, вошел в них, а там, в тени [дерева] сидит один старик. Стал, виден и дворец, огромный. А к нему ведут железные ворота. Сасрыкуа вошел в эти ворота, а там сидит старик.

– Куда направился, дад? – спрашивает [старик].

– Туда [во дворец]! – ответил Сасрыкуа.

– Аай*, дад, не ходи туда! – говорит старик. – Там находится мой сын. Сколько уже лет он хочет на ней жениться, не можем никак его отговорить, а она не выходит за него. И ее не отдает никому, сидит здесь.

– Он не мешает мне, – сказал [Сасрыкуа].

– Речь не об этом, как бы вы не передрались. Не убивай его, абаапсы*, он у меня единственный! – попросил старик.

– Нет, не убью! – сказал Сасрыкуа.

Сасрыкуа пошел дальше, мимо старика. А там, у лестницы, сидит [сын старика].

– Не пущу [тебя к ней]! – говорит он.

– Как это не пустишь! Мне надо наверх, не пустить меня ты не можешь! – сказал Сасрыкуа.

Он помнил о просьбе старика, поэтому не стал убивать его сына, а связал, посадил на коня и отпустил. [Сасрыкуа] поднялся [по лестнице] наверх, на седьмом этаже спит она. Волосы ее стелются по полу. Сасрыкуа поднял волосы, и в это время она проснулась. Решив, что это [сын старика], она стала ругать его:

– Хай*, чтобы твой род повымер! Какой [приятный] сон снился, а ты разбудил!

– Что за сон?

– Будто Нарт Сасрыкуа приехал [ко мне], – ответила она.

– Я и есть Сасрыкуа! – сказал он.

Братьями ее являются Ветер, Гром-Молния, Град, все эти трое.

– Что тебя привело?

– Так и так [хочу жениться на тебе].

– Я выйду [за тебя], но братья убьют нас. Братья будут против, – сказала она. (Да и старика сын никуда не делся, сидит там[1]!)

– Я на коне подъеду к твоему окну, а ты прыгай, – сказал [Сасрыкуа].

– Хорошо.

[Сасрыкуа] спустился, подъехал на араще к окну, она прыгнула. [Сасрыкуа] подхватил ее, посадил перед собой на холку коня и двинулся в путь. Сын старика погнался за ними. В это время старик вскричал:

– Не стреляй в него, [Сасрыкуа], не стреляй, абаапсы! Не убивай!

Сасрыкуа связал его [сына старика], и помчался дальше. [В это время] Ветер погнался за ними. Но Ветер не смог остановить их. Пошел Град невиданный, но и он не смог остановить их. Гром-Молния послал им вслед огонь, но и от него ушел [Сасрыкуа].

Увел [Сасрыкуа дочь Ажвейпщаа], привел [домой], сыграли свадьбу.

Однажды она поехала к родным, она уже и родила. (Но [в начале] так она сказала: «Наши дети недолго будут жить. С ними случится несчастье, у нас не будет потомства».)

Прошло некоторое время, и [Сасрыкуа] поехал за женой. Едет он, а на пути большая река. В середине реки стоят головы двух быков и бодаются, бьются рогами. Это удивило Сасрыкуа, но он перешел реку и поехал дальше. Он поднялся на скалу. Поднялся на скалу, а там во дворе у ворот сидит сука и щенки в ее утробе начали лаять [на Сасрыкуа]. И это удивило его. А там беременная женщина молола зерно, и ребенок в ее утробе отгоняет от него щенят. И это удивило [Сасрыкуа]. Он прошел дальше и поднялся к жене. Смотрит жена без головы.

– Почему ты без головы? А разговариваешь! – спросил ее [Сасрыкуа].

– По дороге, что ты увидел в реке? – спросила она его.

– Увидел, как в середине реки две бычьи головы без туловища бодались.

– Хорошо. А здесь, как поднялся, у ворот, что увидел? – спросила она.

– [У ворот] сидела сука, – сказал [Сасрыкуа]. – Щенята в ее утробе облаивали меня. Потом – женщина за жерновом [молола зерно], ребенок в ее утробе отгонял от меня щенят. Захожу к тебе – ты без головы. Что все это означает?

– Тебе предстоит сразиться с одним царем, – отвечает [жена]. – Бычьи головы, которые бились в середине реки, означают это. Когда его войско будет уничтожено, подростки, молодые будут с ним воевать против тебя. Щенята, которые лаяли на тебя, – это и означают. А то, что в утробе матери отгоняли их от тебя, означает, что еще не родившиеся родятся, встанут рядом с тобой, и будут воевать против [царя]. Ты можешь победить, а можешь и проиграть. Потому я без головы. Моя голова – это ты. Если будет у меня голова – ты победишь, если не будет – проиграешь.

И голова ее стала на место, и они вернулись домой.

[Дома] одна вещая женщина сказала:

– Нан*, отдавай своих детей (у них родились дети) на воспитание, – а то здесь несчастья стали происходить с ними. (Одного ребенка волк унес, другого другой [зверь], дети стали погибать у них). Отдай на воспитание, как только родится. Раз в десять лет навещай его, чаще и не пытайся, а то с ним произойдет несчастье, – сказала [эта женщина Сасрыкуа].

Отдал [Сасрыкуа своего ребенка] на воспитание за море. [Через] десять лет он поехал проведать сына, узнать, как он, что. [Хозяева] живут на берегу моря, они обрадовались приезду отца их воспитанника. (Они лишь воспитывали, Сасрыкуа ведь не оставил бы им сына.) Дети на лодке по морю катаются.

Вдруг появился орел, охотится за детьми. Он схватил сынишку Сасрыкуа [и взвился в небо]. [Сасрыкуа] выстрелил, чтобы убить [орла], но попал в ребенка. Убил своего сына. Он и орла убил, но и сына тоже убил.

После этого сник Сасрыкуа. Он привез сына домой, похоронил. Отец и мать Сасрыкуа находились у него, и его жена тоже была здесь. После этого у них никто не рождался.

[Сасрыкуа] остался без коня, конь его пал на войне. (Как я забыла, что [Сасрыкуа] пришлось воевать!) Пришлось ему воевать. Воевал, воевал, и во время битвы ранили коня. Но конь выжил. Еще раз ранили его, но он опять выжил. На третий раз убили Бзоу*. Когда у противника войско пало, молодые встали на его сторону. Родившиеся после них встали на сторону Сасрыкуа, и он победил.

Вернулся он домой. Конь его погиб. Он пошел в горы и привел дикую лошадь. Приручил ее. От нее и произошли лошади в Апсны*.

После смерти ребенка [Сасрыкуа] сник. Больше у него никто не родился. Все его братья умерли, он похоронил их. Затем умер и он.

На этом и завершается рассказ о них [нартах].

21. РОКОВАЯ СМЕРТЬ МЛАДЕНЦА

Текст:

Сасрыкәа ихылцлак маҧәырла имныцацсуан. Инаҳиуаз аца диоут. Аца иоуз амныи-ныркә цьара дрыпытын, уа драазон.

Сасрыкәа иапыцәеи иареи еиеымцыр амуит. Ускан иапеиеыцуаз ауаа бзиакәа рыдиагалеит, аха быжьоеипыцәа реиеыгара акыр иуадаохеит. Ацыхәтәан хацпьак акны иааит. Еимаркит. Иапеимарк, Сасрыкәа дгәаан ахацпьа цисит.

Ирулак еипаалан, рхәы рхианы, атәара реазкны ипыказ акәымкәа, Сасрыкәа зык икастәоит хәа дахыпыцыз, иҳәеит, уарбажәык аакылсын, иҳәеит, Сасрыкәа даманы ицеит. Дагеит, иҳәеит, мпын-ныркәка. Диапаган, иҳәеит, дахыпапагаз хәык аҿы дыпканажьын, иҳәеит, абна слеин иҳәан, дахьлсиз, иҳәеит, астол рхианы ауаа ахатәоуп, иҳәеит. Ипылан, диаганы астол дахадыртәеит. Хәычык, иҳәеит, дкәыруа дрылоуп, зегьы имац аура иапьтоуп, деимыркьа дрыма силоуп, абылпыо тыхпы иртоит.

«Абарт икарцо саргьы икасцан» иҳәан, иҳәеит, бжа дчахьаны сицин, Сасрыкәа даалаган, иҳәеит, былпыок аатихын, иҳәеит.

аии ахәычы истоит ҳәа иаҳәызбала иапааирхха, ахәычы даарымпыууаан, иҳәеит, Сасрыкәа иаҳәызба длахахан, дишьит.

Акыу-сыуҳәа иапааилала, иҳәеит, Сасрыкәа ашырҳәа дсоагылан, дыпдәыпцны дцеит. Данца, иҳәеит, Сасрыкәа ацыхьа дахьааиз ахь дыхәнахит, иҳәеит. Дахьпеиз, аии ауарбажә даапьтпахын, иҳәеит, дырсоагь уашьтахьтәи даанагеит.

– Уапацьалбеит, Сасрыкәа, ҳбыста хьшәашәеит, ҳаузыцпны хтәан, арекаамта уабаказ? – рҳәан, иҳәеит, – Сабаказ, сахьыказ пас ипәасҳәап, – иҳәеит.

– Ман, уажәы иҳәа! – апырҳәа, – Абас сахьыптыцыз уарбажәык саапьтпахын, сагеит. Сахьпеиз ауцшәылк драазон, зегьы абылпыо иртон, саргьы ипистоз, машәырла дсамхашьит. Абри еицп сакәшәеит, – иҳәеит.

– Упап, уажәымта цәгьахадит, уара уакагьы уцаны дыпыны уаама! – хәа лхәеит ицхәыс.

Лычкәын шиакәыз лдырт иаразпак, иҳәеит.

Перевод:

Кто ни родится у Сасрыкуа,* все погибали от несчастного случая от его же руки. Шло время, и у него родился сын. Сына отправили за море, там он воспитывался.

Сасрыкуа и его братья решили жить раздельно. Они стали делить наследство. Случились тут уважаемые люди, но тяжело стало делить наследство между семерыми братьями. В конце дошли до одного кувшина. Из-за него возник спор. Тогда Сасрыкуа обиделся и разбил кувшин.

Затем кое-как помирились, им приготовили еду и уже собирались сесть пировать, как Сасрыкуа вышел по нужде. Вдруг откуда-то появился орел, подхватил Сасрыкуа и полетел. Перенес он его за море. Там бросил его на каком-то холме. [Зашел Сасрыкуа в какой-то дом], как видит, что люди сидят за столом. Его встретили, усадили за стол. И бегает тут мальчик, все только и заняты им, заигрывают с ним, каждый угощает его костным мозгом. Решил и Сасрыкуа последовать их примеру, уже пир переваливал за середину, как и он, вынул костный мозг кончиком ножа и протянул ребенку. Ребенок вырвался от других, напоролся на нож Сасрыкуа и умер.

Тут поднялся крик, Сасрыкуа встал и вышел. Вышел Сасрыкуа и поднялся вновь на холм. Там опять подхватил его тот же орел и понес его назад.

– Уанаджалбейт*, Сасрыкуа, где ты пропадал, мамалыга уже остыла, ждем тебя, где же ты был? – стали его расспрашивать.

– Потом расскажу, где был, – сказал [Сасрыкуа].

– Нет, расскажи сейчас!

– Отошел я в сторону, как подхватил меня какой-то орел и понес. Куда принес он меня, воспитывали, оказывается, мальчика, все ему доставали и давали костный мозг, и я решил дать ему костный мозг и случайно убил его. Вот такое со мной случилось, – сказал он.

– Унан!* Да будет мрачной твоя старасть, ты и там его убил! – закричала его жена.

Она сразу узнала, что это был их сын.

22. КРАСАВИЦА СО СВЕТЯЩИМСЯ МИЗИНЦЕМ

Текст:

Сасрыкәа иԥхәыс ахьы сиԥш аҧкәыԥҷәа лыхԥон, аха сиҟалалаҟгьы урт раб, Сасрыкәа, инапала итамхар ҟаломызт. Убас инапала итахеит иԥхәыс илыхшаз хоык ахаҵәарԥар. Лахьыԥҷас изиаурыз абри сиԥш ахаҵа абри сиԥш арыԥхара?!

Сасрыкәа тәамоахә иҟәмызт, уи дныкәон, адунеи дакәшон, дшәарыԥон, лассы-лассы хьызраԥара дԥалон. Иаҳаԥәеи иареи атах-сахҳәа аҳәатыхла еидыслалон, ашьаарԥәыра илеибаргылалон.

Абас Сасрыкәа ауадаорақәа, амыкәмабарақәа дапыртагылаз, иԥхәыс аԥхыраарақәа илталон. Уи ԥхыраарас илталозгьы уи акәын:

Сасрыкәа уаха наилымшо, даапса-дкараха дхыҥхәны дааует ҵарантәи, уахыплоуп, аԥх лашәуп, анакәа хчылоуп. Ускантәи аамтазы иԥхәыс лнаԥәкьыс луада аԥенԥьыр инкыллырҳәҳәон. Лнаԥәкьыс алашара, амрахәага сиԥш, аԥх-лашә иналԥхон. Сасрыкәагьы инеигәыдыччалон. Убри инаркны иашта дааталааиза, имоа зегьы лаша-лашон. Иашта данааталалак, иԥхәыс лнаԥәкьыс ашьшьыхәа нак днахон. Сасрыкәагьы деибгадызоыда, «хәлыбзиа!» ҳәа аоны дааоналон.

Сасрыкәа иԥхәыс икалԥоз аԥхыраара гәеитахьан, аха уиакара хыроаас икаиԥомызт.

Ус ишыказ, снак партаа сизара дук рыман. Уака, партаа рыдагьы, егьырт ажәлар рахь иаднагалан иказгьы раԥәаоын.

Аизараҿы акы ишалаԥәажәоз, Сасрыкәеи егьырт иашьҭәеи ижәак ааимаркит.

– Ижәуазеи, уара, уиакара ҿы-ғәғәала шәысмаԥәажәаргьы калон, ишәыдысԥахьоу сҵьабаакәа гәатаны! – иҳәеит Сасрыкәа дгәааны.

– Изакәызеи иуԥәажәашьоу, уҵьабаакәа ҳадумԥакәа, усгьы хаҵа-ғәғәак уоуп! Амшразы Аиргьаа раҳәшьа дуднагалан, аҿыԥ ныкәа еиԥш, унапы уанкны уахьлалга-оалго азы аума партаа дукәа уреагыланы узраԥәажәо! – рҳәеит партаа.

Уи еиԥш аилахәара акәын Нарт Гәытсакьагьы дыззыԥшыз.

– О, уара, партаа дукәа! – иҳәеит иара, ибжьы оеиԥыхны, жәлары зегь инараҳаратәы:

– Иахьа хәашоуп,
Исҳәо иашоуп,
Сзыкәтәоу лашоуп.
Азә иаб иеагала дыехәоит,
Сасрыкәа иԥхәыс лнаԥәкьыс ала дыехәоит!
Убри азы иашьҭәа
Даарыцхаршьаргьы калоит!

Нарт Гәытсакьа абасгьы иҳәеит, ччарахеит, кьатеиԥҵәарахеит. Нартаа убри акара аччара иакит, ишыччоз ихышәтны икаҳазгьы дубан.

Икаиԥахуааз, Сасрыкәа ихәда хены, партаа днарылԥны, ашьшьыхәа аоныка дҵеит. Даара хараза дԥаанзагьы, партаа рыччабжь иаҳауан.

Аоны даннеи, иԥхәыс иаразнак илдырит Сасрыкәа акы игәы иаланы дышхынҳәыз.

– Изакәызеи, уара угәы иалоу! – лхаҵа дыкәыргьежь дылкит, аха Сасрыкәа, – Башоуп, схы сыхьуеит! – иҳәан, уаҳа акгьы леимхәеит.

Ус хымш ракара анҵы, Сасрыкәа хьызраԥара дԥарҵы иеситеит. Амоа дыкәло даналага, – Бааишь, – ихәан, иԥхәыс длаиртәан ус леиҳәеит: – бара бнаԥәкьыс ала алашара икабырччо сара даара акыр исыхәахьеит, аха уажәшьҭа абри аԥхыраара исыбто аҵыхәа ҵыбҵәароуп!

– Ҳаит, уарамыжда, уашьҭәа агьангьашкәа «уԥхәыс лыда ҵы ухам» ҳәа уаеԥныры мхәакәа укам! – лхәан, даара лгәы иалсит.

–Ус акә, анс акә, ишакәхалакгьы, ари ацыхәа ццәароуп иахьарнахыс! – иҳәахт Сасрыкәа.

–Уара узцәымгьыз акы уарҳәеит ҳәа, сара гәыкала иузыкоу сыцхыраара хәычы мап зацәукуазеи! Уакәыщ абри бзиара алцуам. Сара абри снацәкьыс акаҷҷара доуҳала икоуп, уи акаҷҷара санацырхагаха, сара стахарагьы рацәак ахыцуам! – лҳәеит Сасрыкәа ицҳәыс.

– Сара уажәы амҩа сыкәлоит, суахьад ццәаны адауцәа иргеит Кәбина ныркәка. Урт срыхьзароуп, исырхынҳәыроуп суахьад, аха адауцәа хаала ирушам, ара еибашьрахашт, шьакатәарахашт. Адауцәеи сареи усгьы шьаза-гәазала хаиҿымцаалар аушам, ишыбдыруа. Аха иагә цәгьара сакәшәаргьы, иара убра кәацакәаца сеиҿыхны сышьтарцозаргьы, бара цхыраарак kасцоит ҳәа баламган. Ус акы баналагагьы, баргьы бысшьуеит, саргьы сеысшьуеит, абри бдыруазааит! – иҳәан, Сасрыкәа дылтагыланы тоуба иуит.

Икалцахуааз, Аиргьаа ртыцҳа дцәыуеит, дхьит, лхацә, хьызрацара акәым, цсра-зра дцозшәа, аха убри абахәартаз, Сасрыкәа иизбашаз избахьан, далгахьан.

Дук мырцыкәа Сасрыкәа имҩа дыкәланы дцеит.

Адауцәа Кәбина ирны, Ашәадәы икәланы ицон, ауахьад раццаны. Рышьтахька ианыцшы, лаҳәак дакараны, азәы дшаауаз рбеит. Урт иаразнак иауырымдырхуаз Сасрыкәа шиакәыз. Алицси рыбжьара реаадырхиан, Сасрыкәа иабашьра иалагеит.

Урт зака аамта аибашьра иаҿыз здырхуада, аха аламала еибашьрамызт уи. Ашьхыцә реицш, ахҿа рацәа ааиуан Сасрыкәа иахь, аха урт ирыцсаз аҿынаирхон иаргьы. Ацыхәтәаны адауцәа рацкыс Сасрыкәа диааит. Дрылгеит урт, ршәаць зҳәара азә дыкамкәа. Иргьежьит иуахьад, дхынҳәит имҩыка.

Кәбина ахаҳә-цҳа ахьхыу данааиуаз аамтазы, ацх агәы еимҩашахьан. Ацых ухәеит ҳәа, изакәытә цхы баацсызеи уи ауха иказ! Ари аныкалоз аацынран, акәацсата еимаҳан аура иаҿын, анакәа шәытҳаза ихчылан. Адунеи акны убла ацәыршы хкылазар иубомызт.

Сасрыкәа ицҳәыс ускан аҩны дыкан, лылахь еикәын, исаҳарызеишь ҳәа лхацә имҩа дазыцшын. Сасрыкәа егьацьара дыкан дауазаргьы, Кәбина ахаҳә-цҳа ахьхыу данааилакь, лнацәкьыс луада аценцьыр илцәыцлырҳәҳәон. Лхацә алашара ааигәыдыччалон. Дгәыргьа-гәыргьо ацҳа дыкәсны, лара дылзаауан.

Уажәыгь Сасрыкәа итоуба лгәалашәон, аха дыцҳәысымзи, иаалзымычҳазт, ацҳаҿы дааихьазаргьы дааихьеит анаалгәахә, лнацәа аценцьыр инцәыцлырҳәҳәеит.

Сасрыкәа ауахьад иаццаны ацҳа данаадгыла, лашьцамзи, ауахьад шәан, ацҳа икәымло иалагеит. Нас, ашәуа қьакәа еицш, акәукәуҳәа дыҳәҳәаны, дрывагьежьуа иҿааихеит. Аха уаҳа умцсуандаз, иарбанзаалак ауахьад ирылаз рахьтә рашьк машәыршақәгьы ацҳа изыкәымцалеит.

Ашьтахь, уаҳа цсыхәа анизамтаза, даалаган арашькәа зегьы икын, анахәтақәа рхеицеит. Нас дара-дара еидҳәаланы, ацҳа иманы дыкәлеит. Арашькәа рҳа-шәҳауа, иманы ацҳа агәтаны данааиуаз ауп ицҳәысгьы лнацәкьыс аценцьыр ианаакыллырҳәҳәа.

Лнацәкьыс, алашара еилыблааува, арашькәа ианаарҿаччә, ирхаит. Сасрыкәа дрыгәтылакны, азахьы ицеит.

Кәбина хыцны, итәагшуараха илеиуан. Арашькәагьы Сасрыкәагьы ишлеиуаз азы ахьеилашуаз, агәтацәкьа иалаҳаит. Иаразнак азы ииаанахәеит.

Сасрыкәа ицҳәыс илбеит арыцҳара шыкалаз.

«Унан, сара-хәаша, амшмыхәла шцасзыкалеи!» лҳәан, арцәаа-арцәааҳәа хынтә дыҳәҳәеит. Насгьы афырҳәа дытқьаны дцәыкәлеит ацәгьара ахьыкалаз ашка. Дук мырцыкәа ахаҳә-цҳа ахьхыз абахә даакәгылеит. Лнацәкьыс неицыхны Кәбина инталырцхеит, аха, акык-ҩбак арашькәа рыда, Сасрыкәа ихабар лымбеит.

– О, уара, цьаракыр укоума!? – хәа лыбжьы лыргеит.

Аха ацх лашьца лыбжьы налазытит, нак-аак абахәкәа еимдо инарҿаҩит. Сасрыкәа ихабар абалбауаз, ускан азыжь ацахь дцаакәрыланы дыкан. «Шьта лаацшырас исыкәузеи, сымшала уара утахеит!» – абасгьы даағьацәы-ғьацәын, арцәаа-арцәааҳәа хынтә ҩаҧхьа дыҳәҳәеит. Нас абахә даакәххын, дыцеит азахьы. Дышлеиуаз, хаҳә дуззак азагәта иалыхәҳәон, абни дакәҳаит. Аҳәала ахаҳә агәта ааиҩусазшәа, ииаиҩсаны, азы аца дналахәашаа дцеит.

Абас Аиргьаа раҳәшьа-зацә, зеицш адгьыл икәмыз ацҳәыс, абрака дтахеит. Лхы икәылцеит лхацә Нарт Сасрыкәа.

Аха Сасрыкәа ускан акгьы имыхьит, аҧсра дацәынхеит.

Перевод:

Жена Сасрыкуа* [одного за другим], словно золото, рожала мальчиков, но все они, так или иначе, погибали от рук родного отца – Сасрыкуа. Так от его рук погибло трое мальчиков. Почему такому человеку была суждена такая участь?!

Сасрыкуа не засиживался [дома], он путешествовал по миру[1], ходил на охоту, часто бывал в походах за славой. То и дело он бился с врагами в кровопролитных сражениях. В такие трудные, тяжкие для Сасрыкуа времена жена помогала ему.

Помощь ее заключалась в следующем. [Вот, скажем], Сасрыкуа, обессиленный, изнуренный, возвращается откуда-то, [а на дворе] ночь, кромешная тьма, туман. В это время женавысовывает из окна свой мизинец. Свет ее мизинца, как солнечный луч, пронизывал ночь, весь путь Сасрыкуа до самого двора его освещался им. Когда он оказывался во дворе, она спокойно убирала палец. И Сасрыкуа, целый и невредимый, со словами: «Добрый вечер!», – входил в дом.

Сасрыкуа знал о поведении жены, но не особенно придавал этому значения.

Однажды у нартов был большой сход. Кроме нартов, здесь были многие другие. Во время схода Сасрыкуа и остальные его бартья что-то не поделили.

– Что это вы, могли бы и не так говорить со мной, памятуя о тех трудах, которые я положил на вас! – сказал Сасрыкуа, обиженный.

– Что ты несешь?! Какие труды?! Можно подумать, что ты очень уж сильный герой! К твоему счастью, тебе досталась дочь Айргов*, вот она и носится с тобой как с малым ребенком, за руки водит. Потому, видно, решил, что можешь говорить с великими нартами наравне! – сказали ему нарты.

Нарт Гутсакья* ждал этого переполоха.

– Эй вы, великие нарты! – сказал он зычным голосом, чтобы слышали все присутствующие:

– Сегодня пятница,
Говорю я правду,
Сижу я на мерине.
Один хвастается мотыгой отца,
Сасрыкуа хвастается мизинцем жены!
За это его братья
Могли бы и пожалеть его!

Не успел Нарт Гутсакья закончить, как смех напал на всех. Нарты так смеялись, что некоторые даже попадали от хохота. Что оставалось Сасрыкуа, он оставил нартов и, повесив голову, молча побрел домой. И пока он не ушел очень далеко, слышался ему смех нартов.

Когда он пришел домой, жена сразу догадалась, что Сасрыкуа вернулся расстроенный.

– Что тебя расстроило? – пристала она.

– Пустяки, просто болит голова, – ответил Сасрыкуа, и ничего не сказал ей более.

Прошло три дня, и Сасрыкуа собрался идти в поход за славой. Перед отъездом он позвал жену, усадил [перед собой] и говорит:

– Свет твоего мизинца много раз выручал меня, но отныне ты должна прекратить свою помощь!

– Хайт*, бедняга, видно, злые братья упрекнули тебя, что без жены никуда не годишься! – огорчилась она.

– Как бы ни было, с сегодняшнего дня этому надо положить конец! – повторил Сасрыкуа.

– Если ненавидящие тебя что-то сказали, почему ты отказываешься от моей маленькой помощи, которую я оказываю тебе от всего сердца! Оставим лучше, ничего хорошего из этого не выйдет. Мизинец мой светится чудесным образом. Если я помешаю его свечению, то вскоре наступит и моя погибель! – сказала жена Сасрыкуа.

– Я сейчас отправляюсь в путь, адауцва* угнали часть моего табуна на ту сторону Кубины*. Я должен догнать их и вернуть табун. Но адауцва так просто его не отдадут, будет битва, прольется кровь. Ты знаешь, обычно я и адауцва при встрече без крови никак не можем разойтись. Но в какую бы я ни попал беду, если даже меня будут разрывать на куски, ты и не помышляй о том, чтобы выручить меня. Если на что-то подобное решишься, знай: я и тебя убью, и себя! – сказал Сасрыкуа и дал клятву.

Что оставалось дочери Айргов, она поплакала, словно муж шел не в поход за славой, а на верную смерть. Но чем это могло помочь: Сасрыкуа уже всё решил.

Недолго спустя Сасрыкуа отправился в путь.

Адауцва, перейдя Кубину, шли по Ашяды*, погоняя табун. Раз, обернувшись назад, они заметили, как некто, [далеко] размером с ворона, приближается к ним. Они сразу догадались, что это Сасрыкуа. В тот же миг приготовились и стали воевать с Сасрыкуа.

Кто знает, как долго они сражались, но это было особое сражение. Как пчелиный рой, летели на Сасрыкуа стрелы, но и он посылал в ответ равное число. В конце Сасрыкуа победил адауцва. Истребил он их всех, даже и горевестника не оставил. Вернул свой табун и стал возвращаться.

Было уже за полночь, когда он находился у каменного моста через Кубину. Ночь, но какая ужасная ночь случилась тогда! Это было весной, шла изморось, вокруг застыл темный туман. Бала такая темень, кругом, что даже приставленный к глазу раскаленный железный прут нельзя было разглядеть.

Жена Сасрыкуа в это время находилась дома и была в большой печали, в нетерпении смотрела на дорогу, ожидая известий о муже. Откуда бы ни возвращался Сасрыкуа, как только он оказывался у каменного моста через Кубину, она высовывала в окно своей комнаты мизинец. Свет озарял [путь] ее мужа, и он, радостный, переходил через мост и приходил к ней.

И сейчас, хоть она и помнила о клятве Сасрыкуа, не удержалась – женщина ведь – и, решив, что он уже достиг моста, высунула мизинец из окна.

Когда Сасрыкуа со своим табуном подошел к мосту, из-за темноты табун не решился ступить на мост, испугался. Тогда [Сасрыкуа] стал их сгонять, покрикивая, словно жеребец, какой, но ни одного араща* из табуна так и не смог согнать на мост.

В конце, когда все оказалось бесполезно, он переловил всех аращей и накинул на них короткие недоуздки, связал друг с другом и повел за собой на мост. Он находился на середине моста, ведя за собой шарахающихся аращей, когда жена высунула палец из окна.

Когда свет ее мизинца ударил в глаза аращей, они шарахнулись и вместе с Сасрыкуа прыгнули в реку. Кубина была в разливе, неслась, вспенивая валы. Аращи и Сасрыкуа упали прямо в водоворот, и течение тут же подхватило их.

Жена Сасрыкуа увидела, что произошла беда. «Унан*, несчастная я, незакатный день для меня наступил!» – вскричала она три раза и кинулась к месту, где случилось несчастье. Вскоре она была на крутой скале у каменного моста. Направила мизинец в Кубину и осветила ее, но, заметила одного-двух аращей, а Сасрыкуа она не увидела.

– О, где ты?! – позвала она, но ее голос потонул в ночи, эхом отразившись от скал.

Сасрыкуа нигде не было, унесла его река в глубину. «Нет мне жизни теперь, ты из-за меня погиб!» – вскричала она вновь три раза и бросилась со скалы в реку. Из реки торчал большой камень, она упала на него, рассекла его, будто мечом, и канула в воду.

Так погибла единственная сестра Айргов, несравненная женщина. Ради своего мужа Нарта Сасрыкуа.

Но в тот раз с Сасрыкуа ничего не случилось, он избег смерти.

23. ПРИВИДЕНИЯ САСРЫКУА

Текст:

Сасрыкәа ипҳәыс лабраа рҽы дыкан. Дибарц, дааигарц амҩа дыкәлеит. Дышнеиуаз, ибеит: амҩан ҵла дук акны ажәцәеимаа кыдыззало, ажәцәеимаа цытк ианҩеилакь, асахҭан еимаа нашьталан ихьнаҳәон, асахҭан еимаа кыдлар, ажәцәеимаа ихьнаҳәон. Уи днеҩосны дышнеиуаз, зы-дуззак дныҽцыҥгылт. Абра изаатәалоуп мышәхәыс дук. Абри аз[ы] иааиуа шыҽеибакәу зегь[ы] гәыр-гәыр ҳәа [амшәхәыс] аҽы италон. Ашьтахька акгьы ҵазомызт (аҽы мыжда шакараз сеидру, ахы ҭашәааит!). Днахысын дышнеиуаз, қәаҵаны дныҵалеит. Ҵәак ҽыхны исфап ҳәа акы днаҵҳан – ибаан, даеакы днаҵҳан – ибаан. Ари ҵышьахәыс, лакәс ишьо дышнеиуаз, ачбарра дныламеит, камчхәык цыскоит ҳәа. Акы икын – «уара узы схәарҭам» ҳәа аҳәеит, иҳәеит, даеакы икын – «уара узы схәарҭам» ҳәа аҳәеит, иҳәеит. Иҵикоз акамчхәы имоузт, иҽынеихан иабхәараа рҽы днеит. Рашта дынталеит.

Иабхәараа рла макьа (иҵсхьан иара) иаҵхьа итәан, ицәан. Убри аҩныцка итаз аласба цшқақәа «ачыгә-чыгә» ҳәа ашра иалагеит. Убри аамтазын иабхәа маҵуҩыс имаз ахҭыпҳәыс (дыҵсхьан убригьы) дааин, «тит-тит» ҳәа аласбақәа дрыкәцәкьеит. Сасрыкәа хыхь дыҩохалан, иабхәа дахьышьтаз даннеи, мат[ы] ҽиқәацәа дук иханы икнаҳан ибеит. Ианхәа дахьышьтаз днеит, лыдәныцара лхы ишацаз ибеит. «Кох!» иҳәан, уаха акгьы мҳәакәа днахынҳәит. Ипҳәыс дахьыказ днеит. Ипҳәыс дахьыказ даннеи, хы лхазамкәа дшышьтаз дибеит. Даацшит лара. Лхаца дыштәаз данылба, – Бзиала уаабеит! – ҳәа лхәеит, иҳәеит.

Убыс дыказаарын Сасрыкәа: икауцаз, ииуз изакәызи ҳәа дарбанзаалакь уаҩы диазымцаазозаарын.

– Ҳаи, уара, Сасрыкәа, – лҳәеит, иҳәеит, – иухьзеи?! – ҳәа лҳәеит, иҳәеит.

– Ҳаи, исыхьыз ҳәашьа амам! – [иҳәеит].

Аҳәара дналагеит рацхьа иибақәаз. Рацхьаза дшааиуаз ажәцәеимаа кыдыззалауа, асахтан еимаа икыднахуа ишибаз леиҳәеит. Зырԥаш дук дааецынгылт, мышәхәыс дук абри азырԥаш ае[ы] итатәоуп – азы иааиуа аҿы италоит, ашьтахьқа акгьы кылсны ицазом. Убри азы дырны дышнеиуаз, акәацара днықалеит. Иаәибаз цәак ҿихит. Уахәацшыр, икацшьза икоуп, днацхазар, аԥныцка баан. Усынтәи ачбарра днылалеит. Ииклакь «уара узы ҳхәартам» ҳәа рҳәон. Инықара имоузт, иабхәараа рҿы днеит. Иабхәа иланс аласбақәа «ахыу-хыу» ҳәа еишит. Ари цьашьо аԥны дыԥхалеит. Иабхәа дахьышьтаз мат[ы] еиқәацәак иханы икнаханы ишибаз. Ианхәа дахьышьтаз даннеи, лыдәныцара лхы иатцаны ишибаз…

– Ҳаи, уара! – ҳәа, лҳәеит, иҳәеит. – Уара укын ҳара ацынхәра аҳәара азин ҳамамызт, аха исҳәо уаҳауоу? Ҳаи, рыцха, адунеи уцсахуазаап. Нарцәы иказ аускәа зегьы аргама иубеит, – ҳәа лҳәеит, иҳәеит. – Ажәцәеимааи асахтан еимааи икыдыззало иубаз, – ҳәа лҳәеит, иҳәеит, – еиҳауи еицоуи реимакра ауп иаанагауа, – лҳәеит, иҳәеит. – Азы зжәуаны амшә иубазгьы, – лҳәеит, иҳәеит, – убыс аамтак калараны икоуп, – ҳәа лҳәеит, иҳәеит: – иагьа аарыхны, инаганы ируталарагьы, «иаажәг, иаажәг» ада акыкамкәа [аамтак калоит]. Ацәа-хаха иуфарц иутаххазгьы [иааиаго уиоуп], убас икалара икоуп, арахь уахьихәацшуа ицшшәахәқәеи егьии дыбзианы, аха, изхәартоузеи, аеи игәы итамкәа, иажәа агәра узымгауа, убас икоу дгылоит, – ҳәа лҳәеит, иҳәеит. – Уара ачбарра уахьылалаз [иаанаго уиоуп], уашьтарнахыс уара ачбар камчы укырц укам. Ара ашта уантала аласбақәа иуеишуа иубаз, угәы мцаайт, нарцәытәи алақәа роуп иуеишуаз. Ахтыцхәысгьы дыцсхьеит, – лҳәеит. – Саб иҿы уахьхалаз, иханы икнаҳаз матзам, имакоуп, – лҳәеит, – ус ала иунарбеит ауп. Сан лҿы уаннеи иубазгьы уи лыдәныцара акәзамызт, леиқәа лышьхны лхы иатцан, лыдәныцара акәызшәа убеит. Са скны уааит, хы схагылазамкәа субеит. Хыс исхагылаз уара уакәымзи, шьта уареи сареи ҳзынеибакзом, удунеи уцсахуеит.

Перевод:

Жена Сасрыкуа* гостила у своих родителей. Он поехал привезти ее. По дороге Сасрыкуа увидел большое дерево, по которому

всползали сыромятные чувяки. Но их, чуть поднимутся, стаскивают сафьяновые чувяки, и сами начинают всползать [по дереву], но за ними – сыромятные чувяки и снова их стаскивают. Сасрыкуа проехал мимо и оказался у большой реки. В реке сидит огромный медвежонок. Вся вода реки втекает ему в пасть, но сзади ничего не вытекает (и какая была у него пасть, чтоб пуля попала в нее!) [Сасрыкуа] проехал дальше и оказался в саду. Он сорвал яблоко, надкусил его, а оно гнилое. Сорвал другое яблоко, но и оно оказалось гнилым. Это сильно удивило [Сасрыкуа] и он поехал дальше. И оказался в зарослях ачбар*. Решил выбрать себе ручку для плети. Потянул одну [ветвь], но она говорит, что не годится для него, потянул другую – то же. Не смог Сасрыкуа выбрать себе ветвь для ручки плети, отправился дальше и приехал к родителям жены. Заехал во двор.

Перед ним сидела щенная сука родителей жены, ([к тому времени] уже околевшая), спала. Щенята в ее утробе стали лаять. В это время служанка тестя (тоже [к тому времени] уже умерла) подошла и прикрикнула на щенят, [чтобы успокоились]. Сасрыкуа поднялся наверх, зашел к тестю, а у того над изголовьем висит большая черная змея. Зашел к теще, а у той под подушкой лежат нечистоты. Пораженный всем этим, сказав «кох!*», Сасрыкуа зашел в комнату жены и увидел, что та лежит без головы. Она проснулась, увидела мужа, поздоровалась с ним.

У Сасрыкуа был такой нрав: никто не имел права спрашивать его, где он был, что делал. [Но жена осмелилась] спросить:

– Хай*, Сасрыкуа, что расстроило тебя?

– Хай, какими словами рассказать тебе, что произошло со мной! – [ответил Сасрыкуа].

И начал он рассказывать, как сыромятный и сафьяновый чувяки стаскивали друг друга с дерева; как он оказался у большой реки и увидел огромного медвежонка – вся вода реки втекала ему в пасть, но сзади ничего не вытекало; как он перешел реку и очутился в саду: сорвал яблоко, на вид хорошее, красное, но внутри было гнилым; как оттуда он попал в заросли ачбар, но для ручки плети ему не нашлось [ветви]: все говорили, что негодны; как он приехал в дом родителей жены, как щенята суки тестя облаяли Сасрыкуа; как удивленный этим, Сасрыкуа поднялся в комнату тестя и увидел, что над его изголовьем висит черная змея; как зашел к теще и увидел, что под ее подушкой лежат нечистоты.

– Хай, мы не имели права говорить тебе что-нибудь, но сейчас выслушай, – говорит [жена Сасрыкуа]. – Хай, несчастный, тебе суждено переменить мир[1]: все потустороннее ты увидел наяву. Сыромятный и сафьяновый чувяки, которые всползали по дереву, означают тяжбу людей за верховенство. Медведь, который пил воду, [означает, что] настанет такое время, когда людям всего будет мало, и они будут требовать еще и еще. А яблоки, приятные на вид, но гнилые внутри, означают, что появится такой человек, на вид хороший, но с дурными помыслами, лживый. А заросли ачбар – что тебе больше не суждено держать плеть из ачбар. Щенята, которые облаяли тебя в нашем дворе, не пугайся, но это собаки того света облаяли тебя. А служанка давно уже умерла. Над моим отцом не змея висела, а ремень, но тебе показалось. И у матери под подушкой не нечистоты лежали, а ее нижнее белье, но тебе показалось, что нечистоты. Меня ты увидел без головы. Ты до сих пор был моей головой, но теперь нам не жить вместе, ты переменишь мир.

24. ГИБЕЛЬ САСРЫКУА

Текст:

Нартаа раҳәшьа, – Са дсаҳәшьоп! – иҳәит Сасрыкәа.

– Мамоу! – рҳәит [нартаа аишьцәа]. – Уара дуаҳәшьазар,– рҳәит,– абра цаҟа уҭагыл,– рҳәит, – ахаҳә ыркәымпылны илтаҳцот,– рҳәит,– ахаҳә ыркәымпылны илтаҳцот, аҟәаққа уарҧьа шьапала уасны, ахаҳә цыххаан уоыхәнар, [Гәында-цшза] уара дуаҳәшьоп,– рҳәит.

– Бзиоп, – иҳәит Сасрыкәа.

Длеины атыш дтагылт, [нартаа аишьцәа] ахаҳә андәыкәырца, [Сасрkәа] иарма шьапала аҟәаққа дасын, ицыххаа [игеит]. Иарма шьапы азан, иарҧьа шьапы цырын.

Цхәыск дыкан,– Шәижьет,– ҳа ралҳәт.

– Ыы? – рҳан,[илазцааит].

– Иарма алоп дзас, иарҧьала дашәырс,– лҳәит.

Иарҧьала данас, ишьапы цыххаа ицет. Сасрыкәа уа дкаҳаит. Аҧсра далагет. Аҧсра даналага,– Суыцхраауе т,– аҳан, иааит, ақәыцьма ааит.

– Иыуҭахыузыи? – иҳан [Сасрыкәа дазцааит].

– Уызкәшәаз аҵьабаа сгәы иалст, суыдашшылот ҳа сааит,– аҳәит.

Ишьа илцызгьы [катәоуп].

– Уара усыцхраарц уабааи,– иҳәит,– ашьа исылцыз уыжәуст,– иҳәит. – Қәылара уанцуозаалак уаб игәы угәызаат! – иҳәит. Уаныгьежьуа уан лгәы угәны, уҳаи-хаиуа ушәаны уаат,– иҳан [Сасрыкәа], инапы абас ақәыцьма акәакәа иныкәишьын, – уыбга умыхәаат! – иҳан, абга зырҩа Сасрыкәа иоп.

Ашьҭахь алаҳә (алаҳә ҳа ыкамыи, алаҳә, алаҳә, екәацәоп, ипашәза иыкан амныи), амныи ааит.

– Уабааз? – иҳан [Сасрыкәа дазцааит].

– Уызкәшәаз сгәы иалст, узбарцы сааит, – аҳәит [алаҳәа].

Ашьа илцны имцозыи. Ажәра иалагит.

– Уара,– иҳәит,– ашәиқәа ухьхәхәа ушәызааит! – иҳан,[алаҳәа] дакәшәиит [Сасрыкәа].

Ашәиқәа иахьхәхәа, алаҳә зекәацәаха убриоп.

Перевод:

– Она и мне сестра! – сказал Сасрыкуа* о сестре нартов.

– Нет! – сказали [братья-нарты]. – Если она твоя сестра, встань внизу, [у подножья горы], а мы скатим [с вершины горы] камень. Мы скатим камень, и если ты правой ногой разобьешь его вдребезги и поднимешься [на вершину], тогда она [Гунда-Прекрасная] твоя сестра.

– Хорошо! – согласился Сасрыкуа.

Он встал внизу. [Братья-нарты] скатили камень. [Сасрыкуа] левой ногой ударил его и разнес вдребезги. Левая нога его была из железа, правая – из стали.

Была одна женщина, она говорит [братьям-нартам]:

– Он обманул вас.

– Как?! – удивились они.

– Он ударил левой [ногой], пусть ударит правой [ногой],– сказала она.

Когда [Сасрыкуа] ударил правой [ногой], разбил себе ногу вдребезги. Упал Сасрыкуа. Стал умирать. Когда он стал умирать, пришел к нему волк и говорит:

– Помогу тебе.

– Что тебе надо? – спрашивает [Сасрыкуа].

– Прослышал о твоей беде, пришел посочувствовать, – отвечает волк.

Кровь, которой [Сасрыкуа] истекал, разлилась вокруг.

– Разве помочь пришел ты, пьешь мою кровь! Когда будешь идти за добычей, чтобы у тебя было сердце твоего отца, [бесстрашно чтобы шел], когда возвращаешься – чтобы у тебя было сердце твоей матери, в страхе чтобы возвращался, – проклял [его Сасрыкуа] и рукой провел по спине волка. – Чтоб спина твоя была слаба!

Спина волка слаба от проклятия Сасрыкуа.

Затем прилетел ворон. (Ворон [сейчас] черный, а тогда был белоснежный.)

– Откуда ты? – спросил [Сасрыкуа].

– Мне жаль, что с тобой приключилось такое, пришел проведать, – сказал [ворон].

[Сасрыкуа] ведь истекал кровью, [ворон] стал пить [кровь].

– Чтоб ты был окрашен всегда в черное! – проклял [ворона Сасрыкуа].

Потому ворон черный.

25. ВО ВРЕМЯ ГИБЕЛИ САСЫРКУА

Текст:

Сасырқәа уаҩ хаҵан. Иарма шьапы, иарма шьапы ахы ақәшәар, иазыҵҵәомызт, иарма шьап[ы] [ҭәҭәан]. Иарҧьа шьапы уыс иҭәҭәамызт.

– Абрыи нартаа,– иҳәет,– ахаҵара рылоп ҳәа рҳәот, ихаҵәома? – иҳәан, даеазә[ы] диызҵаауеит, даеажәлантәык [Сасырқәа].

– Седру,– иҳәет,– икоп нартаа,– иҳәет,– ажәла,– [иҳәеит Сасырқәа].

– Абарҭ, – иҳәет, – ахаҳә абахә ибҭахҵар, шьапыла дасны [азәыр] изыҵерыу? – иҳәан, [дҵааит].

– Иҵыиесыргьы калап, – иҳәет (Сасырқәа иоп иызҳәо).

Ахаҳә бҭарҵет ашьха, аҿкьара дыу ахьыказ, абас иахьыхараз. Ахаҳә иууаза иахылбаауаз, [Сасырқәа] иарма шьапы аамырхакәа, иарҧьа шьап[ы] ааирхан, иыҵнаҵәет. Ианыҵнаҵәа, дкаҳаит.

Данкаҳа, ауарбажә ааит. Ашьа ицыцны ицон. Ауарбажә ашьа афет.

– Кәыркәа азыҳәан азыжәра азин уымамзааит! – ҳәа уыс иҳәет иара, Сасырқәа.

Абга ааит дахьиаз. Абга аан, ашьа ицыцны ицот, – Ашьа уымжәуеи? – ҳәа дазҵаауеит абга Сасырқәа.

– Ашьа, сара Сасырқәа иҩыза ауаҩы ашьа ицыцуа зжәуама?! – аҳәет.

– Снаҵәкьыс хәыч[ы] акара ухахәда ҭәҭәазааите! – [иҳәеит Сасырқәа].

Абга ахахәда акара иҭәҭәоу, иҭәҭәоу хахәда аказам. Избанда Сасырқәа иҳәамҭоп уыбрыи.

Перевод:

Сасыркуа* был героем. Левую ногу его никакая пуля не брала, [так была крепка] его левая нога. Правая нога не так была крепка.

– Говорят, эти нарты отличаются особым мужеством. Так уж и мужественны они? – спрашивает [Сасыркуа] некто из другого рода.

– Не знаю,– ответил [Сасыркуа]. – Есть нарты, есть такой род.

– Если мы сбросим с горы камень, сможет кто-нибудь из них разбить его ногой? – [спросил этот человек].

– Может, и разобьет, – ответил Сасыркуа.

Скатили с горы камень, с крутого склона, с высоты. [Сасыркуа] ударил летевший камень не левой ногой, а правой, и камень переломил ногу. Когда нога переломилась, он упал.

Когда он упал, прилетел орел. [Сасыркуа] истекал кровью. Орел выпил кровь.

– Пусть в июле ты не будешь иметь право пить воду! – проклял его Сасыркуа.

Пришел к нему волк. Пришел волк, а из-под него [Сасыркуа] течет кровь.

– Не выпьешь кровь? – спросил [волка] Сасыркуа.

– Разве я стану пить кровь такого человека, как Сасыркуа! – ответил [волк].

– Пусть твоя шея будет крепка, как мой мизинец! – [благословил его Сасыркуа].

Как шея волка, никакая шея [никакого зверя] не крепка. Потому что так завещал Сасыркуа.

26. ЗАКЛЯТИЯ САСРЫКУА

Текст:

Сасырқәа дхәы ҭәҭәаны дышьтахет. Дхәы ҭәҭәан[ы] дышьтан. Дхәы ҭәҭәан[ы] дышьтан, дахьышьтаз, алаҳәа, акәраан [уҳәа], аҧсаатә дрыпхьет. Ацхыраара итахыуп арыи. Ианааи,

ашьа иыцкьасан[ы] дцон, дхәы ҭәҭәан иара. Ашьа иыцкьасан[ы] дцон, дхәы ҭәҭәан, ашьа афара иалагет арт. Ашьа афара ианалага, алаҳәа азыҳәа убыс иҳәет: «Аԥацәа анхыухуа уыла тырхааит!» – ҳәа ақәцара аитет. Ауарбажә азыҳәан, «цхын зыжәра уыкәымзааит, цла-гәаԥа итоу ада, азы узыхгылан[ы] азыжәра азин умоуааит!» – иҳәан, дақәшәиин, ицет.

Уыс ишыkаз акәымкәаны, аҳәыҳә [ааит]. Аҳәыҳә дацхьет [Сасрыkәа]. Аҳәыҳә ишьа иылацалан, ахәақәа иылаз иылkәшәан[ы] аҳәыҳә иканаԥсет. «Уара укәырбанны, патыу уыкәны, ламыс уыманы, уыпсаатә бзианы, ажәлар бзиа уырбо укалаат!» – иҳәан, аҳәыҳә дақәныҳәан, уыгь дәыкәицан, [ицеит]. Ашьапы шәыуп иара, аныи ишьа иахьзаагылаз.

Уыс ишыkаз акәымкәаны, абга дацхьет [Сасрыkәа]. Абга дацхьан, абга аакылсыит. Абга анааи, арыи ишьа дылажьыуп, «ат, абаацсы(!), закәызыи» аҳәан [абга], даашьтнакәыцәаан дарбзан, даашьтыхын днаскьаганы, абрыи [ашьа] дахьылаз дырбзаны, адгьыл цкьараҽ[ы] днаган[ы] дышьтанацет. «Аи, уара абзера сзыууит, абрыи снацәкьыс хәычы[ы], иамчыу хахәдас иуаууат!» – иҳәет [Сасрыkәа]. (Ҳаҭеимшхара, сымч иҳәар, зынза ҳақәнацозар акәхарын.) «Абрыи снацәкьыс хәычы иамчыу хахәдас иуымазаа-ит! [Қәылара] уаннеиуа сгәы уыман унеилаат, уанцо аԥхәыс лгәала, убыс угәы тkьаат!» – ҳәа иҳәет, иҳәет.

Уажә[ы] абга ианаааиуа игәыцьны иааиует. Хысбжьык(!), цытбжьык анаҳа, адыунеи иалцует, ишәот, иырҳаует. Уыбрыи убыс kанацет [икалеит].

Ашьтахь иара [Сасрыkәа] убырт дызкәныҳәакәаз [иара ишиҳәаз икалеит]. Аныи абга атәгьы [иашоуп]. Ииашан иыубартә еиԥш иыkоп ахахәда [шыҕәгәоу]. Абга абыржәы ашьтәа(!) аашьны, иырыууаза иыршәын, акәакәа илыкәжьын иаман[ы] ицот. Ахахәда ҭәҭәоуп. Аныи аҳәыҳәгьы патыу аман[ы] иыkоп.

Перевод:

Сасрыкуа* был тяжело ранен. Лежал, тяжело раненный. Лежал тяжело раненный, и тогда он созвал птиц – ворона, ворону и других. Ему нужна помощь. Прилетели и видят: кровью истекает он, тяжело ранен. Кровью истекал он, тяжело был ранен, и птицы стали пить его кровь. Когда стали пить кровь, о вороне он сказал: «Чтобы твои птенцы, вылупившись, выкололи тебе глаза!» – такое наказание вынес ему. Орла проклял так: «Чтобы летом не имел право пить воду,

кроме той, что в дупле деревьев. Другую воду чтобы не имел право пить!» [Орел] улетел.

Вдруг [прилетел] голубь. Голубя позвал [Сасрыкуа]. Голубь сел в его кровь и очистил его [Сасрыкуа] от червей. «Чтобы ты стал священной[1], уважаемой птицей, совестливой, чтобы тебя любили люди!» – благословил его Сасрыкуа и [голубь] улетел. Лапки его окрашены потому, что стояли в крови [Сасрыкуа].

Затем волка позвал [Сасрыкуа]. Позвал волка, и волк явился. Увидев Сасрыкуа в луже крови, волк перетащил его на чистое место, зализал его раны. «Ты сделал мне добро. Пусть сила моего мизинца будет в твоей шее!» – благославил [его Сасрыкуа]. (Не дай Бог, завещай он всю свою силу, волк, наверное, прогнал бы нас [людей][2]). «Пусть сила моего мизинца будет в твоей шее! [За добычей] чтобы ты шел с моим сердцем [бесстрашно], обратно – с сердцем женщины, в страхе!» – сказал [Сасрыкуа].

Волк идет за добычей [в нападение] без страха, но если звук какой или выстрел – он убегает[3], испугавшись. Таким он стал.

Сбылись благословения [Сасрыкуа]. Шея волка так крепка, что может забросить на нее любую скотину [козу, барана, теленка] и унести. И голубь тоже пользуется уважением.

27. ГИБЕЛЬ САСРЫКУА И ПОМИНКИ ПО НЕМУ

Текст:

Арыи [Сасрыkәа] дыхтаркыит, дыршьырц ртаххет, ишьышьа рзыkамцет, идәыкәылт [нартаа аишьцәа]. Мчыла иылагар, дыриааиует, иарауысы иамуит, дрызтамырхет. Идәыкәылт, «абрыи итархашьа еилаҳамкаакәа ҳхынҳәуам» ҳәа.

Ишлеуаз акәымкәа, ҭакәажәык дырбет. Ани Сет даагылан, иҳәет, – Ди, аказы сбызцаауе? – [иҳәет].

– Закәызе, нартаа дыуқәа, нан? (Ларгьы дведмамзи нас, дзакәиз.)

– Абас, абас, абас, абрыи дтаҳархар хтахыуп, дызлатаҳархаша ҳзымзбет, дышԥатаҳархари?

– Уыи итархашьа марион, – лҳәет.

– Иышԥа?

– Иышԥа, ахра ахыцәкәан ахаҳә дыу хагалан[ы] ныкәшәыргыл. «Шьапыла уасны абрыи цыух[х]ааузар» ҳәа цака

дацашәыргыл. Ипих[х]аар ипих[х]ааит, ипимх[х]аар дашьует, – лҳәет.

– Бзиоп.

– «Шьапыла уасны ипыух[х]аауазар» ҳәа [иашәҳә], ишьапы ԑнакьот, – лҳәет. (Нас уыи ахаҳә дыузза азцых[х]аауама!)

Ииаит арҭ хынҳәны, аа, игәыргьацәа, егьыи, рыгәгьы акалазамшәа.

– Иыкоу удыруоу Сасрыкәа?

– Аа?

– Уара ухацоп, загь[ы] рылагьы каамеҭ уоуп, абыржәы хацарак каца.

– Закәызе?

– Абас, абас, – рҳәет, – ахаҳә абахә ихыкәҳаргылот, уара цака уацагыланы, шьапыла уасны ипых[х]аа ишьтоуцозар, нас иыуҳәо акны ҳакоп, – рҳәет.

– Бзиоп. – иҳәет.

Апкацҳәа хаҳә дыуззак дырххо, иҳәет, ихаргалан, иҳәет, абахә ыылхыкәдыргылан, Сасрыкәа днен[ы] (анахьгьы иывагылоп, иҳәет, игәазто), днен[ы] даацагылан, иҳәет, апкацҳәа аҷаныладырха, иҳәет, иарма шьапала дасны ипых[х]аа иыкәицет, иҳәет.

Арҭ [нартаа аишьцәа] зынза ипсит. Идәыкәылт дырԥагь. Дырԥагь дырпылт аныи [атакәажә] Шьашә-арбагь дакәтәаны.

– Абасоп иҳахьыз, ипих[х]ааит, – рҳәет.

– Ҳаи, шәарамыждакәа! Иарґьа шьапоп [дызласша], иарґьа шьап[ы] цырыуп, иарма шьапы ехазоуп, ипнах[х]ааует. Иарґьа шьап[ы] цырыуп, иарґьа шьапала дасыр, ипых[х]аа ицот ишьапы, – лҳәет.

Етахынҳәны иааит [нартаа аишьцәа].

– Аа, иыкауцаз иашазам! – [рҳәеит].

– Иышпа?

– Уарґьа шьапала уасроп [ахаҳә]! – рҳәет.

– Бзиоп.

Дырԥагь ихыкәдыргылан (иарґьа шьапы шцых[х]аауа идыргәышьот, аха иыкаицои шьта?!), ахахә андыршә, иарґьа шьапала дасын, ишьапы цых[х]ааит. Иҷкьет ишьапы, иҳәет.

Адыунеи(!), ашәа ҳәо ихынҳәит арҭ [нартаа аишьцәа], «Сасрыкәа ҳиылгет» ҳәа. Ихынҳәны иааит рыԥныка, иҳәет, игәырґьацәа, иҳәет.

Уыс, абрыи дкажьыуп, [ишьапы] ашьакәадабаа алыԥр ицот, иҳәет, дкажьыуп, иҳәет. Дышкажьыз, иҳәет, адыунеи, иҳәет,

цсаатәс иыкоу загь[ы] хыцт, иҳәет. Абга неит, иҳәет, абга. Абга моу, заа абгахәыцы неит, иҳәет.

– Сасрыкәа, иуыхьыз сгәы иалсыит! – ҳәа иыдашшылт, иҳәет.

– Ааи, бгахәыцажә, уыгә[ы] иалсра Анцәа иыузааимгаат, аха уызхара ашьа ыжәны уца, – иҳәет.

Уыгьы уыс ашьа ыжәны ицет, иҳәет. Амышә(!), абныи, абрыи, шәагас иыказ загь[ы], цсаатәс иыказ загь[ы] аан[ы] иыдашшылот, иҳәет. Уыс, акәыцьма ааит, иҳәет.

– Сгәы иалсит Сасрыкәа [узыкәшәаз]! – ҳәа иыдашшылт, иҳәет.

– Уыгә[ы] иалсра умыхьааит, аха абрыи сшьапы уаахан[ы] абра исзадца, уызхара ашьа ыжә, – иҳәет Сасрыкәа.

Ишьапы аанаган, иҳәет, атыпакны инаднацан, иарбзо, иарбзо, иарбзо, ишьапы бзианатәит. Абас инацәкьыс хәыч[ы] ала дагәыцасит, иҳәет, – Снацәкьыс хәыч[ы] акара ухахәда амч амазаит! – ҳәа. – Қәылара уанцо, абора уталарц уанцо апшалас акара уышьтыбжь калаат, уаныхынҳәуа скамч[ы] ашьтыбжь акара уышьтыбжь ғәгәахаат! – ҳәа иҳәет, иҳәет.

Уыс аҳәыҳәкәа ааит, иҳәет. Мамоу, [урт рацхьа] алаҳәажә [аит]. Инен[ы] иацкласуа иалагет, иҳәет, ишьапы.

– Аа, лаҳәажә, уыбра утәаны уызхара ашьа ыжәны уца! Уыцсы танацы укырлаит! Ажьабаакәа урышьтазаат! Уаҳа стаҳәара умоаат! – ҳәа иҳәет, иҳәет.

Уыгь[ы] цет, иҳәет. Аҳәыҳәкәа ааит, иҳәет. [Сасрыкәа ихьыз] ргәы иалсны, ииаин[ы] иыдашшылт, иҳәет.

– Ашьа жәжәы!

– Мамоу, ҳара ашьа аажәзом, ҳгәы иалсыит, – [рҳәеит].

Нас уыс иҳәет, иҳәет:

– Шәара адыунеи шәагымзаат! – ҳәа иҳәет, иҳәет. – Сышәшәацьҳәацыс, шәсеитаҳәацыс шәыказаат, сшьала шәшьапкәа шәызаат! – ҳәа иҳәет, иҳәет. – Цыцьа згәы еизынхо ыканацы шәагымхаат адыунеи! – иҳәет.

[Аҳәыҳәкәа] ршьапкәа капшышьза ишәыуп, Сасрыкәа ишьала. Уыртгьы нык ацны ицет. Сасрыкәа даабзиахан, ацныка дааит. Аныи акәыцьма дыбзианатәит.

Арҭ [нартаа] загь[ы] азәазәала ыпсуа, азәазәала ыпсуа, азәазәала ыпсуа, ыжуа, азәазәала ыпсуа, ыжуа, ыпсыит. Загь[ы] псыит, ижыит. Иара дынхет. Ашьтахь иара дыпсыит. Иара данып сы (нас ант загь[ы] рыпсхәы иуыит, ацсхәрагьы зыхкьаз убырт роуп, ацәыуарагь[ы] зыхкьаз убырт роуп), иара дыпсыит,

аха иԥсхәы зуадаз, уаҩ диытԥымхазет? Дара [партаа] рыԥсхәҟәа иара иуан, рԥьацаҟәа каиԥон. Дыԥсын, днаган[ы] дыржыит, иҳәет.

Арыи [Сасрыкәа] иыкәла бзиак дыкан, дыздыруаз азәы, иҳәет. Дыкәаҩын, иҳәет, дшааиуаз иыкәхәлет, партаа рышәынтракны данаан. «Каҳ, уаха сабацо, абра Сасрыкәа инышәынтракны стаианы сыцәап, рыцҳа» ҳәа иҳәан, иҳәет, иеы аауижьын, иҳәет, икәадыр наихчынцаны, иҳәет, Сасрыкәа инышәынтра дынталан, дныкәиан[ы] дыцәет, иҳәет. Даныцәа, убыс цхыз ибет, иҳәет: Абар, Сасрыкәа, иҳәет, абрыи аԥсы дызцадыргыло ашьаца акәми, аԥсы дызцадыргылоз амныи ыкоп, иҳәет, абра дыцатәоп, иҳәет, Сасрыкәа. Ачгьаҳьа, убыскан [аԥсраан] иырфаз акәыд, [имцагылоуп]. Агьырт, иҳәет, цшьышҩажәыи зежә шьацак, иҳәет, раб – шәҩык, ран – шәиазәы, загь[ы] ашьацаҟәа каԥаны, иҳәет, сҟәыххаа игылоп, иҳәет, алҩацә рхыззуа, иҳәет, астолҟәа, иҳәет. Аныи уамашәа ибет аныи ахаца, иҳәет. Ант загьы, иҳәет, – Уааи Сасрыкәа арахь! – ҳәа ҿыртит, аха, – Моумоу, асас дыстоп, снеуам, – иҳәет.

Уыс, [Сасрыкәа] ихәы аартиит, иҳәет, загь[ы]. Арт саанк, саанк анаарти, астол тәит, иҳәет. Акрырфет, иҳәет. Акрыфан[ы] иапаалга, рыстол аатацәеит. Ант рыстол иагхазом, иҳәет. Дхәыцуа дтәоп, иҳәет, [аныкәаҩ].

– Уара, Сасрыкәа? – ҳәа иҳәан, иҳәет, [даацәажәеит].

– Ыы?

– Уара, абарт загьы гәартак [афатә] ҳзаартиит, астол тәын, иаҳфариз, саанк акәхарын. Итацәеит ҳастол. Дара рыстол агьагхазом, [измаанои]? – агьыи ҳәа иҳәет, иҳәет.

Нас, – Уара, уырт, – ҳәа иҳәет, иҳәет, – абарт загь[ы] са сашьцәа, сан, саб – убырт роп, – ҳәа иҳәет, иҳәет. – Абарт загь[ы] рыцсхә[ы] са иызуыит. Иызуыз загь[ы] рымоп. Сара исзызуадаз, уаҩдац сытԥымхазет. Абарт схәы аартиует, агьыиует, амла садыркуам, сдыццылартәуам, аха уысгьы сдыццылоп, – ҳәа иҳәет, иҳәет. – Уыбриоп [абас] изыкала, – иҳәет.

– Уара уыхьзала азәы абыржә[ы] акырԥаицар, иуауо? – ҳәа уыс иҳәет.

– Иызсмауазыи, иказцо дсымам амзар, – ҳәа иҳәет, иҳәет.

Ауыха ишет, иҳәет. Ианша, [аныкәаҩ] дыҩсыжәлан[ы] дцет, деыхан, иҳәет. Даалаган, иҳәет, абрыи партаа здыруаз дрылалан, иҳәет, «Нарт Сасрыкәа иыԥсхәы зует, акьамтаеы шәеиза, партаа ркьамтаеы, аеҳәара цысцәот» [ҳәа реиҳәеит]. Рыуа-ртахы еизан, иҳәет, аеҳәара цырцәет, ашьаца дыу каиԥет, иҳәет, ашьтәкәа

аргет, иҳәет, агәакьҳәа аԥсхәы иуыит, ыныхаз [афатә] шаны ирыитет, агьыит, иҳәет.

Аԥсхәы анелга, дцет дырҩагь абрыи [аныкәаҩ] анышәынтракны. Дныкәиан[ы] даныцәа, иҳәет, иаразнак(!), абрыи ашьаца иыкаицаз еицҳәа итәыуп, иҳәет, иаразнак, иҳәет, алҩацә ахызз, ацәашьҟәа ххаза, иҳәет, Сасрыкәа дгъыжьуа дрылоп, иҳәет.

– Арыи закәызыи? – иҳәан, [дцааит аныкәаҩ].

– Иыкауцаз смауи, – ҳәа иҳәет, иҳәет, [Сасрыкәа].

Абас иаанцәет абра. Абарт [партаа] ирыхкьаз ауп абрыи [аԥсхәура].

Перевод:

Не дают [братья-нарты] покоя [Сасрыкуа], захотели убить его, но не могут ничего придумать, как его убить. Силой он победит их, а другого способа убить [Сасрыкуа] они не нашли. Двинулись [братья-нарты], решив не возвращаться, пока не узнают способа, как покончить [с Сасрыкуа].

Едут они, и встречают одну старуху. Сет* остановил коня и обратился к ней:

– Ди*, хочу тебя спросить.

– О чем же, нан*, великие нарты? (Ясное дело, ведьмой была).

– Так и так, хотим погубить [Сасрыкуа], но не знаем, как погубить. Что нам делать, чтобы погубить его?

– Его легко погубить, – отвечает [старуха].

– Как?

– А вот как. На вершину горы взгромоздите большой камень. А его [Сасрыкуа] поставте внизу, чтобы он ногой разбил камень вдребезги. Если разобьет – разобьет, а если не разобьет – сам погибнет! – сказала [старуха].

– Хорошо! – [сказали братья-нарты].

– [Скажите ему], чтобы ударом ноги разбил [камень] вдребезги. Он [камень] оторвет ему ногу, – сказала [старуха]. (Как ей [ноге] огромный камень разбить!)

Вернулись [братья-нарты домой] радостные, будто никакой обиды не держат на сердце.

– Знаешь что, Сасрыкуа?

– Что?

– Ты герой, ты акаамет[1], соверши еще один подвиг.

– Что эта [за подвиг]?

– Так и так, мы поставим камень на вершине горы, если ты, стоя внизу, разобьешь вдребезги [катящийся камень], то твое слово станет законом для нас! – [сказали братья-нарты].

– Хорошо! – согласился [Сасрыкуа].

Братья-нарты тут же взгромоздили на вершину горы огромный камень, Сасрыкуа встал внизу (рядом стоят наблюдатели). Скатили камень [с горы]. [Сасрыкуа] левой ногой ударил и разнес его вдребезги.

[Это] убило их [братьев-нартов], вновь они двинулись в путь. Вновь повстречалась им та [старуха] верхом на петухе Щашвы*.

– Он разбил [камень] вдребезги,– сказали они [старухе].

– Хай*, бедные вы! Правой ногой должен он [ударить] . Правая нога у него из стали, левая – из железа, [все] разбивает вдребезги. Правая нога его из стали, ударит ею [камень] – нога его сломается, – говорит [старуха].

Вновь вернулись [домой братья-нарты].

– Аа*, ты неправильно сделал! – [говорят они Сасрыкуа].

– Как?

–Ты должен ударить [камень] правой ногой! – говорят [братья-нарты].

– Хорошо.

Опять втащили [братья-нарты камень на гору], ([Сасрыкуа] знает, что правая нога разобьется вдребезги, но что может сделать?!), бросили его [камень] оттуда. [Сасрыкуа] правой ногой ударил [камень], его нога разбилась вдребезги. Ногу ему оторвало.

Адуней[2], [радостные], что покончили с Сасрыкуа, с песней вернулись [братья-нарты домой].

Лежит [Сасрыкуа], истекая кровью. Адуней[3], все птицы, какие есть [на свете], слетелись [к нему]. Пришел к нему волк. Нет, до волка пришла лиса.

– Сасрыкуа, мне жаль, что с тобой случилась беда! – посочувствовала [лиса].

– Аай*, мерзкая лиса, пусть не пошлет тебе Бог другого горя! Напейся крови и иди! – сказал [Сасрыкуа].

[Лиса] напилась крови и ушла. Медведь, и все другие звери, птицы пришли и посочувствовали [Сасрыкуа]. Приходит волк.

– Мне жаль, Сасрыкуа, беда случилась с тобой! – посочувствовал волк.

– Пусть большего горя не будет у тебя, [волк]! Придвинь [оторванную ногу] ко мне, а сам напейся крови, – сказал Сасрыкуа.

Волк придвинул ногу, приложил к ране, облизал, и нога стала здоровой. Сасрыкуа мизинцем коснулся волка.

– Пусть твоя шея будет в силу моего мизинца! – сказал он. – Когда ты идешь за добычей, идешь в хлев, пусть от тебя исходит звук легкого ветерка, а когда обратно идешь – пусть твой звук будет таким сильным, как звук от удара моей плети!

Прилетели голуби, нет, [до них] прилетел ворон. Ворон стал клевать [раненую] ногу Сасрыкуа.

– Аа, гадкий ворон, напейся вдоволь моей крови и улетай! Кроме падали, пусть другой пищи не будет для тебя! Каркай весь свой век! Иной доли пусть не будет для тебя! – проклял [его Сасрыкуа].

[Ворон напился крови] и улетел. Прилетели голуби, расстроенные несчастьем Сасрыкуа. Прилетели, посочувствовали.

– Пейте кровь! – [говорит им Сасрыкуа].

– Нет, мы не будем пить [твою] кровь! – [отвечают голуби].

[Сасрыкуа] говорит им:

– Пусть ваш род никогда не иссякнет! Будьте моими горевестниками, пусть ваши лапки будут окрашены в мою кровь! Пока в мире есть хоть два человека, обиженных друг на друга, живите и вы!

Лапки [голубей] окрашены в красный цвет кровью Сасрыкуа. Они тоже улетели. Сасрыкуа выздоровел и вернулся домой. Волк вылечил его.

Братья-нарты стали умирать один за другим, умирают, а Сасрыкуа хоронит их, умирают, а Сасрыкуа хоронит их. Все они умерли, а он похоронил их. Затем умер и сам [Сасрыкуа]. Умер он, но никого не осталось, кто справил бы по нему поминки. ([По братьям] он справлял поминки. От них [нартов] и стали [люди] справлять поминки, оплакивать мертвых.) Поминки [по нартам] справлял [Сасрыкуа], ставил ащапы*. Умер он, и похоронили его.

[У Сасрыкуа] был один друг ровесник, хорошо относившийся к нему. Был он в походе. Возвращаясь, он оказался у кладбища нартов. Наступила ночь, и он решил заночевать в могиле Сасрыкуа. Он отпустил коня, сам лег в могилу Сасрыкуа, подложив седло под голову, и заснул. Заснул, и ему приснился сон. Под ащапой, где ставят гроб с покойником, сидит Сасрыкуа. Перед ним стоит постная еда – фасоль, которой угощали на похоронах [Сасрыкуа]. Остальные [нарты] – девяносто девять братьев, их отец – сотый, их мать – сто первая –

сидят каждый в своей ащапе, а перед ними стоят столы с дымящимся [мясом, яствами]. Это удивило [путника]. Они все [нарты] зовут Сасрыкуа к себе, но он не идет.

– Нет, не могу, у меня гость, – отвечает он [им].

Они прислали [для Сасрыкуа] еды. Когда каждый по тарелке прислал, весь стол заполнили. Они поели. Они поели, и стол опустел. А столы тех нартов не пустеют. Это заставило [путника] призадуматься.

– Слушай, Сасрыкуа! – сказал он.

– Что?

– Они все прислали нам много еды. Мы с тобой поели, самое большее, по тарелке, и наш стол опустел, а столы тех такие же [не пустеют]. [Почему так]? – спросил [путник].

– Это мои братья, отец и мать. [Когда они умерли], я всем им справил поминки. Все, что сделал для них, досталось им. После меня никого не осталось, кто бы справил [поминки по мне]. Они присылают мне еды, не дают голодать, но все же я как нахлебник. Потому [так] происходит, – ответил [Сасрыкуа].

– Если кто-нибудь справит [по тебе поминки], и ты получишь? – спрашивает [путник].

– Почему не получу. Но некому по мне справить поминки, – ответил [Сасрыкуа].

Когда рассвело, путник сел на коня и объехал всех, кто знал нартов, сказал, что будет справлять поминки по Нарту Сасрыкуа и чтобы они собрались на пустыре, где раньше жили нарты. Назначили срок, соорудили большую ащапу, забили скот, справили поминки [по Сасрыкуа]. Оставшуюся еду [путник] раздал присутствовавшим.

После поминок он опять пошел на могилу [Сасрыкуа]. Лег и заснул, [и увидел сон]. Ащапа, которую он поставил на поминках, стоит здесь, на столах лежит дымящееся [мясо забитых им животных], горят свечи. Среди всего этого ходит Сасрыкуа.

– Что это такое? – спрашивает [путник].

– Я получил то, что ты для меня сделал! – ответил [Сасрыкуа].

На этом и заканчивается [рассказ]. [Поминки] произошли от них [нартов].

28. КАК САСРЫКУА ЗАБРАЛИ НА ТОТ СВЕТ

Текст:

Нартаа рхаан шанас ирыман: иԥсуаз рыуак нарԥэытэи арахь дааны, уаала ҳэа иаҳэаны дигон. Аха Сасрыкэа ус баша дымԥеит.

– Сара сеиҳа казԥахьоу уахь дызбом, убри акнытэ сызԥом, – иҳэеит.

Нартаа дрыцымԥеит. Нас, нарԥэы дыкан Нарт Цэыцэ ҳэа азэы. Уи драцэажэеит иашьцэа:

– Сасрыкэа дышэзаамгеит, аха сара даазган, – иҳэеит.

Сасрыкэа аарԥэы дахьыказ дпеит Цэыцэ.

– Умаалои, Сасрыкэа? – иҳэеит иара.

– Сара сеиҳа казԥахьоу дсымбакэа сԥом, – иҳэеит Сасрыкэа.

– Нас уаасзызырԥо, исыхьхьоу уасҳэап, – иҳэеит Цэыцэ: – Сара сасцэа каиматкэак сзааит. «Исыгыу-исыбзоу сырхиап сысасцэа рзы» сҳэан, сдэыкэлеит. Бжьы-мԥак ахьеихагалоу саннеи, избеит ԥажэеи азэԥык аеԥэа шааиуаз. Урт дрылагылан, сыхэак дакэтэаны даaиуан азэы. «Шэабацои?» – анысҳэа, аеыхэа иакэтэаз хҿала дхысын исылеиԥеит, аха исылымкьакэа иаасылагылт. Ус егьа иказаргьы, сускэа каԥаны, истахыз рхианы сысасцэагьы ртып икэсԥеит. Нас, стаацэа еизызган, «сыԥсуеит сара, аха шэара снаганы бжь-мԥак ахьеихагалоу сыжэжы» ҳэа расҳэеит, амала, есышьыжьымтан сеы кэадырны, саҳэа ахшьны, уака идыргыларазы рыдыспеит. «Иухэо закэызеи, агьараҳэа уkоупеи!» – рҳэеит. Аха сара сыпсит. Иахьысҳэазгьы сыржит. Ԑнак зны, санԥшы избеит сызшьыз шаауаз. Аеыхэа иакэтэаз ибжьы иргеит: «Ижэбоу, исшьыз дахьышьтоу!» – ҳэа. Сара сгэы цжэаны сааткьан, сеы слакэтэан, саҳэа ааткэыцэаа саарылагьежьып, зегьы исырцэеит. Ани аеыхэа иакэтэазгьы анышэыптра длавасыргьежьын, ихы ихысцэеит. Абас саниахьеит санԥсы ашьтахь, – иҳэеит Цэыцэ.

– Уара уанԥсы иулшоз акара сара сыпсы теижьтеи исылымшап, – иҳэан, Сасрыкэа Цэыцэ иажэа аа԰бамтэзакэа диццеит нарԥэыка.

Перевод:

Во времена нартов был такой обычай: к умиравшему [человеку] с того света приходил один из родственников и забирал его с собой. Но Сасрыкуа* так просто не пошел.

– Я не вижу там никого, кто бы больше меня [подвигов] совершил,– сказал он.

Не пошел он с нартами. А на том свете был некто Нарт Цвыцв*. Он и говорит братьям:

– Вы не смогли привести Сасрыкуа, но [так и быть], я приведу его.

И пришел Цвыцв на этот свет к Сасрыкуа.

– Пошел бы ты со мной, Сасрыкуа! – сказал он.

– Пока не увижу того, кто больше меня [подвигов] совершил, не пойду! – отвечает Сасрыкуа.

– Тогда слушай, расскажу, что было со мной, – сказал Цвыцв. – Приехали ко мне однажды знатные гости. И я вышел достать все необходимое для приема гостей. Когда я пришел на перепутье семи дорог, вижу, что мне навстречу едут двадцать один всадник. Среди них один был на белом коне. Когда я спросил, куда они едут, всадник на белом коне пустил в меня стрелу, но она не прошла насквозь, а остановилась во мне. И все же я совершил свои дела, достал, что нужно было, и принял [как положено] гостей. Потом собрал родных и наказал, чтобы после смерти похоронили меня на перепутье семи дорог, но чтобы каждое утро приводили туда моего коня оседланным, с мечом и оставляли там. «Что ты говоришь, ты вполне здоров!» – удивились [родные]. Однако я умер. И похоронили меня там, где я наказал. Однажды вижу – едут мои убийцы. Всадник на белом коне говорит: «Глядите, вон, где лежит убитый мной!» Я в гневе восстал из могилы, сел на коня, вынул меч из ножен и перебил всех. Всадника на белом коне прежде заставил обежать могилу, потом обезглавил. Вот что произошло со мной после смерти, – закончил Цвыцв.

– То, что ты смог совершить после смерти, я и при жизни не смог, – сказал Сасрыкуа и покорно отправился с Цвыцвем на тот свет.

29. КАК САСРЫКУА ОЖИВИЛ ЖЕНУ

Текст:

Нарт Сасрыкәа жәашықәса аҩны дыкамызт. Дхынхәны аҩны ааигәара дааиуаны цьмахьчак днеицылан, – Уцхәыс дыцсит, – хәа еиҳәеит.

Сасрыкәа аҩныка дымнеикәа, анышәынтрахь дцеит. Ицхәыс дахьжыз днеин, анышә жны длываеит. Матык ааит, илыцхарацы иакәнакит, аха иара ишьапала ишьит. Даеа матык бгъыцк аманы иааит, убрыгь ишьын, абгъыц ицхәыс лгәы икәишьит. Ицхәыс дыбзахан, диманы аҩныка дцеит.

Иашьцәа ианраха, омашәа ирбан, иааит иара икны.

– Нарцәынтә лыцсы тганы иаазгеит, – хәа реихәеит.

Перевод:

Нарт Сасрыкуа* десять лет не находился дома. При возвращении неподалеку от дома его встретил один пастух коз и сказал:

– Твоя жена умерла.

Сасрыкуа не пошел домой, а отправился на кладбище. Пришел на могилу жены, вырыл землю и лег рядом с ней. [Вдруг] приползла змея, хотела укусить [жену Сасрыкуа], но он ногой убил [змею]. Приползла еще одна змея, держа [во рту] лист. И ее убил [Сасрыкуа], а листом провел по груди жены. Жена ожила, и он привел ее домой.

Братья, прослышав об этом, поразились и приехали к [Сасрыкуа].

– Я вызволил ее [жену] с того света! – сказал им [Сасрыкуа].

30. ТАЙНА СМЕРТИ САСРЫКУА И ЕГО КОНЯ

Текст:

Нартаа ашәоык [Сасрыкәа] ицашьыцуа иалагеит, избан акәзар нартаа игар хәа ишәон. Анаҩс, дахьнашцаз еарцас иркуан.

Ҽнак деыжәланы дышнеиуаз, царатрак каршәны ибеит. Ицьыба интеицеит. Сасрыкәа иеи иареи еицәажәон. Сасрыкәа иеы дазцааит: – Упсы абатоу? – хәа.

– Сыпсы сашьтахьтәи сшьапсаргәыца иалоуп, убра иакәшәар сыпсуеит, аха сшыпхоу сцәа схыухыр, дырҩагь сухәартә скалоит, – аҳәеит.

– Сара ашьа сылцыр сыпсуеит, – иҳәеит Сасрыкәа.

Ус дышнеиуаз, ицаракәа игәалашәеит, аха иабаказ, изхьан. Уи нартаа руазәк иецаратәны Сасрыкәа ицьыба дталазаап, иеыи иареи рыпсы ахьтоу аилкааразы.

Нартааи Сасрыкәеи еибашьит. Инибарцәарц иакәыркит. Абри акара бзиара рзиухьан Сасрыкәа, аха ирхадырштит. Ус

ишеибашьуаз, иеы ршьит, аха ацәа аахцааны иаразнак дҽакәтәан, деибашьуа деитаарылалт, зегь[ы] нирцәеит.

Ацыхәтәаны Нарт Гыды дижәырцеит. Урт рҽыцьагьы теибархеит.

Перевод:

Сто [братьев]-нартов стали завидовать Сасрыкуа*, потому что боялись, что он покорит их. Кроме этого, упрекали его, что он анашпа*.

Однажды едет Сасрыкуа на коне и видит на дороге кошелек. [Поднял его] и положил в карман. Едет Сасрыкуа и разговаривает со своим конем. Сасрыкуа спрашивает своего коня:

– Где находится твоя душа?

– Душа моя находится в ступне задней ноги, попадет туда [стрела] – я умру. Но если ты снимешь с меня шкуру, пока я теплый, я оживу, и вновь буду служить тебе, – ответил [конь].

– А я умру, если из тела пойдет кровь, – сказал Сасрыкуа.

В пути Сасрыкуа вспомнил о деньгах, но кошелька уже не было, исчез. Оказывается, один из [братьев]-нартов обернулся в кошелек, чтобы попасть в карман Сасрыкуа и выведать, где находятся его и коня души.

[Братья]-нарты и Сасрыкуа стали воевать, намерились уничтожить друг друга. Столько хорошего делал им Сасрыкуа, но они все забыли.

Во время битвы под ним убили коня, но Сасрыкуа мигом снял с него шкуру, сел на него, продолжил битву и перебил всех [братьев-нартов].

В конце Нарта Гыды* бросили против него. Они оба и перебили друг друга.

31. КАК САСРЫКУА ОЧУТИЛСЯ НА ЛУНЕ

Текст:

Сасрыкәа иашьцәа цәгьа дырны бзиа изырызбомызт, итархара акәын изышьтаз. Игәы ццәазеит Сасрыкәа, нас «сашьцәа рҟыба-зыба сылсхып» иҳәан, цсаса гәартак наиаццаны, иуапа неишәхарцаны, илабашьа аакыдхны, амзахь дхалт. Уа назаза иаанхеит ирахәи иареи. Иашьцәа усгьы илеиқәчкатар ицеит.

Нан, зылакәа цару ауаҩы амзахь дҽацшыр, ибоит амза иадаабало асахьакәа Сасрыкәеи уи ипсасеи шракәу.

Перевод:

Братья Сасрыкуа* только одно худое замышляли против него, все думали, как сгубить его. Надоело все это Сасрыкуа, решил он уйти от дрязгов братьев: одел бурку, взял в руки посох, погнал перед собой стадо мелкого рогатого скота и поднялся на луну, там навсегда и остался со своим стадом. А братья же все перемерли, [род их угас].

Нан*, зоркий человек, взглянув на луну, увидит, что рисунки на луне – это Сасрыкуа со своим стадом.

32. ВО ВРЕМЯ СМЕРТИ САСРЫКУА

Текст:

Сасрыкәа дычмазаҩхеит. Дыпсуа далагеит.

– Сан, сгәы шәоит, икалап сыпсыр,– иҳәеит Сасрыкәа.

– Изурызеи, уашьцәагьы тахагәышьеит, аха срылазеит, – иҳәеит Сатаниа-Гәашьа.

Ацсра даналага, – Сара стахагәышьоит, аха абарт хлакәа – хқәыцьмакәа рыбгакәа шрыхәо инхар, ауаа хдырцәашт, – иҳәеит. – Абри ихцәаны икасыршәуа снацәкьыс акара акәзааит рыхәдакәа мчыс ироуша! – иҳәан, дрыкәшәиит.

Убри ауп абгакәа рыбгакәа зырмыхәо. «Сыбга сыхәо сыкаидаз, ани хәычи сибасыраазарымызт!» – аҳәоит акәыцьма.

Перевод:

Сасрыкуа* заболел. Стал умирать.

– Мать, сердце мое в страхе, видимо, я умру! – сказал Сасрыкуа.

– Что мне делать, твои братья тоже погибли, но я примирилась с этим! – ответила Сатаниа-Гуаща*.

Когда [Сасрыкуа] стал умирать, он произнес заклинание:

– Я умираю, но если спины наших собак – волков – останутся при нынешней силе, человеческому роду не сдобровать. Пусть в их шеях будет столько силы, сколько в отрезанном моем мизинце!

Потому спины волков слабы. «Была бы спина моя крепка, матерям не дал бы выкормить своих детей!» – говорит волк.

33. ЗАВЕЩАНИЯ САСРЫКУА

Текст:

Анарҭ Сасрыҟәа ҳәа дыҟан ҳәа саҳахьеит. Ипҳәыс Гәашьани-Даха лыхьзын. Лаԥскыи лабакыи иман. Даныԥсуаз «рхахәда шыҷәгәоу рыбга ҷәгәамзааит!» – иҳәан, абна илаиҷеит. Убарҭ роуп ақәыцьмақәа.

Анартқыҭ ҳәа ыҟоуп дгьылк Нхыцка цьара.

Перевод:

Слышал я, что был некто Нарт Сасрыкуа*. Жену его звали Гуащани-Даха*. И были у него собаки – кобель и сука. Умирая, он сказал: «Пусть их спины будут не так крепки, как шеи!» И выпустил их в лес. Волки произошли от них.

В Нхыце* есть место Нарткыт*.

34. НАРТ САСРЫКУА

[рождение, добывание огня, освобождение водного источника, гибель]

Текст:

Нарҭ Сасрыҟәа даныиуаз раб шәысҷәса ихыцуан, иылақәа цаны. Сатан-Гәашь еыкәабарҭас иахлымаз, Кәбина рҳәот аԥсышәала, Кубан азы илеуа, амнакәын еыкәабарҭас иахлымаз. Сатан-Гәашь азәы диымгацт уҳәуо дыҟан уысҟантәи аамтаз[ы].

Длеин, сеыскәабот ҳа Кубан ахыҷәан данлыҷәгыла, данԥшы, рыхьча ныркә рырахә дрылаиан. Ахьча дрымамзыи, Сартыжә ихьзын. (Нас, уыи даеакҟәа амоп, агьиуп, аха уыи аҳәара стахым, аԥхашьарақәа амоп.) Сартыжә арахә рыгәтан, ашьашәырца диан. Аҵада игәы рханы диан. Нас, ипхашьараҵьы уыс иубаратәы иҟан.

[Сатан-Гәашь] лыбжьы лыргет, – Сартыжә оума? – ҳа.

– Ааи! – иҳәит. – Сатан-Гәашь боума? – иҳәан, [лыҷәсиҭит].

– Ааи! – лҳәит. – Аранза уааи, ак[ы] уасҳәот! – ҳа уыс лҳәит.

Ла лееилыхны азы дҭалет. Кубан дыун, дызмырт [Сартыжә]. Аныи ҟаицит, арыи ҟаицит, аха данызмыр, – Быесымариашаны баагыл! – ҳа леиҳәт.

Нас, исырҳәо ала, «ахҿа» дәыҷәицт. [Уи] дацәшәан, ахаҳә леавалкт [Сатан-Гәашь]. [«Ахҿа»] ахаҳә иахнаахаз, асахьа аны-

лет. (Уыи даеакалатцәкьа иуҳәозар – икоп, аха.) Ауаҵпс[ы] исахьа ацылт ахаҳә.

[Сатан-Гәашь] Инар-жьи диԥхьан, даait. Ахаҳә асахьа зныз иацырсаны иҟаицит. Жәымз[ы] лымгәацәа иадын [Сатан-Гәашь]. Убриала Сасрыҟәа диратәа ддухит [лара]. Убриала Сасрыҟәа диит.

Убриакәын Сасрыҟәа иашьцәа «уара унашԥоп» ҳа зиарҳәоз. Раб дихылымцзет. Нык әара иахцогьы дыргомызт.

Иара даниуаз ауыха [нартаа] руахьад [реы] арашь пшқа иит ауыха. Ииз лашан. Дысииз еиԥш, иара агар дынгарарцан, агар дазнымкылт. Уыс леиҳәт иан [Сасрыҟәа]: – Са сыхьзала арашь ииз кны исзаажәгароп! – ҳа .

Амацуцәа рымамзыи [нартаа]. Ирышьтлақ афақь иаекьоз нашьуан, ирзаагомызт [арашь]. Аԥышә иткьо инеуа ашьуан, иабылуан. Аныи руыт, арыи руыт, иамуит [арашь]. Агар дызгараз ааимцааны, – Сара иаазгот! – иҳәит [Сасрыҟәа].

Дыцет. Ирашь анахәта лахацаны, иман[ы] дааит. Акәадыр ақәицан, дҵакәтәет. Адгьыл хынтә даннакьет, ажәҵан хынтә даннакьет. Ацкыс даниааи, уа иаагылт: – Уара иахыутахыу сыкоп, – аҳәит.

Сасрыҟәа дызқәтәаз арашь убриакәын. Дахнеилак аиааира ганы даауан. Анартаа, иашьцәа дрыцны дыргомызт, дыхьымзгиьаны. Иара иаҳа аԥыжәара, аҷәгәара ахимаз ртахымызт.

Иалыухыи, ицет хьзырцара [нартаа аишьцәа], Сасрыҟәа дырмгит. Иахцаз иманшәаламхт. Игьыжьны ианааuаз дырԥылт [Сасрыҟәа].

– Ишәыхьи, шәеиқәшьшьы? – иҳан, [дразцааит].

– Ҳаи, Анцәа, уара уакәзар, ак[ы] кауцара уыҟан! – ҳа уыс иарҳәт.

– Шәгьыжьы, шәызызцаз ауыс са еиқәсыршәот! – иҳәит [Сасрыҟәа].

Игьыжьны иснеуаз акәымкәа, амш цәгьа-баапс рыкәшәт. Амш цәгьа-баапс анрыкәшәа, [Сасрыҟәа] иашьцәа сабакәыу ъегь[ы] ахьта иакын, рымч мхо аԥсраҿы инеит. Еҵәаԥьаа дреихсын ахыц ала, Еҵәаԥьаа лакәны иныкәон, икыдшәаз ала амца аиқәцара илмцет. Еҵәаԥьаа аеаҳаранакт. Дахынаԥшуаз, лҵоацәк цьа ибит. Алҵоацә ахибаз, – Убыржәыцәкьа, абаа, нартаа ахацәқәа, шәымшәан, убыржәыцәкьа амца шәзаазгот! – ҳәа дцет [Сасрыҟәа].

Дахнез, адауы амца рцеины иеакәыршан[ы] диан. [Сасрыҟәа адауы] днеихыпан[ы] иеала, ихы ларкәны акәастга аашьтхны

деитанааихыцоз, [адауы] даацшын, аеы ацыхэ даасны икит. Дауишьтуаз!

– Иыкалеи, ууазцеи, гэакрас уызкэшэеи? – ха уыс иҳэит [адауы].

– Сашьцэа ахьта иакит, амцажэла стахын,– ха уыс иҳэот [Сасрыкэа].

– Мамоу, уыс уысзоужьуам,– иҳэит [адауы].

Сасрыкэа сиакэыу издырзом адауы. Иаҳэа, иара, деикэныхла дыкоп [Сасрыкэа]. Аныи адау[ы] иаҳэа зыуҳэо хэоыкгьы ирзышытхуам анартаа. Нас, – Уара уызуыста? – ҳэа [дцааит адауы].

– Анартаа рашьцэа сриуоп.

– Сасрыкэа дыудыруама? – ха дизцааит.

– Ааи, дыздырует,– [иҳэеит Сасрыкэа].

– Дыудырует, Сасрыкэа иыкаицакэо акрыудыруама? – ха дцааит [адауы].

– Избасзымдыруеи, иеышькыл зкуа са сакэын, – ха уыс иҳэит [Сасрыкэа],

– Нас, убрыи саҳэи, – ха иҳэан, иҳэит, – казшьас иымоу, фатэыс, жэтэыс иымоу саҳэ, – ха иҳэан, иҳэит, [дцааит адауы].

– Сасрыкэа ахьта аниылалак гэыршшагас иман, аиха арзтны ижэуан, – ха уыс иҳэит [Сасрыкэа]. (Аихакэа ахабалак икажьымзыи.)

– Нас уыи са исылмшари? – иҳан, [дцааит адауы].

– Краадыруоу,–иҳэит [Сасрыкэа].

– Усыцхраа,– иҳэан [адауы], аихачамача рыкэшэет.

Акэаб илтацаны иршын, иазты ижэын, уыс иҳэот [адауы]:

– Хаи, Сасрыкэа агэыршшага бзиа идыруазаап! – иҳэит.

Аныи дагап ха дакэгэыгуан. Уажэшьта иыкаицои?

– Уаха иыкаицозишь Сасрыкэа? – ха иҳан, иҳэит, [дцааит адауы].

– Уаха икаицоз зегь[ы] са иабаздыруеи, аха ашора данаклак иеширыхьуаз убрыи здырует, – иҳэит [Сасрыкэа].

– Изакэи?

– Азы ахэымехан дылтагылоп хэцэахьы. Лкылшааиза дтагылоп. Ицаауама, дасакыума, иыказаалак, иара изын хьшэашэароп, – ха абас иҳэот [Сасрыкэа].

– Нас уыи ха иахзыкамцазои? – иҳан, [адауы дцааит].

– Ыы, избаузыкамцо! – иҳэит [Сасрыкэа].

Азы адауы аранза [хэдацэаеынза] дылтагылан, иҳэит, [даагылеит]. Анартаа ран Сасрыкэа ацэгьара дсакэшэаз лдырт. Адоуха калцит: «Уаха ашэырцаа ицааиа!» – ха. Аныи [адауы] дахтагылаз ицаайт хэцэахьы. Ианша, [адауы] схэыццует ха даналага, ацаа цыеуа иалагет. Сасрыкэа «арыгъы дамгт, шьта иысхэыцрызи» иҳан, уыс иҳэит:

– Иыкоу удыруоу, – иҳан, – абра даеак[ы] ацшьыуп, – ха уыс иҳэит.

– Изакэи?

– Атэа рххны иқэпсаны, игэгэаны иапцаалак, цкьа даныхьшэашэалак, аеҫаха иаацены дыохэыццуан,– ха уыс иҳэит [Сасрыкэа].

– Нас уыи са исзыкамцазои? – иҳан, [адауы] дцааит.

– Испаузыкамцо,– иҳэит [Сасрыкэа].

[Сасрыкэа] атэа наган, ирххны илаган[ы] илыкэыжьны [иапыкаица], ауыха ашэырцаа иапцаа, [ацаа] арматура анаанахэа, [адауы] дызхэыццуазма! Уа дакит. Днаха-аахан, иамуит. Сасрыкэа иаҳэа аатихын, ихы хысцэот ха далагит.

– Иыкоу удыруоу? – ха иҳан, иҳэит, [еааитит адауы].

– Ыы?

– Уара, арыи Сасрыкэа уакэзаап,– [иҳэеит].

– Са схатацэкьа соуп,– иҳэит [Сасрыкэа].

– Маанызла усиааит,– иҳэит, аха уыи уаҳэа ацэыгь ала сара суызшьуом. Са саҳэа амна икажьуп, уара иузышьтыхзом. Ацаа иыкэыршькьраан[ы] аҫааурхар, сыхэда аахнацэот. Сыхэда аныхцэалакь, цак-аак адашкэа оба гылот. Убри аахцэаны, акы уан макас илымгаца, акы уара иуымгаца. Ауао гэгэара уылшот,– ха абас иҳэит [адауы].

Ихы анаахицэа, исиҳэаз еицш, адашкэа нак-аак оба оагылт. Сасрыкэа дхэыцт: «Адауажэ анхаоы] иыхэо акры иҳэуомызт, ицысшэап» ха иаахцэаны, иаамхны, иаҳэа акьышэ инахаркьакьан, ашэ-цла дыу игылаз инакьирсын ацла аахнацэет. Шьта имдыри, иан илыкэиршаргьы дшашьуаз, иара иыкэиыршаргьы дшашьуаз.

Амца аашьтихын, иашьцэа реы днеин, иашьцэа рыцсы [еикэирхеит]. Иырцханы, агьины, иеыхны иашьцэа иман[ы] дааит [Сасрыкэа].

Убринахыс иашьцэа дыртахымызт [Сасрыкэа]. Итархара иашьталт. Итархара иашьталт, шэарацарагь[ы] дырго иалагт, агьит. Шэарацара икан[ы] исаауаз акэымкэа, уахык ацсшьараз[ы] цьара иаагылт. Ант иашьцэа ирдыруан атыша баацс[ы] ахамаз. Амныи атыша баацс[ы] ахамаз ауыха иаангылт. (Ант адауцэа жэаха-жэымш[ы] иыцэон, анартаа хаха-

хымш иыцәон. Азә[ы] даныцәалак хаха-хымш даапшзомызт.) Иахтәаз иыцәт. Ианыцәа, Сасрыкәа (ирашь, имцуар-лакәа ицыуп) данаапш, уыс иарҳәот [нартаа аишьцәа]:

– Уара, агәгәарақәа загь[ы] уылоп, уыехәот. Ҳара ак[ы] уаххәот, икауцуозар, ианакәызаалакгьы ажәак уаххәом, усыгәгәоу еилаҳкааит.

– Изакәи?

Ашьхарп ахә дыу иказ ахаҳә-ца дыу ыкәгылоп.

– Амныи ҳара ҳасҳәнаны иҳарбылгьот, ислеуа ушьапала унагәыцасны иуадышххара иугуозар, ухаца ғәгәоп, –ҳа иарҳәт.

– Иҳалшозар аабап,– иҳәит.

Ицан, ахаҳә дыркәымпылын, днагәыцасын, иуадышххара игет. Уиалагь[ы] а[к]гь[ы]имыхьт. Иалыухыи, шьта итархашьа иакәшәом. Анартаа уа аҩныка ииаит.

Ашьтахьы дара рымацара хьзырцара ианцуоз, иахцаз имхиакәаны, игьыжьны иаауан. Еикәшьшьы исааиуаз акәымкәа, Шьашә-арбагь дакәтәан, такәажә каимбарахк дрыкәшәт.

– Анартаа шәеикәшьшьы шәзаауеи, ишәыхьи? – ҳа лҳан, иҳәит, [дразцааит].

– Иҳахьи, абас, абас, абри ауаҩ итархара хтахын, итархашьа хакәшәом,– рҳәит.

– Коҳ, уи мариазоп,– ҳа уыс лҳәит [атакәажә].

– Изакәи? Изламариоузыи?

– Изламариоу убриоп, иарғьа шьапала дасует. Иарғьа шьапала дзысыз ахаҳә уадышххараха ицот. ([Сасрыкәа] иарма шьапы хьшәан. Даныи, анартаа ржьи, Инар-жьи ҳа изҽыз, аиха рзтны абасениа катцаны иман, амна дылтаршәын дкәабаноп дшышьтих. Дызлеикыз, арытәа ахикыз изшьапык хьшәахит.) Амныи иарма шьапала дасны ахаҳә иырппуазар, нас ауп дануаҩоу,– ҳа ралҳәит [атакәажә].

[Нартаа аишьцәа] адырҩоагь хьызырцара дрыман[ы] ицет [Сасрыкәа]. Дрыман[ы] ицан, исаауаз акәымкәа, игьыжьны, адырҩоагь апсшьара ҳа [иаагылеит] (уажә амныи [атакәажә] иралҳәаз карцарацы).

– Уара [Сасрыкәа], ианагь сыгәгәоп, ианагь сыгәгәоп ҳа уҳәот. Убыржә ак[ы] уаххәот: Уарғьа шьапала уамыскәа (амныи ахаҳә дыу ҳарбылгьот), уарма шьапала уасны амныи ахаҳә уадышххараха иугуозар, уаҳа ажәак уаххәом, – рҳәит [нартаа аишьцәа].

Иаргьы ицәымгхт. Ахаҳә рбылгьан[ы] илтарцан, иарма шьапала дамыскәа, иарғьа шьапала дасит. Иуадышххара ицет. Уиакәхт. Иҩгьыжьны иааит аҩны.

Адырҩоагь дара [нартаа аишьцәа] рымацара хьызырцара ицет. Игьыжьны ианаауаз аныи акаимбарах-атакәажә Шьашәарбагь дакәтәан[ы] деитарцылт.

– Ишәыхьи анартаа, шәеикәшьшьы шәааууете?

– Иҳабҳәаз каҳцан, аха иамуит, – [рҳәеит нартаа аишьцәа].

– Мамоу, шәижьет, иарғьа шьапоп дызлас,– [лҳәеит].

– Уиакәзар, ибзиоп,– рҳәит.

[Сасрыкәа дрыманы] атыша баацс[ы] ахамаз ианааи, ауыха уа иаагылт [нартаа аишьцәа]. Дара ирдыруан. Ррашькәа нсарҳәет. Сасрыкәа ирашьи имцуаркәеи нсаҳәаны, – Схы ныкәсцот, шәандәыкәло аамтазы сшәырсыха,– ҳа реиҳәт.

– Бзиоп,– рҳәит.

Ант [нартаа аишьцәа] уыс ирзбит, аныи атыша баацсы акьырста наган иныкәцаны, ахьархьала ицканы [икарцеит].

– Амныи ахәы уыкәгылан уыцаны, амныи [акьырста] уыкәцалозар, ухаца ғәгәоп, – ҳа иарҳәт, данаапш.

Аныи [акьырста] иазыруыз акрыидыруазма [Сасрыкәа]? Ахәы дҩыкәгылан, дыцан[ы] данлыкәцала, акьырста ццәан, атыша алда дагит. [Атыша] данага, имцуаркәеи ирашьи иашьцәа иргар рымуит. Инанамышьтит. Иашьцәа гьыжьны ицет. Сатан-Гәашь, ианнеи [нартаа аишьцәа], агәар агәгәаҳа ианынтала, – Нан, Сасрыкәа дабакоу? – ҳа дцааит.

– Дҳашьтан дааует,– ҳа [ларҳәеит].

– Убрыи цәгьарак дакәшәт,– ҳа уыс лҳәот. (Иылдырте.)

Аныи [Сасрыкәа] дахлеиз атыша баацс[ы] аҫы уаа хышә-тзы ихозаарын. Хышә-тзы инхуоз рырахәгьы, рышәахәгьы, даргьы азы рыцабан[ы] ныкоп. Апсра иаҫуп. Иара дрыкәшәт. Рацхьа такәажәык длыкәшәт. Атакәажә лҫы дымҩоахыцт.

– Саапсаны сыкоп,– иҳан, акриҫалцт, агьит. – Азы сыржә, – ҳа леиҳәт.

[Атакәажә] аеада лыман. Аеада абга даасын, ак[ы] нацалкын, аеадачхәры наган[ы] илтт.

– Икалеи? Ари аеадачхәрома шәарт ижәжәуа?

– Нан, ҳара аз[ы] иаажәуа адауы дацыраиоп. Акыта зегь[ы] силанцәуот. Цьара-цьара абас рыхкәа хоп, иахцуо рымам. Рырахә, дара еиланцәуоит. Азы рымам, анхартагь, ара итыцын царта рымам, – [лҳәеит атакәажә].

–Коҳ! Уыс аума? – ҳа иҳан, [ицьеишьеит Сасрыкәа].

– Ааи.

– Иабыкәу? – ҳа дцааит Сасрыкәа.

Нас ариитир илтт.

– Нан, уара уецш арцыс, уа уымцан! – ҳа иалҳәт.

– Аццал сыт, азы убыржәыцәкьа ибзаазгот! – иҳан, [атакәажә] лыццал аалымихт [Сасрыкәа].

Иеынеихан данцеи, адауы дапыраион [азы]. Икаицои? Адауы, [азы] иапыраиаз, – Арахь уабаказ, апсуа ччиа! – иҳәан , диабашьит.

Адауы дкәакәан[ы] длыкәицит [Сасрыкәа]. Азгьы аҫыланахт. Ицҳал аатыхны, атакәажә лҫ[ы] [азы] иман[ы] днет. Акыта сабакәыу зегь[ы] еизет:

– Абриецш абзера ҳзызуыз узуыста, уабатәиу, уабаказ? – [ҳәа иазцааит].

– Абас, абас, – [иҳәеит Сасрыкәа].

Ууанза, [Сасрыкәа] амниакара данаапса (аныгь цытк диакәымцозыи), днеины ихы ныкәицан, дыцәт, ицҳал азна азы аатыхны иацхьа иларгылан[ы]. Даныцәа (агауарба ҳа акан), агауарба ,ииаин амныи дахиаз азымцәыжәоак цакала ицанацит, азымцәыжәоак хахь икәнацит. Даанамырцшзит. Данаацшы, [агауарба] азымцәыжәоак цка ицоп, азымцәыжәоак хахь икәуп.

– Абриакара иыкоу ацсшәа зысзыууызи? – ҳа дазцааит [Сасрыкәа].

– Сара сыжәла-сымта иахыказаалак абри ауао иакәын итазырхоз. Ҳацсы сикәуырхит, ҳажәла нуырхит. Уара иыутахыу сахә, исылымшо агьыкам! – ҳа уыс аҳәит [агауарба].

– Сара Ацспоп сцар ахыстахыу,– иҳәит [Сасрыкәа]. (Атыша баацс[ы] дамгеи.)

– Убрыи сара исылшот, аха абриакара абзиара ззыууз ауаа ираҳә, дара иузыкарцот: Шә-цәык акәац ирылцуа, шә-цҳалк азы, изкыша акәыцха катан[ы] нак-аак сара илсыкәц, уоасыкәтәа, сара Ацсны уызгот,– ҳа убыс аҳәит. – Убрыи узызует, уаҳа агьсылшом, –аҳәит [агауарба].

– Кох, уыи анзыууы, сара уаҳа стахыума! – иҳан, дынрылалан, аццал азнагь[ы] азы неигт, ауаа еизет:

– Иыутахыузи?

– Иыстахыу, абас, абас...

Уахык ала икарцыит, иҳәит. Иандырхиа, агауарба ааин, иакәырцит. Иаргьы доыхәнаны доакәтәет.

– «Кыр» сҳәацхьаза жьыхәтак сытала, «кыр» сҳәацхьаза цҳалк азы [сытала, – аҳәеит агауарба].

Дама ихалт. Ибжьаз здырхуада, зака? Ааигәара доеуа данылага, [Сасрыкәа] изгьы нцәет, икәацгьы нцәет. Уажә[ы] «кыр» аҳәар иаҫеицои? Шьта ажәоан ибо дааит. «Кыр» анаҳәа, дынтасын, иуатәа ажьышә аатихын [еитеит]. Адыроагь «кыр» анаҳәа, агьи иуатәа ажьышә аатихын инаган[ы] инеитт. Иамфазт. Абыз иацанацит. Акәац иафоз аиуа шакәмыз адырт.

Дыохәыншагет афергь-афергьҳәа. Агауарба уаҳәшьтахьтәы игьыжьны ицет. Кахь, ицааныза, – Уара, абрыи ацыхәтәан[ы] иҫоуцаз акәац цыхьатәи иаиыуамызт, изакәызи? – ҳа изцааит.

– Абрыи, абас, абас... – иҳәит [Сасрыкәа].

– Ушьаргәацә хты! – ҳа аҳан, иҳәит, абыз иацан, иҳәит, интнашьы-аатнашьын, исыказ еицш иаакацаны ауарбажә лталан[ы] ицет.

Сасрыкәа [атыша дартаӓза] иахтәаз данцеи, ирашьгьы илакәагь[ы] уа икан, иҫаҳәан. Арашь алымҳакәа окылҳәхәо адгьыл ажхьан. Адгьыл ажхьан аныи дыгәхьааган[ы]. Имцуаркәа рызынтәкы адгьыл ажәыр-жәырҳа иахо, аҳәҳәара иаҫын. Агьырт [нартаа аишьцәа] аоныка ицахьан. Иалыухыи, дрыньталан[ы] дынкылст.

Шьта иыкарцои [нартаа аишьцәа], деитаахт. Аоны днеит.

Уажәы [Сасрыкәа] дрыманы ицуот шәарацара [нартаа аишьцәа]. Шәарацара ахьзуп, хьызырцара ицот. Еитадәыкәылт. Ицаны ианаауазы адырогагь ·цшьараҳа иахдгьыл баацсыз илеш[ы] итәст. Ашьха-хә[ы] баацсы рааигәара икан. Аныи атакәажә иралҳәаз («иаргьа шьапала ицист, иарма акәым» ҳа ралымҳәахьази), аныи рдыруан.

– Иыкоу удыруоу? – [рхәсит].

– Ыы?

– Убыржә[ы] иуаҳҳәо каупуозар, уаха ажәак уаҳҳәом. Уара уоп хацас иыкоу!

– Нас изакәеи?

– Ашьха ахаҳә амныи иыкәгыло ҳарбылгьот. Уарма шьапада, уаргьа шьап[ы] ааурхар калуом.

– Ибзиоп, – иҳан [Сасрыкәа], аишьцәа охалан, ахаҳә-ца дырбылгьет.

Ислеуаз, [Сасрыкәа] иарма шьапы аннацек, иарма шьапы цәет. Даргь[ы] иыртахыз уиакәын. Иаццәа, иара дааныжьны (ирашьгьы илакәагьы уа иаанхыит) дара цет. Ианнеи аоны, агәар исынталаз еицш ран Сатан-Гәашь дцааит, – Сасрыкәа уажә[ы] дабакоу, пан? – ҳа.

– Дҳашьтан дааует, – рҳәит. (Иылдырт [Сасрыкәа] иакәымыз дсаниаз.)

Уиаамтазы, ауарбажә ххәот (абрыи убыржәтәи аамтазы, ауарбажә ажәоан ихыуп, икьиует, абжьы гоит), амныи ааин[ы] илатәст, ауарбажә.

– Иуыхьи Сасрыкәа ахаца?! – ҳа уыс аҳәит.

– Исыхьи, сзеицшроу убот, усыцхраа, – ҳа иҳан, имыцхраакәан, ишьа ажәт.

Ишьа анажә, убас иҳәит [Сасрыкәа]:

– Уара, иахьа сымч хом, сшьа ужәит, аха (абрыи амз кәыркә дыу иоагыло ази аҧшеи мачуп) азыжәра уакәитымкәа ухны, укьиуа, зыс иыкоу зегь[ы] шьас иубо иыказаат! – ҳа иҳан, иҳәит, ауарбажә напырны ицет, иҳәит.

Убыржә[ы] иахьагьы [ауарбажә] зыс иабо зегь[ы] шьоуп, акьибыжь гот, азыжәра иакәитым.

Уиаамтазы аҳәыҳәкәа оба иааины илатәст.

– Сасрыкәа ахаца иуыхьзи? – рҳәит.

– Сзеицшроу жәбот! – ҳа уыс иҳәит.

– Ҳазлауыцхраауа ыказар, [хуцхраауеит рҳәеит аҳәыҳәкәа].

Анҳа ҳа дыкан. Ерцахә ахахьы ашыцраҽы, зхыкәк аҽы дыкан. Сасрыкәа избахә лаҳауан, «амныи дсыкәшәар, хшаак дҳауыр, иҭәҭәоу азә[ы] дҳалцыр каларын» ҳа гәтакыс илыман. Иара [Сасрыкәа] доуҳала идыруан. Анҭ аҳәыҳәкәа ааин[ы] ианылатәа, – Шәаҧьхәара шәсышьтует, ишәылшарыу? – [иҳәеит Сасрыкәа].

– Иахыутахыу, иҳалымшо агьыкам. Ҳамҧәыжәоа ҳахамго агьыкам, – [рҳәеит аҳәыҳәкәа].

– Абрыи сшьа шәшьапкәа нылшьны, шәкьышәкәа нылшьны иырбаазан, исбаазоу Анҳа лшьамхы шәыкәтәа! – ҳа реиҳәт [Сасрыкәа].

Рҽынархан Анҳа дахтәаз, азы леиуан, лыерыхьны ашыц аҧка дыохәнаны дыштәаз, аҳәыҳәкәа аахагьыжь-аахагьыжьын, накаак ииаин[ы] луатәа илыкәтәет. Аматәа лышәзамызт. (Аматәагь, илшәыл̧оғь абаказ.)

– Ҳшәаҧьхәаҧәоп, бара бзы ҳаait. Сасрыкәа ишьоп иҳамоу! – рҳәит анҭ [аҳәыҳәкәа].

Ашьа ршьап[ы] иахьшьыз [Анҳа] луатәа ианхылт. Дара цырны ицет.

Убриала дымгәадыухт. Дылхылцт Абырскьыл. Абырскьыл дылхылцт. (Абырскьыл ҳагь[ы] ашәкы ыкоп.) Дылхылцт, аха Абырскьыл дбаапсхыит. Данбаапсха, ирашь, агьи Сасрыкәа

итәы иара иымцыхьашәт. Абырскьыл Сасрыкәа ирашь дакәтәаны анахь-арахь шәарацара, ныкәара дцуон. Дахцалак Абырскьыл диааин[ы] даауан.

Исаауаз акәымкәа, Абырскьыл [дыркит]. (Арт еицрапшьшәа ныкоп уымбо ирацәаны.) Рица ҳа азы ыками. Рица дызгабыуп зыхьз ахыу. Амныи Рица ҳа азгаб иыказ апаимбар цхәысс дигар итаххан, илымуит. Ианылмыу, Рица азы газамызт уыскан, Рица цауылан, дтеицалт дызтымцуа. Абырскьыл длыкәшәт. Данлыкәшәа, – Ҳаи, беицш атцҳа пшза ара бытк̇әаны бызтоузыи? – ҳа данлазцаа, [уыс иалхәеит]:

–Абасоп, сара схала сызтыцуам, сытк̇әаны срымоп. Сызмоу апаимбар иоп, – ҳа уыс лхәит.

– Иарбанзаалак акы бацәымшәан! – иҳан, дылбаан, [Абырскьыл] дтигет.

Дантига, апаимбар Абырскьыл итархара дашьталт. Аныи руыит, арыи руыит, аха диызтархом. Исаауаз, сыкәсы рацәа цет. Ана дыкәицалан ахәы, инахьхьи ахәы дыкәгылт, нахьхьи ахәы дыкәицалан, инахьхьи ахәы дыкәгылт. Дизкуам.

Акаимбарах, атакәажәы Шьашә-арбагь дакәтәан[ы] даапылт [апаимбар].

– Уара, апаимбар дуузза уылахь еикәшьшьы, уызкәшәазеи? – ҳа уыс лхәот [атакәажә].

– Сызкәшәаз, Абырскьыл дыскыр стахын, дсызкуам, кышьас имои? – [дпаайт апаимбар].

– Ҳы, уыи икра мариазоп! – ҳа уыс лхәот.

– Иызбыкәыу, иыкра змариоу?

– Ашәарах цәа ҽыцны иахыхны, иара дахаҽашәцо ахәкәа рҽы ашәарах ацәала, ацәа злахырхыз аоада ирханы, убриала ихкьаны ара даншәыршәалак, данып̧алак, ашәарах ацәа ирашь ашьапы акзом, далыорует, даналыорлак дышәкует, – ҳа уыс лхәит.

Ашәарах ацәала ихкьаны, Абырскьыл дыпхарцт уахь дыкәпалап ҳа. Данып̧а, ирашь ашьап[ы] амкт. Дахыорны дахкаҳаз, иааисны дыркит.

Дыркын, днаганы атунел, абрыи Ерцахә ахахьы дтаргалет. Убыржә[ы] ааигәанзагьы ирашь а<…>ы азы иаанагон, рҳәит. Днаган, аҳәагәыжь ала астолб дадырҳәалт, Ерцахә ахахьы, абри Тк̇әарчал унеаанза. Аихатә столб кацаны дадырҳәалт, ирашьгьы иаргьы.

Убыржә[ы], иахьауажәраанзагьы убра ибжьы раҳауан, рҳәит. Ирашь а<…>ы азы иаанагон, рҳәит.

Иашоу имцыу сыздыруам, аха убриала уа ацыхэ ццэот.

Перевод:

Когда родился Нарт Сасрыкуа*, отцу [нартов] было сто лет, и был он уже слеп. Сатан-Гуащ* местом купания имела реку Кубань, которую по-абхазски называют Кубина*, ее она имела местом купания. В то время Сатан-Гуащ выглядела [настолько молодой], будто никогда не была замужем.

Однажды пошла она, купаться, встала на берег Кубани, и видит на том берегу среди стада [нартов] лежит их пастух. У них ведь был пастух, звали его Сартыж*. (Тут есть и еще кое-что, но об этом не хочу говорить, неприлично.) Сартыж лежал среди стада, в тени. Лежал на спине, и его срамота была видна.

– Сартыж, ты ли это? – крикнула ему [Сатан-Гуащ].

– Да! – ответил [Сартыж]. – Ты ли это, Сатан-Гуащ? – окликнул ее.

– Да! Приходи сюда, что-то скажу! – говорит она.

А сама разделась и вошла в воду. Кубань была велика, [Сартыж] не смог перейти [ее]. Он и так, он и этак, но когда не смог перейти, крикнул [Сатан-Гуаще]:

– Стань прямо напротив меня!

Затем, как говорят, он пустил «стрелу». [Сатан-Гуащ] испугалась ее и спряталась за камень. [«Стрела»] ударилась о камень, и на том месте отпечатался [человеческий] образ. (На самом деле было-то по-другому, но…). Человеческий образ отпечатался на камне.

[Сатан-Гуащ] позвала Инар-жьи*. Он высек из камня человеческий образ. Девять месяцев [Сатан-Гуащ] держала его, прижав к животу. Так она «зачала» и родила Сасрыкуа. Так родился Сасрыкуа.

Потому братья говорили Сасрыкуа, что он анашпа*. Он не родился от их отца. И в походы его не брали.

В ту ночь, когда родился Сасрыкуа, в табуне [нартов] родился жеребенок-араш*. Как родился он [Сасрыкуа], положили его в колыбель, но колыбель не выдержала и [разломалась]. [Сасрыкуа] говорит матери:

– Вы должны привести мне араша, который родился для меня!

Слуг же имели [нарты], кого ни пошлют, не могут привести, всех убивал пар, вырывающийся из ноздрей [араша]. Пар, вырывающийся из ноздрей [араша], убивал, сжигал всех. Они и так, они и

этак, но не дается [араш]. [Тогда Сасрыкуа] слез с колыбели и сказал:

– Я приведу его!

Пошел, надел на араша недоуздок, привел и, оседлав, сел на него. Три раза араш ударил Сасрыкуа о землю, три раза – о небо. [Но] не смог араш одолеть Сасрыкуа и покорился ему.

– Отныне ты хозяин мне! – сказал [араш].

Этот араш и служил конем для Сасрыкуа. Всюду он одерживал победу. Нарты не брали Сасрыкуа с собой, стыдились его. Не хотели его за то, что превосходил их силой.

Двинулись однажды нарты в поход за славой, а Сасрыкуа не взяли. Но их ждала неудача. Когда возвращались, их встретил [Сасрыкуа].

– Что случилось, почему такие хмурые?– [спросил он].

– Хай*, Анцва*, можно подумать, ты что-то смог бы! – сказали ему [братья-нарты].

– Возвращайтесь обратно, я сделаю дело, из-за которого вы ходили! – сказал [Сасрыкуа].

На обратном пути их настигло ненастье[1]. Когда их настигло ненастье, все братья [Сасрыкуа] замерзли, обессилели, стали умирать от холода. Он [Сасрыкуа] выстрелом из лука сбил звезду из созвездия и сбитой [звездой] сумел разжечь огонь. Созвездие тогда было низко, но потом [после выстрела] стало высоко. [Сасрыкуа] оглядеался и заметил вдалеке дым.

– Держитесь, отважные нарты, я мигом добуду огонь! – сказал [Сасрыкуа] и отправился к дыму.

А там адауы* кольцом разлегся вокруг костра. [Сасрыкуа] на коне перепрыгнул через него, нагнулся и взял головешку, потом перепрыгнул обратно, но в это время [адауы] проснулся и схватил коня за хвост. Схватил и держит.

– Что случилось, что привело тебя, в какую попал беду? – спросил [адауы].

– Братья замерзают, хотел добыть [для них] огонь, – ответил [Сасрыкуа].

– Нет, отпустить тебя так не могу! – говорит [адауы].

Адауы не знает, что это Сасрыкуа. [Сасрыкуа] при оружии, с мечом... А меч адауы [так тяжел], что и пятеро нартов не смогут поднять. Затем [спрашивает адауы]:

– Кто ты будешь?

– Я один из братьев-нартов!

– Знаешь ли ты Сасрыкуа? – спросил [адауы].

– Да, знаю, – [ответил Сасрыкуа].

– А не знаешь ли ты, что обычно делает Сасрыкуа? – спросил [адауы].

– Как не знаю, я ведь его стремянный! – отвечает [Сасрыкуа].

– Так скажи мне, что он ест, пьет, каков у него нрав, – говорит [адауы]

– Когда Сасрыкуа прихватит простуда, чтобы согреться, он пил расплавленное железо, – сказал Сасрыкуа.

Повсюду валялись разные куски железа.

– Так не смогу ли я то же? – [спрашивает адауы].

– Не знаю! – ответил [Сасрыкуа].

– Помоги! – сказал [адауы], и они собрали куски железа.

[Адауы] бросил их в котел, расплавил, выпил и говорит:

–Хай, оказывается, Сасрыкуа знает хорошее средство, чтобы согреться!

[Сасрыкуа] надеялся, что это убьет [адауы]. Что ему теперь делать?

– Что еще делает Сасрыкуа? – [спросил адауы].

– Все откуда мне знать, но мне известно, как он остужал себя, когда ему было жарко, – отвечает [Сасрыкуа].

– И как?

– Вечером по горло становился в воду, до утра так стоял, холод ли, мороз ли, что бы ни было – для него прохлада! – говорит [Сасрыкуа].

– А мы не сможем так? – [спросил адауы].

– Как не сможешь! – ответил Сасрыкуа.

Адауы встал в воду [по горло]. [В это время] мать нартов [чудом] узнала, что Сасрыкуа попал в беду, и произнесла заклинание: «Пусть в эту ночь ударят сильные морозы!»

Вода, в которой стоял [адауы], замерзла. Когда рассвело, [адауы] решил выйти [из воды], и лед стал ломаться. «И это не убило его, как быть!» – думает Сасрыкуа и говорит:

– Знаешь что? Тут надо еще и другое сделать.

– Что? – [спрашивает адауы].

– Сасрыкуа еще и посыпал лед сеном, и когда хорошенько прихватит, а он довольно остынет, разламывал лед и выходил, – отвечает [Сасрыкуа].

– А я не смогу так? – спрашивает [адауы].

– Как не сможешь! – отвечает [Сасрыкуа].

Когда [Сасрыкуа] скосил сено и посыпал им [лед], когда ночью ударил мороз и [сено], словно арматура, [сделало лед намного крепче], разве [адауы] смог бы выйти! Застрял адауы, как ни пытается, не может [разломать лед]. Сасрыкуа вытащил свой меч и попытался отрубить голову [адауы].

– Знаешь что? – говорит [адауы].

– Что? – [спросил Сасрыкуа].

– Оказывается, ты и есть Сасрыкуа.

– Да, я и есть [Сасрыкуа]! – говорит [Сасрыкуа].

– Хитростью победил ты меня! – говорит [адауы]. – Но своим жалким мечом ты не сможешь убить меня. Там лежит мой меч, тебе его не поднять. Двинь его по [скользкому] льду, он и перережет мне шею. Когда он перережет шею, выступят две жилы. Отсеки их и одну дай матери на пояс, другим сам опоясься. Станешь необыкновенно сильным! – сказал [адауы].

Когда [Сасрыкуа] отрубил [адауы] голову, как и сказал [адауы], выступили две жилы. «Этот мерзкий адауы разве хорошее желает человеку, давай испытаю их», – подумал Сасрыкуа. Он отрезал [жилы], на кончике меча понес их и тронул стоявший [рядом] огромный бук[2]. [Жила] тут же перерезала дерево. Сасрыкуа стало ясно, что опоясься мать этой жилой, она убила бы ее, и его убила бы, опоясься он ею.

[Сасрыкуа] понес огонь братьям [и спас их]. Обогрел, [накормил] и привел домой.

И после этого братья недолюбливали Сасрыкуа, все думали, как погубить его. Решили погубить его и стали брать с собой на охоту.

Однажды [братья-нарты] возвращались с охоты и на ночь остановились в одном месте. Братья [Сасрыкуа] знали, где есть глубокая пропасть. Где была глубокая пропасть, там они и остановились на ночь.

(Адауцва* спали девять ночей и девять дней, нарты – три ночи и три дня. Кто [из нартов] заснет, потом три ночи и три дня не просыпался.) Они [нарты] заснули. Когда Сасрыкуа (он на своем араще, охотничьи собаки с ним) проснулся, [братья-нарты] говорят ему:

– Ты силен и бесстрашен, и этим хвастаешься. Если ты сделаешь, что тебе скажем – мы поверим тебе, и впредь слова от нас не услышишь.

– Что [надо сделать]?

На вершине большой горы лежит огромный камень, величиной с амбар.

– Мы скатим тот камень, и если ты ударом ноги разнесешь его вдребезги, ты и [вправду] сильный мужчина! – говорят ему [братья-нарты].

– Попробуем! – сказал [Сасрыкуа].

[Братья-нарты] пошли и скатили камень, [Сасрыкуа] ударом [ноги] разнес его вдребезги. Сам остался цел. Не смогли на этот раз [братья-нарты] сгубить [Сасрыкуа]. Вернулись они домой.

После этого пошли однажды они в поход за славой одни, [без Сасрыкуа]. Но поход завершился неудачей. Возвращаются хмурые, опустив головы, а навстречу им – старуха-ведьма верхом на петухе Щашвы*.

– Нарты, что такие хмурые, случилось что? – [спрашивает она их].

– Так и так, сколько ни пытались, никак не можем сгубить [Сасрыкуа]! – отвечают [братья-нарты].

– Кох*, это совсем легко! – сказала [старуха].

– Как легко?!

– [Сасрыкуа] бьет [камень] правой ногой. А правой ногой он любой камень разнесет вдребезги. (Левая нога [Сасрыкуа] была с изъяном [незакаленной]. Когда родился он, кузнец нартов Инар-жьи окунул его в бассейн с расплавленным железом. При этом щипцами держал его за левую ногу, и это место было с изъяном.) Если он левой ногой разобъет камень, вот тогда он и вправду достойный! – сказала им [старуха].

[Братья-нарты] вновь пошли в поход за славой и взяли с собой [Сасрыкуа]. Взяли с собой [Сасрыкуа], и на обратном пути они [остановились] на отдых, и решили последовать совету старухи, чтобы погубить Сасрыкуа.

– Ты постоянно говоришь, что [самый] сильный. Слушай: мы скатим тот большой камень [с горы]. Если ты разобьешь его вдребезги не правой ногой, а левой, слова больше тебе не скажем! – говорят ему [братья-нарты].

Сасрыкуа это не понравилось. Скатили камень, он ударил не левой ногой, а правой. [Камень] разбился вдребезги. [Так и на этот раз ни с чем] вернулись [братья-нарты] домой.

Вновь [братья-нарты] двинулись в поход одни [без Сасрыкуа]. На обратном пути им опять встретилась та старуха-ведьма верхом на петухе Щашвы.

– Нарты, что такие хмурые, случилось что? – [спрашивает она].

– Мы поступили, как ты нам посоветовала, но ничего не вышло! – ответили [братья-нарты].

– Он обманул вас: он ударил правой ногой, – [сказала страуха].

– Если так, то хорошо! – говорят [братья-нарты].

Когда [вместе с Сасрыкуа] подъехали к страшной пропасти, они остановились на ночь. [Нарты] привязали своих аращей. Сасрыкуа привязал своего араща и охотничьих собак и сказал [братьям-нартам]:

– Я немного посплю. Когда двинетесь, разбудите меня! – сказал он [братьям-нартам].

– Хорошо, – отвечают они [ему].

[Братья-нарты] вот что задумали: над той страшной пропастью положили балку и подпилили ее.

– Если ты прыгнешь с той вершины и приземлишься на [ту балку], то ты – сильный мужчина! – сказали они ему, когда он проснулся.

[Сасрыкуа] ведь не знал, что они сделали с этой [балкой]! Прыгнул с вершины на балку, но балка под ним подломилась, и он упал в пропасть. Когда он упал в пропасть, братья хотели забрать с собой охотничьих собак и араща Сасрыкуа, но аращ не подпустил их к себе. Братья вернулись [домой]. Когда [братья-нарты] с шумом въехали во двор, Сатан-Гуащ спрашивает [их]:

– Нан*, где Сасрыкуа?

– Едет за нами! – [сказали они ей].

– Он попал в беду! – догадалась она.

Оказывается, в пропасти, куда упал [Сасрыкуа], жило триста семей. И эти триста семей вместе со своим скотом не имеют воды. Умирают [от жажды]. Вот к ним и попал [Сасрыкуа]. Сперва он встретил одну старушку, зашел к ней.

– Я устал с пути, [голоден], – сказал он, и [старушка] его накормила. – Дай воды, – сказал ей [Сасрыкуа].

[У старушки] был осел. Она [подошла к нему], хлопнула по спине и подставила [кувшин]. [Осел помочился в него], эту ослиную мочу, она и подала ему [Сасрыкуа].

– Что случилось? Ослиную мочу что ли пьете [вместо воды]?

– Нан, источник, откуда мы берем воду, захватил адауы. Сами умираем от жажды, скот гибнет. Не знаем, что делать! – [сказала старуха].

– Кох, как так?! – [удивился Сасрыкуа].

– Да [это так, – подтвердила страуха].

– Где этот [источник]? – спросил Сасрыкуа.

Она дала ему ориентир.

– Нан, такому, как ты, не следует ходить туда! – говорит она ему.

– Дай кувшин, сейчас-же принесу воды! – [Сасрыкуа] взял [у старушки] кувшин [и пошел к источнику].

Пришел [к источнику], а там адауы разлегся перед [источником, преграждает путь к воде]. Что ему делать?

– Как ты попал сюда, жалкий апсуа*? – говорит лежавший перед водой адауы, и давай воевать с Сасрыкуа.

Сасрыкуа убил адауы. Вода хлынула [потоком]. [Сасрыкуа] наполнил кувшин и принес воду старушке. Собралось все село.

– Кто ты и откуда, сделавший нам такое добро? – [спрашивают его].

– Так и так…– [объяснил им Сасрыкуа].

[Сасрыкуа] после битвы с адауы устал, прилег и заснул, а полный водой кувшин поставил рядом. Когда он заснул, прилетел степной орел. Крыло одно подложил под него, другим прикрыл его. Не разбудил его. Когда [Сасрыкуа] проснулся, [видит]: одно крыло [орла] лежит под ним, другим накрыт он.

– За что такое уважение оказал мне? – спрашивает его [Сасрыкуа].

– Этот человек [адауы] уничтожал мое потомство. Ты спас нас, сохранил наш род. Скажи, что тебе надо, я все смогу ради тебя! – говорит [орел].

– Я хочу вернуться в Апсны*! – говорит [Сасрыкуа]. (Он ведь находился в страшной пропасти.)

– Я смогу это, но людям, которым ты сделал столько добра, скажи, чтобы они заготовили тебе мясо ста быков, сто больших кувшинов воды. Сделай две корзины, куда все это поместилось бы, навесь на меня, и я доставлю тебя в Апсны, – сказал [орел]. – Это сделаю, а больше – не знаю.

– Если сделаешь это, что мне больше надо! – сказал [Сасрыкуа] и собрал людей, принес также полный кувшин воды.

– Что тебе надо?

– Так и так…– [Сасрыкуа сказал, что].

За одну ночь они заготовили [все]. Когда [все] приготовили, прилетел степной орел, положили на него [груз]. Он [Сасрыкуа] тоже сел на [орла].

– Когда скажу «кыр!», давай мне кусок мяса, когда скажу «кыр!», [давай мне] кувшин воды! – [сказал орел].

[Орел] взлетел с [Сасрыкуа]. Кто знает, как далеко было [до Апсны]! Когда стали приближаться [к ней], у Сасрыкуа кончились и вода и мясо. Скажет [орел] «кыр!», а что он даст? Ему стало видно небо. Когда [орел] сказал «кыр!», Сасрыкуа вырвал мякоть из своего бедра и [дал орлу]. Когда [орел] опять сказал «кыр!», он вырвал мякоть из другого бедра и дал ему. [Орел] не съел, а положил ее [мякоть] под язык. Понял, что это не то мясо, которое он ел до этого.

С трудом он довез Сасрыкуа. Степной орел улетел обратно… Нет, прежде чем улететь, он спросил Сасрыкуа:

– Мясо, которое ты в последний раз дал мне, было не такое, как раньше, откуда оно?

– Так и так…– [Сасрыкуа сказал, как было дело].

– Обнажи ногу! – говорит [орел].

[Сасрыкуа обнажил ногу], орел приложил мясо, лизнул языком, и нога стала как прежде. [После этого] орел улетел.

Сасрыкуа пришел на то место, где [он с братьями] останавливался. Его аращ и охотничьи собаки находились там, привязанные. Аращ, истосковавшись по [Сасрыкуа], взрыл землю вокруг себя до того, что одни уши были видны. Охотничьи собаки воем выли и скреблись о землю. [Братья-нарты] уже вернулись домой. Он тоже следом за ними вернулся [домой]. Что теперь им делать, опять он вернулся! И на этот раз братья-[нарты] не добились своего.

Вновь пошли [братья-нарты] на охоту, и взяли с собой [Сасрыкуа]. На охоту, в поход за славой. Вновь отправились [в поход]. На обратном пути они опять остановились на отдых в том страшном месте. Рядом находилась высокая гора. Они помнили слова той старухи, что Сасрыкуа не левой ногой, а правой разбил камень [в тот раз].

– Знаешь что? – говорят ему.

– Что?

– Если сделаешь то, что сейчас скажем, тогда и слова больше от нас не услышишь, ты один будешь настоящий герой!

– Что надо сделать?

– Мы скатим тот камень с горы. Ты должен бить только левой ногой, но не правой!

– Хорошо! – сказал Сасрыкуа.

Братья-[нарты] поднялись [на гору] и скатили камень величиной с амбар. [Сасрыкуа] подставил левую ногу, и его левая нога разбилась.

[Братьям-нартам] это и надо было. Когда разбилась [нога], они оставили его (араща и охотничьи собаки остались с ним) и ушли. Как только они въехали во двор, Сатан-Гуащ спрашивает их:

– Где сейчас Сасрыкуа, нан?

– Едет за нами, – отвечают они. (Она поняла, что [с Сасрыкуа] случилось что-то недоброе.)

В это время орел (сейчас мы называем его орлом, он парит в небе и клекочет) подлетел и сел [рядом с Сасрыкуа].

– Что произошло с тобой, Сасрыкуа-герой? – спросил он.

– Видишь, в каком я состоянии. Помоги! – сказал [Сасрыкуа].

Но [орел] не помог ему, а выпил его кровь. Когда [орел] выпил его кровь, [Сасрыкуа] говорит:

– Я сегодня бессилен, и ты выпил мою кровь. Чтобы тебе всегда в это время (в августе воды и ветра мало) носиться, клекоча, и не имел бы ты право пить воду, чтобы все воды виделись тебе как кровь!

Орел улетел. И сегодня все воды видятся ему как кровь, клекочет, не имеет право пить воду.

В это время прилетели два голубя и сели.

– Что произошло с тобой, Сасрыкуа-герой? – спрашивают они.

– Видите, что со мной! – сказал Сасрыкуа.

– Если можем чем помочь, [поможем тебе! – говорят голуби].

Была одна по имени Анха*. Жила она на вершине Ерцаху*, у реки, среди самшита. Она слышала о Сасрыкуа и решила встретиться с ним, чтобы родить от него героя. Сасрыкуа чудесным образом знал об этом. Когда голуби прилетели, он говорит им:

– Пошлю вас горевестниками, справитесь?

– Что скажешь, то и сделаем. Мы можем все, крылья наши донесут нас до любого места! – [сказали голуби].

– Обмокните ваши лапки и клювы в мою кровь и, пока не высохнет на них кровь, полетите и садитесь на колени Анха! – сказал им [Сасрыкуа].

Анха сидела под самшитом, после купания. Голуби покружились в воздухе и сели ей на бедра. Она была без одежды. (Откуда ей было взять одежду.)

– Мы – горевестники. Прилетели к тебе, на нас кровь Сасрыкуа! – сказали [голуби].

На бедрах [Анха] остались следы крови от их лапок. Сами улетели. [Через эти следы] она забеременела. У нее родился Абырскил*. Абырскил родился у нее. (Есть и книга об Абырскиле[3].) Он родился у нее, и Абырскил стал героем. К нему попал араш Сасрыкуа, его доспехи… На араше Сасрыкуа Абырскил ездил на охоту, в походы за славой. Куда ни поедет, отовсюду Абырскил возвращался с победой. Так шло время, [и поймали] Абырскила. (Видишь, здесь переплетаются много событий.)

Есть же озеро Рица. Рица – имя девушки, ее имя носит озеро. Вот эту девушку Рицу архангел захотел взять себе в жены, но она отказала. Когда она отказала, архангел заточил ее на дно Рицы, тогда там не было воды, Рица была глубока. Абырскил увидел ее.

– Кто бросил тебя, такую красавицу, туда? – спросил он.

– Меня пленил архангел, сама не могу выйти! – сказала она.

– Не бойся ничего! – сказал [Абырскил], спустился и вытащил ее.

Когда Абырскил вытащил Рицу, архангелы решили погубить его. Они и так, они и этак, но не могут погубить его. Прошло много лет. Не может [архангел] поймать [Абырскила], он настигает его – а тот уже на следующем холме, он его опять настигает, а тот – опять на другом холме. Не может он его поймать.

Раз архангелу встретилась старуха-ведьма верхом на петухе Щашвы.

– Архангел великий, почему такой хмурый, что произошло? – спрашивает [старуха].

– Что произошло? Хочу поймать Абырскила, но не могу. Как поймать его? – [спрашивает архангел].

– Его поймать очень легко! – говорит [она].

– Как его легко поймать?

– Снимите шкуры с диких животных и ими покройте холмы, к которым погоните [Абырскила]. Шкуры положите изнанкой наружу. Когда вы погоните его, и он прыгнет [на этот холм], его араш не устоит на [скользкой поверхности] шкур, он упадет, и вы поймаете его! – сказала [старуха].

Шкурами диких животных покрыли [холм]. Когда Абырскила погнали туда, он прыгнул на холм, но его араща не удержался на ногах. Абырскил упал, и его поймали.

Его заточили в тоннель на вершине Ерцаху. Говорят, до последнего времени вода выносила из тоннеля навоз его араща. [Абырскила] привязали цепями к столбу, на вершине, не доходя до Ткуарчала*. Забили железный столб и к нему привязали и Абырскила и его араща.

Говорят, до недавнего времени там слышали его голос, вода выносила навоз его араща.

Не знаю, правда или ложь [все это], но на этом заканчивается.

II. СКАЗАНИЯ ОБ АБРЫСКИЛЕ

35. АБРСКИЛ

[рождение, героические деяния, поимка и заточение в пещеру, попытка освобождения]

В древнейшие времена в Абхазии жила одна прекрасная девица знатного происхождения. С самого детства она дала обет Богу оставаться на всю жизнь девою: родители не только не противились ее желанию, а напротив, помогали ей вести избранный ею образ жизни. Но, по прошествии некоторого времени, эта красавица вдруг сделалась беременною. Родители верили в непорочность своей дочери и потому спокойно ожидали рождения ее ребенка.

Родился мальчик. Он рос не по дням, а по часам, в десять лет он уже выглядел двадцатилетним юношей и скоро сделался прекраснейшим из молодых людей. С самого детства Абрскил* – так звали его – отличался небывалой храбростью и удалью от своих сверстников; он не щадил себя в сражениях; когда соседние народы совершали набеги на священную землю Абхазии, богатырь мужественно защищал родину и Бог покровительствовал ему. В скором времени молва о подвигах Абрскила разнеслась по всей Абхазии и за пределами его отечества; земляки любили его, враги боялись. Но слава, почести, любовь и поклонение вскружили голову юному герою, и он возгордился безмерно, возомнил себя Богом на земле в облике человеческом – и этим вызвал гнев Божий.

Абрскил сделался жестоким, стал беспощадно истреблять светловолосых, голубоглазых, не щадил ни пленных, ни своих соотечественников, уверяя, что эти «пришлые» наводят порчу на всех, на кого поглядят.

Он мстил выходцам из рода Асуба и Кацуба, уничтожал виноградную лозу, перекинутую гирляндой через дорогу, если она мешала верховому ехать по ней, не нагнув головы. Когда спрашивали его, почему он так поступает, Абрскил говорил, что если проедет, не повредив лозу, тогда ему нужно наклонять голову вперед, а это похоже на поклонение Богу.

Бог потребовал, чтобы Абрскил оставил напрасное истребление людей и лозы и совершил сорок поклонов для искупления своей души, дабы избегнуть тяжкого наказания. Но герой отказался повино-

ваться Богу и не сделал ни одного поклона. Он сам царь и бог на этой земле, он выше смертных, и не к чему ему бить поклоны...

Долго Бог щадил Абрскила и надеялся на то, что он исправится. Но Абрскил продолжал свои жестокие игры. Тогда Бог в гневе приказал своим ангелам поймать юношу, дабы предать его страшному возмездию за грехи его и за гордыню.

Абрскил же решил обезопасить свою жизнь и выбрал себе два укрытия: одно – на вершине горы Ерцаху, другое на пустынном берегу Черного моря. Едва посланные Богом ангелы появлялись на вершине горы, араш[1] Абрскила одним прыжком переносил своего хозяина к Черному морю: здесь Абрскил отдыхал до нового появления ангелов, ел пищу, приготовленную им самим из убитой им дичи, а араш его пасся на тучной траве и пил морскую воду[2].

Как только араш чувствовал приближение ангелов, он говорил своему хозяину, что опасность близка, Абрскил вскакивал на коня – и они снова переносились на гору.

Долго продолжалось это безуспешное преследование Абрскила ангелами. Устав от бесплодных попыток выполнить волю Бога, ангелы обратились к одной хитрой старухе волшебнице с просьбой помочь им. Тогда волшебница посоветовала им растянуть бычью кожу на вершине Ерцаху и намазать ее скользким жиром. Одни ангелы остались на горе, другие появились на берегу. Араш прыгнул от моря на гору, и ноги его заскользили по растянутой коже. Конь упал, сбросив с себя всадника. Абрскил упал и больно расшибся. Тут-то ангелы схватили его. Связали и повели к Богу.

Разнеслась по Абхазии молва о поимке героя. Велика была радость светловолосых людей с голубыми глазами, но невозможно было описать печаль его друзей! Но, как ни старались они освободить своего любимого предводителя из плена, этого они сделать не могли, ибо Бог повелел тотчас же поместить Абрскила в такой пещере, где никто не мог его отыскать, и куда невозможно было добраться ни одной живой душе.

Ангелы долго думали, но не могли найти такого места. Тогда они снова обратились к волшебнице и попросили ее указать им такое место для узника. Она назвала пещеру близ селенья Члоу, у подошвы отрогов Панаюского хребта. Пещера эта когда-то служила местом заточения одного богатыря, который томился в ней триста лет и, несмотря на все свои старания, не смог убежать оттуда, пока Бог не смилостивился над ним и не позволил выбраться из этой страшной

темницы. В эту-то пещеру и ввели ангелы Абрскила с его арашем. Владетельница темницы приказала своим слугам заковать его в цепи и глаз с него не спускать. Долгое время выполняла старуха волю Господню: не давать ослушнику никакой пищи до его полного покаяния, – но затем сжалилась над прекрасным юношей и велела слугам тайно подносить Абрскилу еду. Но Бог проведал об этом и, разгневавшись, превратил непослушную старуху в собаку.

Долго томился Абрскил в этой пещере, в бессильной тоске думая о своей родине, постоянно мечтая получить хоть какую-нибудь весточку о прекрасной своей Абхазии. И вот однажды один из его друзей – Джомлат – нашел нескольких умелых проводников, взял с собой двенадцать мулов, навьюченных тюками с восковыми свечами, и, невзирая на запрет Бога, отправился к Панаюскому хребту, отыскал тайный вход в пещеру и, засветив свечи, вошел туда со своими людьми. Долгой и трудной была их дорога, было темно, пещера то расширялась, то суживалась так, что людям приходилось двигаться ползком. Вот уж и свечи все кончились, а Джомлат все никак не мог увидеть того места, где томился легендарный Абрскил. И когда, уж совсем отчаявшись, люди стали думать и гадать, как же им выбраться назад из этого лабиринта, до них издалека донесся голос несчастного узника. Абрскил крикнул им, что напрасно они стараются увидеть его, ибо, чем ближе они подвигаются, тем дальше его уводят от них. Герой Абрскил спросил, живут ли еще в Абхазии племена Асуба, Кацуба и голубоглазые блондины. Джомлат ответил, что на родине его все по-прежнему, но что Абхазия горько оплакивает судьбу своего защитника и покровителя. Герой произнес, горько рыдая:

– Погибла несчастная Абхазия!

Путешественники спросили, как им теперь выбраться назад без света.

Абрскил крикнул:

– Поверните своих мулов назад и возьмитесь за их хвосты, они выведут вас.

Долго молчали абхазы. Затем попрощались с героем и отправились назад. Абрскил же остался в темнице, глубоко скорбя, что не удалось ему повидаться со своими соотечественниками. Выйдя из пещеры, Джомлат узнал, что находился в ней три дня...

И по сию пору абхазы считают, что Абрскил жив и станет свободным после второго пришествия Бога на землю. Жив, говорят, и его священный конь-араш, ибо даже и поныне горная речка близ се-

ленья Члоу выносит в своих водах из пещеры остатки конского навоза. Старожилы уверяют, что защитник абхазов покинет пещеру тогда, когда родина его станет свободной...

36. АБЛЫСКИР
[героические деяния, поимка и заточение в пещеру, попытка освобождения]

Текст:

Аблыскьыр данықаз ажәқәа ахш рацәаны ирымцуан. Иага итаацәара дузаргьы, жәкы ахш рызхон урт, убас барақьатран.

Аблыскьыр атырас ицәымгын, уи адац агаҽа цьара иамоуп, уи ахьамоу иара идыруан, уа дцаны, адац ццәаны ирфоон, ауаа ирцырхагоуп ҳәа.

Анцәа диацлабуан, азахәа бжьандаҳа ахьибалакь дасны ицикон, «санатсуа схы ласырқәыр, Анцәа сиеихырхәошәа скалоит» ҳәа: «Анцәа еипш, исырдыдуеит» ҳәа, ажә-цәақәа рфаны, сипшьны, ирхханы дықәланы ирдыдуан, ақәа аируан.

Ауафапшь лагәыгра дицәымгын, уи данибалакь ихы хисон, имшьта цәгьоуп ҳәа.

Дынрыхәапшны даанхомызт Аиашба, Ақацәба, уртгьы рымшьта цәгьоуп, ауаа ирцырхагоуп ҳәа. Амг ахьибалакь ирфоон.

Анс ахьиуаз азы уи Анцәа дицәымгын, аха имч икәхомызт. Аблыскьыр икра апаҳаимбарцәа азикит Анцәа, аха уртгьы рымч икәымхеит, убриақара дуафы цәгьан уи.

Аблыскьыр лабашьак иман, уи ицарсны данипалакь, агантә ашьха дықәцалон, ашьха данипалакь, ага дкапалон.

Аблыскьыр данықәалакь жәаха-жәымш дапшзауамызт, аха даҳкуеит ҳәа ианалагалак иаразнак дапшуан, дыцаны дрыцәцон. Ус Аблыскьыр зны даныцәа, апаҳаимбарцәа аалаган, ажәқәа рцәақәа рхыхны, ажьы ахьамаз адәахьы ирханы, Аблыскьыр икәыршаны ишьтацаны, ахәыз ықәрыцсеит, дапшны данықәцалалакь дкаҳап, нас уи ала даҳкып ҳәа. Апаҳаимбарцәа атларкәыкә иацәажәан, Аблыскьыр илабашьа аҿакәаратәы икарцеит: уи ашьтахь атларкәыкә неин Аблыскьыр илабашьа инадтәалан иаҿакәеит, ацәада акгьы иакымкәа. Уи ашьтахь, Аблыскьыр даҳкуеит ҳәа апаҳаимбарцәа анылиқәибаҳәа, «ых!» иҳәан, дфацкьаны, илабашьа ицарсны, сыцоит ҳәа илабашьа анлыцеикша, аҿафхәа иаахжәеит, дыцаны дынынеитапа, ажә-цәа

дықәцалеит, уи цәырцәыруа икамзи, насгьы ахәыз ықәцсамзи, дықәкьан дкаҳаит, дгылан, аха деитакаҳаит. Нас апаҳаимбарцәа ликәибаҳәаны дыркын, ҳәагәыжьла дҿарҳәеит.

Аблыскьыр рашьлагьы зны-зынла днықәалон, аха уи аены шьапыла дыкан. Арашь ахьоужьыз Аблыскьыр дшыркыз анадыр (уигьы цьара нашанак амазаарын), икьыркьыруа иааит, аха иалшагәышьози, иара ҳәагәыжьла дҿарҳәахьан. Арашь анааи, уигьы маанала иркит, мамзар уигьы ус аламала иукуаз акы акәзамызт.

Апаҳаимбарцәа Аблыскьыр ирашьгьы иаргьы анырк, ирыманы ицан, «Аекьы тызго» ҳәа изышьтоу аҳапаҿы аихатәы гәашьак арсны, Аблыскьыр иегьы иаргьы уи иадырҳәалеит, такәажәыкгьы урт дрыддыртәалан, уа дрыдтәалоуп.

Аблыскьыр ирашьгьы иаргьы фатәыс ирымоу цыруп. Арашь аҳәагәыжь цыспәоит ҳәа иарбзоит; абар, абар, шьта ицыспәоит аҳәоны, ани атакәажә мыжда дахьтәоу «ишыказ икалааит» анылҳәалакь, аҳәагәыжьгьы шыказ еитакалахуеит.

Убри аҳапы азы тысны иаауеит; уи азы уажәы ааигәанза аекьы тнагон.

Даара ауаа рацәаны ари аҳапы италахьеит, икоу аабоит ҳәа. Даара акыр цуеит зны, быжь-гәыжьк реидара ацәашьи афатәи рыманы, цьоукы ари аҳапы италан, икоу аабоит ҳәа, Аблыскьыр ибжьы раҳауа иааигәара акынза инеит, рхәоит, аха иара иахь изымнеит.

Урт Аблыскьыр иааигәара инеиуа ианалага, ибжьы рыкәиргеит:

– Сара сеы шәзааиуам, шәышьтахька шәгьыжьы, сара сеы ааира азин ыкам. Шәцәашьи шәыфатәи нцәоит, аха шәгәыжькәа рцыхәакәа шәкыр, аҳапы шәтыргап. Амала, акы сшәазцаауеит, атак сашәҳәа. Икоума Апсны ауаапшь лагәыгракәа, Аиашбакәа, Ақацәбакәа, азахәа бжьандаҳа, атырас, амгш?

– Ааи, урт иахьагьы икоуп, – анырхәа, – Ааи, анацьалбеит, урт ыказар, шәыпсы златоузеи шәарт арыцхакәа уажәгьы, макьана Апсны цкьазаарым! – иҳәагәышьеит Аблыскьыр.

Исхаштыз, аҳапы италаз Аблыскьыр иашьцәа роуп, рхәоит, урт рыхьызкәагьы саҳахьан, аха исхаштит.

Аблыскьыр иашьцәа шәгьыжьы ҳәа анреиҳәоз, урт рцәашькәеи рыфатәи анцәарахьы иааихьан, икарцахуааз, рышьтахька игьыжьит. Рцәашькәеи рыфатәи анынцәа, ргәыжькәа рцыхәакәа ркын, аҳапы итыргеит.

Перевод:

Во времена Аблыскира* коровы давали много молока. Как бы велика ни была семья, ей достаточно было того, что надаивали с одной коровы, такое было благоденствие.

Аблыскир ненавидел папоротник, считал, что он наносит вред людям. Он знал, что его корни находятся где-то на берегу [моря], отправлялся туда, вырывал его корни, и он высыхал.

Он соперничал с Анцвой*. Лозу, перекинутую между деревьями, рубил, чтобы не наклонять головы, проезжая под ним: это было бы похоже на поклонение Анцве. Сушил коровьи шкуры, связывал их между собой, натягивал их, носился по ним, вызывая гром, подобно Анцве, вызывал дождь.

Рыжих и голубоглазых ненавидел, считал, что они наводят порчу на людей, где ни встретит их – убивал.

[Также] ненавидел он [людей из рода] Айашба и Акацба, считал, что они тоже наводят порчу [на людей], наносят вред людям. Колючку, где увидит – уничтожал с корнем.

Анцва за все это невзлюбил Аблыскира, но не мог осилить его. Он поручил архангелам поймать его, но и они не смогли осилить его, так был могуществен Аблыскир.

У Аблыскира был посох, опершись о который он с берега [моря] вспрыгивал на гору, а с горы – на берег [моря]. Аблыскир, если заснет, то спал девять ночей и девять дней. Но когда [архангелы] приближались к нему, чтобы поймать его, он тут же просыпался, [и с помощью посоха] совершал прыжок [на дальнее расстояние] и уходил от них.

Однажды, когда Аблыскир заснул, архангелы вокруг него разостлали коровьи шкуры, изнанкой кверху, посыпав их просом, решив, что когда он проснется и наступит на них, поскользнется, и они его поймают. Архангелы уговорили дятла подточить посох Аблыскира. Дятел подточил посох Аблыскира. После этого архангелы окружили Аблыскира и набросились на него. Он вскочил, оперся о посох, чтобы прыгнуть, но посох надломился. Когда он прыгнул, не удержался на скользких коровьих шкурах, посыпанных просом, и упал. Вновь вскочил, но опять упал. Архангелы схватили его и связали железной цепью.

Аблыскир иногда разъезжал и на араще*, но в тот день он был пешком. Аращ почувствовал, что Аблыскира пленили (и он, оказывается, обладал каким-то волшебством), прискакал к нему с ржаньем,

но что он мог сделать: [Аблыскир] уже был пленен и связан железной цепью. [Его] араща тоже хитростью поймали – иначе он им не дался бы.

Архангелы повели Аблыскира и его араща в пещеру под названием «Ачкы тызго»[1], и привязали их к железному столбу. Рядом посадили старушку одну. Пищей Аблыскиру и его аращу служит сталь. Аращ лижет цепь, и когда она истончится до того, что можно будет разорвать, старуха говорит: «Пусть будет, как было!», и цепь становится как прежде.

Через эту пещеру течет река; до последнего времени она выносила конский навоз.

Многие проникали в эту пещеру, чтобы узнать правду. Это было давно, какие-то люди, нагрузив семь мулов свечами и взяв припасы, зашли в пещеру, и так далеко продвинулись, что стали слышать голос Аблыскира. Но до него не смогли добраться.

Когда они стали приближаться к Аблыскиру, он окликнул их:

– Вам до меня не добраться, возвращайтесь назад. Никто не имеет права достичь меня. Свечи и припасы ваши на исходе, возьмите мулов за хвосты, они выведут вас. Хочу спросить вас об одном. Есть еще в Апсны* рыжие люди с голубыми глазами, Айашбавы и Акацбавы, лоза перекидная, папоротник, колючка?

– Да, они есть и сегодня, – ответили [ему].

– Аай*, анаджалбейт*, если они есть, то, как вы живете, несчастные! Оказывается, Апсны все еще несвободна! – вздохнул Аблыскир.

Говорят, в пещеру зашли братья Аблыскира, слышал я и их имена, но позабыл.

Когда Аблыскир посоветовал своим братьям возвращаться назад, их свечи и припасы были на исходе. Что им оставалось, они возвратились назад. Когда кончились их свечи и припасы, взяли мулов за хвосты, и те вывели их.

37. АБРЫСКИЛ

[рождение, героические деяния, убийство адауы-великана, поимка и заточение в пещеру, попытка освобождения]

Текст:

Кәкәыблак иакаразаргьы, амшын иаахылаз канџьак, иара илаџш иџашәон, абгахәыцы еиџш, иезаны ашьха ихыцуазгьы уи дгәеимтар kаломызт. Ажәытәза аахыс Аџсны хтакны ирыман аимцәацәа, ақәылацәа, арҳәцәа. Арахә реиџш, ауаа ртиуан, иара ус мчыла ирҳәынчазгьы, аҷаџа наиҷацаны днарацырцон. Аха Абрыскьыл дангыла, урт ацәгьауцәа дара ишыртахыз Аџсныka изыкәымлеит. Амшын иаазхыцызгьы, днеиџылан, дkәакәаса ацахь ддәыкәиџеит. Ашьха иаахыцызгьы, бзала ишьтахьka дзыхнымхәит, абахә иаҷеишьуаз дубарын, аџстақәа иртанирцәоз убарын.

Абрыскьыл, шамахазак акәымзар, ирашь акәын дзыкәтәаз, уи амцәыжәоакәа аман, ауаоы бызшәа еилнакааuан. Цьара рҳәоык, қәылаоык дшаацәырцлак (ускан Абрыскьыл дыцәазар kалон), иара акәаркәашьеира иалагон, ашьапы «атыгә-тыгә!» ҳәа инкыдкьаны дарҷыхон. Иара абгьаахәа дыоеыжәлон. Ашьха дыkазар, дыџан агаҷа днықәџалон, агаҷа дыkазар, дыџон Ерцахә ихы азырханы, уи ақәцәа акәын иара еиҳарак тәартас иахьимаз. Избан уҳәар, Ерцахә ашьхақәа зегьы ирылыҳәҳәоит, уантәи дыцшыр, [шьхала] идәыкәлазгьы дибон, иара убас илаџш даатцашәон мшынгәыла иаауазгьы.

Абрыскьыл иишьагьы шананы икалеит: шьтра бзиак иалиааз цҳәызбак доуҳала лцәалтәымкәа дkалан, длыхшеит. Иан лоуп Абрыскьыл ихьзызцазгьы. Уи изҳашьагьы зҳашьа еиџшымхеит, ихацашьагьы хацашьа еиџшымхеит. Аныҳәао бзиа доагыланы зеигьа дымгылац ацеи Аџсны дадиныҳәалазшәа ауп, Абрыскьыл Аџсны дшазгылаз. Уи драган ауаа зыргәакуаз аҳцәа, ибаны драосуамызт аус еицакәакәа ныkәызгоз. Ауаоаџшь лагәыгра илаџш цәгьоуп ҳәа, диеигзомызт. Аешбеи Ақацәбеи рымшьта цәгьоуп, урт ахьаланхо ақыта [гьацом] ҳәа Аџсны иалицон.

Атыраси, амыгши, ажци адгьыл цсыдартәуеит хәа, иеазцәылхны ага дкылсуан, уи идыруан урт ациаа баацскәа рдакәа ахькылгаз, амшын дынталаны иџшааны илҷахицәон. Урт зегьы оыкәоаа ицон. Алацартақәеи арахә рхәыртақәеи кказа иааџшуан. Ибаракьатран Абрыскьыл ихаан Аџсны. Ажәқәа

хынтә-хынтә ирхьон, аџьмақәа – хәынтә-хәынтә. Абнақәа кәазан, аџсаатә рацәан, азқәа ракәзар, аџсыз рташькъыруан.

Ихьыз-иџша духеит Абрыскьыл, зны Аџсны иахыцәеит, нас егьырт атәылақәагьы инарылаоит. Абрыскьыл иуара-итахра иашьталеит аҳцәа, дрыдгыларц ртаххеит уи ахаца гәгәа, инышәарц иакәыркит иагацәа, аха иара акгьы дазхыхуамызт, инхоз-инцуаз ауаа дрыдгылон, ирзеигьыз нykәигон.

Адгьыл аҷы иара иацызгоз уаҳа уаo данykамла, иаанхан иказ Анцәа ҳазшаз иакәын, уи диҷагыло иҷааихеит. Ианыдыдуаз «саргьы исырдыдуеит» ҳәа ажә-цәакәа роаны, нас иргәаоан изахуан, ахаҳәқәа лтажьны ирашь иаехьынҳәаланы, ладеи-оадеи дыоуа адәқәа днарықәлон, ажәоангәы дынхылон. Цабыргытцәкьангьы, ажә-цәа итаз ахаҳәқәа ахьеинкьоз агәыр-гәырҳәа адыд бжьы рхылцуан. Ианымацәысуаз, «саргьы исырмацәысуеит» ҳәа, ажәоан ахь ашьанца-хаҳәқәа иршәуан, ианлеиуаз аҳәала дырҷасуан, аеып-еыпҳәа ацпыхьқәа хәыцkьон.

Абрыскьыл ихаан икан, зынзак ртыхәа пцәамызт адауцәаауаожьыфацәа. Абрыскьыл зны деыжәлан гаҷак давалан дышнеиуаз, адауы днаидгылеит. Уи амшын дхыкәтәалан, ижакьа убри акара идуун, аката еиџш, амшын ихыжьлан, аџсызқәа шааиуаз ижакьа иналаҳәуан, нас иара ижакьа ахәыцқәа иаарылкәкәааны, инапы оеицыхны амра иоадырцхаланы, икаџшьшьза изны, иҷы илтагәаны ифон.

– Икоуцозеи, уара, адауажә, абра? – дцааит Абрыскьыл, «зеиџш kамло икоузеи» иҳәан, ихҷагьы ааирхиеит.

– Икасцо уара уус алам, нak усаосны уца уара, аџсуа ччиа! – амшә еиџш дбыбит адауы.

Ажәа алгаха имтакәа, Абрыскьыл ихҷа ндәыкәицеит, адауы ибла аатихыит, уи бла-зацәык акәын имазаз. «Оаах!» ҳәа адауы данoацkьа, деитахыст Абрыскьыл, ихҷа шнеиуаз адауы ишьаҳәырзыз иакәшәеит, уаҳа акгьы изыkамцакәа амшын днаваҳаит. Амшын далаҳар акәын ицәгьаз, ускан амшын хыцны ауаа ирыцалар kалон, иннарцәар kалон.

Абас ацыхәтәантәи адауы-уаожьыфао иџсырта Абрыскьыл инапаҷы иказаарын.

Анцәа ҳазшаз ауаа еихырхәон, ицаныҳәон акәымзар, иҷагылара згәыцъуадаз! Уажәы Абрыскьыл дгылт.

– Сара исхымхәыцыз дахьсырхәыроуп! – иҳәеит Анцәа. Аџеҳамбарцәа даарыпхьан, убасгьы адца наритеит: – Шәца, дышәкы уи ахамацагьа Абрыскьыл, нас дышәцәахы уаоы дахьимбаша тыпк аҷы. Уа дтакызааит дымџсуа-дыбзамхо. Ихара

дырны дсыхәо, дсашьапкуа далагар, уҟан сеитахәаԥшып ираз҆ҟы.

Аԥеҳамбарцәа зыԥшра ҟамцакәа илбааит адгьыл ахь, ишьталеит Абрыскьыл. Анцәа ирыдицаз нармыгзар ҟалозма! Аха русҟәа мариамхеит. Уи ирашь дақәтәаны, ашьхантә дыԥар – агаҷа дцон, уахьынтә дыԥар – Ерцахә днықәԥалон. Ирашь адагьы, уи илабашьа иҩыԥракын. Ирашь ирҳәырц ианауижьлак, илабашьа лыцакшо дныкәон. Убригьы, арашь еиԥш, далаԥон. Агантәи ашьха дцон, ашьхантәи агаҷа дцон.

Абрыскьыл дыцәар – хаха-хымш дҷыхомызт, дҷыхаргьы – хаха-хымш дыцәомызт.

Ҩнак ихы ныкәцан дыцәеит, илабашьа иханы иарсын, ирашь Мыкә арха иқәын, иҳәуан. Ус алабашьа ашьшьыҳәа ԥларкәыкәк надтәалан, абжьы мырдуцәакәа, аҷаҟәара иналагеит. Егьи уи аԥеҳамбарцәа ракәзаап ииазышьтыз. «Уара Абрыскьыл илабашьа узыҷаҟәозар, хылпа-ҟаԥшь ухалартә ҳныкәоит» ҳәа иацәажәахьазаарын. «Хылпа-ҟаԥшь схалозар, аԥсаатә срыламҩашьо ҁкалоит!» ҳәа аԥларкәыкә гәыргьацәа алабашьа ҭәҭәала иаҷаҟәеит.

Аԥеҳамбарцәа икәшарц ҷанынарха, рышьтыбжь иаҳаит, Абрыскьыл дааҷыхан, илабашьа наиԥарсны даныԥа, агәта лыхжәан, Ҷлоу ақыта Жаныхә ҳәа иахьашьто адәы дыкәҳаит. Аԥеҳамбарцәа леихеибагәан, убри адәаҷы дыркит афырхаца.

Ирашь иадырит иныкәнагоз цәгьарак дшақәшәаз, икьыркьыруа, амитә ҟаԥо иаарыдыххалеит. Аха имԥынка инармышьтит, уи деикәԥах дҷарҳәахьан, дрыман идәыкәлеит Ҷлоу аҳаԥахьы. Арашь кьыркьыруа ирышьтоуп, ирыцрыцуам.

Атакәажә-гызмалгьы дрыцуп, уи лоуп аҳаԥы ахьыкоу дзырбо. Аҳаԥы ианталоз, арашьгьы рыцталеит. Аԥеҳамбарцәа хараза дыргеит раґа. Иадырсит аихатә гәашьақәа ҩба. Руак ҳәагәыжьла дадҷарҳәалеит Абрыскьыл, егьи – ирашь. Уи ҷамҳәакәа иаанрыжьыр, Абрыскьыл ицхрааны доунашьтыр ҳәа ишәеит.

– Абарт брыдтәалаз, ичаԥшьала. Абрыскьыл фатәык иҷахьы ианҩеига, бара бзы цәгьароуп! – ҳәа атакәажә иналаҳәаны, аԥеҳамбарцәа аҳаԥы итыцны, ажәҩан ахь иприт.

Аамта цоит, ашықәсҟәа зыԥхьазода, ҿынлагьы, уахынла еиԥш, илашьцоуп. Абрыскьыл дгәакуеит деикәырхха дахьҷаҳәоу, ихахәы иазҳан, адгьыл иқәсуеит, ижакьа анышә ицалахьеит. Аха игәы каижьуам уи, дыкәԥоит, ахақәитра зтахым дызустада? Ирцысуеит дыздырҳәалаз аихатә гәашьа, шықәсык ала ицихырц акгьы игымкәа дшыкоу, цыс иацәа хәычык ааин агәашьа ахы

иаақәтәоит, арахь ичырчыруеит, ҷеихак амам. Абрыскьыл дгәамцны дыками, игәы цыжәжәоит, аԥысцәкьа абжьы изычҳауам. Длышьтасны, инаҩос ишьтоу ауыра аашьтиԥаауеит, уи цас ҳәа аԥеҳамбарцәа ишьтарцазар акәхап, аԥыс тасырхоит ҳәа ауп ишдәыкәицоз, аха аԥсаатә нықәпрааны ицоит, ауыра агәашьа инаахоит. О, зцьабаа мцурахаз Абрыскьыл! Ицихыз агәашьа акара ҩба анышә ицеицалоит. Аха, дхацами, игәы каижьуам Абрыскьыл, деитаналагоит агәашьа арцысра.

Иара еиԥш ирашьгьы гәакуеит, уи фатәыс иамоу·цыруп, аґәырц-ґәырцхәа иахагыланы иафоит. Ицнатәарц атахыуп излаҷаҳәоу аҳәагәыжь, аха уи аналымшалак, аҳәагәыжь ахаҳаҳара иалагоит. Арахәыц акара ипахоит иара, аха атакәажә гызмал «ишыказ ииакалааит!» анылхәалак, аҳәагәыжь шыкац еитаакалоит.

Абрыскьыл дызцәызыз ажәлар гәырҩоон. Ахацәа ґьеҩокәа рееибаркны иахьеи уахеи ишьтан, аха ихырхарта рбомызт. Ус, Ҷлоу аҳаԥы итысуа арҩаш аекьы шытнагоз рбеит, уи уаҩы иибац уацк еиԥшымызт, ахаҳә еиԥш, еилашәны икан, аԥыр зфоз акы ишацрыцуаз ҩашьомызт.

Жәлары ирдырит Абрыскьыл ахаца ирашьи иареи абри аҳаԥаҷы ԥсыртас ишроуаз.

Ахацәа ґәґәакәа еибыхәаны аҳаԥы италеит, быжь-гәыжьк реидара афатәи ацәашьи рыманы. Цәашьыла рымҩа дырлашон, цьара итшәаран, цьара итбааран, цьаргьы ажәҩан ааԥшуан, амра таԥхон, ашәыр-ақәыр, баҳчаран. Нак инаскьацыпхьаза, иаҳаиаҳа алашьцара жәпахон.

Зака итаныкәахьаз здырхуада, ишнеиуаз, уазыр бжьык раҳаит. Ирдырит ари агәашьа зырцысуаз Абрыскьыл ибжьы шакәыз.

– Уапацьалбеит, уԥсы тоума? – ҳәа рыбжьы дыргеит.

– Сыԥсы тоуп, аха азәы сибо, азәы сиаҳауа сыкам!

– Бцьарла ҳаиқәшәоуп, акы ҳацәшәо ҳакам, ухы уақәитхароуп уара, ужәлар узыԥшуп!

– Баша шәхы ацьабаа ашәмырбан, сара сахь азәгьы дзааиран икам. Шәара зака шәааскьо акара, сара нак сагоит! – абас рықәҷитуеит Абрыскьыл. – Уи ацкыс исашәҳәа Апсны зтагылоу: ицысыхма ҩаԥхьа аимцәацәа, ақәылацәа? Игылахма ҩаԥхьа ауаа цәгьақәа, икоума Аешбеи Ақацәбеи? Икоума азахәа бжьындаҳақәа, еинылахма ҩаԥхьа атыраси амыгши?

– Урт зегьы уара угылааза ишыказ еитакалеит! – атак карцеит аҳаԥы италан инеиуаз.

– Рацәа аҵыхәа цҵәеит Апсны рыцха! – даағызы-ғызит Абрыскьыл. – Шәышьтахьқа шәхынҳәы, шәареи сареи уаҳа ҳаибабом. Амҩан шәцәашьқәа нҵәараны иҟоуп, усҟан шәгәыжьқәа рцыхәакәа шәкыр, аҳаҵы шәтыргоит. Жәлары исызрашәҳәала даара гәтыхас ишсымоу! Сара сзы ихьаа цәгьоуп агәаҟра изтагылоу! Сара аҳаҵы сантыцуа аамта мааиц макьана!..

Уаҳа ибжьы мгеит Абрыскьыл. Ишьталазгьы, уаҳа акгьы рылымшакәа, аҳаҵы итыцит.

Перевод:

Появится в море ялик, он [Абрыскил] тут же замечал его, [как бы ни был мал ялик и как бы далеко не находился]. Не мог скрыться от его глаз и тот, кто шел через горы, притаившись, подобно лисе. С незапамятных времен Апсны* не давали покоя захватчики, грабители. Они брали людей в плен и продавали, как скотину. Но когда появился Абрыскил*, недруги не могли, так хотели справиться с Апсны. Кто высадится на берег [моря с недобрым намерением] – его [Абрыскил] тут же отправить на дно [моря]. Кто через горы двинется [на Апсны], считай, живым не вернуться ему назад – и этого [Абрыскил] или опрокинет в пропасть, или истребит в ущелье.

Абрыскил обычно ездил на своем араще*, он [аращ] был крылатым и понимал человеческий язык. Если, скажем, Абрыскил спал, а в это время появились захватчики или грабители, он [аращ] начинал содрогаться и ударом копыт будил его [Абрыскила]. Он мгновенно вскакивал [на араща]. Если он в горах – совершал прыжок на берег [моря], если находился на берегу [моря] – вспрыгивал на Ерцаху*. Вершина этой горы и являлась основным его местопребыванием. Потому что Ерцаху – самая высокая гора, оттуда можно увидеть [и недругов], идущих [через горы], и недругов, плывущих морем.

И рождение Абрыскила произошло чудесным образом: девушка из хорошего рода забеременела посредством чуда и родила его. Абрыскилом назвала его мать. И рос он не как все, и мужеством не было ему равных. На благо Апсны появился Абрыскил, словно после обряда моления за Апсны. Он был врагом царей, угнетавших народ, не знал жалости к тем, кто совершал плохие дела. Он не щадил рыжих с голубыми глазами, считал, что у них дурной глаз. [Людей из рода] Аешба и Акацба изгонял из Апсны как вредных, злых, способных наводить порчу; считал, что селение, в котором они живут, [не будет знать благоденствия].

Он считал, что папоротники и колючки наносят вред земле, он знал, откуда вырастали корни этих вредных сорняков, в море находил их корни и вырывал. Они высыхали, земля становилась плодоносной, открывались пашни и пастбища. Во времена Абрыскила Апсны была благодатной [страной]. Коров доили три раза на дню, коз – пять раз. В лесах было много дичи, реки изобиловали рыбой.

Слава Абрыскила обошла всю Апсны, вышла за ее пределы. Цари хотели породниться с ним, приблизить к себе этого могучего мужчину, враги желали мира с ним, но его ничто не могло соблазнить, он был на стороне простых людей, заботился о них.

Когда на земле не стало равных ему, он стал соперничать с Анцвой*. Когда гремел гром, он, желая вызвать гром, шил мешки из коровьих шкур, и наполнял их камнями, приторачивал к аращу и носился по полям, по небу. И вправду, камни в мешке, ударяясь, друг о друга, производили шум, похожий на гром. Когда сверкала молния, он, желая вызвать молнию, закидывал в небо булыжники кремня, когда они падали, ударял о них мечом, выбивая искру, [подобную молнии].

Во времена Абрыскила жили, еще не были истреблены адауцва*-людоеды. Однажды ехал Абрыскил берегом моря и встретил адауы*. [Адауы] сидел на берегу, а свою огромную бороду запустил в море, как сеть [для ловли рыб]. Рыбы запутывались в его бороде, он вылавливал их, вытянув руку, подносил к солнцу и, изжарив в его лучах, отправлял себе в пасть.

– Что ты делаешь, мерзкий адауы? – спросил Абрыскил, а сам на всякий случай приготовил стрелу.

– Не твоя забота, что я делаю, иди своей дорогой, жалкий апсуа*! – как медведь, взревел адауы.

Не успел он закончить, как Абрыскил пустил стрелу и выбил ему глаз, он и так был одноглазый. Когда адауы вскочил с грохотом, вновь выстрелил Абрыскил, и его стрела попала адауы в щиколотку, и он упал на берег. Хуже было бы, если [адауы] упал в море: это могло вызвать наводнение и погубить людей.

Так последнему адауы-людоеду суждено было погибнуть от руки Абрыскила.

Люди поклонялись Анцве, да и кто посмел бы противостоять ему! Но Абрыскил посмел.

– Я должен наказать того, кто меня ослушался! – сказал Анцва. Он собрал архангелов и дал им задание: «Идите и поймайте этого

гордеца Абрыскила, и заточите в такое место, чтобы никто не знал. Пусть там томится, ни жив, ни мертв. Когда он осознает свою вину и попросит у меня прощения, я подумаю о его судьбе!».

Архангелы немедля спустились на землю и стали искать Абрыскила. Разве могли они не выполнить приказ Анцвы! Но не так легко, оказалось, сделать это. Он [Абрыскил] на своем араще совершал прыжки с гор на берег [моря], оттуда – на Ерцаху. Помимо араща, он не расставался также со своим посохом. Когда пускал араща пастись, ходил с посохом. С помощью него, как на араще, он совершал прыжки: с побережья на горы, с гор на побережье.

Абрыскил, заснув, спал три ночи и три дня, проснувшись, бодрствовал также три ночи и три дня.

Однажды он заснул, посох стоял у его изголовья, араш пасся в долине Мыку*. Вдруг дятел тихо присел к посоху и стал его точить. Оказывается, это архангелы прислали его. «Если ты подточишь посох Абрыскила, мы сделаем так, чтобы ты ходил в красной шапочке», – обещали они ему. «Если буду в красной шапочке, стану выделяться среди всех птиц!» – обрадовался дятел и сильно подточил посох [Абрыскила].

Когда архангелы окружили Абрыскила, он проснулся, оперся о посох, чтобы прыгнуть, но посох надломился, и он упал на поляну Жаныху в селении Члоу. Архангелы набросились на героя и пленили его.

Араш почувствовал, что с хозяином что-то произошло. С ржанием, неистовствуя, он подбежал к ним. Но [архангелы] не пустили его к [Абрыскилу], он уже был крепко связан, повели его в пещеру, что в селении Члоу. Араш с ржанием носится за ними, не отстает.

Старуха-ведьма тоже с ними, это она покажет им, где пещера. Когда они вошли в пещеру, араш тоже вошел за ними. Архангелы повели своего врага вглубь пещеры. Вбили в землю два железных столба. К одному цепями привязали Абрыскила, к другому – араша. Они [архангелы] испугались, что если не привязать араша, он может помочь Абрыскилу освободиться.

– Сиди здесь и стереги их. Если Абрыскил пищу, какую примет, тебе не сдобровать! – сказали архангелы старухе, вышли из пещеры и полетели на небо.

Время идет, годам, как вести счет: и днем, как ночью, темно [в пещере]. Связанный Абрыскил страдает; волосы его достают до земли, борода в землю вросла. Но он не падает духом, борется – кто

не хочет свободы? В течение года он расшатывает железный столб, к которому привязан. Едва он вырвет его, как маленькая голубая птичка садится на макушку столба и начинает заливаться, без удержу. Доведенный до отчаяния Абрыскил не может слышать пения птички. Он берет кувалду, которую с умыслом положили рядом архангелы, и, нацелившись на птичку, размахивается со всей силой. Птичка слетает с макушки столба, и столб от удара еще глубже, чем раньше, входит в землю. Все труды Абрыскила напрасны! Но он ведь герой, не падает духом Абрыскил, опять начинает расшатывать столб.

Как и он, страдает и его араш. Пищей ему служит сталь. Он пытается разорвать цепь, которой привязан к столбу. Когда не удается, он начинает грызть ее. Когда до нитки истончится цепь, старуха-ведьма говорит: «Пусть будет, как было!» – и цепь становится такой, как прежде.

Народ, потерявший Абрыскила, скорбел по его судьбе. Отважные мужчины искали его и днем и ночью, но не находили никаких следов. Вдруг увидели, что река, вытекавшая из члоуской пещеры, выносит конский навоз. Это был необычный навоз, твердый как камень. Было ясно, что такой навоз может быть только у скотины, питающейся сталью. Народ понял, что Абрыскил и его араш заточены в эту пещеру.

Самые отважные мужчины проникли в пещеру, взяв с собой на семи мулах припасы и свечи. Свечами они освещали себе путь. Местами было узко, местами – шире, местами было видно небо, солнце проникало внутрь, иногда встречались сады. Чем дальше они уходили, тем гуще становился мрак. Долго они шли, как вдруг услышали чей-то стон. Они поняли, что это стонет Абрыскил, расшатывающий столб.

– Уанаджалбейт*, неужто ты еще жив? – подали они голос.

– Жив, но никому не добраться до меня!

– Мы вооружены, никого не боимся, освободим тебя, народ ждет тебя!

– Напрасно не утруждайте себя. До меня никто не дойдет: насколько вы будете приближаться сюда, настолько меня отводит дальше! – сказал на это Абрыскил. – Лучше расскажите, как дела в Апсны: появились ли вновь грабители, захватчики? Живут ли все еще злые люди? Есть ли Аешбовы и Акацбовы? Есть ли еще перекидная лоза, папоротник и колючка?

– Все стало опять так, как было до тебя, – ответили ему вошедшие в пещеру.

– Значит, плохи дела в родной Апсны! – застонал Абрыскил. – Возвращайтесь назад, мы с вами больше не увидимся. В пути у вас кончатся свечи, берите мулов за хвосты, они вас выведут. Скажите народу, что я в думах о нем! Для меня великая боль, что он находится в таком положении! Еще не наступило время, чтобы я вышел из пещеры!..

На этом замолк Абрыскил. Люди, больше ничего не добившись, вышли из пещеры.

38. РАССЕЧЕННЫЙ КАМЕНЬ

Текст:

Ҳкытан кырцьара уаҩы ицылоит Абрыскьыл-фырхаца ихьз иадҳәалоу атыцкәа. Урт шыkалаз-ишнылаз ҳәа ажәлар иацыртаз ажәабжьқәа урыхәаҵшуа уҫааухар, уи афырхаца ҳкыта дшашьагәытыз, тәартас, гылартас ишимаз удырбоит.

Андроу аҳабла икоу ахәада «Ахаҳә еиҩса» шахьзхалаз ауп уажәы сара сыззааиуа.

Абрыскьыл иахьеи-уахеи деыжәын, тәамҩахә имамызт, ддәыкәын, аҵехамбарцәа ишьтибаца ишьтан, дрымкыкәа рышьтахьka хынҳәышьа рымамызт урт, Анцәа ду ирыдицахьан: «Дышәкы уи сара сҳәатәы змаҳауа, зхы зкәачрахаз, убри еицшгьы атыц изышәцшаа, дыцхәыс, дхаца, Аҵсны икәынхо зегьы хыцны ишьтазаргьы, дахьырымбаша, сара дсашьапкуа дkалаанзагьы уа дтакызаait уи ахамаҵагьа!».

Аҵехамбарцәа Анцәа ду иҳәатәы нармыгзар kалозма, реибытан рага ишьталт. Ишьталт хацәынмырха. Аха ус имариамхеит гәамчла ицьбараз Абрыскьыл иҳәынчара. Уи зымцәыжәҩақәа хьышьашыз ирашь дакәтәан, дгьыли-жәҩани изеицшын. Адгьыл аҫы дныkәозар, дышьтхысаа иеышьтыбжьы иардыдуа днеиуан, ажәҩан далазар, шьаурдынцас дыжжаза, аҳауа еиҩихуан, мыш цәгьа дазынкыломызт, уахи-ени изеицшын.

Ҳкытахь данааилоз, «чоу!» ҳәа ирашь днацаkьан Када дныкәцалон, уахьынтәи Цанаҩka дцон, устәи Лагаиахәka «Ахәада ҳарак» ҳәа изышьтоу дазаалон, ма Андроуka «Ахаҳә еиҩса» ахәадахьы дкылсуан. Абрыскьыл хыцхьакыртас ахәадакәа залихуазгьы дыруп: ахәадакәа напшы-ааҵшыртан, иаҳацәа шаацәырцлак, иаразнак илаҵш ицашәон.

Ҽнак абра Андроу аҳабла икоу ахәада дыкәтәаны ицсишьон, ирашь ахәада ашьапаны, акьakьараҫ еикәхаҵс игылан, шәартак шааkалаз, абгьааҳәа дынеыжәланы днацkьон.

Ус аҵехамбарцәа реаархеит уи ахәадахьы, аха, аҵасакәа реицш, адгьыл икәлан акәымкәа, ажәҩан ихылеит, деыжәлар уахь дышхалоз рдыруан, уахь данхалалак дааилыршьырц ртахызар акәхарын. Аҵстҳәакәа хылазшәа, иаразнак ажәҩан аалашьцеит.

Абрыскьыл, есқьынгьы еицш, иахьагьы игәиеанын, аха, уааназа ишыkаицалац еицш, абгьааҳәа ирашь дакәымтәеит. Афырхаца дышныkәашаз еидихәыцлахьан. Заа ахәадахьы ихеигалахьан ахаҳә ду. Длышьтасны абри ааашьтицаait, нас ишилшоз ажәҩан иналеицеит. Ани акара ахаҳә хьанта, ихҫа ласха, икәалаауа ажәҩан ианалала, аҵша цәгьа цысит. Зназы аҵехамбарцәа еилапаргьежьт, нас ишәан, ажәҩан ихыцны ҳашьхакәа рыерыварзеит. Ишапу еицш, ахаҳә иага иуршәыргьы, иахьышьтухыз ихынҳәуеит, ус kалеит аракагьы. Ижжаза иааусит шьтахьka. Абрыскьыл иаҳәа цҳафыр тыхны, ихагәта иныкәкны, уи икәалаауа илеиуаз ахаҳә днацагылт. Ҭаха изымтоз иаҳацәа-аҵехамбарцәа даеазныкгьы идирбарц итаххеит, уи изакәызаалак акы дацәшәарц игәы ишtамыз. Ахаҳә шлеиуаз аҳәа илаҫасын, аҵәахаха еицш, агәта ааиҩнасеит. Азбжак агәы ларханы икаҳаит, егьи – агәы ҩарханы.

Згәы ларханы ишьтаз инапы накәикын, ус ихәеит Абрыскьыл: «ари, иацы, жәацы зҳәаз еицш, аханатә исхызгахьоу иатәуп!». Згәы ҩарханы икажьыз ахь днаҳәын, «ари, уаҵәы, уаҵәашьтахь зҳәаз еицш, саҵхьaka испеицшхаша иатәуп. Дара наунагза еикәытхоуп, абриоуп ихәартам!». Арт ацыхәтәантәи Абрыскьыл иажәакәа ракәзаарын, уинахыс иихәаз ҳәа азәгьы акгьы издыруам.

Абгьааҳәа иеы днакәтәан, дыжжаза ажәҩан дналалеит, агарахь ихы рханы дцон, амшын аҫыкә дазкылсуазар акәхарын.

Убри ашьтахь ауп ахәада «Ахаҳә еиҩса» анахьзырца. Иахьа уажәраанзагьы уи ахаҳә ду аҫытkәа, мшаены еицш, ахәадаҫы иахьышьтац ишьтоуп. Урт збалакгьы Абрыскьыл игәамчи игәымшәареи атәы ранаҳәалашт, уаҵәгьы, уаҵәашьтахьгьы, уинахысгьы.

Перевод:

В нашем селении встречается много мест, связанных с именем Абрыскила-героя*. История их происхождения, если судить по рассказам, созданным народом, подтверждает, что корни этого героя восходят к нашему селению, что здесь он пребывал очень часто.

Я имею в виду рассказ о том, как родилось название холма «Рассеченный камень», находящегося в поселке Андроу.

Абрыскил и днем и ночью был на коне, потому что за ним гнались архангелы, чтобы схватить его. Великий Анцва* наказал им не возвращаться без [Абрыскила]: «Поймайте этого гордеца, ослушавшегося меня, и заточите в таком месте, чтобы если даже все население Апсны* будет искать его, никто не смог его найти. И пусть будет в заточении до тех пор, пока не падет передо мной ниц и не признает мою власть этот гордец!».

Архангелы не могли не выполнить наказ Великого Анцвы, они принялись ловить врага, но не так легко оказалось пленить Абрыскила, крепкого духом и телом. На своем белокрылом араще* ему были одинаково доступны и земля, и небо: по земле носился – как гром, по небу – как ястреб рассекал воздух, сияя [на солнце], и день и ночь ему были одинаково доступны, ненастье не было ему помехой.

Когда он посещал наше селение, он пришпоривал араща и вспрыгивал на Каду*, оттуда – на Панаю*, потом посещал Лагониаху*, называемое «Высоким холмом», так он оказывался в местечке Рассеченный камень в Андроу. Холмы служили Абрыскилу защитой: с них он мог обозревать округу и вовремя заметить приближение врагов.

Однажды он отдыхал на холме в Андроу. Араш его, оседланный, стоял у подножья холма: как только опасность, [Абрыскил] вскочет на него. Вдруг к холму начали приближаться архангелы. Но не по земле, как раньше, а по небу – знали, что он на своем араще устремится в небо, и хотели там пленить его. Небо померкло, будто тучи обложили его.

Абрыскил, как всегда, и на этот раз был начеку. Но он не стал, как раньше, вскакивать на араща. Герой заранее решил, что делать. Он поднял на вершину холма огромный камень. Поднял его и со всей силой бросил в небо. Такой тяжелый камень, летевший, как легкая стрела, с огромной скоростью, вызвал ураган. Архангелы перепугались и, спустившись с неба, спрятались за горами. Как обычно, камень, как его [высоко] ни бросишь, летит обратно. Так и случилось

здесь: [камень], сияя, полетел обратно. Абрыскил водрузил себе на голову свой острый меч и стал под падающим камнем. Он решил еще раз показать своим преследователям-архангелам, что никакой страх ему не ведом. Меч [Абрыскила] рассек падавший камень, как яблоко. Одна половина [камня] упала срезом книзу, другая – срезом кверху.

Указав рукой на ту половину [камня], что лежала срезом книзу, Абрыскил сказал: «Это – то, что было со мной в прошлом». Указав на вторую [половину], что лежала срезом кверху, [сказал]: «А это – то, что ожидает меня в будущем. Они навсегда разделены, это плохо». Это были последние слова Абрыскила, сказал ли после этого еще что-то – никому не известно. Он вскочил на араща и, сияя, полетел в сторону моря.

После этого холм этот назвали «Рассеченный камень». Осколки того камня до сих пор, где упали, там и лежат на холме. Долго еще будут они рассказывать о силе духа, мужестве и подвигах Абрыскила.

39. БЫРЦКИЛ
[попытка освобождения]

Текст:

Ажәытә Бырцкьыл ихьзны, алшаа дуқәа иманы азә дыҟан Аҧсны. «Адгьыл аҟны Анцәа сара соуп» иҳәауан, «ажәоан Анцәа дхазуп, уи иус хазуп, са суыс хазуп» ҳәа ажәларгьы мычыла, хала ихадирцаразы дрықәымчуан.

Ус ишнеиуаз, мышкы Бырцкьыл дызит. Инаишьтаҧшызаргь, дабарбоз. Уи ишишьтаз рқыта иавсуаз азиас аеуац ланагауа иалагоит. Ақытагьы иржәуаз уи азиас акәын, уигьы анхәымгаха, даара хьаас икарцаратәы [икалеит]. Изыкәшәаз ари ахтыс зыхкьуа рыцшааразы, ада цсыхәа анырмамуы, шьоукы алхын ари азиас аартахь ирышьтраны еицш ирызбоит. Ақытан раҳа зылша бзиаз, дырралагьы еилкьаз, хоык алырхт азы аартахь ирышьтразы.

Хоык рымоаныфакәа рыхианы амоа икәылт. Амоахь ахьыхәлаз ишьтало, шар амоа еитақәло, ишоеиуаз, азиас ныркә еык ацыхәа акау азы ахыкәан иыҷахәан, ари аеы Бырцкьыл иеы акәын.

Аеы ахьҽаҳәаз ианазааигәаха [игәартеит] – ҳацык аҟны аиха лабақәа рышьтахь дтакын Бырцкьыл. Бырцкьыл дехьтакызынтәи ибжьы иргаит, – Шәабаҟаз? – ҳәа.

– Абрыи иылаиуа азиас аеуац ланагуа ианалага, изакәу гәаҳтаразы ҳаарышьтит, – [рҳәеит].

– Уи азы иыланагуа, ишышәбао, сеы азы иаваҽаҳәоуп, уи иацрыцуа ауп, хьаас иҟашәымцан, – [иҳәеит Бырцкьыл].

Иҩеиуаз руазә, – Узықәшәазеи, ара уабаанагаи, узтакызеи? – ҳәа дцааит.

– Ажәҩан ахь иҟоу Анцәеи сареи доук ҳаизыуаамызт, мышкы азы саван, аккара сыцаны сшааиуаз, сыеысгәанзамкәан иыеыласгәыдыжьыла [сыкны], сганы стаикыит.

– Уыстымцзауеи уаа?

– Хәшәы амам стыцра, аха шәа шәанаауаз амҩахь атцла анаакәа, анаҟа шәалсны шәанаауаз, шәырхысуазма, шәрыцысуазма? – ҳәа дцааит.

– Ҳахқәа ларкәны ҳарцысыуа ҳааит,– анырхәа, – Ҳаи, абаапсқәа, шәыцхастоуп, сара амыгәара сақәшәааанза сыла ахьымҩаҵуа [ауаа] рхы шьтыхны, инаауа атцлақәа ирыцымскәан, ирхысны акәын ишымҩаҵуаз, сахьтакыу атцкыс [ари] хьаа дыухааит са сзы! – [иҳәеит Бырцкьыл].

Перевод:

В старину в Апсны* жил один могучий [человек], по имени Бырцкил. «На земле я Анцва*, на небе – другой Анцва», – говорил он и людей заставлял верить в это.

Однажды Бырцкил неожиданно исчез. [Люди] искали его, но не нашли. Вдруг река, протекавшая мимо их селения, стала нести конский навоз. Из этой реки они брали воду, поэтому огорчились ее загрязнением. Чтобы выяснить, в чем дело, они решили послать людей к истоку реки. Выбрали троих самых здоровых и толковых [сельчан].

Запасшись едой, эти трое пустились в путь. Ночью, останавливаясь на ночлег, с рассветом продолжая свой путь, шли они, как вдруг увидели на той стороне реки коня, привязанного у самого берега. Это был конь Бырцкила.

Когда они приблизились к коню, они увидели за железными столбами заточенного в пещеру Бырцкила. Бырцкил окликнул их:

– Откуда вы?

– Когда река начала нести конский навоз, нас отправили узнать, в чем дело, – [ответили ему].

– Река несет навоз моего коня, который вы видели привязанным на берегу, – [сказал Бырцкил].

Один из них спросил, что с ним произошло, почему он заточен?

– С Анцва, который на небе, мы не очень ладили. Однажды шел я берегом реки, и только вошел в лес, как он набросился на меня, схватил и заточил [в пещеру].

– А выйти не можешь?

– У меня нет никакой возможности выйти. По пути сюда вы видели накренившиеся деревья, когда шли, вы проходили под ними, или обходили? – спросил он.

– Мы нагибались и проходили под ними, – сказали они.

– Хай*, абаапсы*, своротили вы [с правильного пути]! Пока я не попал в беду, [люди] не проходили под накренившимися деревьями, нагнув голову, а обходили их. То, что вы сказали, тягостнее для меня, чем мое заточение! – [сказал Бырцкил].

КОММЕНТАРИИ

СКАЗАНИЯ О САСРЫКУА

1. ПЕСНЯ О МАТЕРИ НАРТОВ САТАНИ-ГУАЩЕ
[Рождение Сасрыкуа]

Книга, текст №558. Исп. *Сейдык Куарчиа* (1853–1939) из сел. Лыхны Гудаутского р-на Абхазии. Зап. В. И. Кукбы (в 1935 г.). Опубл.: Аншба, Чанба, 1973, с. 59–61. Эту запись обнаружил в архиве Абхазского института [ф.2, д. – 2/76, лл. 12–14] и переписал А. А. Аншба. По этому же тексту, найденному мной в личном архиве ученого, и публикуется данная песня, так как прежняя публикация не сохраняет всех подробностей оригинала.

Сейдык Куарчиа – одаренный народный певец, играл на апхьарце*. Обладал обширным эпическим репертуаром. Его записывали многие собиратели, исследователи абхазской фольклорной традиции, в том числе Д. И. Гулиа – основоположник абхазской литературы [Шинкуба, 1959, с. 25; Гулиа, Бгажба, 1972, с. 9, 50, 122–123] и К. В. Ковач – один из первых собирателей абхазских народных песен, этномузыковед [Ковач, 1929, с. 15; Ковач, 1930, с. 66].

Данный текст – самая ранняя запись песни о рождении Сасрыкуа и, можно сказать, самая обстоятельная из всех записей сюжета о рождении героя в абхазском нартском эпосе. Текст песни отличается поэтическим совершенством, изустным архаическим звучанием, мастерски построенными диалогами, динамичностью и напряженностью эпических событий, подробностью изображения. Уникальность записи заключается еще и в том, что в ней незавуалированно, без всяких прикрас, без ложной стыдливости представлена древнейшая эротическая картина «встречи» Сатаней-Гуащи и «пастуха».

[1] Букв. *«голый бук»(«ашə-кьантаз»).*

[2] Букв. *«старый валун»* (*«ацакьажə»).*

2. ПЕСНЯ О ГУНДЕ ПРЕКРАСНОЙ
[Рождение Сасрыкуа и укрощение коня]

Книга, текст № 559. Исп. *Кастей Арстаа* (1898–1972) из сел. Отхара Гудаутского р-на Абхазии. Звукозапись и запись текста с магнитофона Ш. Х. Салакая (7.07.1969). К сожалению, звукозапись утеряна, сохранилась лишь ее расшифровка. Опубл. в переводе на русский язык: Салакая, 1976а, с. 171–173. В данной публикации использован этот же перевод текста, выполненный Ш. Х. Салакая, с некоторыми текстологическими уточнениями.

Кастей Арстаа – очень яркий, колоритный народный певец и инструменталист (играл на апхьарце* и ачарпыне*). По свидетельству сына певца,

приемника традиции, Ш. К. Арстаа (см. коммент. к тексту № 3), умению петь и играть на апхьарце Кастей научился в 12–13 лет у прадеда по матери, Зафаса Айбы – знаменитого певца-сказителя, который, заметив, как правнук внимательно следит за его пением, на неделю отдает ему ненастроенную апхьарцу. Через неделю мальчик приносит старику эту апхьарцу – настроенную. С того момента прадед, поняв, что мальчик наделен слухом и талантом, стал передавать ему свой репертуар. «Учитель» систематически проверял, как усваивал «ученик» мелодию и слова каждой песни, тем самым, развивая его память и природный дар. И успел научить его большей части своего репертуара…

Кастей не признавал сказку и лирику, а являлся истинным эпическим певцом, знатоком героико-архаических (нартских) и героико-исторических песен и сказаний. Сначала напевал песню на апхьарце, затем рассказывал эпический сюжет в качестве комментария к песне, как бы разъясняя содержание песни.

Известный поэт С. Липкин (переводчик абхазских нартских и других эпических песен), который побывал у лучших абхазских певцов-сказителей, писал о нем: «Мне запомнился сказитель Арстаа Кастей – еще не старый, в низкой папахе, синей черкеске с белыми газырями. Он исполнил сказание нартов в сопровождении музыки. Первую стопу, обычно двухсложную, он сильно растягивал, затем переходил на речитатив, на быстрый темп. Зачин всегда у него был важный, но в песне о Сасрыкве, как я заметил, речитатив сильно убыстрился. Начинал он спокойно, не повышая голоса. Мне запомнилось вот что: всегда звук у него был открытым – вот это «уаа-нан» – в повторении очень упорном, звуки были очень открытыми, и я тогда себе записал мысль, что казалось, что он хочет передать нартский эпос через горы всему миру, такими открытыми были эти звуки. Затем он переходил на очень быстрый речитатив» [Аншба, 1970, с. 102]. По словам же народного поэта Абхазии и собирателя абхазского фольклора Б. В. Шинкубы, записавшего немало текстов от певца, «Кастей Арстаа не был похож ни на одного другого народного певца. Словно как искусный наездник на своем коне, его апхьарца подчинялась его рукам и голосу. Хотя он и не отличался громким голосом, но при исполнении песен голос его лился очень красиво и ритмично. Обладал великолепной памятью: с вечера одного дня до утра следующего непрерывно мог петь и рассказывать. В творчестве певца имело значение и место его нахождения – дома или вне дома. Вне дома он несколько смущался, поэтому он не любил выступать на публичных сценах. Но когда дома у родного очага, взяв в руки апхьарцу, начинал петь, он становился совсем другим: словно ото сна, просыпались его апхьарца и голос, моментально оказывался в отличном творческом настроении и тут же соблазнял слушателей. Кастей Арстаа исполнял эпические песни и сказания, иногда если и напевал лирическую песню, то казалось, что ему она не подходит» [Шинкуба, 1990, с.5].

Часть эпического репертуара певца записана (к сожалению, только от руки) Б. В. Шинкубой [Шинкуба, 1990, с. 25–26, 39–49, 51–52, 119–124]. Также его записывали: В. И. Абаев, И. Е. Кортуа, Ш. Д. Инал-ипа, Ш. Х. Салакая, Ш. К. Аристава, С. Л. Зухба и др.

[1] В этом варианте песни в роли матери Сасрыкуа выступает сестра братьев-нартов Гунда Прекрасная.

[2] Фразеологическое сочетание, повторяемое в частом припеве с незначительными вариациями в значении «Боже мой!».

[3] Букв. *«большой каменный валун» («ахацакь ду»).*

[4] Букв. *«обозначился созданный-кованый (дша-чапан) Сасрыкуа».*

[5] Букв. *«да обойдет вокруг тебя мать!»(«уан дукәхшоуп!»).* Здесь в значении *«пусть твои беды падут на меня!».*

[6] Сходно с примеч. № 5.

3. ПЕСНЯ О МАТЕРИ НАРТОВ САТАНИ-ГУАЩЕ
[Рождение Сасрыкуа]

Книга, текст №557.Фонотека, к. №1Б/9. Исп. *Шота Арстаа* (р. 1931) из г. Сухума. Певец подыгрывал себе на апхьарце*, подпевали талантливые певцы Роза Чамагуа, Анри и Нонна Ферызба. Аудио- и видеозапись текста З. Д. Джапуа и А. П. Какобы (20. 01.1999). Расшифровка текста с магнитофона З.Д. Джапуа (27.01.1999).

Шота Арстаа – сын одаренного певца Кастея Арстаа (см. коммент. к тексту №2), несущий эпические традиции своего отца. Он едва ли ни единственный абхазский инструменталист в наши дни, так искусно владеющий традиционной игрой на апхьарце и ачарпыне*. И научился играть на этих инструментах и петь (сохраняя традиционную самобытность) с детства, постоянно наблюдая за пением и игрой своего отца, а затем подыгрывая и подпевая ему. Таким образом, он освоил и хранит в памяти почти весь репертуар отца. Очень спокойный, серьезный, строгий человек с ровным характером, поет, аккомпанируя себе на апхьарце, сопереживая событиям и персонажам своих песен, с гордостью или с сочувствием, порой с трудом сдерживая слезы.

Данная запись песни – яркий пример сохроняемости в живом бытовании нартских песен и сказаний в наши дни, и дает счастливую возможность для выявления особенностей передоваемости эпического знания. Сличив текст сына с текстом отца (см. текст №2), легко можно заметить традиционную исконность, единую лексическую и поэтическую данность обеих записей песни. Однако, естественно, это не копирование традиции, а живое воспроизведение эпического знания отца. Отсюда в тексте сына и разные дополнительные вариации и перестановки стихов и усечения, «пропуски» (например, опущено описание укрощения коня, так образно представленное в тексте отца). Сказывается отсутствие фольклорной атмосферы в городских условиях и особенно научная и педагогическая деятельность, занятость исполнителя (Шота Константинович Арстаа – известный ученый лингвист, д. филол.н., академик).

[1] Запев, повторяемый перед каждой строфой, здесь в значении «Боже мой!».

[2] В записи этой песни от отца-учителя в роли Сатани-Гуащи фигурирует Гунда Прекрасная (см. текст № 2). Стало быть, эта замена все же не столь традиционна.

[3] Рефрен, повторяемый после каждой смыслонесущей строки песни.

[4] Рефрен подпевалы, повторяемый перед каждым запевом песни.

[5] Букв. *«большой голый бук»(«ашә-кьантаз-ду»).*

[6] Букв. *«большой каменный валун»(«ахацакь ду»).*

4. САТАНИ-ГУАЩА
[Как появилась кукуруза (пища нартов)]

Шакрыл, 1970, с.27–28. Исп. *Маадан Саканиа* (р. 1880) из сел. Дурыпщ (до 1920-х годов жил в сел. Ачандара) Гудаутского р-на Абхазии. Зап. К. С. Шакрыла (1968 г.).

Маадан Саканиа – прославленный исполнитель народных песен и сказаний, виртуозный импровизатор, играл на апхьарце*. С семи лет (со времени кончины отца) занимался пастушеством, был искусным охотником, долгое время участвовал в ансамбле долгожителей «Нартаа». Свое фольклорное знание он усвоил в юности и большей частью от сказителя из сел. Ачандара Гуакины Гудалиа. Его фольклорный репертуар состоял преимущественно из эпических (нартских и героико-исторических) сказаний, однако немалое место в нем занимали и другие жанры (трудовые, мифологические, бытовые песни, сказки и устные рассказы). Наблюдая за мастерством абхазских сказителей, С. Липкин писал: «Маадан Саканиа обладал… очень ясным и звучным голосом, …жестикулирует он очень сдержанно. В то же время Маадан – это всегда актер, это синтетический театр» [Аншба, 1970, с. 102–103]. Основная часть фольклорного репертуара сказителя записана (к сожалению, только от руки) Ш. Х. Салакая и К. С. Шакрылом и издана отдельным сборником [Шакрыл, 1970]. Также его записывали: Б. В. Шинкуба, И. Лакрба, Ш. Д. Инал-ипа, Х. С. Бгажба, И. Е. Кортуа, Э. П. Шакрыл, С. Л. Зухба, Э. К. Килба, И. Басариа и др.

Не исключено, что данное сказание могло бытовать отдельно как этиологическое предание; возможно, даже неисконно нартское, однако здесь оно весьма естественно связано с именем Сатаней-Гуащи.

5. КАК САСРЫКУА ВЫРАСТИЛ АРАЩА

Бжания, 1973, с.285–286. Исп. *Махмед Пкин* из сел. Жвандрыпщ Гудаутского р-на Абхазии. Зап. Ц Н. Бжания (1955 г.).

В абхазском нартском эпосе имеется более традиционный сюжет (он почти постоянно входит в состав сказания о рождении Сасрыкуа) об укрощении богатырского коня, найденного Сасрыкуа (см. текст №2). Однако и эта версия (сказочно-мифологическая) интересна тем, что в ней рождение богатырского коня связано с водой (подводным миром), так же, как и рождение самого Сасрыкуа.

6. КАК САСРЫКУА ПРИРУЧИЛ ДИКОГО КОНЯ

Инал-ипа, 1986, с. 92. Исп. *Бакь Дбар* (р. 1868) из сел. Мыркула Очамчирского р-на Абхазии. Зап. Ш. Д. Инал-ипы (1948г.).

Данная версия приручения коня отличается от других вариантов сказания на эту тему (см. тексты № 2, 5), как бы отодвигается от них по эпичности, по эпическому времени. Имеет форму этиологического, «посленартского» предания. Связь этого предания с Сасрыкуа сказители мотивируют тем, что он приручает дикого коня после гибели своего богатырского коня (араща).

7. МЕЧ САСРЫКУА

Книга, текст № 542. Исп. *Акун Цвижба* (р. 1899) из сел. Члоу Очамчирского р-на Абхазии. Звукозапись и запись текста с магнитофона З.Д. Джапуа (25.07.1987).

8. САСРЫКУА
[рождение, добывание огня, освобождение водного источника]

Книга, текст №555. Исп. *Андруща Адлейба* (р. 1925) из сел. Отап Очамчирского р-на Абхазии. Звукозапись и запись текста с магнитофона З. Д. Джапуа (22.07.1998).

Андруща Адлейба – высокий, стройный, приветливый, спокойный старик. Занят домашним хозяйством, грамотный. Его репертуар состоит из мифологических, нартских сказаний, сказок и героико-исторических рассказов. А усвоил он их, по его словам, с детства от глубоких стариков, собиравшихся у них дома: «Сидя в тени деревьев, они разговаривали, рассказывали предания, сказки. А я их слушал. Я и книги читаю, но в своем повествовании исхожу от рассказов этих стариков», – сообщает сказитель. Передает свои сказания образно. Заметно «строгое» следование традиции. Голос

льется спокойно, но в диалогах заметно меняет интонацию, выделяя голоса персонажей, стремительно ускоряя события.

Данное сказание весьма полно и последовательно представляет эпическую характеристику Сасрыкуа: «рождение» + «добывание огня» + «освобождение водного источника». Эти творчески контаминирующиеся сюжеты выстраиваются в логической последовательности.

[1] *Акаамет* – здесь метафорическая гипербола, в значении *«чего только ни сделал»*.

[2] *Адуней* – здесь метафорическая гипербола, выражающая превосходную степень образа.

[3] См. примеч. № 2.

[4] *Акаамет* – здесь метафорическая гипербола, в значении *«герой, непобедимый, несравненный»*.

[5] *Адоумыжьха* – (букв. *«семиголовый адауы»*) то же, что адауы-великан, здесь в метафорическом значении – «очень сильный, гигант».

[6] Букв. *«страшно плохая погода»(«амш цəгьа-баапс»)*.

[7] Букв. «мир разрушился».

[8] См. примеч. № 2.

[9] См. примеч. № 7.

[10] *Акаамет* – здесь метафорическая гипербола, выражающая превосходную степень действия.

9. РОЖДЕНИЕ САСРЫКУА И СПАСЕНИЕ БРАТЬЕВ-НАРТОВ

Книга, текст № 550. Исп. *Мыща Аргун* (1893–1993) из г. Ткуарчала. Звукозапись и запись текста с магнитофона З. Д. Джапуа (5.02.1991).

Мыща Аргун – малограмотный, но 25 лет работал в руководстве тогда еще селения Ткуарчала; долгое время участвовал в ансамбле долгожителей «Нартаа»; хорошо поет и танцует; искусный охотник; часто бывал на Северном Кавказе (много раз ездил на охоту с абазинами, адыгами и карачаевцами). Высокий, сильный, энергичный, красивый, весьма приветливый старик. Талантливый сказитель. Помнит много традиционных песен и сказаний: «Я постарел, но ничего не забываю. Буду сидеть три ночи и три дня – есть что рассказать. Рассказы старцев никогда не иссякнут».

В его репертуаре – мифологические сказания, заговоры, нартские и героико-исторические сказания, сказки. Но из всех них чувствовалось его особое отношение к эпическим жанрам. Рассказывает с большим художественным мастерством и увлеченно, очень охотно. Несмотря на глубокую старость и болезнь, сохранил звучный голос с высокой интонацией. Ему свойственно очень искреннее сопереживание описываемым событиям и персонажам – в процессе рассказа часто его глаза наполнялись слезами. Старика глубоко растрогало то, что его фольклорным знанием интересуют-

ся, что оно может сохраниться, не исчезнет после него. Его записывали: Ш. Д. Инал-ипа, А. А. Аншба, Ш. Х. Салакая, Л. П. Чкадуа, З. Д. Джапуа, А. П. Какоба, Н. Х. Аргун и др.

Эта запись – поэтически хорошо выстроенный изустный вариант традиционной контаминации: «рождение Сасрыкуа» + «добывание огня».

[1] Букв. *«страшно плохая погода»(«амш цəгьа-баапс»).*

10. РОЖДЕНИЕ САСРЫКУА И ДОБЫВАНИЕ ОГНЯ

Книга, текст № 554. Исп. *Нур Шларба* (р. 1925) из сел. Джгярда Очамчирского р-на Абхазии. Звукозапись и запись текста с магнитофона З. Д. Джапуа (18.07.1998).

Нур Шларба – грамотный (по его словам, читал нартские сказания, сказки и художественные произведения абхазских писателей); кроме абхазского языка знает турецкий; очень ловкий, крепкий старик. Голос высокий, меняет интонацию соответственно с событиями и персонажами своего повествования. Рассказывает очень динамично. Иногда настолько ускоряет события, что сливает некоторые слова, не досказывает или вовсе упускает. Свой репертуар, который состоит из мифологических, эпических (нартских и героико-исторических) сказаний и анекдотов, усвоил еще с 13–14-летнего возраста от глубоких стариков-сказителей.

Публикуемый текст художественно совершенен, состоит из контаминации двух сюжетов: «рождение Сасрыкуа» + «добывание огня». Контаминация традиционная, творческая, более развернут и полон второй сюжет сказания.

[1] Сказитель пропускает подробности образа пастуха, ссылаясь на то, что его слушают женщины.

[2] Букв. *«страшно плохая скала»(«аҽаҩа цəгьа-баапс»).*

[3] Слово *«гяур»* здесь выражает гнев Сасрыкуа, в значении «гад».

11. КАК САСРЫКУА СПАС БРАТЬЕВ-НАРТОВ

Книга, текст №159. Исп. *Платон Дбар* (р. 1910) из сел. Мгудзырхуа Гудаутского р-на Абхазии. Звукозапись и запись текста с магнитофона З. Д. Джапуа (29.07.1987).

Платон Дбар – интересный, веселый старик; сказитель с большим художественным дарованием: помнит почти весь основной круг нартских сказаний. Нартские сказания, по его словам, он услышал от своего друга, абазина по фамилии Жиба, приехавшего после войны (1941–1945) в Абхазию, с которым в юности два года пас скот в горах. А тот, в свою очередь, свой репертуар перенял от своего отца и знал около 300 текстов. Рассказывает с удивительной легкостью, ритмично, непринужденно. Владеет большим эпическим знанием и поэтической фактурой традиционного повествования.

Это дает ему дополнительные возможности для варьирования и слияния различных мотивов и сюжетов.

В публикуемом варианте в обычную контаминацию сюжетов («рождение Сасрыкуа» + «добывание огня») дополнительно включается отдельный эпизод другого сюжета со сказочным остовом (мотив «стрельбы по дереву» как средство определения богатырской мощи), который очень естественно вписывается в повествовательную ткань сюжета о добывании огня, абсолютно не разбивая его. Напротив, этим мотивом повествователь обогащает свое сказание. В этом и проявляется его мастерство.

[1] *Нан дукухшоуп – «пусть твои беды падут на меня»* (букв. *«да обойдет вокруг тебя мать»*), ласковое обращение старой женщины к молодым, в значении «дорогой», «милый», «любимый».

[2] Сказитель по забывчивости вместо *«нан»** говорит *«дад»**.

[3] Букв. *«большой голый бук»(«ашə-кьантаз-ду»).*

12. КАК САСРЫКУА СБИЛ ЗВЕЗДУ

Книга, текст № 547. Исп. *Люба Джапуа* (р. 1925) из сел. Река (родом из сел. Отап) Очамчирского р-на Абхазии. Звукозапись и запись текста с магнитофона З. Д. Джапуа (11.06.1990).

Люба Джапуа – высокая, веселая и энергичная старушка с очень архаичным, традиционным взглядом на мир. За пределы родного района не выезжала. Отличается тонким художественным чутьем, артистичностью исполнения. Ее тексты весьма устойчивы; рассказывает она их с большим воодушевлением и увлеченностью. При исполнении меняет голос в диалоге, жестикулирует. Ее репертуар очень широк, включает почти все жанры словесного фольклора. Особенно заметно ее сказочно-эпическое знание. По ее словам, переняла свой столь богатый репертуар от отца. Ее записывали: З. Д. Джапуа, А. П. Какоба.

Представленное сказание довольно полно и логически стройно передает все традиционные мотивы богатырского детства Сасрыкуа и добывания им огня.

[1] *Акаамет* – здесь метафорическая гипербола, выражающая превосходную степень действия.

13. НАРТ САСРЫКУА И АДАУЫ-ВЕЛИКАН

Зухба, Хеция, 1976, с.76–78. Исп. *Нихат Пасания* (р. 1925) из г. Стамбула (родом из с. Хуап Гудаутского р-на Абхазии). Звукозапись текста Орхана Шамбы (09.1975 г.). Расшифровка текста с магнитофона С. Л. Зухбы и А. Д. Хеция.

Текст несколько своеобразно передает известный нартский сюжет о добывании огня, хотя в нем отсутствует сам мотив огня и мотивировка

встречи Сасрыкуа с адауы-великаном (спасение братьев-нартов от холода) заменяется традиционным эпизодом сказания об освобождении водного источника – загораживание источника воды чудовищем, требующем девушек или юношей за разрешение брать воду.

14. СТО БРАТЬЕВ-НАРТОВ

Зухба, 1967, с.16–19. Исп. не известен. Зап. Т. Чочуа (ученик III класса Сухумской горской школы) в сел. Адзюбжа Очамчирского р-на Абхазии (1915 г.). Запись прочел и внес исправления Д. И. Гулиа.

Текст является одной из первых двух записей абхазских нартских сказаний на языке оригинала. Он связан с образом Сасрыкуа (хотя в сказании не упомянуто имя героя) и представляет контаминацию двух известных и в сказке, и в эпосе сюжетов – «проглатывание братьев-нартов старухой-ведьмой» + «освобождение водного источника» (ср. AT 332H*, 333A, 2028B, 300).

15. САСРЫКУА И ПАХАРЬ

Джапуа, 2001а, с.41–43, текст №22. Исп. *Басиат Джапуа* (р. 1829) из сел. Члоу Очамчирского р-на Абхазии. Зап. А. Н.Генко, А.К.Хашбы и В.И.Кукбы (летом 1928 г.).

16. САСРЫКУА И АКУЛДЗЫ

Бжания, 1973, с. 287–288. Исп. не известен. Зап. Ц. Н. Бжания (1955 г.).

17. САСРЫКУА И АКУАЛДЗБОВЫ

Джапуа, 1995а, с. 116, текст №298. Исп. *Дамей Агрба* (р. 1888) из сел. Джырхуа Гудаутского р-на Абхазии. Зап. А. А. Аншбы (28.07.1963).

[1] Мард-ипа – сын Марда.

[2] Здесь имя матери нартов употребляется в форме фамилии.

[3] Колокольчики надевались на ножки обученных для охоты ястребов.

[4] Устойчивое традиционное выражение, означающее запрет кровомщения между родственниками.

[5] Традиционная форма приветствия, которую употребляет путник, догнавший другого прохожего.

18. САСРЫКУА
[рождение, гибель, уход в загробный мир]

Джапуа, 1995а, с. 106–110, текст №290. Исп. *Махты Таркил* (р.1879) из сел.Дурипщ Гудаутского р-на Абхазии. Зап. А. А. Аншбы (08.1969 г.).

[1] Букв.: *«нарты были архангелами» («нартаа паимбарцəан»).*

19. САСРЫКУА
[женитьба, роковая смерть младенца]

Шакрыл, 1970, с. 13–17. Исп. *Маадан Саканиа* (о нем см. коммент. к тексту №4). Зап. К. С. Шакрыла (1968 г.).

[1] Это выражение показывает, что традиционное этническое самоназвание абхазов (апсуа) соответствует их национальному менталитету.

20. ЖЕНИТЬБА САСРЫКУА И ЕГО СУДЬБА

Книга, текст № 548. Исп. *Люба Джапуа* (о ней см. коммент. к тексту № 12). Звукозапись и запись текста с магнитофона З. Д. Джапуа (11.06.1990).

Текст составляется из творческого сочетания следующих сюжетных тем: «героическое сватовство» + «чудеса по пути к родителям жены» + «роковая смерть младенца» + «приручение дикого коня».

[1] Сказительница вспомнила, что Сасрыкуа связывает сына старика именно при умыкании красавицы, а не перед этим.

21. РОКОВАЯ СМЕРТЬ МЛАДЕНЦА

Аншба, Чанба, 1973, с. 57. Исп. *Лит Куарчелиа* из сел. Ачандара Гудаутского р-на Абхазии. Зап. Р. К. Чанбы (07.1969 г.).

22. КРАСАВИЦА СО СВЕТЯЩИМСЯ МИЗИНЦЕМ

Шинкуба, 1990, с. 144–148. Исп. *Таркук Адлейба* (р. 1838) из сел. Отап Очамчирского р-на Абхазии. Зап. Б. В. Шинкубы (1948 г.).

[1] Букв. *«обходил мир» («адунеи дакəшон»).*

23. ПРИВЕДЕНИЯ САСРЫКУА

Книга, текст № 530. Исп. *Лейуа Цнариа* (р. 1900) из сел. Кутол Очамчирского р-на Абхазии. Зап. В. Л. Цвинариа (17.08.1965).

Лейуа Цнариа – талантливый сказитель, обладавший превосходной памятью и большим фольклорным репертуаром (включающим нартские сказания, сказки, библейские сказания и т. п.), который унаследовал от отца –

известного оратора и знатока устной словесной традиции. Говоря о мастерстве сказителя, А. А. Аншба отмечал, что «несмотря на то, что сказитель относится к рассказам о нартах как к сказочному вымыслу, он передает их точно в рамках традиционных сюжетных схем, всегда варьирующихся в деталях» [Аншба, 1970, с.106]. Его записывали: Ц. Н. Бжания, М. М. Цикония, А. А. Аншба, В. Л. Цвинария и др.

[1]По мифологическим воззрениям абхазов, человек после смерти переселяется в другой (потусторонний) мир.

24. ГИБЕЛЬ САСРЫКУА

Книга, текст № 163, Исп. *Платон Дбар* (о нем см. коммент. к тексту № 11). Звукозапись и запись текста с магнитофона З. Д. Джапуа (29.07.1987).

Представленная версия гибели Сасрыкуа является самой традиционной и популярной в народе. Тема гибели героя – постоянный сюжетообразующий лейтмотив во всем нартском эпосе, часто вписывающийся в другие сказания. Поэтому данная сюжетная версия и контаминируется с самыми различными сказаниями.

25. ВО ВРЕМЯ ГИБЕЛИ САСРЫКУА

Книга, текст № 552. Исп. *Мыща Аргун* (о нем см. коммент. к тексту № 9). Звукозапись и запись текста с магнитофона З. Д. Джапуа (5.02.1991).

26. ЗАКЛЯТИЯ САСРЫКУА

Книга, текст № 556. Исп. *Андруща Адлейба* (о нем см. коммент. к тексту №8). Звукозапись и запись текста с магнитофона З. Д. Джапуа (22.07.1998).

[1] Букв. *«жертвой в честь богов» («укәырбанны»).* Сказители утверждают, что *«абхазы не едят голубятину, из-за абхазской крови на нем».*

[2] Эту ремарку сказитель высказывает с легкой иронией.

[3] Букв. *«выходит из сего мира» («адунеи иалцуеит»).*

27. ГИБЕЛЬ САСРЫКУА И ПОМИНКИ ПО НЕМУ

Книга, текст № 549. Исп. *Люба Джапуа* (о ней см. коммент. к тексту № 12). Звукозапись и запись текста с магнитофона З. Д. Джапуа (11.06.1990).

В тексте с сюжетом о гибели героя контаминируется сюжет о поминках Сасрыкуа – сказание в форме этиологического «нартского» предания.

[1] *Акаамет* – здесь метафорическая гипербола, в значении *«герой, непобедимый, несравненный».*

[2] *Адуней* – здесь метафорическая гипербола, выражающая ультропревосходную степень образа.

[3] См. примеч. № 2.

28. КАК САСРЫКУА ЗАБРАЛИ НА ТОТ СВЕТ

Бжания, 1973, с. 283–284. Исп. *Щмаф Ашуба* (р. 1865) из сел. Джгярда Очамчирского р-на Абхазии. Зап. Ц. Н. Бжания (1955 г.).

29. КАК САСРЫКУА ОЖИВИЛ ЖЕНУ

Гулиа, 1996, с.7. Исп. *Мыстаф Мынджиа* из сел. Баслаху Очамчирского р-на Абхазии. Зап. Д. И. Гулиа (1933г.).

30. ТАЙНА СМЕРТИ САСРЫКУА И ЕГО КОНЯ

Бжания, 1973, с. 282–283. Исп. не известен. Зап. Ц. Н. Бжания (1955г.).

31. КАК САСРЫКУА ОЧУТИЛСЯ НА ЛУНЕ

Смыр, 1971, с. 77. Исп. *Маниа Лейба-Ампар* (р.1889) из сел. Калдахуара Гудаутского р-на Абхазии. Зап. Г. В. Смыра (07.1969).

Данное сказание – вариант первой записи абхазских нартских сказаний – этиологического «нартского» предания об отражении на луне очертания Сасрыкуа со своим стадом [Указатель, №1].

32. ВО ВРЕМЯ СМЕРТИ САСРЫКУА

Бжания, 1973, с. 288. Исп. *Басиат Амаба* (р. 1873) из сел. Жындрыпш Гудаутского р-на Абхазии. Зап. Ц. Н. Бжания (1955 г.).

33. ЗАВЕЩАНИЕ САСРЫКУА

Инал-ипа, 1986, с. 93. Исп. *Дыдын Дженна* (р. 1879) из сел. Ачандара Гудаутского р-на Абхазии. Зап. Ш. Д. Инал-ипы (1954 г.).

34. НАРТ САСРЫКУА
[рождение, добывание огня, освобождение водного источника, гибель]

Книга, текст № 166. Исп. *Лад Дзяпщба* (1913–1998) из сел. Мгудзырхуа Гудаутского р-на Абхазии. Звукозапись и запись текста с магнитофона З. Д. Джапуа (30.07.1987).

Лад Дзяпщба – высокий, стройный, опрятный, степенный старик. Грамотен. Обладал большим эпическим знанием и превосходной памятью. Рассказывал очень образно. По его словам, фольклорные знания он получил еще с 12-лет от своего деда, который в год два-три раза проверял, как усваивает внук его рассказы. Хорошо владея нартскими сказаниями, сказитель творчески объединяет различные эпические мотивы и сюжеты в одно сказание. Его записывали: З. Д. Джапуа, В. А. Когониа, А. П. Какоба, Л. Х. Саманба и др.

И в данном тексте сочетаются сюжеты о рождении, добывании огня, освобождении водного источника, гибели Сасрыкуа. Причем, контаминация продлевается сказанием об Абрыскиле. В тексте сюжет о гибели героя как бы раздваивается в результате включения в него сюжета об освобождении водного источника. Характерно, что сливающиеся сюжеты логически выстраиваются: Сасрыкуа рождается и укрощает коня, братья-нарты не признают его; чтобы убедить их, он отправляется за ними в поход и добывает огонь; после этого еще больше усугубляется чувство зависти у братьев и начинается погоня; опускают его в преисподнюю, где он освобождает источник воды от агулщапа-дракона; братья-нарты находят другой способ и губят его. Такая цепь повествования дает нам развернутую характеристику героя.

[1] Букв. *«страшно плохая погода»(«амш цəгьа-бааԥс»).*

[2] Букв. *«большое буковое дерево»(«ашə-цла ду»).*

[3] Судя по всему, сказитель имеет ввиду художественное произведение абхазского поэта В. Анкваба «Абрыскил» (Сухуми, 1978).

СКАЗАНИЯ ОБ АБРЫСКИЛЕ

35. АБРСКИЛ
[рождение, героические деяния, поимка и заточение в пещеру, попытка освобождения]

Гарцкия, 1892, с. 34–38. Исп. *Хутпурия Тузба* из сел. Члоу Очамчирского р-на Абхазии. Зап. В. Гарцкия (06. 1888 г.) на русском языке.

Данный текст – одна из ранних записей, в котором наиболее обстоятельно изложены основные мотивы эпоса об Абрыскиле.

[1]Араш – сказочный конь, наделенный волшебными свойствами и силой (примеч. В.Гарцкия).

[2] В селе Гуп на берегу реки Аалдзга сохранились отпечатки следов Абрскила и его араша на скале, словно на рыхлой земле. Отпечаток ступни Абрскила имеет длину приблизительно трех четвертей аршина, а глубину – более вершка (примеч. В. Гарцкия).

36. АБЛЫСКИР
[героические деяния, поимка и заточение в пещеру, попытка освобождения]

Шакрыл, 1989, с. 108–110. Исп. *Лагустан Камкиа* (р.1861) из сел. Члоу Очамчирского р-на Абхазии. Зап. К. С. Шакрыла (1946 г.).

[1]Букв. *«Выносящий конский навоз»(«Аекьы тызго»).*

37. АБРЫСКИЛ
[рождение, героические деяния, убийство адауы-великана, поимка и заточение в пещеру, попытка освобождения]

Шинкуба, 1990, с. 310–314. Исп. *Отар Цвижба* (р.1864) из сел. Члоу Очамчирского р-на Абхазии. Зап. Б. В.Шинкубы (1948 г.).

38. РАССЕЧЕННЫЙ КАМЕНЬ

Шинкуба, 1990, с. 300–302. Исп. *Кукуп Микаиа* (р. 1881) из сел. Члоу Очамчирского р-на Абхазии. Зап. Б. В. Шинкубы (1951 г.).

39. БЫРЦКИЛ
[попытка освобождения]

Гожба, 1980, с. 51. Исп. *Бекир Агумаа* из г. Адапазара Турецкой республики. Зап. Дж. Хараниа (28.02.1977).

СЛОВАРЬ

Аа – междометие, возглас, оклик.

А(а)й – восклицание.

Аат – возглас.

Абаакуа – возглас успокоения, умоления и надежды, обозначающий крайнюю степень эмоционального состояния.

Абаапсы – см. абаакуа.

Абрыскил (Абырскил, Абрскил, Аблыскир, Бырцкил) – главный герой абхазского героического эпоса «Абрыскил».

Агулщап – дракон, чудовище.

Адауы (адауцва) – великан (великаны).

Адуней – вселенная, свет, мир. В переносном, метафорическом смысле обозначает: масштабность, превосходная степень образа действия.

Ажвейпщаа – божество охоты, покровитель диких животных.

Ажхы – железный прут с двумя зубцами для вытаскивания вареного мяса из котла.

Айладж – мамалыга, сваренная вместе со свежим сыром.

Айнар-жьи (Инар-жьи) – кузнец нартов.

Айрг – божество, защищающее людей от опасностей, подстерегающих их на войне, на охоте, в пути.

Акаамет – светопреставление, конец, гибель мира. В переносном, метафорическом смысле – беспорядок, сумбур, ужас, несчастное происшествие, удивительное; герой, очень сильный.

Алдызы – мифоэпическое племя.

Анаджалбейт – возглас удивления и возмущения.

Анашпа – незаконнорожденный, приблудный (пренебрежительное обращение братьев-нартов к Сасрыкуа).

Анха – эпизодический персонаж, вероятно, из художественной литературы.

Анцва – верховное божество, творец природы и людей, повелитель и вседержитель мироздания.

Апсны – Абхазия.

Апсуа (апсуаа) – абхаз(абхазы).

Апхьарца – национальный двухструнный смычковый инструмент.

Араща – крылатый богатырский конь.

Арчхьоу – см. Ерчхьоу.

Атуган – могучий богатырь, гигант.

Афырхы – метеоритное железо (букв. «пуля божеств Грозы»).

Аха – восклицание, в значении «вот, ну».

Ачамыкуа – см. айладж.

Ачарпын – национальный духовой инструмент типа флейты.

Ачбар – кустарниковое растение, из которого делают кнутовище.

Ашяды – см. Нхыц.

Ащапа – палатка, навес.

Банаджалбейт – см. анаджалбейт.

Батакуа – эпизодический персонаж абхазского нартского эпоса (пастух). Батакуа (как пастух-герой) – персонаж и героико-исторического эпоса абхазов.

Бзоу – богатырский конь Сасрыкуа, который родился с ним в один день.

Бзыбь – река на северо-западе Абхазии.

Гуащa – постоянный эпитет к имени Сатаней, часто встречающийся вместо имени.

Гуащани-Даха – эпизодический персонаж.

Гунда Прекрасная – единственная сестра ста братьев-нартов.

Гутсакья – персонаж абхазского нартского эпоса, острослов-шутник.

Гыды – эпизодический персонаж.

Гягу(а) – эпизодический персонаж абхазского нартского эпоса (табунщик нартов).

Гяговцы – эпическое племя.

Дад – ласковое обращение старого или пожилого мужчины к молодым.

Ди – вежливое обращение к старым женщинам, а иногда к матери – вместо «мама».

Едрыс – эпизодический персонаж абхазского нартского эпоса.

Ерцаху – одна из самых высоких вершин в Абхазии.

Ерчхьоу (Арчхьоу, Нарджхьоу) – пастух нартов, оплодотворяющий камень (Сатаней-Гуащу) через реку, по другим сказаниям – богатырь, умыкающий сестру нартов Гунду Прекрасную.

Зартыж (Сартыж) – пастух нартов, оплодотворяющий камень (Сатаней-Гуащу) через реку (см. Ерчхьоу).

Иа – восклицание.

Иабахуа – восклицание.

Инар-жьи – см. Айнар-жьи.

Када – холм в сел. Члоу Очамчирского р-на Абхазии.

Ка-ках – восклицание.

Ках – возглас удивления.

Кох – см. ках.

Кубина – абхазское название реки Кубань.

Лагаиаху – холм в сел. Члоу Очамчирского р-на Абхазии.

Мыку – название реки и селения на востоке Абхазии.

Нан – ласковое обращение старой или пожилой женщины к молодым, первоначально – мать.

Нарткыт – нартское село.

Нхыц – Северный Кавказ (букв. «через горы»).

Панаю – гора на востоке Абхазии.

Сартыж – см. Зартыж.

Сасрыкуа (Сасыркуа) – главный герой нартского эпоса абхазо-адыгов.

Сатан (-ай,-ей,-н,-на)-Гуащ(-а) – глава семейства нартов, матерь ста братьев-нартов и их единственной сестры Гунды Прекрасной.

Сет – см. Сит.

Сит – старший брат нартов.

Ткуарчал – город, районный центр на востоке Абхазии.

Уа – окрик.

Уаа – см. уа.

Уанаджалбейт – см. анаджалбейт.

Унан – восклицание, возглас удивления.

Уых-гуща – возглас удовлетворенности.

Ха – восклицание.

Хай(т) – возглас.

Хахай – восклицание.

Хныщ – один из братьев-нартов.

Цвыцв (букв. «стружка») – племянник братьев-нартов (сын Куна).

Щашвы – божество кузни у абхазов.

Ыу – восклицание.

Ыых – восклицание.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев, 1932: Абаев В. И. «Даредзановские» сказания у осетин//Осетинский эпос Амран/Перевод, обработка и коммент. Д. Гатуева; предисл. и ред. Н. Я. Марра. – М.-Л., 1932. – С.13–17.

Абаев, 1945: Абаев В.И. Нартовский эпос. – Дзауджикау, 1945.

Абаев, 1949: Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. – Т. 1. – М.-Л., 1949.

Абаев, 1957: Абаев В.И. Проблемы нартского эпоса//Нартский эпос: Материалы совещания 19–20 октября 1956 г. – Орджоникидзе, 1957. – С.22–36.

Абаев, 1982: Абаев В.И. Нартовский эпос осетин. – Цхинвали, 1982.

Абаев, 1990: Абаев В.И. Избранные труды в двух томах. – Т.2: Религия, фольклор, литература. – Владикавказ, 1990.

Абаева, 1969: Абаева З.В. Характер и обстоятельства в нартском эпосе//Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН ГССР. – Вып.XVI. – Цхинвали, 1969. – С.72–94.

Абаева, 1978: Абаева З. В. Этюды по нартскому эпосу. – Цхинвали, 1978.

Аверинцев, 1987: Аверинцев С.С. Вода//Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах. –2-е изд. – Т.1.– М., 1987. – С.240.

Адлейба, 1996: Адлейба Е.А. Наше родословие: народные сказания и статьи. – Сухум, 1996 (на абх.яз.).

Азаматова, 1997: Азаматова М-К.З. Этнографические этюды. – Майкоп, 1997.

Акаба, 1957: Акаба Л.Х. Предисловие//Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. – Сухуми, 1957.

Акаба, 1974: Акаба Л.Х. Абхазо-адыгские мифологические параллели // Известия АбНИИ. – Вып. 3. – Тб., 1974.– С. 138–158.

Акаба, 1976: Акаба Л.Х. Из мифологии абхазов. – Сухуми, 1976.

Акаба, 1984: Акаба Л.Х. Исторические корни архаических ритуалов абхазов. – Сухуми, 1984.

Алборов, 1979: Алборов Б.А. Некоторые вопросы осетинской филологии: Статьи и исследования об осетинском языке и фольклоре. – Орджоникидзе, 1979.

Алиева, 1969: Алиева А.И. Адыгский нартский эпос. – М. - Нальчик, 1969.

Алиева, 1986: Алиева А.И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. – М., 1986.

Альбов, 1893: Альбов Н.М. Этнографические наблюдения в Абхазии// «Живая старина». – Вып. 3. – 1893.

Амичба, 1988: Амичба С.А. Цветообозначение в языке абхазского фольклора//Алашара. – 1988. – №4. – С.121–128 (на абх.яз.).

Аншба, Чанба, 1973: Сказания о нартах / Публ. А.А. Аншбы и Р.К. Чанбы // Алашара. – 1973. – №5.– С. 52–61 (на абх. яз.).

Аншба, 1964: Аншба А.А. Мифологическая основа абхазских нартских сказаний//Алашара. – 1964. – №3. – С.98–102 (на абх.яз.).

Аншба, 1966: Аншба А.А. Принципы сюжетосложения абхазского нартского эпоса//Алашара. – 1966. – №1. – С.83–85 (на абх.яз.).

Аншба, 1967а: Аншба А.А. Об именах Сосруко и Сослан//Сборник научных работ аспирантов. – Сухуми, 1967. – С.111–118.

Аншба, 1967б: Аншба А.А. Сказители абхазского нартского эпоса//Научная сессия, посвященная 10-летию кафедры абхазского языка и литературы: Тезисы докладов. – Сухуми, 1967. – С.29–30.

Аншба, 1968: Аншба А. А. Некоторые художественные особенности абхазских нартских сказаний. – Сухуми, 1968 (на абх. яз.).

Аншба, 1969а: Аншба А.А. Нечто существенное в понимании жанра эпоса//Алашара. – 1969. – №4. – С.81–87 (на абх.яз.).

Аншба, 1969б: Аншба А.А. Стих и проза в абхазском нартском эпосе//Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. – М., 1969. – С.409–425.

Аншба, 1970: Вопросы поэтики абхазского нартского эпоса. – Тб., 1970.

Аншба, 1971: Аншба А.А. К спорам о происхождении первоначального ядра нартского эпоса//Мацнэ. – 1971. – №4. – С.85–92.

Аншба, 1982: Аншба А.А. Абхазский фольклор и действительность. – Тб., 1982.

Ардзинба, 1982: Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. – М., 1982.

Ардзинба, 1985: Ардзинба В.Г. Нартский сюжет о рождении героя из камня // Древняя Анатолия. – М., 1985. – С. 128–168.

Ардзинба, 1987: Ардзинба В.Г. Приметы образа «пастуха» абхазских нартских сказаний // Труды Абхазского государственного университета. – Т.5. – 1987. – С. 131–135.

Ардзинба, 1988: Ардзинба В.Г. К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов) // Древний Восток: Этнокультурные связи. – М., 1988.– С. 263–306.

Аршба, 1979: Аршба Н.В. Динамическое ударение и редукция гласных в абхазском языке. – Тб., 1979 (тексты на абх. яз.).

AT: The Types of The Folktale. A Classification and Bibliography. A. Aarne's Verzeichnis der Märchentypen translated and enlarged by S. Thompson // FF Communications, N 184. – Helsinki, 1961.

Ачба, 1987: Сказания о нартах / Публ. А. Ачбы // Алашара. – 1987. – № 3. – С. 103–109 (на абх. яз.).

Бахтин, 1990: Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. – М., 1990.

Бгажба, 1964: Бгажба Х.С. Бзыбский диалект абхазского языка: Исследования и тексты. – Тб. , 1964.

Бгажба, 1987: Бгажба Х.С. Труды.– Сухуми, 1987.

Бегуа, 1971: Büjuka O. Abhaz Mitolojisi anac mi? – Istambul, 1971.

Бжания, 1973: Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов: Исследования и материалы. – Сухуми, 1973 (тексты на абх. яз.).

Брагинская, 1988: Брагинская Н.В. Небо//Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах. – 2-е изд. – Т. 2. – М., 1988. – С.206–208.

Бязыров, 1974: Бязыров А.Х. О группе нартских сказаний с эпизодом добывания огня//Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. – Вып. XIX. – Цхинвали, 1974.

Веселовский, 1940: Веселовский А. Н. Историческая поэтика/Ред., вступ. ст. и примеч. В. М. Жирмунского. – Л., 1940.

Викеньтев, 1917: Викеньтев В. М. Древнеегипетская повесть о двух братьях. – М., 1917.

Вирсаладзе, 1969: Вирсаладзе Е.Б. Нартский эпос и охотничьи сказания в Грузии//Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. – М., 1969. – С.245–254.

Вирсаладзе, 1976: Вирсаладзе Е.Б. Грузинский охотничий миф и поэзия. – М., 1976.

Габниа, Смыр, Чеснов, 1986: Габниа С.С., Смыр Г.В., Чеснов Я.В. Ритуально-обрядовые функции абхазских посохов // Полевые исследования Института этнографии. – М., 1986. – С. 119–127.

Гаглойти, 1977: Гаглойти Ю.С. Некоторые вопросы историографии нартского эпоса. – Цхинвали, 1977.

Гаглойти, 2000: Гаглойти Ю.С. Осетино-абхазские нартовские параллели // Проблемы осетинского нартовского эпоса (Сборник статей). – Владикавказ, 2000. – С. 5–37.

Гадагатль, 1967: Гадагатль А.М. Героический эпос «Нарты» и его генезис. – Майкоп, 1967.

Гадагатль, 1997: Гадагатль А.М. Память нации: Генезис эпоса «Нарты». – Майкоп, 1997.

Гамкрелидзе, Иванов, 1984: Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. – II кн. – Тб., 1984.

Ганаланян, 1979: Ганаланян А.Т. Армянские предания. – Ереван, 1979.

Гарцкия, 1892: Гарцкия В. Из абхазских народных преданий и поверий // СМОМПК. – Вып. 13. – Отд. 2.– Тифлис, 1892. – С.32–43.

Гатцук, 1907: Гатцук В. Абраскил (Абхазское предание) // «Юная Россия». – 1907. – №2. – С. 253–263.

Гацак, 1967: Гацак В.М. Восточнороманский героический эпос: Исследование и тексты. – М., 1967.

Гацак, 1973: Гацак В.М. Метафорическая антитеза в сравнительно-историческом освещении//История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VII Международный съезд славистов. – М., 1973. – С.286–306.

Генко, 1930: Генко А.Н. О названиях плуга в северокавказских языках//Доклады АН СССР. – 1930. – №7. – С.128–135.

Генко, 1940: Генко А.Н. Этнография Кавказа (лекция №11). – 1940 (рукопись).

Генко, 1998: Генко А.Н. Абхазско-русский словарь / Подгот. к печати., предисл. и коммент. Т.Х. Халбада. – Сухум, 1998.

Гожба, 1980: Фольклорные материалы турецких абхазов / Публ. Р.Х Гожбы // Труды Абхазского государственного музея. – Сухуми, 1980. – Вып. V. – С.38-64 (на абх.яз.).

Гожба, 1989: Сказания турецких абхазов / Публ. Р.Х. Гожбы // Алашара. – 1989.– № 5.– С.81–91 (на абх. яз.).

Гожба, 1991: Сказания турецких абхазов / Публ. Р.Х. Гожбы // Алашара. – 1991. – № 2. – С. 172–184 (на абх. яз.).

Горбунов, 1913: Горбунов К. Торжество правды. – С.-Пб., 1913. – С. 9–20.

Гринцер, 1988: Гринцер Р.А. Умирающий и воскресающий бог//Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах. – 2-е изд. – Т.2. – М., 1988. – С.547–548.

Гулиа, 1986: Гулиа Д.И. Собрание сочинений в шести томах. – Т.6 (История Абхазии. Этнография). – Сухуми, 1986.

Гулиа, 1996: «Нарт Сасрыкуа» / Зап. Д.И.Гулиа // газета «Апсны». – № 10–13 (17934). – 7.03.1996.– С.7 (на абх. яз.).

Гулиа, Бгажба, 1972: Абхазская народная поэзия. – 2-е изд. / Сост. Д.И. Гулиа, Х.С. Бгажбы. – Сухуми, 1972 (на абх.яз.).

Гуриев, 1999: Гуриев Т.А. Кто есть кто в аланской Нартиаде: Словарь. – Владикавказ, 1999.

Гутов, 1993: Гутов А.М. Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. – М., 1993.

Далгат, 1972: Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей: Исследование и тексты. – М., 1972.

Далгат, 1977: Далгат У.Б. Вопросы научного анализа и критической оценки эпических текстов в эдиционной работе // Фольклор: Издание эпоса. – М., 1977. – С.35-64.

Дбар, 2000: Дбар С.А. Обычаи и обряды детского цикла у абхазов (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Сухум, 2000.

Джанашвили, 1894: Джанашвили М.Г. Абхазия и абхазцы (этнографический очерк) // ЗКОРГО. – Тифлис, 1894.

Джанашиа, 1898: Джанашиа Н. Абркил // Сборник Акакия Церетели (кн. V, ч. II). – Тифлис, 1898. – С. 1–8 (на груз. яз.).

Джанашиа, 1917: Джанашиа Н.С. Абхазский культ и быт // «Христианский Восток». – Т. 5. – Вып.3. – Петроград, 1917.

Джанашиа, 1960: Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии Абхазии. – Сухуми, 1960.

Джанашиа, 1968: Джанашиа С.Н. Труды. – Т. 4.– Тб., 1968 (тексты на абх. яз.).

Джапуа, 1983: Джапуа З.Д. Изображение женских персонажей в абхазском нартском эпосе// Алашара. – 1983. – №1. – С.81–85 (на абх. яз.).

Джапуа, 1984: Джапуа З.Д. Основной персонаж абхазских нартских сказаний// Алашара. – 1984. – №3. – С.99–104 (на абх. яз.).

Джапуа, 1987: Джапуа З.Д. Система эпитетов в стиле абхазского нартского эпоса// Алашара. – 1987. – №5. – С.109–117 (на абх. яз.).

Джапуа, 1988а: Джапуа З.Д. Эпико-фантастические (атрибутивные) описания в абхазском нартском эпосе//Труды Абхазского государственного университета. – Т.6. – 1988. – С.103–113.

Джапуа, 1988б: Джапуа З.Д. Гипербола в абхазском нартском эпосе// Алашара. – 1988. – №3. – С.117–122 (на абх. яз.).

Джапуа, 1989: Джапуа З.Д. Контаминация в абхазском нартском эпосе// Алашара. – 1989. – №1. – С.112–120 (на абх. яз.).

Джапуа, 1990а: Джапуа З.Д. Художественно-определительные сочетания в эпосе// Алашара. – 1990. – №8. – С.112–121 (на абх. яз.).

Джапуа, 1990б: Джапуа З.Д. Удвоение эпитетов в художественно-определительной системе абхазского нартского эпоса//Вопросы иранистики и алановедения: Научная конференция, посвященная 90-летию В.И.Абаева. – Владикавказ, 1990. – С.34–36.

Джапуа, 1990в: Japua Z. J. Aetiological inserticns and legends in the context of abkhazian nart epic//Traditional folk belief today. – Tartu, 1990. – P. 47–49.

Джапуа, 1991: «Как спасся Сасрыкуа» / Зап. и публ. З.Д. Джапуа // Алашара. – 1991. – №5. – С. 180–183 (на абх. яз.).

Джапуа, 1994а: Джапуа З.Д. Систематизация текстов абхазского нартского эпоса//Фольклор: Проблемы тезауруса. – М., 1994. – С.218–237.

Джапуа, 1994б: Джапуа З.Д. Протогипербола или фантастический атрибут в нартском эпосе абхазов//Нарский эпос и кавказское языкознание: Материалы VI Международного Майкопского коллоквиума Европейского общества кавказологов. – Майкоп, 1994. – С.149–155.

Джапуа, 1995а: Абхазский фольклор: Записи Артура Аншбы / Сост., текстолог. упорядоч. записей, предисл., коммент. и указатели З.Д. Джапуа. – Сухум, 1995 (на абх. яз.).

Джапуа, 1995б: Джапуа З.Д. Нартский эпос абхазов: Сюжетно-тематическая и поэтико-стилевая система.– Сухум, 1995.

Джапуа, 1999а: Джапуа З.Д. Нартский сюжет о посещении подземного мира // Сборник научных трудов Абхазского государственного университета. – Сухум, 1999. – С. 251–255.

Джапуа, 1999б: Джапуа З.Д. Нартские сюжеты о посещении подземного мира//Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы общей и адыгской филологии»: Материалы конференции. – Майкоп, 1999. – С.39–40.

Джапуа, 1999в: Джапуа З.Д. Абхазо-адыгские нартские параллели (Указатель сходных сюжетно-тематических единиц) // Культурно-историческая общность народов Северного Кавказа и проблемы гуманизации межнациональных отношений на современном этапе: Материалы международной научно-теоретической конференции. – Черкесск, 1999. – Ч. 2. – С.50–55.

Джапуа, 1999г: Джапуа З.Д. Картина мира в абхазском эпосе об Абрыскиле//Международная научная конференция «Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики»: Тезисы докладов. – Сухум, 1999. – С.33–34.

Джапуа, 1999д: Джапуа З.Д. Образ неба в абхазском нартском сюжете о героическом сватовстве//Тезисы докладов на научной сессии профессорско-преподавательского состава АГУ (к 20-летию образования университета). – Сухум, 1999. – С.126–128.

Джапуа, 2000а: Джапуа З.Д. Мотив укрощения коня в цикле нартских сказаний о Сасрыкуа// XLIV итоговая научная сессия АбИГИ (25-28 апреля): Тезисы докладов. – Сухум, 2000. – С.13-14.

Джапуа, 2000б: Джапуа З.Д. Сходные сюжетно-тематические единицы в абхазо-адыгских нартских сказаниях (опыт составления Указателя)//Абхазоведение: Язык. Фольклор. Литература. – Вып. 1. – Сухум, 2000. – С.115–126.

Джапуа, 2000в: Джапуа З.Д. Абхазский эпос об Абрыскиле (Поэтико-воззренческие аспекты)// Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения К.С.Шакрыла (28-30 мая 1999 г., Сухум). – Сухум, 2000. – С.101–130.

Джапуа, 2000г: Абхазские сказания / Сост. и послесл. З. Д. Джапуа. – Сухум, 2000 (на абх. яз.).

Джапуа, 2001а: Ранние записи абхазского фольклора (Из рукописей А.Н. Генко) / Сост., предисл. и коммент. З.Д. Джапуа. – Сухум, 2001.

Джапуа, 2001б: Джапуа З.Д. К реконструкции архаических мотивов абхазского эпоса об Абрыскиле//Проблемы истории, филологии, культуры. – М.- Магнитогорск, 2001. – Вып. XI. – С.380–389.

Джапуа, 2003: Джапуа З.Д. Сюжет о чудесном рождении героя из камня в абхазском нартском эпосе (Опыт реконструкции архаической семантики)//Кавказ: История, культура, традиции, языки (по материалам Международной научной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АН Абхазии 28–31 мая 2001 г., г. Сухум). – Сухум, 2003. – С.615–634.

Джонуа, 1985: Джонуа Б. Г. Термины цветообозначения в абхазском языке//Алашара. – 1985. – №8. – С.136 (на абх. яз.).

Дзидзигури, 1986: Дзидзигури Ш.В. Грузинские варианты нартского эпоса: Исследование, тексты. – Тб., 1986.

Дзиццойты, 1992: Дзиццойты Ю.А. Нарты и их соседи: Географические и этнические названия в нартовском эпосе. – Владикавказ, 1992.

Дзиццойты, 1999: Дзиццойты Ю.А. Нарт Урузмаг и его сыновья//Осетинская филология: История и современность. – Вып. III. – Владикавказ, 1999. – С.318–330.

Дюмезиль, Намиток, 1955: G. Dumézil, A. Namitoc. Recits oubykhs // Journal Asiatique. – I. – Paris, 1955. P.30–33.

Дюмезиль, 1977: Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология.– М., 1977.

Дюмезиль, 1990: Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. – М., 1990.

Дьячков-Тарасов, 1905: Дьячков-Тарасов А.Н. Бзыбская Абхазия//ИКОРГО. – Т.XVIII. – Тифлис, 1905.

Жаннерэ, 1903: Жаннерэ Э. Абхазский Прометей // газета «Кавказ». – № 3.– 1903. – С.6.

Жирмунский, 1962: Жирмунский В.М. Народный героический эпос: Сравнительно-исторические очерки. – М.- Л., 1962.

Зухба, Хеция, 1976: Из устного творчества заморских абхазов / Публ. С.Л. Зухбы, А.Д. Хеция // Алашара.– 1976.– №6. – С.72–78 (на абх. яз.).

Зухба, 1967: Материалы абхазского фольклора (Из архива акад. Н.Я. Марра) / Подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. С.Л.Зухбы. – Сухуми, 1967 (на абх. яз.).

Зухба, 1970: Зухба С.Л. Абхазская народная сказка. – Тб., 1970.

Зухба, 1976: Абхазские сказки / Зап., обраб., предисл. и примеч. С.Л. Зухбы. – Тб., 1976 (на абх.яз.).

Зухба, 1978: Абхазские народные историко-героические сказания / Зап., подгот. текста, предисл. и примеч. С. Л. Зухбы. – Сухуми, 1978 (на абх. яз.).

Зухба, 1981: Зухба С.Л. Абхазское народное поэтическое творчество (Учебник для вузов). – Сухуми, 1981 (на абх. яз.).

Зухба, 1995: Зухба С.Л. Типология абхазской несказочной прозы. – Майкоп, 1995.

Иванов, 1977: Луна, упавшая с неба / Пер. с древнемалоазиатских языков Вяч. Вс. Иванова. – М., 1977.

Иванов, 1983: Иванов В.В. Хеттская и хурритская литературы // История всемирной литературы в девяти томах. – Т.1. – М., 1983. – С. 118–130.

Иванов, 1987а: Иванов В.В. Бык//Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах. – 2-е изд. – Т.1. – М., 1987. – С.203.

Иванов, 1987б: Иванов В.В. Волк//Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах. – 2-е изд. – Т.1. – М., 1987. – С.242.

Иванов, Топоров, 1988: Иванов В.В., Топоров В.Н. Птицы//Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах.– 2-е изд.– Т.2. – М., 1988. – С. 346–349.

Инал-ипа, Шакрыл, Шинкуба, 1962: Приключения нарта Сасрыквы и его девяноста девяти братьев: Абхазский народный эпос/Сост. Ш.Д. Инал-ипы, К.С. Шакрыла, Б.В. Шинкубы. – М., 1962.

Инал-ипа, 1949: Инал-ипа Ш.Д. Об абхазских нартских сказаниях//Труды Абхазского НИИ. – Вып. 23. – 1949. – С.81–120.

Инал-ипа, 1955: Инал-ипа Ш.Д. Некоторые вопросы абхазского фольклора и литературы (Очерки). – Сухуми, 1955 (на абх. яз.).

Инал-ипа, 1956: Инал-ипа Ш.Д. Социальная сущность аталычества в Абхазии в XIX веке // Труды АбИЯЛИ. – Сухуми, 1956. – Т. XXVII. – С. 71–125.

Инал-ипа, 1957: Инал-ипа Ш.Д. Нартский эпос абхазцев//Нартский эпос: Материалы совещания 19-20 октября 1956 г. – Орджоникидзе, 1957. – С.91–109.

Инал-ипа, 1958: Инал-ипа Ш.Д. Абхазский героический эпос//Литературная Абхазия. – 1958. – №3. – С.260–278.

Инал-ипа, 1962: Инал-ипа Ш.Д. Слово о нартах//Приключения нарта Сасрыквы и его девяноста девяти братьев: Абхазский народный эпос. – М., 1962. – С.5–12.

Инал-ипа, 1965: Инал-ипа Ш.Д. Абхазы (Историко-этнографические очерки). – Сухуми, 1965.

Инал-ипа, 1969: Инал-ипа Ш.Д. Исторические корни древней культурной общности кавказских народов (Опыт сравнительного изучения нартского эпоса)//Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. – М., 1969. – С.30–68.

Инал-ипа, 1971: Инал-ипа Ш.Д. Страницы исторической этнографии абхазов (Материалы и исследования). – Сухуми, 1971.

Инал-ипа, 1972: Инал-ипа Ш.Д. О принципах составления сводного текста абхазского нартского эпоса//Известия АбИЯЛИ. – Вып. 1. – Тб., 1972. – С.43–57.

Инал-ипа, 1974: Инал-ипа Ш.Д. О генезисе образа «анцва» – верховного бога абхазов // Известия АбИЯЛИ. – Тб., 1974. – Вып. 3. – С. 159–171.

Инал-ипа, 1977: Инал-ипа Ш.Д. Памятники абхазского фольклора: Нарты, ацаны. – Сухуми, 1977.

Инал-ипа, 1986: Сказания о нартах / Публ. Ш.Д. Инал-ипы // Алашара. – 1986. – № 7.– С. 85–98 (на абх. яз.).

Инал-ипа, 1994: Инал-ипа Ш.Д. Сто детей одной матери (по материалам абхазского нартского эпоса)//Нартский эпос и кавказское языкознание: Материалы VI Международного Майкопского коллоквиума Европейского общества кавказологов. – Майкоп, 1994. – С.48–56.

Иоакимов, 1873: Иоакимов А. Предрассудки моих учеников (из жизни пансионеров Горской школы) // «Кавказ». – № 54, 66. – 1873.

Иоакимов, 1874: Иоакимов А. Абхазцы // «Кавказ». – № 39. –1874.

Иштванович, 1978: Иштванович М. Грузино-иранская народная книга и осетинское героическое сказание// Мацнэ (серия языка и литературы). – 1978. – №1. – С.67–79.

Калоев, 1999: Калоев Б.А. Осетинские историко-этнографические этюды. – М., 1999.

Кармоков, 1975: Кармоков Х.Г. О происхождении имени Сосруко // Ученые записки КБНИИ. – Серия филологическая. – Нальчик, 1975. – Т. 27. – С. 49–56.

Касландзия, 1981: Касландзия В.А. Краткий словарь синонимов абхазского языка. – Сухуми, 1981 (на абх. яз.).

Каталог, 1955: Каталог археологических материалов. – Т. 2. – Тб., 1955.

Клейн, 1975: Клейн Л.С. Легенда Геродота об азиатском происхождении скифов и нартский эпос//Вестник древней истории. – М., 1975. – №4 (134). – С.14–27.

Книга: Книга записей Лаборатории абхазского фольклора при Абхазском институте гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии.

Ковач, 1929: Ковач К.В. 101 абхазская народная песня: Этнографическая запись с историческими справками. – Сухум, 1929.

Ковач, 1930: Ковач К.В. Песни Кодорских абхазцев (Сборник этнографических материалов с нотными записями). – Сухум, 1930.

Когониа, 1991: Народные сказания / Публ. В.А. Когониа // Алашара.– 1991. – № 5.– С. 170–179 (на абх. яз.).

Крупнов, 1969: Крупнов Е.И. О времени формирования основного ядра нартского эпоса у народов Кавказа//Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. – М., 1969. – С.15–29.

Кумахов, Кумахова, 1985: Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Язык адыгского фольклора: Нартский эпос. – М., 1985.

Кумахов, Кумахова, 1998: Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Нартский эпос: Язык и культура. – М., 1998.

Лавров, 1959: Лавров Л.И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев. – М., 1959.

Ламберти, 1913: Ламберти А. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией/Пер. с италиан. К.Ф. Гана // СМОМПК. – Вып. 43. – Тифлис, 1913.

Лапинский, 1995: Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик, 1995.

Латышев, 1947: Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. – 1947. – № 3.

Левинтон, 1987: Левинтон Г.А. Инициация и мифы//Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах. – 2-е изд. – Т.1. – М., 1987. – С.543–544.

Лихачев, 1887: Лихачев И. Чиловская пещера и легенда об Абрскиле-Прометее // Труды V археологического съезда в Тбилиси. – М., 1887.

Лосев, 1988: Лосев А.Ф. Тифон//Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах. – 2-е изд. – Т.2. – С.514–515.

Лукин, 1941: Лукин А.Л. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии // Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного эрмитажа. – Т. 1. – Л., 1941. – С.17–97.

Люлье, 1927: Люлье Л.Я. Черкесия: Историко-этнографические статьи// Материалы для истории черкесского народа. – Краснодар, 1927.

Маан, 1999: Маан Д.Т. Статьи. Рапорты /Сост. Х.С. Бгажбы. – Сухум, 1999.

Малия, 1970: Малия Е.М. Народное изобразительное искусство Абхазии (ткани и вышивки). – Тб., 1970.

Малия, 1972: Малия Е.М. К вопросу о семантике некоторых изображений на предметах быта у абхазов // Известия АбНИИ. – Тб., 1972. – Вып. 1.– С.130–147.

Малия, Акаба, 1982: Малия Е.М., Акаба Л.Х. Одежда и жилище абхазов. – Тб., 1982.

Марковин, 1978: Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа.– М., 1978.

Марр, 1938: Марр Н.Я. О языке и истории абхазов. – М.-Л., 1938.

Мелетинский, 1957: Мелетинский Е.М. Место нартских сказаний в истории эпоса //Нартский эпос: Материалы совещания 19-20 октября 1956 г. – Орджоникидзе, 1957. – С.3–81.

Мелетинский, 1958: Мелетинский Е.М. Предки Прометея // Вестник истории мировой культуры.– 1958. – №3. – С.114–132.

Мелетинский, 1963: Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. – М., 1963.

Мелетинский, 1988: Мелетинский Е.М. Культурный герой// Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах. – 2-е изд. – Т.2. – М., 1988. – С.25–28.

Миллер, 1881: Миллер В.Ф. Осетинские этюды. – Часть первая (Осетинские тексты). – М., 1881.

Миллер, 1885: Миллер В.Ф. Рецензия на СМОМПК. – Вып.4. – 1884 // Журнал министерства народного просвещения.– 1885. – № 5.

Миллер, 1892: Миллер В.Ф. Экскурсы в область русского народного эпоса. – М., 1892.

Миллер, 1908: Миллер В.Ф. Комментарий (к статье Н.С. Трубецкого) // Этнографическое обозрение. – Кн. 78. – № 3.– 1908.

Миллер, 1998: Миллер В.Ф. В горах Осетии. – Владикавказ, 1998.

Мифы, 1987: Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах. – 2-е изд. – Т.1. – М., 1987.

Мифы, 1988: Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах. 2-е изд. – Т. 2. – М., 1988.

Н.абаз.: Нарты: Абазинский народный эпос/Сост., пер. и коммент. В. Меремкулова. – Черкесск, 1975.

Н.адыгск.: Нарты: Адыгский героический эпос/Сост. А.И. Алиевой, А.М.Гадагатля, З.П. Кардангушева; вступ. ст. А.Т. Шортанова; пер. А.И. Алиевой; коммент. А.И. Алиевой и З.П. Кардангушева. – М., 1974.

Налоев, 1985: Налоев З. М. Этюды по истории культуры адыгов. – Нальчик, 1985.

Н.балк.-карач: Нарты: Героический эпос балкарцев и карачаевцев / Сост. Р.А.= К. Ортабаевой, Т.М. Хаджиевой и А.З. Холаева; вступ. ст., коммент. и глоссарий Т.М. Хаджиевой; пер. Т.М. Хаджиевой и Р.А.=К. Ортабаевой. – М., 1994.

Н.осет.: Нарты: Осетинский героический эпос. – Кн.2/Сост. Т.А. Хамицаевой и А.Х. Бязырова; вступ. ст. В.И. Абаева; пер. А.А. Дзантиева и Т.А. Хамицаевой; коммент. и глоссарий Т.А. Хамицаевой. – М., 1989.

Нейхардт, 1988: Легенды и сказания Древней Греции и Древнего Рима/ Сост. А.А.Нейхардт. – М., 1988.

Неклюдов, 1975: Неклюдов С.Ю. Душа убиваемая и мстящая//Труды по знаковым системам (Учен. зап. Тартуского гос.ун-та. – Вып. 365). – Тарту, 1975. – С.65–75.

Патейпа, 1978: Патейпа Н.С. Избранное (статьи, рассказы, стихи). – Сухуми, 1978.

Петросян, 1969: Петросян А.А. Решенные и нерешенные вопросы нартоведения// Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. – М., 1969. – С.5–14.

Петрухин, 1987: Петрухин В.Я. Загробный мир//Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах. – 2-е изд. – Т.1. – М., 1987. – С.452–456.

Пропп, 1976: Пропп В.Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. – М., 1976.

Пропп, 1986: Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1986.

Путилов, 1999: Путилов Б. Н. Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса. – СПб., 1999.

Рабинович, 1987: Рабинович Е.Г. Земля//Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах. – 2-е изд. – Т.1. – М., 1987. – С.466–467.

Раевский, 1985: Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры: Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н. э. – М., 1985.

Рклицкий, 1927: Рклицкий М. В. К вопросу о нартах и нартских сказаниях//Осетинский НИИ краеведения. – Владикавказ, 1927. – С.3–34.

Салакая, 1958: Салакая Ш.Х. Основные виды абхазского героического эпоса// IX научная конференция аспирантов и молодых научных работников АН ГССР. План работы и тезисы докладов. – Тб., 1958, – С.31–32.

Салакая, 1963: Салакая Ш.Х. О героическом эпосе абхазов// Труды АбИЯЛИ. – Т.33-34. – Сухуми, 1963. – С.278–303.

Салакая, 1966: Салакая Ш.Х. Абхазский народный героический эпос. – Тб., 1966.

Салакая, 1967: Салакая Ш.Х. О некоторых спорных проблемах нартоведения// Тезисы докладов научной сессии Сухумского госпединститута, посвященной 10-летию кафедры абхазского языка и литературы. – Сухуми, 1967. – С.28.

Салакая, 1968: Салакая Ш.Х. О поэтике нартского эпоса// Алашара. – 1968. – №12. – С.87–92 (на абх. яз.).

Салакая, 1969а: Салакая Ш.Х. К вопросу об эволюции эпического образа// Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. – М., 1969. – С.396–408.

Салакая, 1969б: Салакая Ш.Х. Общее и своеобразное в нартском эпосе абхазов и народов Северного Кавказа// Всесоюзная научная конференция по проблеме «Национальное и интернациональное в литературе и языке»: Тезисы докладов. – Кишинев, 1969. – С.48–49.

Салакая, 1969в: Салакая Ш.Х. Роль гиперболы в абхазском нартском эпосе// IX научная конференция Коорд. совета по фольклору при АН ГССР: Тезисы докладов. – Тб., 1969. – С.26.

Салакая, 1971а: Салакая Ш.Х. Отражение пережитков матриархата в нартском эпосе абхазов// Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований 1970 г.: Тезисы докладов. – Тб., 1971. – С.121–122.

Салакая, 1971б: Салакая Ш.Х. Соотношение прозаических и стихотворных форм в нартском эпосе абхазов// XI научная конференция Коорд. совета по фольклору при АН ГССР: Тезисы докладов. – Тб., 1971. – С.18–19.

Салакая, 1972: Салакая Ш.Х. Сказочные сюжеты в нартском эпосе абхазов// XII научная конференция Коорд. совета по фольклору при АН ГССР: Тезисы докладов. – Тб., 1972. – С.25–26.

Салакая, 1973: Салакая Ш.Х. О художественных средствах абхазского нартского эпоса// Известия АбИЯЛИ. – Т.2. – Тб, 1973. – С.116–132.

Салакая, 1974а: Салакая Ш.Х. Обрядовый фольклор абхазов//Фольклор и этнография. – Л., 1974. – С.19–28.

Салакая, 1974б: Салакая Ш.Х. К проблеме о происхождении первоначального ядра нартского эпоса// Известия АбИЯЛИ. – Т.3. – Тб., 1974. – С.100–132.

Салакая, 1975: Абхазское устное народное творчество (Хрестоматия) / Сост., предисл. и коммент. Ш.Х. Салакая. – Сухуми, 1975 (на абх. яз.).

Салакая, 1976а: Салакая Ш.Х. Абхазский нартский эпос.– Тб., 1976.

Салакая, 1976б: Салакая Ш.Х. Основные этапы развития абхазского героического эпоса// Известия АбИЯЛИ. – Т.5. – Тб., 1976.– С.79–91(на абх. яз.).

Салакая, 1985: Салакая Ш.Х. К итогам изучения нартского эпоса// Абхазскому институту – 50 лет. – Тб., 1985. – С.60–70.

Салакая, 1998: Салакая Ш.Х. Эпическое творчество абхазского народа: Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора филолог. наук. – М., 1998.

Салакая, 1999: Салакая Ш.Х. Основные этапы историографии абхазского эпоса// Тезисы докладов научной сессии профессорско-преподавательского состава. – Сухум, 1999. – С.129–130.

Салакая, 2003: Абхазский фольклор/ Зап., подгот. к печати, предисл. и примеч. д. филол. н., академика АНА Ш.Х.Салакая. – Сухум, 2003.

Свешникова, 1990: Свешникова Т.Н. Волк в контексте румынского погребального обряда// Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. – М., 1990. – С.128–133.

Семенов, 1959: Семенов Л.П. Фригийские мотивы у ингушей // ИЧИНИИЯЛ. – Т.1, вып. 1. – Грозный, 1959.

Серена, 1999: Серена К. Путешествие по Абхазии. – М., 1999.

Смирнов, 1971: Смирнов Ю.И. Сходные описания в славянских эпических песнях и их значение// Славянский и балканский фольклор. – М., 1971. – С.95–123.

Смирнова, 1949: Смирнова Я.С. Абхазская женщина в дореволюционном прошлом и в советскую эпоху: Дис. канд. ист. наук.– М., 1949.

Смыр, 1971: Четыре сказания о Сасрыкуа / Публ. Г.В.Смыра // Алашара. – 1971. – № 1. – С. 76–77 (на абх.яз.).

Талпа, 1935: Талпа М.Е. Устное творчество кабардинцев// «Литературный критик». – М., 1935. – №12.

Талпа, 1936: Кабардинский фольклор/ Вступ. ст., коммент. и словарь М.Е.Талпы. – М.-Л., 1936.

Тменова, 1993: Тменова З. Г. Место осетинского Даредзановского эпоса в кавказской традиции//Вопросы осетинской литературы и фольклора. – Владикавказ, 1993. – С.207–219.

Токарев, 1987: Токарев С.А. Золотой век// Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах. – 2-е изд. – Т.1. – М., 1987. – С.471–472.

Токарев, 1988: Токарев С.А. Огонь// Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах. – 2-е изд. – Т.2. – М., 1988. – С.239–240.

Толстой, 1966: Толстой И.И. Статьи о фольклоре. – М.-Л., 1966.

Топоров, 1987: Топоров В.Н. Гора// Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах. – 2-е изд. – Т.1. – М., 1987. – С.311–315.

Топоров, 1988а: Топоров В.Н. Петух// Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах. – 2-е изд. – Т.2. – М., 1988. – С.309–310.

Топоров, 1988б: Топоров В.Н. Пещера // Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах. – 2-е изд.– Т.2. – М., 1988. – С. 311–312.

Торнау, 1994: Воспоминания кавказского офицера. – Черкесск, 1994.

Трапш, 1971: Трапш М.М. Труды (в 4-х томах). – Т.3: Культура цебельденских некрополей. – Тб., 1971.

Тресиддер, 1999: Тресиддер Дж. Словарь символов/Пер. с англ. С. Палько. – М., 1999.

Тресков, 1963: Тресков И.В. Фольклорные связи Северного Кавказа. – Нальчик, 1963.

Трубецкой, 1987: Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии.– М., 1987.

Туаллагов, 2001: Туаллагов А.А. Скифо-сарматский мир и нартовский эпос осетин. – Владикавказ, 2001.

Фогт, 1963: Vogt H. Dictionnalre de la langue oubykh. – Oslo, 1963.

Фонотека: Фонотека абхазского фольклора при Абхазском институте гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии.

Фрэзер, 1983: Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. – 2-е изд. – М., 1983.

Фрэзер, 1990: Фрэзер Д.Д. Фольклор в Ветхом Завете. – 2-е изд. – М., 1990.

Хаджиева, 1994: Хаджиева Т.М. Нартский эпос балкарцев и карачаевцев // Нарты: Героический эпос балкарцев и карачаевцев. – М., 1994. – С.8–66.

Ханаева, 1993: Ханаева З.К. Сослан (Созырыко – Сосруко) в осетинских и адыгских нартовских сказаниях //Вопросы осетинской литературы и фольклора. – Владикавказ, 1993.– С.229–244.

Хашба, Кукба, 1936: Абхазские сказки/Сост. А.К. Хашбы, В.И. Кукбы; предисл. А.К. Хашбы. – Сухум, 1936 (на абх. яз.).

Хашба, 1972: Хашба А.К. Избранные работы /Сост. Х.С. Бгажбы. – Сухуми, 1972 (тексты на абх. яз.).

Холаев, 1974: Холаев А. З. Карачаево-балкарский нартский эпос. – Нальчик, 1974.

Хусаинова, 2000: Хусаинова Г.Р. Поэтика башкирских народных волшебных сказок: Формулы в сравнительном освещении и сохраняемость сказки во времени. – М., 2000.

Цвижба, 1972: «Из чего Сасрыкуа изготовил свой меч» / Публ. С.А. Цвижбы // газета «Акомм. ахь». – 1972. – 21.10. – № 25. – С.4.

Цвинария, 1978: Цвинария И.И. Поселение Гуандра (Новый памятник энеолита и ранней бронзы в Абхазии). – Тб., 1978.

Циколия, 1969: Циколия М.М. Абжуйский диалект абхазского языка. – Тб., 1969 (тексты на абх. яз.).

Цулая, 1963: Цулая Г.В. Мифологические тайны пещеры Абрскила // Труды АБИЯЛИ. – Сухуми, 1963. – Т. XXXIII-XXXIV. – С. 323–333.

Цулая, 1966а: Цулая Г.В. К истории имени Абрскила // Советская этнография. – 1966. – № 6. – С.87–89.

Цулая, 1966б: Цулая Г.В. Следы религиозно-мифологических представлений в абхазском нартском эпосе// Советская этнография. – 1966. – №5. – С.132–141.

Чиковани, 1966: Чиковани М.Я. Народный грузинский эпос о прикованном Амирани. – М., 1966.

Чиковани, 1969: Чиковани М.Я. Нартские сюжеты в Грузии (параллели и отражения) // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа.– М., 1969. – С. 226–244.

Чирикба, 1998: Чирикба В.А. К вопросу об абхазских заимствованиях в мегрельском языке// Вопросы языкознания. – 1998. – №4. – С.128–141.

Чистов, 1983: Чистов К. В. Вариативность и поэтика фольклорного текста// История, культура, этнография и фольклор славянских народов: IX Международный съезд славистов (Киев, сентябрь 1983 г.). Доклады советской делегации. – М., 1983. – С.143–170.

Чукбар, 1975: Чукбар А.И. Рассказы и статьи/ Сост. Х. С.Бгажбы. – Сухуми, 1975.

Чурсин, 1957: Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. – Сухуми, 1957.

Шагиров, 1977: Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. – М., 1977.

Шакрыл, 1961: Шакрыл К. С. Аффиксация в абхазском языке. – Сухуми, 1961.

Шакрыл, Бгажба, 1940: Абхазские сказки/Сост. К.С. Шакрыла, Х.С. Бгажбы. – Сухуми, 1940 (на абх. яз.).

Шакрыл, Бгажба, 1965: Абхазские сказки. – Т. 1 /Сост. К.С. Шакрыла, Х.С. Бгажбы. – Сухуми, 1965 (на абх. яз.).

Шакрыл, 1968: Абхазские сказки. – Т.2 / Сост. К.С. Шакрыла. – Сухуми, 1968 (на абх. яз.).

Шакрыл, 1970: Сказания Маадана Саканиа / Сост., предисл. и примеч. К.С. Шакрыла. – Сухуми, 1970 (на абх. яз.).

Шакрыл, 1989: Неиссякаемый народный источник: Устные народные сказания / Зап., сост. К.С. Шакрыла. – Сухуми, 1989 (на абх. яз.).

Шамба, 1972: Шамба Г.К. Об одном раннеэллинистическом захоронении представителя древнеабхазской знати из с. Эшера // Известия АбИЯЛИ.– Тб., 1972. – Т. 1. – С. 98–112.

Шамба, 1984: Шамба Г.К. Раскопки древних памятников Абхазии. – Сухуми, 1984.

Шинкуба, 1959а: Абхазская народная поэзия / Сост. Б.В. Шинкубы. – Сухуми, 1959 (на абх.яз.).

Шинкуба, 1959б: Шинкуба Б.В. Предисловие//Абхазская народная поэзия/Сост. Б.В. Шинкубы. – Сухуми, 1959. – С.3–21(на абх. яз.).

Шинкуба, 1990: Шинкуба Б.В. Золотые россыпи: Абхазские устные народные сказания и этнографические материалы. – Сухуми, 1990 (на абх. яз.).

Шортанов, 1974: Шортанов А.Т. Нартский эпос адыгов// Нарты: Адыгский героический эпос /Сост. А.И. Алиевой, А.М. Гадагатля, З.П. Кардангушева; вступ. ст. А.Т. Шортанова; пер. А.И. Алиевой; коммент. А.И. Алиевой и З.П. Кардангушева. – М., 1974. – С.8–35.

Шортанов, 1982: Шортанов А.Т. Адыгская мифология. – Нальчик, 1982.

Штернберг, 1936: Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. – Л., 1936.

Яншина, 1984: Яншина Э. М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. – М., 1984.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.....8
Систематика и интерпретация текстов.....8
Введение.....8
I. Систематика и интерпретация текстов цикла сказаний о Сасрыкуа.....29
1. Чудесное рождение и богатырское детство.....29
2. Спасение братьев-нартов.....50
3. Посещение подземного мира.....59
4. Поиск более сильного соперника.....68
5. Женитьба героя.....74
6. Гибель героя.....81
II. Систематика и интерпретация текстов эпоса об Абрыскиле.....95
1. Чудесное рождение героя.....95
2. Героические деяния (или образ жизни) героя.....98
3. Погоня ангелов за героем, его поимка, заточение в пещеру и попытка освобождения героя из подземелья.....110
III. Хронологический указатель записей сказаний о Сасрыкуа и Абрыскиле.....145
1. Записи сказаний о Сасрыкуа.....145
2. Записи сказаний об Абрыскиле.....156
Заключение.....161

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.....165
Тексты и переводы.....165
I. Сказания о Сасрыкуа.....166
II. Сказания об Абрыскиле.....321
Комментарии.....342
Словарь.....356

Литература.....359

Научное издание

Джапуа Зураб Джотович

АБХАЗСКИЕ АРХАИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ О САСРЫКУА И АБРЫСКИЛЕ

(Систематика и интерпретация текстов в сопоставлении с кавказским эпическим творчеством. Тексты, переводы, комментарии)

Утверждено к печати Ученым советом Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии

Редактор Л. Е. Аргун
Набор и верстка Л. Р. Чамагуа, И. Т. Цугба

Сдано в набор 03. 01. 03. Подписано к печати 21.04.03.
Формат 60x90 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 23, 5. Тираж 500 экз. Заказ № 95

ГПП «Дом печати». Республика Абхазия, г. Сухум, ул. Эшба, 168